

DETESTED

ТАЙНА, ПОКОРИВШАЯ МИР

Продолжение культовой трилогии

Давид Лагеркранц

Девушка, которая
искала чужую тень

Милгрим

Annotation

Перед вами – долгожданное продолжение легендарной серии MILLENNIUM Стига Ларссона, пятый роман о неукротимой Лисбет Саландер. Новые опасности угрожают жизни легендарной «девушке с татуировкой дракона». Кроме того, в книге погибает один из основных персонажей серии...

Стало реальностью то, о чем Лисбет давно догадывалась: она узнала, что значительная часть ее жизни – чей-то жестокий эксперимент. Много лет назад группа шведских ученых затеяла широкомасштабное и крайне секретное исследование. Оно было направлено на изучение развития личности в несходных жизненных условиях. А экспериментальным материалом должны были стать... дети. Такие, как Лисбет и ее сестра. С тех пор утекло много воды, но по земле еще ходят не только участники этого дикого эксперимента, но и те, кто его затеял. Лисбет и ее давний друг журналист Микаэль Блумквист не намерены успокаиваться, пока не узнают всю правду об этом проекте и не восстановят справедливость, которую Саландер понимает однозначно: око за око, зуб за зуб...

- [Давид Лагеркранц](#)

-

-

- [Пролог](#)

- [Часть 1](#)

- [Глава 1](#)

- [Глава 2](#)

- [Глава 3](#)

- [Глава 4](#)

- [Глава 5](#)

- [Глава 6](#)

- [Глава 7](#)

- [Глава 8](#)

- [Глава 9](#)

- [Глава 10](#)

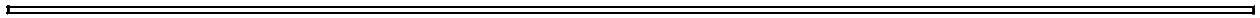
- [Глава 11](#)

- [Глава 12](#)

- [Часть 2](#)

- [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Часть 3](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)
 - [Глава 19](#)
 - [Глава 20](#)
 - [Глава 21](#)
 - [Глава 22](#)
 - [Глава 23](#)
 - [Глава 24](#)
 - [Эпилог](#)
 - [Авторская благодарность](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)

- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)

Давид Лагеркранц

Девушка, которая искала чужую тень

David Lagercrantz

MANNEN SOM SÖKTE SIN SKUGGA

Mannen som sökte sin skugga © David Lagercrantz & Moggliden AB, first published by Norstedts, Sweden, in 2017.

Published by agreement with Norstedts Agency

© Боченкова О. Б., перевод на русский язык, 2017

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет за собой уголовную, административную и гражданскую ответственность.

«Лисбет Саландет – из тех литературных персонажей, которые сами ведут автора за собой. Новый роман Давида Лагеркранца – очередное подтверждение того, что вселенная «Миллениума» может расширяться бесконечно».

Игорь Кириенков

Афиша Daily

Пролог

– И потом, эта татуировка... Я давно хотел спросить, почему для тебя это так важно?

Хольгер Пальмгрен сидел в инвалидном кресле в комнате свиданий женской колонии во Флудберге.

– Это связано с моей мамой.

– С Агнетой?

– Я была тогда совсем маленькая... Лет в шесть я убежала из дома.

– Кажется, теперь припоминаю. Это как-то связано с той женщиной... кажется, у нее было родимое пятно...

– Оно как будто горело на ее шее.

– Будто дракон полыхнул огнем, да?

Часть 1

Дракон

12–20 июня

В 1489 году Стен Стуре-старший повелел вырезать из дерева скульптуру в честь победы над датчанами при Брункеберге [\[1\]](#). Скульптура – сейчас она находится в церкви Святого Николая в Стокгольме – изображает святого Георгия на коне с поднятым мечом. Поверженный дракон лежит под копытами коня. Рядом женская фигура в бургундском одеянии. Последняя изображает деву, спасенную святым Георгием из лап чудовища. Говорят, резчику позировала сама супруга Стена Стуре-старшего, Ингеборг Окесдоттер. Лицо девы на удивление невозмутимо.

Глава 1

12 июня

На выходе из спортзала Лисбет Саландер остановил начальник охраны Альвар Ульсен. Похоже, парень волновался не на шутку – лепетал нечто невнятное и размахивал какими-то бумагами. Лисбет его не слушала. Часы показывали половину восьмого – худшее время во Флудберге. Время, когда снаружи, грохоча, проезжает грузовой состав. Когда трясутся стены, гремят ключи, пахнет потом и парфюмерией. Опасное время. Какие только зверства не творятся за дверями камер, когда звуки железной дороги заглушают голоса истязуемых... Лисбет рассеянно обводила взглядом помещение и, конечно же, не случайно именно в этот момент увидела Фарию Кази.

Молодая и красивая Фария была родом из Бангладеш. Лисбет остановилась как раз напротив ее камеры, слева по коридору. Отсюда она могла видеть только лицо Фарии, но этого было достаточно, чтобы понять, что происходит. Голова девушки дергалась из стороны в сторону. Ее били по щекам. Судя по всему, несильно, но Саландер бросилась в глаза покорность, с которой Фария принимала удары. Избиение походило на ритуал. Ни инстинктивно поднятой руки, ни удивления во взгляде – только тупой ужас. Фария притерпелась к боли и унижению, Лисбет прочитала это на ее лице. За несколько недель пребывания в тюрьме она успела насмотреться всякого.

– Там. – Лисбет показала рукой в сторону камеры Фарии.

Но все было кончено, прежде чем Альвар Ульсен успел отреагировать. Саландер прошмыгнула в свою камеру и закрыла дверь. Снаружи раздавались голоса, приглушенный смех – и снова этот грохот, который никак не хотел кончаться. Лисбет оглядела помещение. Блестящий таз, узкая кровать, полка с книгами, письменный стол и на нем ее тетрадь. Самое время продолжить расчеты по теории квантово-петлевой гравитации.

Лисбет посмотрела на свою руку. Только сейчас она заметила, что держит какие-то бумаги. Вероятно, те самые, которыми Альвар только что размахивал перед ее носом. Саландер поднесла к глазам первый листок, перепачканный сверху кофейными пятнами, и фыркнула – что за чушь? Тест на интеллект! Бумаги выскользнули из ее руки и веером легли на

бетонном полу. Лисбет сразу же о них забыла. Перед глазами снова встало лицо Фари. Саландер прекрасно знала, кто ее избивает, хотя ни разу не застала злоумышленницу на месте преступления. С самого начала Лисбет поставила себя вне тюремной жизни, но волей-неволей постепенно втягивалась в нее, пока не стала понимать, кто на самом деле заправляет в подразделении.

«Подразделение Б», иначе называемое «Зоной повышенного контроля», было на первый взгляд самым безопасным местом в колонии. Это бросалось в глаза каждому случайному посетителю. Нигде не держали так много охраны, не запускали столько реабилитационных программ. Но стоило присмотреться внимательнее – и картина менялась. Становилось понятным, что охранники, с виду жесткие и даже пытавшиеся изображать нечто вроде сострадания к заключенным, на самом деле давно утратили всякий авторитет и подпали под власть «гангстерши» Бенито Андерссон и ее клики. Разумеется, и Бенито приходилось блюсти приличия. В первой половине дня она держалась как образцовая заключенная. Но после обеда, когда ее подруги по несчастью возвращались из спортзала или комнаты свиданий, превращалась в тираншу. За закрытыми дверями камер власть ее не знала границ. Какие только угрозы, посулы и обещания не вышептывались шнырявшими в коридорах ее товарками... Мир тюрьмы делился на два неравных лагеря: приспешниц Бенито и ее жертв.

* * *

Конечно, одно то, что Лисбет Саландер находилась в заключении, было большим скандалом. Но обстоятельства сложились не в ее пользу, и Лисбет, честно говоря, почти не сопротивлялась им. Эти два месяца своей жизни она словно заключила в скобки. С равным успехом Лисбет могла бы провести их в каком-либо другом месте. Причиной всему было ее участие в драме, разыгравшейся после убийства профессора Франса Бальдера. Тогда Лисбет на свой страх и риск спрятала страдающего аутизмом восьмилетнего мальчика. Она отказалась сотрудничать с полицией, поскольку совершенно справедливо полагала, что в следственной группе произошла утечка информации. За это Лисбет приговорили к двум месяцам тюрьмы. А если точнее – за самоуправство и общественно опасные действия. Собственно, никто не оспаривал ни заслуг Саландер, ни того, что она спасла жизнь ребенку. Тем не менее государственный обвинитель Рикард Экстрём гнул свою линию с большим пафосом. И победил,

несмотря на несогласие народных заседателей и блестящую работу адвоката Саландер Анники Джаннини.

Лисбет молчала на протяжении всего процесса и отказалась обжаловать приговор. Все, чего она хотела, – чтобы этот спектакль поскорее закончился. Поэтому, как и следовало ожидать, оказалась в открытой тюрьме «Бьёрнйерда Горд», где содержалась на особом положении. Пока не поступила информация о том, что ее жизнь под угрозой. Это не было неожиданностью, с учетом того, что представляли собой ее противники. Перевод во Флудбергу, где отбывали сроки самые опасные преступницы Швеции, не встретил никаких возражений с ее стороны. Здесь Лисбет постоянно окружала охрана. Благополучная статистика «Поразделения Б» – ни одного случая издевательств над заключенными за много лет – не была липой. Кого волновало, что она охватывала период до появления в тюрьме заключенной Бенито Андерссон...

* * *

Того, что Лисбет придется столкнуться с разного рода провокациями, также следовало ожидать. В этом мире она была известной личностью, и не только благодаря СМИ. У преступников свои каналы для распространения информации. Спустя несколько дней после появления Лисбет в тюрьме Бенито лично сунула ей в руку бумажку с одним-единственным вопросом: «Ты друг или враг?» Саландер скомкала ее через минуту – примерно столько ей потребовалось, чтобы разобрать каракули Бенито. Лисбет не интересовала ни борьба за власть, ни тюремные склоки – ничего, кроме квантовой механики. При этом она подмечала вокруг более чем достаточно.

Теперь Лисбет рассеянно оглядывала полки с книгами по теории поля, которые заказала перед отправкой в тюрьму. В шкафу слева лежал пакет с тюремной одеждой, помеченной, как и положено, буквами KV^[2] на груди, две пары кроссовок и кое-что из белья. Стены были голыми – ни единой фотографии, напоминающей о жизни на воле. Обустройство жилища занимало ее здесь так же мало, как и дома, на Фискаргатан. Вот в коридоре заскрежетали замки – начали запирают камеры. Для Лисбет этот звук означал свободу. Обычно она уходила в свою математику, прежде чем все успевало стихнуть. Но на этот раз ничего не получилось. Никакие попытки примирить квантовую механику с теорией относительности не могли отвлечь Лисбет от действительности. И дело здесь было не только в Фарие

Кази.

Шесть дней назад Саландер навел на бывшего опекуна Хольгера Пальмгрена. Его визит сам по себе был большим событием. Хольгер почти не выходил из своего дома в Лильехольмене, где не мог прожить ни дня без медсестер и сиделок. И все-таки он явился. Хольгер прибыл на машине транспортной службы и въехал в здание тюрьмы на инвалидном кресле, тяжело пыхтя и не снимая кислородной маски. Что и говорить, с его стороны это было мило. Он не на шутку расчувствовался, когда они с Лисбет вспоминали старое. Только одно смутило ее. Пальмгрен рассказывал о встрече с некоей Май-Бритт Торелль, секретаршей из приемного отделения детской психиатрической больницы Святого Стефана, где Лисбет в детстве проходила курс лечения. Женщина читала о ней в газетах и решила передать через Хольгера кое-какие бумаги из больничного архива, которые, как ей казалось, могли бы заинтересовать их бывшую пациентку. Хотя, по словам Хольгера, это были не более чем старые сплетни об ужасных больничных условиях и врачах-изуверах.

– Ничего стоящего, – подытожил Пальмгрен.

Но Лисбет, похоже, не вполне ему верила. Когда она упомянула женщину с родимым пятном, словно пылающим на шее, Хольгер неожиданно спросил:

– Она, кажется, тоже была связана с Реестром?

– С каким Реестром? – не поняла Саландер.

– С Реестром изучения генетики и среды. Был такой проект в Уппсальском университете. Помнится, я где-то о нем читал.

– Может, об этом есть что-то в бумагах фру Торелль? – предположила Лисбет.

– Ты думаешь? – засомневался Пальмгрен. – Хотя, может, я что-то проглядел.

Вполне возможно, что так оно и было. Ведь Хольгер был старик. Тем не менее этот их разговор лишил Лисбет покоя. Он не шел у нее из головы ни когда она молотила в спортзале боксерскую грушу, ни на следующее утро в гонимой мастерской, ни вечером, когда она снова стояла в камере, уставив глаза в пол. В поле ее зрения попали листки с IQ-тестом. Лисбет вдруг показалось, что между ними и тем, что говорил Хольгер, существует какая-то связь. Саландер сама не понимала, откуда взялось это предчувствие. Она помнила только, что женщина с родимым пятном тоже давала ей разные тесты. Обычно это заканчивалось слезами и истерикой, пока однажды ночью шестилетняя Лисбет не убежала из дома. Но было что-то еще, кроме тестов и этого бегства. Странное подозрение, что она не

понимает в своем детстве чего-то очень важного, что непременно должна выяснить.

Но это возможно было сделать не раньше, чем она выйдет на свободу. И еще Лисбет думала об Альваре Ульсене. Сегодня он не в первый раз закрыл глаза на избиение заключенной. Подразделение, до сих пор считавшееся образцовым, разлагалось на глазах, и Саландер спрашивала себя, сможет ли Ульсен устроить для нее то, чего ни у кого нет в тюремных стенах, – выход в Интернет.

Лисбет прислушалась. Из коридора доносились ругательства попеременно с увещеваниями. А потом лязгнула дверь, заскрежетал замок и застучали удаляющиеся шаги. Наконец все стихло. Кроме негромкого жужжания вентиляторов, от которых все равно не было никакого толку, – в камере стояла нестерпимая духота.

Лисбет не сводила глаз с белых листков на полу. Она думала о Кази и Бенито, Альваре Ульсене и даме с пылающим родимым пятном на шее.

Наконец Саландер наклонилась, подобрала бумагу, села за стол и принялась небрежно набрасывать ответы. Когда все было готово, Лисбет подошла к стальной двери и нажала серебристую кнопку. Ей пришлось подождать, прежде чем в динамике послышался раздраженный голос Альвара Ульсена. Лисбет просила его о встрече. «Это срочно», – настаивала она.

Глава 2

12 июня

Альвар Ульсен хотел домой, прочь отсюда. Но прежде предстояло разделаться с бумажной работой и, конечно, позвонить девятилетней дочери Вильде. За ней, как обычно, присматривала тетя Альвара, Черстин.

Вот уже двенадцать лет Альвар возглавлял подразделение повышенного контроля во Флудберге. Он гордился своей работой и показал себя толковым специалистом. В молодости Альвар спас страдавшую алкоголизмом мать. Он принадлежал к тем увлекающимся натурам, что всегда принимают сторону жертвы. Неудивительно, что эта установка привела его в полицию, где он быстро снискал безупречную репутацию среди коллег. Впрочем, времена, когда Альвар был идеалистом, давно остались в прошлом.

Первый удар нанесла жена, когда, бросив дочь на попечение Альвара, уехала в Оре вместе с его бывшим шефом. И все-таки это Бенито окончательно опустила его с небес на землю. Альвар привык считать, что в любом преступнике есть доброе начало. Но многочисленные попытки обнаружить нечто подобное в Бенито – будь то со стороны ее бойфрендов или подруг, адвокатов, психотерапевтов или священников – успехом так и не увенчались. Собственно, изначально ее звали Беатрис, прозвище «Бенито» она выбрала себе сама, в честь известного итальянского фашиста^[3]. Беатрис-Бенито носила на шее татуировку со свастикой. Ее коротко обкромсанные волосы торчали ежиком. Лицо отличала необыкновенная болезненная бледность.

Несмотря на все это, отталкивающего впечатления она не производила. Ее крупное, почти мужское тело излучало особую грацию, которая вызывала восхищение многих. Хотя большинству тех, кто знал Бенито, она не внушала ничего, кроме смертельного ужаса. Вся тюрьма говорила о ее яванских кинжалах, какие еще называют «крис» или «керис»^[4]. По слухам, Бенито уже заколола ими троих человек. Стоило ей направить на кого-нибудь такой кинжал – и беднягу считали покойником. Таким образом она объявляла смертный приговор.

Разумеется, в действительности никаких кинжалов заключенная Бенито Андерссон в тюрьме хранить не могла. Но слухи растекались по тюремным коридорам, сеяли ужас в камерах и создавали Бенито

недвусмысленную репутацию, так хорошо вязавшуюся с ее грозным видом.

Альвару было что противопоставить ее брутальности. Он имел рост сто девяносто сантиметров, весил восемьдесят восемь килограммов и еще мальчишкой без труда справлялся с пьяницами, домогавшимися его матери. Но Бенито быстро нащупала его уязвимое место. Как-то раз она отыскала его в тюремном саду и в подробностях, вплоть до малейших деталей, описала каждую лестницу и коридор школы в Эребру, куда он каждое утро отводил дочь. Особенно кабинет на третьем этаже, где занимался третий «А» класс. «Я направила кинжал на твою малышку», – прошептала Бенито. Этого оказалось достаточно, чтобы Альвар прогнулся и уступил ей власть.

Он не сомневался в продажности кое-кого из своих коллег – например, подхалима Фреда Стрёммера. Летом, когда тюрьма переполнена малодушными стажерами, работать особенно тяжело. В затхлом воздухе вверенного Альвару подразделения витал страх. И то, что директор тюрьмы Рикард Фагер был идиотом, разумеется, несколько не способствовало оздоровлению обстановки. Фагера заботило, чтобы фасад был как следует отполирован. Какое ему было дело до того, что внутри все прогнило!

Каждый раз при встрече с Бенито у Альвара внутри все холодело от ужаса. Такова психология слабейшего – одна только встреча с противником отнимает у него силы. Бенито словно пила его кровь. Но самым страшным было то, что Альвар не мог защитить от нее Фарию.

Фария Кази отбывала срок за убийство старшего брата, которого якобы вытолкнула из окна их квартиры в Сикле^[5]. При этом ничто в ее характере не указывало на склонность к агрессии или насилию. Бо льшую часть времени Фария проводила за книгами и часто плакала. Полицейские определили ее во Флудбергу, опасаясь суицида и угроз извне. Фария казалась совершенно потерянной и забытой всеми, включая земляков. Обыкновенные заключенные также не выказывали желания с ней общаться и как будто не замечали ее, несмотря на редкую красоту. Зато садисты всех мастей так и роились вокруг несчастной девушки. Рядом с ней Альвар по-настоящему ненавидел и себя, и свое бессилие.

Не меньшие опасения вызывала у него новая заключенная, Лисбет Саландер. Разговоров о ней было не меньше, чем о Бенито. Та еще штучка, судя по всему. Одни восхищались ею, другие считали ее репутацию непомерно раздутой и только и мечтали о том, чтобы поставить Саландер на место. К числу последних Альвар относил и «гангстершу» Бенито, каждым своим движением, каждым натянутым мускулом выражавшую готовность до конца бороться за власть. Что, если «гангстерша» и в самом

деле разузнает что-нибудь о Саландер по своим каналам? Удалось же ей раздобыть информацию об Альваре и его дочери...

Но ничего не происходило. Даже когда Саландер – несмотря на все особенности ее положения – разрешили работать в гончарной мастерской и тюремном саду. Там она проявила себя не с лучшей стороны. Ее керамические вазы были самыми уродливыми из тех, какие только Альвар видел в своей жизни. Общительностью Саландер также не отличалась. Она казалась погруженной в свой мир и не обращала ни малейшего внимания ни на взгляды и реплики окружающих, ни на тычки, которые исподтишка отпускала ей Бенито. Все это Лисбет словно стряхивала с себя, как мусор и птичий помет, и единственным человеком, которого она замечала вокруг, оставалась Фария Казии. Ее Лисбет постоянно держала под наблюдением. Дело пахло серьезным конфликтом, и это не могло не беспокоить Альвара.

Он ведь, несмотря на все трудности, с каждой из заключенных работал по индивидуальной программе и очень гордился этим. У каждой из женщин его подразделения был свой распорядок дня, в зависимости от проблемы и методов ее решения. Многие учились; другие проходили реабилитационные курсы под руководством психологов и кураторов, осваивали новые профессии. Лисбет Саландер, как следовало из бумаг, надо было предоставить возможность получить аттестат о среднем образовании. По крайней мере, подготовить ее к этому. Она никогда не посещала гимназию и даже не окончила курса основной школы. Похоже, весь ее трудовой стаж ограничивался двумя месяцами работы в частном охранном предприятии. Неудивительно, что она давно имела проблемы с полицией, хотя за решеткой оказалась впервые. Такие бездельники легко сбиваются с пути.

И все-таки в целом картина не складывалась. Прежде всего Альвара смущало одно происшествие, крепко врезавшееся ему в память. Его нельзя было назвать досадным; напротив, за последние несколько лет в подразделении Альвара не происходило ничего более приятного и удивительного.

Дело было несколько дней назад, в столовой, после раннего ужина в пять часов пополудни. Заключенные успели вымыть посуду и убратсь в зале, а Альвар все сидел в одиночестве рядом с мойкой. Делать ему здесь, собственно говоря, было нечего. Обедал он с персоналом, а в столовой заключенные управлялись сами. Они имели собственный бюджет, которым распоряжались выбранные старосты Жозефин и Тина – обе приспешницы Бенито. Женщины закупали продукты, заказывали блюда и следили за тем,

чтобы еды хватило на всех.

Распоряжаться едой в тюрьме всегда означало иметь власть. Не было ничего удивительного в том, что время от времени старосты обделяли одних, в то время как другие – например Бенито – получали самые лакомые куски. Поэтому за кухней нужен был глаз да глаз. Кроме того, здесь хранился единственный на все подразделение нож. Он был тупой и висел прикрепленный к стальному тросу и тем не менее в умелых руках мог стать опасным оружием. Поэтому Альвар захаживал на кухню в перерывах между своими занятиями – проверить его сохранность.

Дело в том, что Альвар хотел уйти из Флудберги, получить другую специальность. Но для парня, который нигде толком не учился и всю жизнь проработал в тюрьме, вариантов было немного. Альвар поступил на заочное отделение школы бизнеса. На тюремной кухне, где еще витал запах картофельных котлет и ягодного джема, он читал о том, как оцениваются опционы на акции на финансовых рынках, но понимал, по правде сказать, не так много. В тот момент, когда в дверях появилась Лисбет Саландер, он пытался решить задачу из практической части учебника.

Лисбет вошла на кухню перехватить чего-нибудь съестного. Она выглядела хмурой и как будто думала о чем-то своем. Альвар как ни в чем не бывало продолжал свои расчеты. Он понимал, что раздражает Лисбет. До сих пор все его попытки установить с ней контакт терпели неудачу, и у Альвара не было никакого желания в очередной раз ставить себя в неловкое положение.

Когда Лисбет приблизилась и пристально на него посмотрела, Альвар смутился. Он и раньше не выдерживал ее взгляд. Он поднялся, чтобы уйти, но Саландер выхватила у него карандаш и набросала несколько цифр в его тетради.

– При такой волатильности модель Блэка-Шоулза работает неважно.

И исчезла, прежде чем Альвар успел понять, в чем дело. Она и не подумала оглянуться на его зов. Просто пошла дальше, словно он вдруг перестал для нее существовать. Только поздно вечером, сидя за компьютером, Альвар вдруг понял, что Саландер потребовалось меньше секунды времени, чтобы правильно решить его задачу. Не моргнув глазом она подвергла критике отмеченную Нобелевской премией модель ценообразования опционов. Альвару тут же захотелось познакомиться с Саландер поближе. Если не сдружиться, то по крайней мере как-то повлиять на ее судьбу, помочь осознать степень собственного таланта.

Он долго размышлял над тем, каким должен быть его следующий шаг, пока наконец не придумал – IQ-тест! В кабинете Альвара они лежали

кипами, напоминая о неустанных попытках судебных психиатров выявить у Бенито степень алекситимии, или нарциссизма, или чем там она еще страдала. Некоторые из них Альвар опробовал на себе лично и не сомневался, что девушке, так легко справившейся с математической задачей, не составит труда набрать самый высокий балл. Кто знает, может, это как-то изменит ее отношение к жизни... Именно поэтому Альвар и подстерегал Лисбет в коридоре на выходе из тренажерного зала.

Ему показалось, что при виде его лицо Лисбет оживилось, и он даже решился сделать ей комплимент. Наивный, вообразил, что контакт уже установлен...

Лисбет взяла тест, но потом произошло нечто непредвиденное: снаружи загрохотал состав. Альвар видел, как напряглась Саландер, как потемнел ее взгляд, и тоже смутился, начал запинаться и наконец дал ей ускользнуть.

После этого он велел коллегам проверить, заперты ли двери в камерах, а сам отправился в так называемый административный сектор, отделенный от остальной части корпуса массивной стеклянной дверью. Из тюремного персонала Альвар один располагал собственным кабинетом, размером не больше одиночной камеры и ненамного более уютным. Окна выходили на прогулочный двор, окруженный стальной изгородью и серой бетонной стеной. И все-таки, в отличие от камер, здесь были компьютер с Интернетом и пара мониторов, подключенных к установленным по всему корпусу камерам видеонаблюдения, а также кое-какие безделушки, придающие камерке Альвара хоть какую-то видимость домашнего уюта.

Часы показывали 19.45. Камеры были заперты. Поезд уже прогрохотал в направлении Стокгольма, а коллеги перекусывали в буфете. Альвар черкнул пару строчек в дневнике и с грустью подумал о том, что в последнее время перестал быть до конца откровенным с самим собой. Он отложил дневник и перевел взгляд на доску объявлений, где висели фотографии Вильды и матери, вот уже четыре года как покойной.

За окном зеленел сад – как цветущий оазис посреди серого тюремного ландшафта. Небо было чистым. Альвар снова взглянул на часы. Самое время позвонить домой, пожелать Вильде спокойной ночи. «Приятных снов, мое сокровище!» Альвар поднял трубку, но номер набрать не успел: на стене замигала красная сигнальная лампа.

Альвар взглянул на дисплей: номер семь, камера Лисбет Саландер. Он почувствовал, как заколотилось сердце. Никогда раньше Саландер не пользовалась кнопкой тревоги. Заключенные знали, что не стоит беспокоить администрацию по пустякам.

- Что случилось? – спросил Альвар.
- Я прошу вас зайти ко мне, это очень важно.
- В чем дело?
- Вы дали мне IQ-тест, разве не помните?
- Дал. Уверен, что вы продемонстрируете самые высокие результаты.
- Надеюсь, что оправдала ваши ожидания. Не хотите взглянуть?
- А что, уже готово?

Альвар посмотрел на часы. Черт подери, она не могла так быстро управиться!

- Давай завтра утром. Выспимся и как следует все посмотрим.
- Но я не смогу заснуть, – заныла Лисбет. – Я всю ночь буду думать об этом.
- Ну хорошо, я зайду.

Уже в следующий момент Альвар пожалел, что пошел у нее на поводу. С другой стороны, он пожалел бы в любом случае. Он ведь неспроста предложил Саландер этот тест. Кто знает, может, это станет началом их сотрудничества...

Альвар склонился над столом и вытянул из-под кипы бумаг листок с правильными ответами. Потом пригладил волосы и вышел из кабинета. Открыл дверь в «Зону повышенной безопасности» при помощи персонального кода, приложил чиповый ключ и зашагал по освещенному желтыми лампами коридору, поглядывая на вмонтированные в потолок черные камеры и время от времени ощупывая ремень, на котором были закреплены баллончик с перцовым спреем, связка ключей, дубинка, рация и круглая серая коробочка с кнопкой тревоги.

«Неисправимый идеалист» не значит «наивный простак». Последним в колонии не место. Заключение хитры. Альвар никогда не терял бдительности, и сейчас, по мере приближения к камере Саландер, тревога его росла. Возможно, стоило бы прихватить с собой кого-нибудь из коллег, как предписывалось в инструкциях...

Как бы ни была умна эта девушка, выдать с ходу ответы на все вопросы теста никому не под силу. Она чего-то от него хотела, теперь Альвар почти не сомневался в этом. Он открыл окошко на двери камеры и заглянул вовнутрь. Саландер стояла возле стола. Кажется, она даже улыбнулась ему. Альвар почувствовал новый прилив оптимизма.

- Я вхожу, соблюдай дистанцию.
- Конечно.

Альвар щелкнул замком, все еще готовый к любым неожиданностям, но ничего не происходило. Саландер не двигалась с места.

– Как дела?

– Всё в порядке, – ответила она. – Интересный тест. Можешь сам проверить?

– У меня листок с правильными ответами. – Альвар помахал бумагой. – Похоже, ты не слишком долго ломала над ним голову, поэтому не должна расстраиваться, если результат окажется не таким высоким, как хотелось бы.

Он изобразил улыбку. Саландер ответила тем же, но не развеяла его подозрений. Он чувствовал, что она его изучает. Ему никогда не нравился этот ее темный, пронизывающий взгляд. Какой сюрприз приготовила Саландер на этот раз? С другой стороны, она такая маленькая и слабая, а он – гора мускулов, с дубинкой и рацией... Чем она может быть ему опасна?

Альвар осторожно взял тест и натянуто улыбнулся. Потом пробежал листок глазами, косясь на Саландер. Она стояла тихо. В глазах ничего, кроме нетерпения: «Ну что, хорошо я его сделала?» Вот только почерк у нее был ужасный и листок перепачкан чернильными пятнами... Куда она только так спешила? Альвар развернул бумагу с ответами и принялся сверять, не спуская глаз с Саландер. Одного взгляда было достаточно, чтобы понять, что в общем и целом она справилась. Но, приглядевшись внимательно, Альвар от изумления лишился дара речи. Она ответила даже на самые сложные вопросы. Исключительный результат. Ни о чем подобном Альвару до сих пор не приходилось слышать. Он собрался было рассыпаться в комплиментах, когда вдруг почувствовал, что не может дышать.

Глава 3

12 июня

Лисбет Саландер не сводила с него глаз. С него, натренированного великана с дубинкой, баллончиком перцового спрея и рацией на поясе. Альвар умер бы от стыда, окажись эта девушка сильнее его. Но она знала его уязвимые места – те же, что и у всех мужчин. Вдобавок ко всему он стыдился, и это тоже можно было использовать против него. Сначала она его ударит, а потом надавит на него как следует. Альвар Ульсен должен получить по заслугам. Именно поэтому она так пристально смотрит ему в глаза. И еще на живот... Хотя нет, живот в данном случае неподходящее место для удара. Твердый, как доска. Впрочем, главное – выждать момент. Альвар издал странный звук – не то глубокий вздох, не то приглушенный возглас удивления. Тело его обмякло, как в трансе, и тогда – на выдохе – она ударила его в солнечное сплетение. Два профессиональных точечных удара. Потом прищурилась, остановив взгляд на уровне его плеча – совсем как учил ее тренер по боксу, – и в последний раз выбросила вперед руку.

Все получилось, Лисбет поняла это сразу. Плечевая кость вышла из сустава. Тело Альвара неестественно изогнулось, но он продолжал стоять, тяжело дыша. Хотя, судя по всему, держался на ногах из последних сил. Это продолжалось пару секунд. Потом Альвар сдался и, описав плечом дугу, рухнул на пол с глухим стуком. Лисбет шагнула к нему, внимательно следя за его руками.

– Тихо, – велела она.

Последнее было излишне. При всем своем желании Альвар не мог издать ни звука. Он задыхался. В плече пульсировала боль. В глаза бил свет лампы.

– Убереешь руки с пояса – бить больше не буду, – раздался над ухом голос Саландер.

Она взяла у него IQ-тест. Снаружи слышались голоса. Может, где-то включили телевизор или коллеги вышли в коридор, он так и не понял. Глаза застилал туман. Альвар не знал, звать ли ему на помощь или, несмотря ни на что, попробовать самому справиться с силами. Думать тоже было нелегко. Голова гудела от боли. Перед глазами стояло лицо Саландер. Пальцы инстинктивно нащупывали на поясе кнопку тревоги, но нажать ее Альвару помешал новый удар в живот, после которого тело буквально запылало от

боли, и он скорчился на полу в позе эмбриона.

– Это была неудачная идея, – снова слышался шепот Саландер. – Видишь ли, я не желаю тебе зла. Я знаю, в детстве ты был героем. Спас жизнь мамочке или что-то в этом роде. Но сейчас ты по уши в дерьме. Ты сдал Фарию Кази, а мне это не нравится. Я всего лишь хотела предупредить тебя.

На это Альвару ответить было нечего.

– Девушка хлебнула достаточно, – продолжала Саландер. – Ты должен положить этому конец. – Альвар кивнул, сам не зная зачем. – Прекрасно, – возвысила голос Саландер. – Кажется, мы поладим. Ты читал обо мне в газетах? – Альвар снова кивнул и убрал с пояса руки. – Ну, тогда ты знаешь, что я ни перед чем не отступаю. Но мы ведь можем договориться, ты и я.

– О чем? – прохрипел Альвар.

– Я помогу тебе навести здесь порядок и прослежу, чтобы Бенито и ее приспешницы не приближались больше к Фарие Кази, а ты... ты одолжишь мне компьютер с Интернетом.

– Ни за что. Ты... – Альвар задохнулся, проглотив конец фразы, – ты напала на меня... Это выйдет тебе боком.

– А ты по уши в дерьме, – отозвалась Саландер. – Над заключенными издеваются, а ты пальцем не хочешь пошевелить. Знаешь, какой скандал я могу раздуть из всего этого? Администрация тюрьмы подпала под власть маленького Муссолини!

– Но...

– Никаких «но». Я хочу помочь тебе с этим разобраться. Но для начала ты предоставишь в мое распоряжение компьютер.

– Это невозможно. – Альвар все еще силился напустить на себя грозный вид. – По всему коридору установлены камеры слежения. Тебя застукают.

– В таком случае нас застукают вместе, – поправила его Саландер. – И этот вариант вполне меня устраивает.

Тут Альвар вспомнил Микаэля Блумквиста. За пару недель, проведенных в тюрьме, журналист навещал Саландер два или три раза. Уж этот-то не упустит возможности лишний раз поковыряться в чужом грязном белье. И что теперь делать? Альвар плохо соображал. Он не мог оценить, насколько реальна ее угроза. Может ли все связанное с Бенито просочиться за тюремные стены и попасть на страницы газет?

Альвар повел плечом и прохрипел, сам толком не понимая, что имеет в виду:

– Я ничего не могу гарантировать.

– Я тоже, – подхватила Саландер. – Стало быть, мы на равных. Поднимайся.

– Мы попадемся на глаза кому-нибудь из администрации... Обязательно.

– Сделаем вид, что у нас с тобой занятия. Что ни говори, идея с тестом была не такой плохой.

Альвар поднялся. Все поплыло перед глазами. Лампа на потолке завертелась, оставляя за собой светящийся, как у кометы, хвост.

– Погоди... – прохрипел Альвар.

Саландер поддерживала его со спины. Потом поправила ему волосы, словно хотела хоть немного привести в порядок, и... снова ударила. На этот раз не так сильно. На мгновение Альвару стало страшно, а потом он почувствовал, что плечо встало на место и боль отпустила.

– Идем, – снова слышался голос Саландер.

Альвар мог бы позвать на помощь – для этого достаточно было нажать кнопку на поясе. Он мог бы пустить в ход дубинку или перцовый спрей. Но вместо этого покорно побрел за Саландер. Он вышел за ней, словно ничего не произошло. Открыл дверь в административный отсек при помощи персонального кода и приложил чиповый ключ. За дверями они нос к носу столкнулись с Харриет, коллегой Ульсена. Скользящая особа. Альвар так и не смог понять, на чьей она стороне, Бенито или закона. Вероятно, на обеих одновременно – точнее, на той, которая на данный момент может предложить ей больше.

– Привет, – Альвар растянул губы в улыбке.

Волосы Харриет были стянуты в «хвост», мышцы лица оставались неподвижны. Время, когда Альвар считал ее привлекательной женщиной, давно миновало.

– Вы куда?

И Альвар, будь он хоть трижды шефом, ничего не посмел ей возразить.

– Мы хотели... мы думали... – В голове крутилась придуманная Саландер отговорка насчет занятий, но теперь Ульсен почему-то был уверен, что она не сработает. – Позвонить адвокату Саландер, – нашелся наконец он.

Альвар почувствовал, как над ним собирается гроза. Лицо его побледнело, взгляд снова затуманился. Больше всего на свете ему хотелось свернуться калачиком на полу и позвать на помощь. Однако вместо этого он вдруг приосанился и тоном, не терпящим возражений, выпалил:

– Адвокат улетает в Джакарту рано утром.

Альвар сам недоумевал, откуда взялась эта Джакарта. Но, во всяком случае, это было нечто конкретное и вполне правдоподобное.

– О'кей, понимаю, – ответила Харриет тоном, уже более подходящим подчиненной, кивнула и пошла дальше. Но Ульсен и Саландер продолжили путь не раньше, чем она окончательно скрылась из виду.

* * *

Здесь была запретная зона. Никто из заключенных не смел переступить порог кабинета Ульсена, тем более сделать звонок с его телефона. Ребята из центра наблюдения, конечно, зафиксировали их перемещение в административный отсек. В любой момент можно было ждать визитеров. Странно, что до сих пор никто не забил тревогу. Альвар беспокойно теребил ремень. Он невольно восхищался Саландер. Интересно, что ей понадобилось в Интернете?

Ульсен отпер дверь, пропуская ее вперед, и в следующую секунду покраснел как рак. Взгляд его упал на фотографии мамы на доске объявлений. Огромные и яркие, они бросались в глаза больше, чем снимки Вильды, и лишний раз подтверждали, что прозвище «маменькин сынок» коллеги дали Альвару не без оснований.

Давно было пора убрать эти снимки куда подальше. Равно как и написать заявление об отставке. Тем не менее Альвар стоял здесь, посередине собственного кабинета во Флудберге, рядом с Лисбет Саландер, которая не сводила с него темного, пронизывающего взгляда.

– Есть проблема, – начала она.

– Что за проблема?

– Ты.

– Какие проблемы у тебя могут быть со мной?

– Если я выставлю тебя в коридор, ты забьешь тревогу. А если оставлю здесь, ты увидишь, чем я буду заниматься, а это еще хуже.

– Ты собираешься сделать что-то противозаконное?

– Возможно.

И пока Альвар рассеянно молчал, не зная, что на это ответить, Саландер ударила его в солнечное сплетение, – вот уже третий или четвертый раз. Альвар согнулся, с трудом глотая воздух и мысленно приготовившись к худшему. Однако, вопреки ожиданиям, Саландер подскочила к нему, сорвала ремень и молниеносным движением бросила его на стол. Альвар выпрямился, чего бы это ему ни стоило. Глаза его

засверкали гневом. Казалось, еще немного – и они вцепятся друг другу в глотки.

Но тут Саландер обезоружила его еще раз, неожиданно повернувшись к доске объявлений:

– Это твоя мама, которую ты спас?

Альвар не отвечал, как будто все еще выжидал момент на нее наброситься.

– Это твоя мама? – повторила Лисбет.

Он кивнул.

– Она умерла?

– Да.

– Но все еще много значит для тебя.

– Да.

– Тогда ты должен понять. Мне нужна кое-какая информация, и ты сможешь мне ее получить.

– С какой стати?

– Ну... видишь ли... мы с тобой и без того слишком далеко зашли. И потом, взамен я обещаю тебе помочь справиться с Бенито.

– Она ни перед чем не остановится.

– Я тоже.

Альвар кивнул. Он действительно позволил ситуации зайти слишком далеко. Лгал, блефовал, наконец, впустил Саландер сюда. Больше терять нечего, и, когда она спросила его пароль для входа в систему, Альвар выдал его сразу. Как зачарованный, он следил за ее бегущими по клавиатуре пальцами. Страницы на мониторе сменяли одна другую с быстротой молнии. Уппсала... Академическая больница... снова университет... Со стороны это походило на бездумное пролистывание, но время от времени пальцы Саландер зависали над клавишами, а взгляд скользил по строчкам на экране... «Медицинский... институт... генетика...» – мелькнуло перед глазами Альвара. Внезапно экран погас, и комната погрузилась в темноту. Саландер молчала, тяжело дыша, как пианист перед исполнением сложной пьесы.

Потом ее пальцы снова забегали. На черном поле монитора замелькали белые колонки цифр. Они продолжали появляться и исчезать и после того, как Лисбет убрала руки с клавиатуры. Нескончаемые знаки, пароли, коды... Альвар разбирал только отдельные английские слова: *connecting data base, search... response...*^[6] Наконец тревожное «*Bypassing security*»...^[7] Пальцы Саландер снова зависли над столом.

– Черт! – выругалась она.

На экране высветилась плашка:

ДОСТУП ЗАПРЕЩЕН

Саландер попробовала еще раз, потом еще... По монитору побежали разноцветные волны, а потом высветилась новая плашка, на этот раз зелеными буквами:

ДОСТУП РАЗРЕШЕН

Дальше началось нечто такое, что Альвар перестал верить своим глазам. Саландер словно нырнула в кроличью нору и оказалась в параллельной кибервселенной, в эпохе задолго до изобретения Интернета.

На мониторе замелькали сканы каких-то старых документов, с длинными рядами имен и фамилий, отпечатанных на машинке или выписанных от руки. Попадались и листки с какими-то расчетами, и таблицы, по-видимому, с результатами каких-то исследований. Несколько раз мелькнул штамп: «Секретно». Среди прочих Альвар разглядел имя «Лисбет Саландер». Словно некое выпущенное из компьютера змеевидное чудовище рылось в бумагах под темными сводами секретного архива.

Альвар все еще не понимал, чего она хочет, но догадывался, что ее попытка потерпела неудачу. Это читалось в самом положении ее тела, в глухом бормотании. Когда, после четырех с половиной часов непрерывных поисков, Лисбет наконец сдалась, у Альвара вырвался вздох облегчения. Ему хотелось в туалет. Ему срочно нужно было вернуться домой, сменить тетю, которая присматривала за Вильдой, лечь в постель и послать всех ко всем чертям.

Но Лисбет велела ему закрыть пасть и не двигаться. Ей оставалось сделать кое-что еще. Монитор погас, пальцы Саландер снова застучали по клавишам. Альвар ужаснулся, разгадав ее намерение. На этот раз Саландер хотела проникнуть в компьютерную сеть тюремной администрации.

– Хватит, – не выдержал Альвар.

– Тебе, кажется, не нравится наш директор? – ехидно усмехнулась Саландер.

– Теперь это не важно.

– Успокойся.

В следующую секунду глазам Альвара предстало нечто такое, чего он предпочел бы никогда не видеть: она взломала электронную почту директора тюрьмы. Пока Саландер читала переписку Рикарда Фагера, Альвар молчал. И вовсе не потому, что поддался на ее шантаж. Он как замороженный следил за ее руками. Казалось, машина стала частью ее тела. Саландер управлялась с ней настолько виртуозно, что Альвар и мысли не мог допустить, что ее атака откроется. На мгновение экран снова стал

черно-белым, а потом высветилась знакомая плашка:

ДОСТУП РАЗРЕШЕН

Куда это, черт возьми!

Альвар увидел на экране погруженный в темноту коридор «Подразделения повышенной безопасности». Саландер словно прокручивала на экране пленку, поминутно останавливая, удаляя куски, монтируя. Альвар прикрыл глаза. Часы показывали без восьми минут два. В этот момент Саландер встала, пробормотала «спасибо», и Альвар, ни слова не говоря, поднялся, чтобы проводить ее в камеру. Прощаясь, он пожелал ей спокойной ночи, а сам поехал домой, где долго не мог уснуть. Лишь под утро ему удалось ненадолго забыться сном, в котором он видел Бенито и ее кинжалы.

Глава 4

17–18 июня

Пятница была ее днем. Каждую пятницу Микаэль Блумквист навещал Лисбет Саландер. Он всегда ждал этого дня, особенно теперь, когда наконец смирился со случившимся. На это потребовалось время. Судебное преследование Лисбет возмутило Блумквиста, а приговор привел его в бешенство. Первые дни после суда он не выходил из редакции. Но потом, видя, что сама Лисбет не придает всему этому большого значения, попытался взглянуть на ситуацию ее глазами. Лисбет было все равно, где заниматься квантовой физикой и посещать тренажерный зал. Вероятно, в ее представлении тюрьма была не более чем приключением, возможностью приобрести новый жизненный опыт, не оставляя учебы. В этом отношении она отличалась от остальных. Лисбет принимала жизнь такой, какая она есть, и только посмеивалась над переживаниями Блумквиста, особенно после ее перевода во Флудбергу.

Уж очень Микаэлю не нравилась эта Флудберга. А кому она нравилась – единственная в стране женская колония первого уровня безопасности? Лисбет угодила туда только по милости Ингемара Энерота – главы тюремного ведомства Швеции, уверявшего, что более безопасного места для нее сейчас не найти. Решение было принято после того, как СЭПО^[8] и французская разведка ДГСЕ вышли на информацию о том, что Лисбет угрожает опасность, исходящая якобы от сестры Камиллы и ее сообщников в России. Не исключено, что так оно и было. Во всяком случае, Лисбет против перевода во Флудбергу не возражала. Теперь же, когда до освобождения оставалось всего ничего, протестовать тем более не имело смысла. В конце концов, все получилось не так плохо. В прошлую пятницу Лисбет выглядела как никогда жизнерадостной и полной сил. Да и тюремная пища была намного здоровее той дряни, которой она пичкала себя на воле.

В поезде на Эребру Микаэль просматривал летний номер «Миллениума», который намеревался отправить в печать в ближайший понедельник. Снаружи вот уже который день лил дождь. Разверзлись хляби небесные, вопреки прогнозам синоптиков, обещавшим необыкновенно жаркое лето. Микаэль мечтал об отдыхе и своем доме в Сандхамне. Он устал. Их последнее расследование касалось группировки внутри

американской разведки АНБ^[9], которая сотрудничала с криминальными силами в России и торговала конфиденциальной бизнес-информацией по всему миру. Оно вернуло «Миллениуму» былую славу и упрочило их финансовое положение.

Но успех, как это часто бывает, оказался чреват новыми заботами: назрела необходимость в разработке цифровой версии. Этому можно было бы только радоваться – какие уважающие себя СМИ обходятся сегодня без этого? Однако времени катастрофически не хватало. Кроме того, обновления сайта и дискуссии о стратегии издания в социальных СМИ отвлекали Блумквиста от дела. Он затеял несколько многообещающих расследований, но ни одно так и не смог довести до конца. То, что девушка, давшая наводку в деле об АНБ, угодила в тюрьму, также совсем не облегчало его положения. Микаэль чувствовал себя виноватым. И сейчас, любуясь пейзажами из окна поезда на Эребру, он хотел одного: покоя.

Дама в соседнем кресле, время от времени прерывавшая его размышления разными вопросами, поинтересовалась, куда он едет. Микаэль отвечал уклончиво. Как и все любознательные попутчики, она действовала из лучших побуждений. Тем не менее Блумквист был счастлив от нее отделаться, когда поезд наконец остановился в Эребру.

Блумквист подхватил ноутбук и, проклиная дождь, поспешил к автобусу. Как ни парадоксально, станции вблизи Флудберги не было, хотя тюрьма стояла у самой железной дороги. Поэтому Микаэлю предстояло трястись еще минут сорок в салоне старой «Скании» без кондиционера.

Часы показывали без двадцати шесть, когда впереди показалась серая бетонная стена. Она вздымалась посреди равнины подобно гигантской волне, в любой момент готовой обрушиться, сокрушая все на своем пути. За ней из тумана проступали очертания хвойного леса. Никаких зданий поблизости не просматривалось. Железная дорога подходила к стене так близко, что места между ними едва хватало для парковки одного-единственного автомобиля.

Микаэль вошел в стальные ворота. Мобильник и ключи надлежало оставить в камере хранения в пункте охраны. Далее предстояла процедура осмотра: коротко стриженный парень лет тридцати не церемонясь ощупал Блумквиста покрытыми татуировками руками. Далее появилась наркособака – симпатичный черный лабрадор. Блумквист усмехнулся: неужели они действительно подозревают, что он привез в тюрьму «дурь»? Наконец другой парень – несколько выше ростом и не в пример вежливее первого – повел Микаэля по бесконечным гулким коридорам. Заблокированные двери на их пути открывались сами собой, точнее,

стараниями сотрудников из центра охраны, наблюдавшими за их передвижениями при помощи вмонтированных в потолки камер слежения.

У дверей отдела свиданий снова пришлось подождать – Блумквист так и не понял почему. Чутье подсказывало ему: что-то здесь не так. И появление Альвара Ульсена лишь подтвердило его подозрения.

На лбу начальника охраны блестели капли пота. Он заметно нервничал и тысячу раз извинился перед Блумквистом, прежде чем пропустил в комнату в самом конце коридора. Лисбет появилась в застиранной тюремной одежде. Обычно она вставала при появлении Блумквиста, но на этот раз осталась сидеть. Вся ее поза выражала напряжение, голова была повернута в сторону, словно Лисбет избегала смотреть ему в глаза. Теперь уже окончательно стало ясно: что-то произошло. На вопросы Блумквиста Саландер отвечала односложно и все время скользила взглядом мимо него.

– Что-нибудь случилось? – наконец не выдержал Микаэль.

– Можно сказать и так, – ответила она.

Лицо Блумквиста расслабилось: начало, по крайней мере, было положено.

– Не хочешь рассказать мне, в чем дело?

Она не хотела.

– Не здесь и не сейчас.

Потом повисла пауза. За зарешеченным окном лил дождь. Блумквист отрешенно смотрел на прислоненный к стене старый матрас.

– Мне есть о чем беспокоиться? – задал он следующий вопрос.

– Возможно, – снова улыбнулась Лисбет, хотя Блумквисту эта шутка крайне не понравилась.

Тем не менее этот ответ его успокоил. Блумквист коротко рассмеялся и спросил, может ли он чем-нибудь ей помочь.

– Возможно, – повторила Лисбет после долгой паузы, и этот ответ еще больше напугал его: она никогда не просила о помощи без крайней необходимости.

– Отлично. Я готов сделать все, о чем ты попросишь. Почти все, – поправился он, улыбаясь.

– Почти? – Она впервые подняла на него глаза.

– Все в пределах дозволенного законом, – кивнул Блумквист. – Будет печально, если мы окажемся здесь оба.

– Ты окажешься в тюрьме для мужчин, Микаэль, – грустно заметила Лисбет.

– Думаешь, не смогу добиться перевода во Флудбергу, при моем-то шарме? – И сразу посерьезнел: – Ну, выкладывай, что случилось?

– Я просматривала кое-какие старые списки, – ответила она. – В них еще значится один парень, Лео Маннхеймер... Что-то мне там не нравится...

– Лео Маннхеймер? – переспросил Блумквист.

– Именно, тридцати шести лет. «Погугли» – и сразу найдешь его в Сети.

– Хорошо, поищу, – с готовностью кивнул Блумквист. – И что мне делать дальше?

Лисбет повела глазами вокруг себя, словно призывая Микаэля поискать что-то, спрятанное в комнате свиданий. Потом остановила на нем отсутствующий взгляд:

– Честно говоря, я не знаю.

– Не знаешь? И я должен тебе поверить?

– Насколько это возможно.

– Насколько это возможно? – раздраженно повторил Микаэль. – Ну, хорошо, допустим, ты не знаешь. Но ты предлагаешь мне навести о нем справки. Что же он такого сделал? Или это так, собрать информацию?

– Ты, конечно же, знаешь инвестиционный фонд, где он работает. В общем, я полагаю, небольшое независимое расследование будет кстати.

– Ты полагаешь... – повторил Блумквист. – Но этого мало. Ты должна дать мне что-нибудь еще... О каких списках вообще идет речь?

– О поименных списках, – одними губами проговорила Лисбет.

Это прозвучало настолько глупо, что Блумквист невольно задался вопросом, не дурачит ли она его. Он уже собирался перевести разговор на другие темы и расспросить ее о жизни, как обычно это делал во время свиданий, когда Лисбет вдруг повернулась к охраннику и объявила, что хочет немедленно вернуться в камеру.

– Ты шутишь? – удивился Микаэль.

– Нисколько, – ответила она.

Блумквист хотел было возмутиться, напомнить, сколько он потратил времени на дорогу сюда и сколько еще потратит на дорогу обратно, объяснить, что мог бы найти себе занятие повеселее в пятницу вечером. Но все было бесполезно, поэтому он тоже поднялся и, обнимая Саландер, потечески велел ей беречь себя.

– Постараюсь, – усмехнулась она, и то, что Лисбет не утратила способности иронизировать, снова придало ему силы.

Блумквист следил за тем, как она удалялась в сопровождении начальника охраны. Ему не нравилась эта ее мягкая, исполненная непоколебимой решимости поступь. Тем не менее и он безропотно дал

увести себя в противоположенном направлении, получил в пункте охраны ключи и мобильник и взял такси до станции Эребру. В поезде, вместо того чтобы наводить справки об этом Лео Маннхеймере, бездумно пролистывал детектив какого-то Питера Мэя^[10]. Вероятно, из чувства протеста.

* * *

Альвар Ульсен радовался, что свидание с Блумквистом так быстро закончилось. Он опасался, что Лисбет начнет рассказывать журналисту о Бенито и беспорядках в «Подразделении Б», но за те несколько минут, пока они виделись, она едва ли успела затронуть эту тему. В остальном поводов для оптимизма было мало. Упорные попытки Альвара добиться перевода Бенито в другое место успеха не имели. Несмотря на то что коллеги в один голос защищали ее перед тюремной администрацией и утверждали, что держать Бенито в «Зоне повышенного контроля» в дальнейшем нет никакой необходимости.

Безумие с Саландер продолжалось. Теперь она вела себя тише, но Альвар не сомневался: она выжидает. Саландер установила ему срок – пять дней, в течение которых он должен был уладить вопрос с Фарией Кази. В противном случае она грозила вмешаться сама. Неприкрытый шантаж с ее стороны, но отпущенные пять дней истекали, а Альвар ни на йоту не продвинулся в своих начинаниях.

Между тем обстановка в «Подразделении Б» угрожающе накалялась. Похоже, Бенито готовилась к бою. Она создавала новые альянсы и принимала необыкновенно много посетителей, от которых, должно быть, получала какую-то нужную ей информацию. Преследования Фари Кази заметно ужесточились. Правда, Лисбет оставалась начеку и всегда была готова прийти на помощь, но это только раздражало Бенито. Альвар собственными ушами слышал, что «гангстерша» сказала Саландер в спортзале: «Кази – моя. Никто не помешает мне поставить на место черномазую шлюшку».

Лисбет сжала зубы и уставилась в пол. Альвар так и не понял, дожидалась ли она окончания пятидневного срока или осознавала свое бессилие. Второе представлялось более вероятным. Ведь при всей своей напористости противопоставить Бенито ей было нечего. Что могло остановить приговоренную к пожизненному заключению безжалостную «гангстершу»? Не менее беспощадны были и три «гориллы», чьи фигуры вечно маячили за ее спиной, – Тина, Грета и Жозефин. Альвар не исключал

самого страшного исхода и с ужасом ожидал того момента, когда в руке Бенито блеснет сталь.

Разумеется, время от времени его коллеги проверяли камеру Бенито с металлоискателями. Но Альвар боялся, что этого недостаточно. Приспешницы «гангстерши» так и шныряли по тюремным коридорам, пряча что-то в руках. Были ли это наркотики, или кинжалы, или виной всему было его растревоженное воображение, сказать трудно. Альвар словно балансировал над пропастью. Его нисколько не утешало, что еще до перевода во Флудбергу жизнь Саландер была под угрозой. Каждый раз, когда раздавался сигнал тревоги или загоралась кнопка радиокоммутатора, у него холодело в желудке. Альвар пытался убедить Саландер не покидать камеру, но она оставалась глуха к его предупреждениям. А идти против ее воли у него не хватало характера. Как, впрочем, и ни на что другое.

Альвар терзался чувством вины и беспокоился за ее жизнь. Помимо всего прочего, он стал слишком много работать, что не шло на пользу его отношениям с тетей и Вильдой. Сейчас Альвар сидел в своем кабинете, весь потный. В административном отсеке кондиционеры работали плохо, поэтому стояла страшная духота. Он чувствовал, что силы его на исходе, и ждал только одного: звонка от директора тюрьмы Рикарда Фагера с сообщением о переводе Бенито. Но никто не звонил, хотя Альвар впервые без обиняков поведал начальству, как в действительности обстоят дела в «Подразделении Б». Одно из двух: либо Фагера подкупили, либо он был еще большим идиотом, чем предполагал Альвар.

Был вечер пятницы, и, после того как камеры были заперты, он ушел к себе и попытался собраться с мыслями. Однако спустя несколько минут его уединение нарушила Саландер, которой снова понадобился компьютер. Альвар привел ее к себе и на этот раз решился спросить, что же такое она ищет. Ответом ему был все тот же непроницаемый взгляд. Альвар вернулся домой поздно ночью, смертельно усталый, с как никогда острым ощущением надвигающейся катастрофы.

* * *

В субботу утром на Бельмансгатан Микаэль Блумквист, как всегда, знакомился с прессой. На этот раз «Дагенс нюхетер» он читал в бумажном варианте, а «Гуардиан», «Нью-Йорк таймс», «Вашингтон пост» и «Нью-Йоркер» – с монитора «Айпэда». Микаэль пил эспрессо и капучино, ел мюсли с йогуртом и бутерброды с сыром и паштетом. Торопиться было

некуда, очередной номер «Миллениума» уже отдан в корректуру. О Лео Маннхеймере Блумквист вспомнил не раньше чем через час или два и сразу же принялся за поиски в Интернете.

Имя Маннхеймера время от времени всплывало на страницах изданий из мира бизнеса. Доктор экономики из Высшей школы предпринимательства в Стокгольме, он возглавлял отдел аналитики проектного фонда Альфреда Эгрена – организации, с которой Блумквист и в самом деле был знаком не понаслышке, здесь Лисбет угадала верно. Современный управляющий инвестиционного фонда для богачей. Его демократичный стиль, насколько было известно Микаэлю, плохо вязался с напыщенным обликом генерального директора этой организации Ивара Эгрена. Лео Маннхеймер был подвижный, худощавый мужчина с живыми голубыми глазами, волнистой шевелюрой и несколько женственными, полными губами. Он, конечно, тоже был богат, но не чрезмерно. Согласно последним декларациям, его состояние оценивалось в восемьдесят три миллиона крон. Неплохо, но более чем скромно в сравнении с первыми акулами бизнеса.

Однако самое интересное было не это. Четыре года назад Лео стал героем одного из репортажей в «Дагенс нюхетер» за необыкновенно высокий коэффициент интеллекта. «Уже в детстве Маннхеймер продемонстрировал впечатляющий показатель IQ, – писал журналист, – и тем привлек к себе всеобщее внимание». Примечательно также, что сам Маннхеймер показал себя в этом интервью скромником. «Коэффициент IQ ничего не значит, – возразил он журналисту. – Геринг тоже демонстрировал высокий интеллект».

Далее следовали рассуждения о важности эмпатии и сострадания, которые нельзя определить никакими тестами, и указывалось на то, что измерять способности человека в цифрах – профанация, граничащая с жульничеством. По крайней мере, он не выглядел мошенником. С другой стороны, мошенники, как никто, умеют изображать из себя святых. Микаэля не убеждали даже гигантские суммы, которые Маннхеймер тратил на благотворительность. И Лисбет, по-видимому, заинтересовалась этим типом неспроста. Хотя как сказать... Речь идет о независимом расследовании; следовательно, первым делом надлежит выбросить из головы любые предубеждения. Но откуда это отчаяние в глазах Лисбет?

Блумквист рассеянно глядел на воды залива Риддарфьёрден. Дождь к тому времени уже закончился. В просвете между туч синело небо, обещающая погожее утро. Микаэль подумывал уже было послать этого Лео куда подальше, по крайней мере до понедельника, а самому прогуляться до

ближайшей кофейни, выпить чашечку капучино, почитать детектив. Субботний вечер после сдачи номера – лучшее время недели, часы, когда Микаэль действительно чувствовал себя свободным. С другой стороны, он обещал, а значит, не имеет права поддаваться лени.

Лисбет не только помогла «Миллениуму» обрести статус и славу. Она спасла жизнь ребенку и разоблачила преступную группировку международного масштаба. Кто же виноват, что главный прокурор Рикард Экстрём оказался идиотом? И теперь, пока Микаэль Блумквист купается в лучах славы, его маленькая героиня сидит в кутузке. Поэтому Микаэль без промедления принялся за поиски сведений о Лео Маннхеймере, как просила его Саландер. Поначалу ничего особенно примечательного обнаружить не удавалось, кроме того факта, что одно время они с Лео Маннхеймером занимались одним и тем же делом – хакерскими атаками на систему финансовой безопасности в Брюсселе. Но в конце концов в это была вовлечена добрая половина журналистов Швеции и почти весь финансовый рынок. Так что удивительным это совпадение назвать было нельзя. И все-таки...

Об этом он разговаривал с Лисбет. Тогда она занималась своими финансами в республике Гибралтар. Дело было девятого апреля, незадолго до ее отправки в тюрьму, и Лисбет вела себя на удивление спокойно. Тогда Микаэль посчитал, что она не хочет отравлять последние часы свободы плохими новостями, даже если они касались хакерских атак. Но ведь, если рассудить здраво, это не могло ее не встревожить. Что, если Лисбет уже тогда что-то от него скрывала?

Сам Блумквист сидел в редакции на Гётгатан, когда его коллега Софи Мелкер на минутку заскочила к нему в кабинет и как бы между прочим заметила, что у банков проблемы с интернет-сайтами. Но Микаэлю тогда было не до банков.

Биржа поначалу как будто не отреагировала. Но потом отечественный рынок ценных бумаг упал. Вскоре он встал совсем. Тысячи и тысячи людей не видели своих доходов по ценным бумагам в Интернете. Депозиты обесценились. Были разосланы пресс-релизы: это всего лишь технический сбой, все наладится, ситуация под контролем.

Тем не менее крона упала. Обрушилась, как цунами. Прошли слухи, что ущерб несколько велик, что ценность акций вообще не может быть восстановлена. То есть риск того, что внушительные капиталы обратятся в дым, реален. Увещевания авторитетных лиц не возымели действия. Финансовые рынки бушевали. Торговля застопорилась, телефоны накалялись, электронные ящики ломились от возмущенных писем. В

зданиях финансовых учреждений били окна, а Государственный банк эвакуировали из-за угрозы взрыва. Министр финансов Карл ав Тролле пнул с досады бронзовую скульптуру на улице и сломал ногу.

Страна бушевала в преддверии грядущей катастрофы, но потом вдруг все стихло. Вкладчики обнаружили свои депозиты в Сети, и сама Лена Дюнкер, директор Государственного банка, объявила, что угроза изначально была мнимой. Как финансист, она говорила чистую правду, но существовала и другая сторона проблемы. Кому понадобился весь этот кавардак? Кто и зачем развязал панику? Вскоре выяснилось, что причиной всему стала хакерская атака на интернет-ресурсы бельгийского предприятия «Файненс секьюрити», куда «Единый центр»^[11] продавал и шведские ценные бумаги. Но и это было не все.

Были же слухи, дискуссии, выступления, увещевания и провокации, которые хлынули со страниц социальных СМИ таким всеокушающим потоком, что Блумквист невольно схватился за голову: «Какому дьяволу так не терпится обвалить наши финансовые рынки?» Время только подтвердило его подозрения. Хотя, подобно множеству других любопытных, ответа на свой вопрос Микаэль так и не получил. Со временем история забылась. Ситуация на бирже нормализовалась. Высокая конъюнктура рынка стабилизировалась, и Микаэль, как и другие журналисты, сразу переключился на другие темы: беженцы в Европе, терроризм, правый популизм и проблема неонацизма в Швеции и Америке.

Но что теперь? Блумквист представил себе бледное лицо Лисбет в комнате свиданий, ее темный, непроницаемый взгляд. Он вспомнил о ее сестре Камилле, которая водилась с хакерами, и об угрозах в адрес Лисбет. Так вот в чем причина его нынешнего интереса к Лео Маннхеймеру... Микаэль открыл его давнишнее эссе для журнала «Фокус». С журналистской точки зрения оно не представляло собой ничего интересного. Информация, которой располагал Маннхеймер, давно стала общеизвестной. Но автору удалось передать психологическую картину событий. Порывшись еще, Микаэль узнал, что Лео Маннхеймер выступает с курсом лекций на тему: «Тайные страхи рынка». Не далее как завтра, в воскресенье, на набережной Стадсгордскайен состоится очередное его выступление на эту тему. Мероприятие организует Общество акционеров.

Микаэль в задумчивости разглядывал фотографии Маннхеймера в Сети. Что ж, интересный мужчина. Открытое лицо, внушающее доверие. Во взгляде – налет меланхолии, заметный даже на ретушированном портретном снимке. В его высказываниях не чувствовалось присущей успешным финансистам самонадеянности. Похоже, темы купли-продажи

вообще интересовали его далеко не в первую очередь. Маннхеймер не столько утверждал, сколько ставил вопросы. Слишком много аналитики. Музыка, пожалуй, тоже. Маннхеймера интересовал джаз, особенно так называемый «горячий джаз» – раннее американское течение.

Лео Маннхеймеру было тридцать шесть лет. Он родился в Нокебю, западном пригороде Стокгольма, в состоятельной семье. Его отец Херман Маннхеймер одно время был генеральным директором промышленного концерна «Росвик». Позже он вошел в совет директоров фонда Альфреда Эргена, где владел сорока процентами акций. Мать Вивека, урожденная Хамильтон, была домохозяйкой и активисткой Красного Креста. Похоже, одаренный сын составлял главный смысл ее жизни. Возможно, Лео считал себя виноватым перед матерью, поскольку не оправдал всех ее ожиданий, – такое чувство, по крайней мере, возникло у Блумквиста. И это при том, что стыдиться Лео было нечего. В 1999 году он принимал участие в исследовании так называемых «IT-мыльных пузырей» и вскоре тоже стал партнером фонда Альфреда Эргена. Выпячиваться он не любил, это была чистая правда. По крайней мере, к такому выводу пришел Микаэль на основании того, что видел. И львиную долю состояния Лео Маннхеймера составило, похоже, отцовское наследство.

Не менее примечательным – а именно примечательное и высматривал Микаэль в первую очередь – представлялось то, что Лео в течение шести месяцев находился в отпуске. Он «путешествовал», как писали в газетах, с января прошлого года. После этого вернулся к работе, читал лекции, иногда мелькал на телевидении. В своих выступлениях Маннхеймер смотрелся не столько аналитиком, сколько философом – мыслителем старого склада, скорее скептиком, нежели оптимистом, упорно избегавшим конкретных финансовых прогнозов. Его комментарий роста цен на акции на сайте «Дагенс индустри» показался Блумквисту более чем любопытным. «Биржа как человек, хорошая встряска пробуждает ее к жизни, – писал Лео Маннхеймер. – А боль со временем проходит. Все, что я могу, – пожелать нашему рынку процветания».

В этом «пожелании» слышался неприкрытый сарказм. Микаэль внимательно вглядывался в текст. Собственно, что в нем такого примечательного? Неужели все дело в эпатажных метафорах и антропоморфных сравнениях? Блумквист вгляделся в глаза Лео – меланхолия с едва заметным налетом насмешки. Такое впечатление, что он думает о чем-то своем. Возможно, все дело было в его гениальности, позволяющей прокручивать в голове одновременно несколько мыслей. С другой стороны, очень уж Лео походил на актера, пытавшегося сломать

навязанный ролями зрительский стереотип. В качестве героев репортажей подобные персонажи не слишком удобны, зато интересны как люди.

Микаэль задумался. Нет, отдохнуть все-таки надо... Он очень благодарен Лисбет Саландер, но не жертвовать же ради этого Лео летним отпуском. Блумквист решительно поднялся из-за стола, но потом снова сел. Он метался по квартире, словно некий неприкаянный дух, – сортировал книги в шкафу, убирался на кухне, потом снова работал с Интернетом. При этом мысли о Лео Маннхеймере не шли у него из головы. В час дня Блумквист пошел в ванную побриться, потом встал на весы – ритуал, недавно вошедший в привычку и нисколько не улучшавший настроения, – и внезапно воскликнул:

– Малин, как же!

Черт возьми, как он мог забыть об этом! Внезапно Микаэль понял, откуда знает о фонде Альфреда Эгрена. Именно там одно время работала Малин, его бывшая любовница. Сейчас она возглавляет пресс-службу Министерства иностранных дел. Пламенная феминистка и вообще... пламенная особа. Когда-то они попеременно то любили, то ненавидели друг друга, причем с одинаковой страстью. В фонде она была замом по связям с общественностью. Микаэль набрал номер Малин и вдруг ощутил непреодолимое желание услышать ее голос. Судя по всему, он тосковал о ней больше, чем решался себе в этом признаться. А может, виной всему было это великолепное солнечное лето...

* * *

По выходным Малин Фруде особенно ненавидела свой мобильник. Слишком много неудобств причиняла ей эта маленькая визгливая штука. Но «быть всегда на связи» входило в круг ее профессиональных обязанностей. Равно как и быть всегда обходительной и вежливой. Невзирая на реальную опасность однажды не выдержать и взорваться.

В конце концов, она мать-одиночка – официально, по крайней мере. И Никлас, ее бывший муж, считает за подвиг присмотреть за собственным сыном на выходные. «Ну, а теперь развлекайся в свое удовольствие» – так он сказал ей, когда забирал его в последний раз. Очевидно, Никлас намекал на измену, в которой уличил ее накануне развода. Малин ничего не ответила, только на прощание обняла мальчика. Но потом она разозлилась так, что пнула консервную банку на улице. А теперь еще этот мобильник... не иначе, разразился мировой кризис. Кризисы сейчас следуют один за

другим, пора бы привыкнуть. Хотя нет... Не все так страшно. Это же Микаэль! На душе сразу полегчало. Малин посмотрела в сторону Юргордена и одинокого парусника, маячившего между фьордами. Она как раз выходила на набережную.

– Ты обо мне вспомнил, как это мило с твоей стороны, – сказала она.

– Да ладно, брось... – смутился Микаэль.

– Тем не менее... Чем ты сейчас занят?

– Работаю.

– Как всегда, – вздохнула она. – Трудишься в поте лица...

– Увы, приходится.

– Ну, не все же валяться на диване пузом кверху.

– Это скорее твоя поза.

– Ну так ложись, в чем дело?

– Лягу.

На пару секунд нависла пауза.

– Ну что, уже лежишь? – спросила она.

– Само собой.

– Одетый?

– Почти.

– Врешь. Ну ладно, чему обязана?

– Есть дело.

– Дело? – разочарованно переспросила Малин. – Ты уверен?

– Понимаю, – вздохнул Микаэль. – Но видишь ли... речь идет о той хакерской атаке...

– Никак не можешь о ней забыть?

– Не могу.

– Ну, конечно, ты только женщин легко забываешь.

– Нет, женщин я забываю не так легко.

– Особенно тех, которые бывают нужны в качестве источника информации... Зачем я тебе понадобилась, Микаэль?

– Один из твоих старых коллег писал о той хакерской атаке.

– Кто?

– Лео Маннхеймер.

– Лео? – удивленно переспросила она.

– Расскажи о нем немного. Какой он?

– Ну... стильный парень... ну и в остальном совсем на тебя не похож.

– В хорошем смысле, надеюсь.

– В лучшем.

– А конкретнее можно?

– Ну, Лео, он... – Малин задумалась.

– Что? – не выдержал Блумквист.

– В отличие от пиявок вроде тебя, его не слишком интересуют сенсации. Он мыслитель, философ...

– Ну, нам, пиявкам, и положено быть проще.

– Нет, Микаэль, видишь ли, с тобой все в порядке, но ты... ты у меня ковбой. А он мыслитель... Гамлет, – уточнила Малин с какой-то трогательной интонацией.

– То есть он Гамлет? – переспросил Блумквист.

– Ему не место среди финансистов.

– Где же ему место?

– Ну, не знаю... Среди музыкантов, может быть... Он отлично играет на рояле. Необыкновенно музыкальная и вообще одаренная личность. Деньги для него не бог весть что...

– Действительно, странно для финансиста.

– Он ведь с детства был хорошо обеспечен, – продолжала Малин. – Может, поэтому не имеет к ним такого интереса... А зачем он тебе?

– Мне понравилось, *что* он писал о хакерских атаках.

– Писать он умеет, – согласилась Малин. – Только вот знаешь... здесь ты ничего не нароешь. Он чист... ни единого пятнышка...

– Это ты к чему?

– Ну... такая уж у меня работа. Я хочу честно предупредить тебя.

– О чем?

– ...сомневаюсь, чтобы Лео были интересны какие-то хакеры. Он ведь музыкант, сидит и играет на рояле, а не носится со своими капиталами, как некоторые...

– Подожди... Тогда как он вообще оказался в этом бизнесе?

– Его втянул отец.

– Отец? Он у него как будто большая шишка.

– Именно шишка. И еще он большой друг фонда Альфреда Эгрена и самовлюбленный идиот. Он хотел сделать из Лео финансового гения, присвоил его долю акций фонда и с его помощью взобрался на шведский финансовый олимп. А Лео... как тебе сказать... Он слабый. Легко поддается на уговоры, но дело свое знает. Он хороший специалист. Не скажу «блестящий», хотя, безусловно, мог бы стать и таким. Ему недостает хватки... понимаешь?

– Понимаю.

– Как-то раз он признался мне... Я до сих пор помню эту его фразу: «У меня такое чувство, будто в детстве меня лишили чего-то важного». Потом

еще говорил о каком-то увечье... или ране...

– Что за рана? – удивился Блумквист.

– Толком не знаю. Мы ведь с ним никогда не были особенно близки. Так, ничего серьезного...

– Что-что?

– Ничего серьезного, – повторила Малин. – Бред, игра, минутное помутнение мозгов.

Но Микаэль уже схватил быка за рога и ослаблять хватку не собирался.

– Я читал, что он много путешествовал, – как бы между прочим заметил он.

– Да, после смерти матери.

– А отчего она умерла?

– Рак поджелудочной железы.

– Ясно, – Микаэль вздохнул.

– Я думаю... для него так даже лучше.

– То есть? – не понял Блумквист.

– Родители порядком отравляли ему жизнь. Я надеялась, он воспользуется ситуацией и вырвется наконец из этого проклятого бизнеса. Посвятит себя музыке или чему-нибудь такому... Представь себе, незадолго до того, как я ушла из фонда, он переменялся... Я так и не поняла почему, но он весь так и сиял от счастья. А потом...

– Что?

– Потом снова стал прежним... или даже еще хуже. У меня при виде его сердце разрывалось от жалости...

– А мама тогда была жива?

– Да, но жить ей оставалось недолго.

– Куда он ездил?

– Не знаю. Тогда меня уже там не было. Я так надеялась, что эти путешествия станут началом его освобождения...

– А он взял да и вернулся в фонд, – закончил ее фразу Блумквист.

– Думаю, ему не хватило решительности порвать с ними.

– Теперь он читает лекции, насколько мне известно?

– Возможно, для него это шаг в правильном направлении. Так что тебя все-таки в нем заинтересовало?

– Его исследования. Он изучал хакерские атаки в Брюсселе и другие дезинформационные кампании на предмет выявления общих психологических моделей...

– Кампании? – переспросила Малин. – Российские, ты имеешь в виду?

– Он классифицирует их как модели поведения во время военных

действий. Интересный подход, я бы сказал.

– Ложь как оружие?

– Ложь как средство создания хаоса. Ложь как альтернатива насилию.

– Но... как я слышала, эту атаку организовали русские, разве не так?

– Это так, но неясно, какие именно силы в России стояли за всем этим.

Господа из Кремля, конечно же, открестились.

– Подозреваешь старых приятелей, «Пауков»?

– Эта идея тоже приходила мне в голову.

– Думаю, в этом деле Лео тебе все-таки не помощник.

– Возможно, но я хотел бы...

– Пригласить меня на чашечку кофе? – перебила Малин. – Задушить в объятиях, вскружить мне голову, забросать дорогими подарками... увезти в Париж?

– Куда?

– В Париж. Есть такой город в Европе. Там еще какая-то знаменитая башня...

– Завтра Лео выступает в Музее фотографии с лекцией, не хочешь сходить? – перебил Блумквист. – Может, узнаем что-нибудь полезное.

– Что, например? Какого черта, Микаэль... ты всегда приглашаешь девушек в такие места?

– Не всегда, – рассеянно отозвался он, и это разозлило ее еще больше.

– Ты идиот, Блумквист, – прошипела Малин, дала «отбой» и остановилась посреди тротуара, вся пылая от гнева.

Впрочем, она быстро успокоилась. Правда, причиной тому был уже не Блумквист, а одна картинка из прошлого, неизвестно почему вдруг всплывшая в памяти. Малин представила себе Лео Маннхеймера в его кабинете в помещении фонда Альфреда Эгрена. За окном стояла глубокая ночь, но Лео что-то писал на листке бумаги песочного цвета. Должно быть, в этом воспоминании заключалось какое-то послание свыше, смысл которого Малин не понимала. Некоторое время она стояла на тротуаре посреди Страндвеген, вглядываясь в туман, а потом побрела в сторону отеля «Бернс» и Королевского драматического театра, мысленно проклиная и Микаэля, и бывшего мужа, и весь род мужской.

* * *

Микаэль понял, что облажался, и подумывал было перезвонить ей, с тем чтобы извиниться и пригласить на ужин. Он уже подбирал подходящие

случаю слова, но роившиеся в голове мысли мешали сосредоточиться. Поэтому Блумквист встряхнулся и набрал номер Анники Джаннини, которая была не только его родной сестрой, но и адвокатом Лисбет. Может, хоть ей что-нибудь известно о планах Саландер? Разумеется, «конфиденциальность» и «профессиональная этика» для Анники не пустой звук, но чего не сделаешь в интересах клиентки.

Анника не отвечала. Она перезвонила спустя полчаса и подтвердила, что Лисбет в последнее время переменилась. Возможно, причиной тому обстановка в «Подразделении Б». Судя по всему, там не так уж безопасно. Поэтому Анника настаивает на немедленном переводе своей клиентки в другое место. Лисбет отказывается. Она утверждает, что опасность угрожает не ей, а другой заключенной, Фарие Кази. Дома эта девушка терпела издевательства со стороны родственников, а теперь подвергается преследованиям в тюрьме.

– Случай довольно интересный, – продолжала Анника. – Думаю, мне стоит съездить в колонию вместе с тобой. Здесь есть чем поживиться нам обоим.

– Что ты имеешь в виду? – не понял Блумквист.

– Сдается мне, эта история – превосходный материал для нашей с тобой работы. Мне будет что исследовать, тебе – о чем писать.

Микаэль не стал развивать эту тему.

– Ты что-нибудь слышала об угрозах в адрес Лисбет? – спросил он.

– Ничего конкретного, кроме того, что источники информации пугающе многочисленны и что угроза исходит от сестры Камиллы и ее приятелей из России.

– Ты работаешь в этом направлении?

– Делаю что могу, Микаэль, а как ты думаешь? Я слежу за тем, чтобы Лисбет лучше охраняли во Флудберге. На данный момент я не вижу ничего такого, что бы могло представлять для нее опасность. Есть, правда, одно обстоятельство, которое, несомненно, на нее повлияло.

– О чем ты?

– Не так давно ее навещал старик Хольгер.

– Ты шутишь?

– Нисколько. Он очень хотел ее увидеть. Похоже, для него это действительно было важно.

– Не понимаю, как ему вообще удалось добраться до Флудберги.

– Я помогла уладить формальности, а Лисбет оплатила дорогу в оба конца. Его сопровождала медсестра. Хольгер разъезжал по корпусу в инвалидном кресле.

- Неужели это его визит так ее разволновал?
- Лисбет не так-то просто сбить с толку, не беспокойся. Но Хольгера она слушает, мы оба это знаем.
- Может, он рассказал ей что-нибудь, чего мы не знаем?
- Что такого он мог о ней рассказать?
- Ну... о ее прошлом, например. Никто не знает ее прошлое так хорошо, как Хольгер.
- Сейчас Лисбет волнует только Фария Кази.
- Ты знаешь человека по имени Лео Маннхеймер?
- Имя как будто знакомое... А почему ты спрашиваешь?
- Да так...
- Его упоминала Лисбет?
- Как-нибудь потом расскажу.
- Хорошо. Может, тебе стоит поговорить с Хольгером лично? Думаю, Лисбет не будет против.
- Конечно, – согласился Микаэль.

Он положил трубку и набрал номер Хольгера Пальмгрена. Занято. Блумквист ждал бесконечно долго, но так ничего и не дождался. Он уже подумывал, не отправиться ли в Лильехольмен лично, чтобы переговорить с Хольгером с глазу на глаз, но тут же оставил эту идею. Пальмгрен был старик, к тому же тяжело больной. Неожиданный визит мог плохо отразиться на его состоянии.

Вместо этого Микаэль снова сел к компьютеру. Он умел глубоко копать, но ничто из того, что до сих пор удалось «нарыть» о фонде Альфреда Эгрена и семье Маннхеймер, не обнаруживало никакой видимой привязки ни к Лисбет, ни к хакерским атакам. Нужно было срочно менять стратегию, но это невозможно сделать без старика Хольгера. Только он мог рассказать Микаэлю о детстве Лисбет. Блумквист не исключал того, что Лео Маннхеймер каким-то образом связан с ее прошлым. Ведь Лисбет упомянула его в связи с какими-то старыми списками... И Микаэль углубился в историю, насколько позволяли возможности Сети.

Его заинтересовала давнишняя статья в уппсальской «Нюа тиднинг», одно время оказавшаяся в центре внимания СМИ благодаря телеграмме новостного агентства ТТ, вкратце излагавшей ее содержание. Описанный в ней инцидент вскоре был забыт и больше ни разу не упоминался в газетах – как видно, из деликатности, присущей газетчикам, особенно когда речь заходит об интересах людей влиятельных и богатых.

Итак, драма разыгралась без малого двадцать пять лет тому назад. Альфред Эгрен с приятелями – в число которых входил и отец Лео Херман

Маннхеймер – вышли поохотиться на лося. Дело было после дружеской вечеринки, и компания, вероятно, была навеселе, хотя прямо об этом в статье ничего не говорилось. Охотники разбились на группы. Им мешал бьющий в глаза солнечный свет, но пара мелькнувших между деревьями животных сразу подогрела их азарт. Раздались выстрелы. Самым старшим в группе был некто Пер Фельд, финансовый директор концерна «Росвик». Позже он жаловался на то, что животные бегали слишком быстро, не давая тем самым возможности как следует взять их на прицел. Внезапно послышался крик – пуля попала в живот молодому психологу Карлу Сегеру. Бедняга скончался на месте, на берегу лесного ручья.

Никто не был осужден. Полиция классифицировала инцидент как несчастный случай. Но уже одно то, что сам Пер Фельд – «стрелок», по всей видимости, виновный в смерти Сегера, – умер год спустя, настораживало. Ни жены, ни детей у Фельда не было. Скупые строчки некролога характеризовали его как «верного товарища и преданного сотрудника концерна “Росвик”».

Микаэль в задумчивости отвернулся к окну. Над заливом Риддарфьёрден сгустились тучи. Похоже, дело шло к перемене погоды. Блумквист потянулся и повел плечами, разминая мышцы. Как же надоели эти дожди! И все-таки какое отношение мог иметь убитый психолог к Лео Маннхеймеру?

Ответа на этот вопрос найти пока не удавалось. Однако Микаэль чувствовал: здесь должна быть какая-то зацепка, если только происшедшее действительно не бессмысленная случайность. Он взялся за психолога, но нашел о нем не так уж и много. На момент смерти Карлу Сегеру исполнилось тридцать два года. Он был помолвлен и за год до трагедии защитил диссертацию в Стокгольмском университете. Его работа была посвящена роли слуховых ощущений в нашем самосознании. «Чисто эмпирическое исследование» – так отзывались о его работе специалисты. Блумквист не нашел в Сети ни самой диссертации, ни ее тезисов, хотя обнаружил другие работы Сегера на эту тему.

В одной из статей психолог описывал классический эксперимент, демонстрирующий, что испытуемые легче идентифицируют собственное изображение, если снимок приукрашен. «Мы скорее опознаем себя в образе, не отражающем наших недостатков. Вероятно, склонность переоценивать себя – одно из полезных эволюционных приобретений. Ведь она помогает индивидууму завоевать внимание полового партнера или занять лидирующие позиции в социуме», – делал вывод автор. Далее он указывал на таящуюся в этой «склонности» опасность:

«Чрезмерная уверенность в собственных силах подвергает индивидуума неоправданным рискам и препятствует его развитию. В интеллектуальном созревании способности к самокритике отводится решающая роль». Не сказать чтобы это было очень неожиданно и оригинально, но Блумквисту понравилось, что Карл Сегер иллюстрировал свои выводы результатами конкретных исследований, которые проводились среди школьников и демонстрировали обратную зависимость между показателями самооценки и интеллектуального развития.

Микаэль поднялся из-за стола и отправился на кухню вымыть посуду. Теперь он точно знал, что пойдет на лекцию Лео Маннхеймера в Музей фотографии. Он докопается до истины, и наплевать на планы об отдыхе.

Когда раздался первый звонок в дверь, Микаэль не обратил на него внимания. Он считал, что нормальные люди предупреждают о своем визите заранее. Но незваный гость не унимался, и в конце концов Блумквист пошел открывать. То, что произошло дальше, сам он позже характеризовал как «вторжение».

Глава 5

18 июня

Фария Кази сидела в своей камере на койке, притянув колени к груди и обхватив их руками. К двадцати годам она превратилась в собственную бесцветную тень. А ведь совсем недавно лишь немногим удавалось устоять перед ее очарованием. Она переехала в Швецию в четырехлетнем возрасте из города Дакка, что в Бангладеш, вместе с отцом, матерью и четырьмя братьями и выросла в Вальхольмене, пригороде Стокгольма. Ее отец Карим быстро освоился в новой стране – открыл сеть химчисток, разбогател, купил квартиру в Сикле^[12] с большими светлыми окнами. Детство Фарики было безоблачным. Она играла в баскетбол, хорошо успевала в школе, особенно по языкам, любила шить и рисовать манги.

Но с возрастом свободе пришел конец. Ее отнимали у Фарики постепенно, порция за порцией. Когда начались месячные, парни стали свистеть ей вслед на улице. Но главные изменения происходили не в ней самой – беда набросилась откуда-то снаружи, как ледяной ветер с востока. Обстановка дома изменилась после смерти матери от инсульта. В лице Айши семья потеряла не только жену и мать, но и ангела-хранителя.

Фария до сих пор помнила, как однажды к ним в квартиру заявился Хасан Фердоуси, имам из мечети в Ботчюрке. Фарике имам нравился, и она хотела поговорить с ним, но Фердоуси, не обращая на нее внимания, уединился в комнате с отцом.

– Вы не поняли ислам, – слышала девочка из кухни. – Все это кончится для вас плохо, очень плохо.

Он как в воду глядел. Вскоре старшие братья, Ахмед и Башир, почти перестали разговаривать с сестрой. Хотя это не отец, а они потребовали, чтобы она надевала никаб^[13], когда отправляется за молоком в магазин за углом. Больше ей отныне выходить никуда не разрешалось. Другой брат, Разан, не был так строг с ней. Он много работал в отцовских химчистках и ателье по ремонту одежды. Но и Разан не стал Фарике другом и постоянно следил за ней.

Фария оказалась запертой в четырех стенах, хотя постоянно отыскивала лазейки на свободу. Ради этого она шла на ложь и проявляла незаурядную изобретательность. В конце концов, у нее оставался компьютер с Интернетом, из которого она и узнала о готовящемся

выступлении имама Хасана Фердоуси в культурном центре «Культурхюсет». Собственно, там планировалась дискуссия об угнетении женщин на религиозной почве, и среди ее участников, кроме Фердоуси, значился раввин по фамилии Гольдман.

В то время Фария училась в гимназии в Кунгсхольмене. Был конец июня, а она вот уже десять дней как носа не казала на улицу, и ее одолевала смертельная тоска. Уговорить тетю Фатиму оказалось не так просто. Незамужняя тетя работала картографом и оставалась едва ли не последним союзником Фарии в борьбе за свободу. Вняв мольбам племянницы, она объявила братьям Фарии, что хочет пригласить ее на обед. Те, как ни странно, поверили.

Фатима встретила девушку в своей квартире в Тенсте, откуда Фария немедленно отправилась в город. Рассиживаться было некогда – в полдевятого за Фарией должен был заехать брат Башир. Тетя дала Фарие черное платье и туфли на высоком каблуке. Конечно, это было необязательно, ведь девушка шла не на вечеринку. Но диспут был посвящен теме угнетения женщин, и Фария хотела выглядеть торжественно. Уже одно то, что она вырвалась на этот диспут, означало большую победу.

Девушка мало что запомнила из самой дискуссии – слишком непривычно было вдруг оказаться среди такого множества людей. После выступлений публика стала задавать вопросы, один из которых особенно запомнился Фарие: почему женщины должны страдать всякий раз, когда мужчины вспоминают о необходимости блюсти благочестие? Ответ имама Хасана Фердоуси прозвучал невнятно:

– Прискорбно, что люди делают орудием своих слабостей даже божественные законы.

Пока Фария размышляла над тем, что бы это могло значить, публика понемногу начала расходиться. Оглянувшись, Фария поймала взгляд парня своих лет. На ней не было ни никаба, ни хиджаба, а он смотрел на нее так пристально, что девушка невольно залилась краской. Тем не менее она не убежала, осталась сидеть на месте и только покосилась в его сторону. Незнакомец не отличался ни ростом, ни крепким телосложением и не производил впечатления нахала, хотя глаза его блестели. Он приблизился к ней легкой походкой, так не вязавшейся с тяжелым, пронизывающим взглядом. Заметив, что он смущается, Фария успокоилась и вступила с ним в разговор.

– Ты из Бангладеш? – спросил он на бенгали.

– Откуда ты знаешь? – удивилась она.

- Я сразу это почувствовал. Откуда?
- Из Дакки.
- Я тоже.

Его теплая улыбка проникла в самое сердце. Фария не могла не улыбнуться в ответ. Их взгляды встретились. Девушка почувствовала, как забилося ее сердце. Должно быть, они говорили о чем-то еще, но Фария запомнила только прогулку до площади Сергеля. Они еще и представиться друг другу не успели, когда парень рассказал ей свою историю. Еще в Дакке они с друзьями вели политический блог, при помощи которого боролись за свободу слова и другие права. Блог привлек внимание исламистов. Скрибенты были внесены в список врагов ислама и стали исчезать один за одним. Их убивали при помощи мачете, а полиция не делала ничего, чтобы остановить расправу. В конце концов новый знакомый Фарии был вынужден покинуть Бангладеш и получил политическое убежище в Швеции.

– Один раз я стал свидетелем убийства одного своего товарища. Я оказался совсем рядом, у меня на рубашке осталась его кровь.

Фария не до конца понимала его слова, но прониклась его скорбью, и скоро – возможно скорей, чем следовало – почувствовала в нем близкого человека. Его звали Джамал Чаудхери; Фария рассеянно пожала его руку. Они пошли дальше, к зданию риксдага, но девушка ничего не видела вокруг от волнения. Впервые она была сама собой, жила собственной, настоящей жизнью. Счастье ее продолжалось недолго – стоило только представить себе темные глаза Башира. Уже в Гамла Стане они расстались, но и этой прогулки Фарие было более чем достаточно. Вспоминая о ней позже, она будто бы входила в тайную сокровищницу. И это очень помогало, особенно здесь, в тюрьме, в ожидании грузового состава, потрясающего бетонные стены, и Бенито, которая, как чувствовала Фария, на этот раз превзойдет саму себя.

* * *

Альвар Ульсен сидел в своем кабинете и ждал звонка от директора тюрьмы Рикарда Фагера. Но время шло, телефон молчал, и Альвар ругался про себя и вспоминал дочь Вильду. Собственно, сегодня у него должен быть выходной. Они с Вильдой собирались на футбольный матч в Вестеросе. Он очень ждал этого дня, а теперь вот не решался уйти с работы.

Альвар снова и снова звонил тете и чувствовал себя самым плохим отцом из всех, которые когда-либо жили на этой планете. Но что он мог поделать? Его планам о переводе Бенито в другое отделение не было дано осуществиться. И «гангстерша» знала о них – он понял это по испепеляющему взгляду, которым она его наградила, – и подстрекала против него других заключенных. Женщины шептались, как будто затевали бунт или массовый побег, а Альвар бросал умоляющие взгляды на Саландер. Она обещала вмешаться. Отпущенные на решение проблемы пять дней истекали, и Альвар с ужасом ждал развязки.

Он вывел Саландер из камеры, провел в административный отсек и свой кабинет, где они просидели вместе до рассвета. Оставалось надеяться, что начальство ограничится внутренним расследованием и история не выйдет за стены тюрьмы. Несколько дней Альвар ждал вызова в директорский кабинет. А потом отправился в соседний корпус, в центр наблюдения, и попросил показать ему материалы камер слежения из корпуса Б, – якобы чтобы уточнить кое-что по какому-то инциденту, связанному с Беатрикс Андерссон.

Альвар с замиранием сердца приблизился к монитору. Он прокручивал кадры, снятые в тот вечер двенадцатого июня и в ночь с двенадцатого на тринадцатое, и не мог понять, в чем дело. Он прокручивал их снова и снова. Останавливал, вглядывался – в коридорах было пусто. Какая невероятная удача, что именно в те часы камеры не сработали! Но в следующий момент Альвар понял, что вовсе не случаю обязан своим спасением. Саландер при нем взламывала тюремный сервер. Это она что-то сделала с камерами наблюдения или смонтировала отснятый материал. Другого объяснения быть не могло. Странно, но, придя к такому выводу, Альвар ощутил не только облегчение, но и страх.

Он еще раз проверил электронную почту – и выругался. Никаких писем, ни единого слова. Неужели непонятно, что Бенито здесь не место? Или так трудно организовать ее перевод в другое отделение?

На часах было четверть десятого. Снаружи снова зарядил дождь. Пришло время навеститься в камеру Фарии Кази. Теперь Альвару место там, среди заключенных, он должен превратить жизнь Бенито в ад. Отчего же он сидит в кабинете, как парализованный? Альвар еще раз оглядел комнату: что-то здесь не так. Неужели Саландер успела порыться в его бумагах? Странная была ночь, что и говорить... И она снова искала в своих списках, на этот раз некоего Даниэля Бролина. Альвар не хотел во все это вмешиваться. Саландер сделала с его компьютера обыкновенный телефонный звонок – это само по себе показалось ему странным. Но еще

удивительнее был голос, которым она говорила с невидимым собеседником. Вежливый, осторожный, он как будто существовал отдельно от нее или принадлежал другому человеку. Саландер спрашивала о каких-то старых документах. Завершив разговор, она захотела вернуться в камеру.

Альвар косился на часы; его беспокойство росло. Он поднялся со стула, но не успел сделать и шагу, как зазвонил телефон. В трубке послышался голос директора тюрьмы Рикарда Фагера. Ему было чем порадовать Альвара: тюрьма Хаммерфорсан в Хэрнёсанде готова принять Бенито уже завтра утром. Новость – что и говорить – просто фантастическая. Но Альвар не чувствовал себя победителем. Где-то в отдалении уже грохотал грузовой состав, и, спешно распрощавшись с директором, Ульсен помчался в отделение.

* * *

Нападение, которому подвергся Микаэль, было едва ли не самым отрадным событием в его жизни за последние несколько лет. Малин Фруде стояла в дверях, вся мокрая от дождя и с лицом, перепачканным потекшей косметикой. Глаза ее гневно сверкали. Блумквист замер в ожидании расправы. И пока он гадал, что она с ним сделает – сорвет одежду или ограничится парой пощечин, – Малин толкнула его в грудь. Микаэль упал на стену, а потом уже сам не помнил, как оказался в постели, а Малин сидела на нем и бормотала что-то насчет того, что он должен быть наказан – за свою сексуальность и недогадливость и за то, что такой идиот. Блумквист говорил ей ласковые слова, прежде чем начать, и в них не было притворства, он действительно соскучился по ней. Снаружи лил дождь. Белели парусники в заливе Риддарфьёрден. По оконным стеклам стекали потоки воды. Мир вокруг погрузился в тишину, но у Микаэля забыться не получилось. И когда он снова подумал о своем, Малин сразу это почувствовала.

– Я уже тебе наскучила? – спросила она.

– Что? Нет. Я ждал тебя.

Он сказал чистую правду, тем не менее почувствовал себя виноватым. Нельзя забивать голову работой спустя минуту после секса с женщиной, которую так долго ждал.

– Когда ты в последний раз говорил правду? – спросила она.

– Что? Говорил правду? Ну... я довольно часто пытаюсь делать это...

– Это опять Эрика, да?

– Скорее то, о чем мы с тобой говорили по телефону.
– Хакеры?
– И они тоже.
– Значит, Лео...
– Да.
– И чем он только тебе так интересен?
– Мне интересен не он. Я тут пытаюсь разобраться в одном деле...
– Исчерпывающее объяснение, Калле Блумквист!
– Хм... да...
– Но ты чего-то недоговариваешь, ведь так?
– Хм... возможно...
– Ты идиот? – Она медленно открыла глаза, выражение ее лица смягчилось. – А знаешь, я тоже много думала о Лео после нашего с тобой разговора.

Малин завернулась в одеяло и выглядела просто потрясаяще.

– И что ты о нем думала? – спросил Микаэль.

– Я вспомнила, что он обещал рассказать мне, отчего был так счастлив в те дни. Но потом все изменилось, и мне стало неудобно донимать его расспросами.

– И с чего ты вдруг об этом вспомнила?

Малин задумалась, отвернувшись к окну.

– Он сильно напугал меня тогда. Я не могла понять, в чем дело.

– Ну, может, он влюбился?

– Именно этот вопрос я и задала ему в первую очередь, и Лео категорически это опроверг. Мы были с ним в «Риче», уже одно это можно считать чудом. Лео ведь терпеть не мог больших скоплений народа. Тем не менее мы пошли с ним в «Риче». Я как раз собиралась уходить из фонда и хотела обсудить с ним свою замену. Но Лео был совершенно невозможен. Я успела назвать несколько имен, прежде чем он перебил меня и заговорил о любви, жизни... заодно прочитал мне целую лекцию по теории музыки. В этом было что-то очень грустное, я даже не знаю что... Будто он был рожден специально для того, чтобы всю жизнь постигать какие-то гармонии, тональности, гаммы, моли... я уж и не знаю что... Я слушала его не очень внимательно. Да, он был возбужден, по-настоящему счастлив, но мне... честно говоря, было не по себе от всего этого... и я, конечно, стала допытываться, как последняя идиотка. «Что случилось? Ты должен мне все рассказать» – и все такое... Но Лео не стал ничего объяснять. Сказал только, что ему нечего сказать по этому поводу. Кроме того, что он наконец обрел дом...

– Обрел дом? Ну, тогда это, наверное, как-то связано с церковью?

– Лео никогда не был религиозным.

– Что же в таком случае?

– Понятия не имею. Но все закончилось так же неожиданно спустя несколько дней. Из него будто выпустили воздух.

– В каком смысле?

– Во всех. Помню, это было накануне Рождества, перед моим уходом из фонда Альфреда Эгрена, то есть года полтора назад или чуть больше. Мы сидели в его кабинете, а время было за полночь. Перед этим я устроила у себя дома прощальную вечеринку, но Лео не пришел, и это меня очень огорчило. Мы ведь сблизились с ним в последнее время. – Микаэль скосил на нее глаза. – У тебя нет оснований для ревности.

– Я вообще не ревнивый.

– Знаю – и ненавижу тебя за это. Иногда не вредно поиграть в Отелло, хотя бы для видимости. Думаю, у нас с Лео был легкий флирт, не более. Как раз в то время, когда мы с тобой познакомились. Тогда моя жизнь превратилась в сплошной кавардак из-за развода, и я была рада отвлечься, хотя мы с Лео совершенно не подходили друг другу характерами. Так или иначе я позвонила ему после той вечеринки и застала его на работе. Это еще больше огорчило меня. Но Лео извинился, и это прозвучало так искренне, что я его сразу простила. И когда он спросил, не желаю ли я опрокинуть бокальчик-другой на сон грядущий, я немедленно сорвалась с места. Сама не знаю, чего я ожидала от этой ночи. Я не могла взять в толк, что он делает в своем кабинете так поздно, он ведь никогда не был трудоголиком. Тем не менее он был в кабинете... бывшем кабинете его отца... На стене Дардель ^[14], в углу антикварная конторка... Лео как будто стыдился этой обстановки, неприлично стильной, неприлично роскошной... Но в тот вечер, когда я пришла к нему... Я не могу этого описать. Глаза Лео горели, и голос звучал как-то... с надломом, непривычно. Тем не менее он старался выглядеть веселым. Улыбался все время, хотя взгляд был грустным. На антикварном бюро стояла пустая бутылка «Бордо» и два бокала. Очевидно, к нему кто-то приходил. Мы обнялись, распили бутылку шампанского и наговорили друг другу кучу разных любезностей. Но мне все время казалось, что мыслями Лео не со мной... «Я счастлив, – признался он. – Я только...» Он не договорил, и оба мы надолго замолчали. Лео допил шампанское и сказал, что хочет сделать большое пожертвование. «Куда?» – поинтересовалась я. Я не знала, что думать, и приняла это за минутную блажь. Но Лео сразу смутился, и я отстала со своими вопросами. Наконец я поднялась со стула, он тоже

поднялся, и мы обнялись. Я прошептала: «Береги себя, Лео», вышла в коридор и вызвала лифт. Потом не выдержала и вернулась. Что за тайны были у него от меня? Чем он вообще занимался в этом кабинете? Мне срочно захотелось обо всем разузнать. Но уже с порога я почувствовала, что мешаю. Лео сидел в своем кресле и что-то писал на листке бумаги песочного цвета. При этом он, как мне показалось, очень старательно выводил буквы. В его позе чувствовалось крайнее напряжение. В глазах блестели слезы, и я не решилась беспокоить его. Он так и не увидел меня.

– И ты совсем не догадываешься, чем он мог там заниматься?

– Думаю, так или иначе это могло быть связано с его матерью. Она умерла несколько дней спустя, и Лео сразу взял отпуск, как ты знаешь, и отправился путешествовать. Разумеется, я должна была объявиться и выразить соболезнования, по крайней мере. Но у меня у самой все летело в тартарары. На новой работе я пахала сутками, а тут еще мой бывший... ну и ты, конечно. Но вчера, когда ты мне позвонил... – Малин замолчала, как будто подбирала слова, – эта сцена вспомнилась мне снова. И я поняла: что-то здесь не так... Я позвонила Лео, но оказалось, что он сменил номер.

– А он никогда не рассказывал о психологе, которого дружки Альфреда Эгрена подстрелили как-то на охоте?

– Нет, а что за психолог?

– Карл Сегер.

– Впервые слышу. Подстрелили, говоришь?..

Микаэль кивнул.

– Двадцать пять лет тому назад, на лосиной охоте возле Эстхаммара. Будто бы несчастный случай. Стрелял Пер Фельд, финансовый директор «Росвика».

– И что ты думаешь обо всем этом?

– Сам не знаю, но, как мне кажется, Сегер был близок Лео Маннхеймеру. Родители придавали большое значение развитию мальчика, так? Ну... тесты там и все такое... А Сегер изучал влияние самооценки на развитие детей. И вот я спрашиваю себя...

– Самооценки? – перебила его Малин. – Подозреваю, что у Лео она всегда была занижена.

– И о заниженной Сегер тоже писал. Лео что-нибудь рассказывал тебе о своих родителях?

– Мало и неохотно.

– Звучит интригующе.

– Херман и Вивека... – Она вздохнула. – Мне кажется, самая большая проблема Лео заключается в том, что он никогда не имел силы им

противостоять. Он так и не решился встать на собственную дорогу.

– То есть финансистом он стал не по своей воле, верно?

– Не все так просто. Тем не менее я уверена, что Лео мечтал о свободе. И в тот вечер... Это было прощание, понимаешь? Не только с мамой... Поэтому я и почувствовала себя лишней.

– Ты еще называла его Гамлетом, – напомнил Микаэль.

– Я всего лишь сравнивала Лео с тобой, – поправила Малин. – Хотя... он действительно Гамлет... такой же робкий, нерешительный...

– Шекспировский Гамлет под конец озверел, – перебил ее Блумквист.

– Я всегда думала, что Лео это не грозит, но...

На лицо Малин пробежала тень, и Микаэль положил руку на ее плечо.

– Что-то вспомнила?

– Да так, ничего.

– Ну, давай, выкладывай.

– Один раз я видела Лео в бешенстве.

* * *

В 19.29 Фария Кази почувствовала приближение грузового поезда. Она ощущала его всем телом, которое уже пробирала мелкая дрожь. Через шестнадцать минут будут запирают камеры. Но до этого можно успеть многое; Фария знала это как никто другой.

В коридоре зазвенели ключами охранники, послышались голоса. Фария не разбирала слов, но по всеобщему возбуждению поняла: что-то случилось. Она не догадывалась, в чем дело, но в воздухе витала тревога. До Фарии, конечно, доходили слухи, что Бенито переводят в другое место, но до сих пор они значили для нее не больше, чем шум дождя за окном. Между тем в воздухе запахло грозой. Прошло еще немного времени – и все звуки снаружи заглушил грохот грузового состава.

Стены затряслись, народ потерянно бродил по коридору и камерам, но ничего не происходило. С некоторых пор Альвар Ульсен следовал за Фарией по пятам. Быть может, сегодня он сможет защитить ее, в последний раз. Быть может, все действительно кончится хорошо, о чем бы там ни шептались снаружи. Фария вспомнила мать, и братьев, и яркое солнце над зелеными газонами Вальхольмена. Но в следующий момент зачавкали туфли без задников и в нос ударил сладкий парфюмерный запах. Фария Кази затаила дыхание. Больше всего на свете ей хотелось пробить брешь в стене, чтобы немедленно убежать отсюда, – уехать куда-нибудь по

железной дороге или просто исчезнуть. Но тело словно парализовало. Она заперта в четырех стенах, как когда-то в Сикле. Перед глазами снова встало лицо Джамала. Но ничего не помогало. Последняя надежда на спасение таяла. Поезд все грохотал, шаги все приближались. Еще несколько секунд – и Фария низвергнется в пропасть. И ничто не поможет, как бы она ни убеждала себя в том, что терять больше нечего. Стоило Бенито появиться в дверях – и Фарию охватывал смертельный ужас.

Обычно «гангстерша» начинала с того, что передавала Фарие привет от братьев, Башира и Разана. Фария так и не поняла, встречалась ли она с ними или поддерживала контакт каким-то другим образом. Но в устах Бенито и «привет» звучал как смертельная угроза. Далее начинался обычный ритуал. Бенито била Фарию по щекам, гладила ей грудь и промежность и называла сучкой и шлюхой. Фария как огня боялась и прикосновений Бенито, и ее зловещего шепота. Все это казалось ей прелюдией к чему-то более страшному. По временам девушке мерещилась блеснувшая в руке «гангстерши» сталь.

В тюрьме только и разговоров было что о ее индонезийских клинках, которые Бенито якобы лично заговорила какими-то древними заклятиями. Стоило «гангстерше» направить на кого-нибудь один из своих «керисов» – и беднягу считали покойником. Таким образом она объявляла смертный приговор. Клинки были одним из мифов Бенито, окружавших ее зловещей аурой, не менее ощутимой, чем облако парфюмерных ароматов. Сколько раз Фария представляла себе, как Бенито направляет ей в грудь свое оружие... Иногда ей даже хотелось, чтобы это произошло как можно скорей.

Внезапно шаги в коридоре стихли, и в сердце Фарии снова затеплилась надежда. Но потом туфли зашаркали снова, а потом застучали другие шаги. Бенито приближалась не одна. Фария убедилась в этом окончательно, когда к парфюмерному аромату добавился едкий запах пота и мятных таблеток. Это была Тина Грэнлунд, подельница Бенито. Фария приготовилась к самому худшему.

Сначала в двери показалась нога Бенито в пластиковой туфле. Яркая краска на ногте большого пальца контрастировала с бледной кожей. Потом появилась сама Бенито. Подвернутые рукава рубахи открывали покрытые татуировкой предплечья. Потное лицо покрыто пятнами поплывшей косметики. В глазах – лед. Тем не менее «гангстерша» улыбалась. Тина вошла следом и заперла дверь, хотя последнее не было разрешено делать никому, кроме охранников.

– Грета и Лорен сторожат снаружи. Так что нам никто не помешает, –

сказала Тина.

Бенито шагнула в камеру и запустила пальцы в карман брюк.

– Меня отсылают, ты слышала? – обратилась она к Фарие. – Поэтому нам с тобой нужно прийти к какому-то решению. – Она подняла глаза. – Ты нравишься нам, Фария. Ты красивая девочка, а я люблю красивых. Но твоих братьев я уважаю тоже. Они сделали мне роскошное предложение, и теперь мы хотим знать...

– У меня нет денег, – залепетала Фария.

– Ну, девочка может расплатиться не только деньгами. У нас есть своя валюта, так ведь, Тина? Я хочу помочь тебе, Фария. – Тут она снова улыбнулась и еще глубже запустила пальцы в карман брюк. – Что у меня тут, как ты думаешь? – продолжала она. – Что это такое может быть? Нет, это не «керис», можешь не беспокоиться на этот счет. Но эта штука мне не менее дорога...

Бенито достала какой-то черный предмет, а потом послышался металлический звук. Фария затаила дыхание. Предмет оказался стилетом. «Гангстерша» метнулась вперед и, запрокинув голову Фарии, приставила оружие к ее горлу. Девушка почувствовала, как пульсирует на шее жила. Бенито шептала что-то о том, что вина искупается кровью и насчет долга перед родственниками. Фария слушала ее плохо. Голову кружил сладковатый парфюмерный запах, сквозь который пробивалось зловонное дыхание Бенито. В нем были едкий сигаретный дух и еще что-то такое, что напрочь лишило Фарию возможности соображать. Поэтому девушка не заметила, когда дверь приоткрылась снова и снова закрылась. Она лишь почувствовала, что обстановка вдруг изменилась. Потом поняла, что в камере появился кто-то еще. Но кто? Фария не сразу узнала Лисбет Саландер. Та выглядела странно – вся бледная и как будто в полусне. Ни единый мускул не дрогнул на лице Лисбет, когда Бенито повернулась к ней.

– Я не помешала?

– Черт. – Бенито выпучила глаза. – Кто тебя пустил?

– Девочки снаружи сопротивлялись недолго.

– Идиотки... Ты не видишь, что у меня в руке? – Бенито помахала стилетом, но Саландер не обратила на него никакого внимания. Вместо этого она уставилась на Бенито отстраненным, невидящим взглядом.

– Тогда убирайся отсюда, чертова шлюха, – зашипела «гангстерша». – Иначе прирежу, как свинью.

– Правда? – переспросила Саландер, не сводя с нее глаз. – А успеешь?

– Думаешь, не успею?

Лицо Бенито налилось краской, и она двинулась на Саландер, сжимая

в руке нож.

Что произошло дальше, Фария так и не поняла. Саландер выбросила вперед локоть – и Бенито полетела на стену. Потом обмякшее тело сползло на бетонный пол. Где-то за стеной все еще грохотал поезд.

Глава 6

18 июня

Микаэль и Малин сидели рядом, прислонившись к спинке кровати. Микаэль приобнял Малин за плечи:

– Так что там произошло?

– Лео взбесился, – тихо ответила она. – Послушай, у тебя нет красного вина?

– Кажется, «Бароло». – Блумквист поднялся с постели и ушел на кухню.

Когда он вернулся с бутылкой и двумя бокалами, Малин снова сидела, отвернувшись к окну. Над Риддарфьёрденом все еще лил дождь. Над водой висела пелена тумана, где-то выла сирена. Микаэль наполнил бокалы и поцеловал Малин в щеку и губы. Потом накрыл одеялом себя и ее, и Малин начала рассказывать.

– Ты знаешь, что Альфред поставил Ивара генеральным директором фонда, хотя тот был младшим среди его детей и всего на три года старше Лео. Они с ним знали друг друга с детства. Но никогда не дружили, скорее были врагами.

– И в чем причина?

Малин пожала плечами.

– Соперничество, комплексы неполноценности и все такое... Ивар понимал, что Лео талантливее его. Он видел, что Лео не принимает его всерьез, и это страшно его бесило. Ивар любил поесть и обедал в самых дорогих ресторанах, поэтому был весь такой толстый и рыхлый. Ему ведь и сорока тогда не было, а выглядел как старик. А Лео никогда не терял формы и иной раз мог сойти за двадцатипятилетнего. С другой стороны, Ивар был самоувереннее и сильнее, но вот...

Малин поморщилась и глотнула из бокала.

– Что? – не выдержал Микаэль.

– Иногда мне стыдно, что я была одной из них. Ивар, в общем, был неплохим парнем. Туповатым, но сносным. Однако иногда совершенно слетал с катушек и становился отвратителен. Думаю, он смотрел на Лео как на конкурента, который хотел занять его место. Что и говорить, многие в правлении желали бы видеть генеральным директором Лео, а не Ивара. Как-то раз он собрал совещание. Я тогда дорабатывала в фонде последние

дни – дело было как раз накануне нашей ночной встречи с Лео. Предполагалось обсудить, помимо прочего, кандидатуру моего преемника в фонде. Но, как это всегда бывает, разговор зашел о другом. Ивар с самого начала был на взводе. Вероятно, он, как и я, предчувствовал: что-то должно произойти. Но Лео так и сиял. В ту неделю он редко показывался на работе, и Ивар на него наехал. Когда он обозвал Лео лицемером и трусом, тот только улыбнулся и тем самым спровоцировал Ивара на дальнейшие оскорбления. Он разбудил в Иваре расиста – самое худшее, что в нем было. И Ивар обозвал его бродягой и цыганом. Я думала, Лео не станет обращать внимание на идиота, но он рассвирепел. Он налетел на Ивара и вцепился ему в горло. В буквальном смысле. Я бросилась их разнимать, Лео упал на пол. Он был вне себя от ярости. Помню, все бормотал: «Мы не такие... мы лучше...»

– И что Ивар?

– Сидел на стуле весь красный как рак. Потом нагнулся к нам, извинился и сразу ушел. А я осталась сидеть рядом с Лео на полу.

– И что было дальше? – Микаэль просто сгорал от любопытства.

– Ничего, насколько я помню. До сих пор не могу понять, что тогда случилось с Лео. Просто безумие какое-то...

– Разве не безумием было обзывать его цыганом и бродягой?

– Это вполне в духе Ивара, – кивнула Малин. – Он ведь, в сущности, неотесанный болван, а уж если слетает с катушек... С тем же успехом он мог бы обозвать Лео свиньей, для Ивара это одно и то же. Думаю, это у него от отца. Эгрены всегда считали себя белой костью. Теперь я жалею, что вообще связалась с ними.

Микаэль кивнул и глотнул из бокала. Наверное, ему следовало бы задать еще какой-нибудь вопрос, по крайней мере, как-то утешить Малин, но в голове крутилось другое. В этот момент он понял, каким образом Лисбет может быть связана с Лео Маннхеймером. Кто-то из ее предков по матери тоже был цыганом. Как будто отец Агнеты. Именно поэтому мать и попала в Реестр, который позже был признан незаконным^[15].

– Но ведь это не так, – задумчиво заметил Блумквист.

– Что не так?

– Что Ивар на самом деле считал себя белой костью.

– Считал, как мне кажется... Странно, конечно, Маннхеймер как будто имел для этого не меньше оснований. Слушай, – она внимательно посмотрела на Микаэля, – с какой стати тебя это вообще заинтересовало?

– Сам пока не знаю.

Малин заметно погрузтелла, и Микаэль снова обнял ее за плечи.

Сейчас он был уверен в одном: что будет искать дальше. Он углубится в историю; дойдет до старинных приходских книг, если потребуется.

* * *

Лисбет ударила сильно – слишком сильно, пожалуй. Она поняла это еще до того, как Бенито сползла на пол, – возможно, даже раньше, чем ударила. По той непередаваемой легкости, которую ощутила в мышцах за секунду до броска. Борцы знают, что самые страшные удары наносятся без усилий. Этот пришелся в самую уязвимую точку на гортани, два последующих поразили Бенито в челюсть. Лисбет шагнула в сторону – чтобы освободить место для падающей Бенито и лучше обозреть ситуацию. «Гангстерша» рухнула лицом вниз, и только потом Лисбет услышала хруст ломающейся кости. Это было больше, чем нужно. Вид у Бенито был жалкий, она не издавала ни звука, даже как будто не дышала. Лисбет Саландер не слишком огорчила бы ее смерть, но такой поворот был чреват определенными сложностями. Кроме того, Тина Грэнлунд все еще стояла рядом.

В отличие от своей покровительницы, Тина не отличалась ни решительностью, ни характером. Но она была рослой, жилистой и быстрой, и ее удар – особенно не прямой – отразить оказалось не так-то просто. Лисбет лишь удалось его ослабить. В ушах зазвенело, загорелась щека. Саландер быстро оправилась и встала в стойку, но, к ее изумлению, Тина и не думала продолжать борьбу. Вместо этого она уставилась на свою госпожу округлившимися от ужаса глазами. Из рта Бенито тянулась струйка крови, разветвлявшаяся на множество ручейков, быстро заполнявших трещины в бетонном полу. Тина побледнела.

– Бенито, ты жива? – прошептала она.

– Жива, – ответила за «гангстершу» Саландер, хотя совсем не была в этом уверена.

Ей и раньше приходилось отправлять людей в нокаут – и на ринге, и так, но в большинстве случаев ее жертвы вздрагивали, стонали или издавали какие-либо другие звуки. В отличие от них, массивное тело Бенито не подавало ни малейшего признака жизни. Саландер стояла над ней, раздвинув ноги на ширину плеч. Фария Кази все так же сидела на койке, обхватив руками колени, и с недоумением смотрела на Саландер.

– Я вытащу тебя отсюда, – сказала Лисбет, неожиданно повернувшись к Фарие.

Хольгер Пальмгрен лежал в постели в своей квартире в Лильехольмене и вспоминал последний разговор с Лисбет Саландер. Он до сих пор не нашел ответов на ее вопросы, и это его огорчало. Будучи старым и больным, Хольгер не смог бы добраться до нужных документов без посторонней помощи. Но к кому ему было обратиться? Сиделки игнорировали его просьбы. В последнее время боли в ногах и бедрах стали невыносимыми, и Пальмгрен не мог передвигаться даже при помощи роллатора. Постоянная сиделка Хольгера, равно как и приходящие медсестры, разговаривала с ним как с пятилетним малышом и как будто всей душой ненавидела и свою работу, и стариков. В свое время Пальмгрен не без гордости отверг предложение Саландер нанять частную сиделку – и теперь все чаще жалел об этом. На днях он спросил юную Мариту, с неизменно кислой миной поднимавшую его с постели, есть ли у нее дети.

– Я не обязана рассказывать вам о своей личной жизни, – пробурчала та.

Он старался быть с ними вежливым, но это воспринималось как подхалимство и проявление слабости. Старость оскорбительна сама по себе. Каждый раз, когда возникала необходимость сменить подгузник, Хольгер вспоминал одно стихотворение Гуннара Экелёфа^[16]. В последний раз он читал его еще в школе, но помнил наизусть, хотя, возможно, и привирал местами. Стихотворение называлось «Им должно быть стыдно», и его лирический герой – вероятно, *alter ego* автора – сравнивал свою смерть с медленным погружением в болото. «И последним, что вы увидите, – говорил он, – будет мой кулак, взметнувшийся среди кувшинок, и пузыри, которыми поднимутся на поверхность мои слова».

Дальше могло быть только хуже, но у Хольгера всегда оставалось право на несогласие. Каким бы несчастным он себя ни чувствовал, никто не мог отнять у него возможности сопротивляться – вот о чем было это стихотворение. Пусть он идет ко дну, но с гордо поднятым кулаком, и это его протест против боли, унижения, ворчливых медсестер и подгузников.

Хотя не все было так плохо. У Хольгера оставались друзья – прежде всего Лисбет и Лулу, которая должна была прийти и достать для него нужные документы из ящика. Лулу – рослая, красивая девушка с роскошной косой – была родом из Сомали. Одним взглядом добрых, понимающих глаз она возвращала Хольгеру чувство собственного достоинства. Это Лулу ухаживала за ним по ночам – когда требовалось

поставить морфиновый пластырь или сменить сорочку. По-шведски она говорила не без ошибок, но вопросы задавала по делу. И никаких там «ну что, мы уже проснулись?», никакого дурацкого множественного числа. Лулу хотела совершенствоваться в своей профессии и нередко спрашивала у Хольгера совета. Она воспринимала его как умудренного жизнью человека, у которого есть чему поучиться.

Лулу была единственная, кому Пальмгрен рассказал о своей поездке во Флудбергу. Он вспоминал ее как кошмарный сон. Один только вид семиметровых бетонных стен потряс старика до глубины души. Как могла Лисбет оказаться в таком месте? Что она такого сделала? Неужели спасение ребенка – такое страшное преступление? Все это было выше его разума. Хольгер так и не смог справиться с нервами и, оказавшись в комнате свиданий, заговорил совсем не о том, о чем было нужно. Он спросил Лисбет о татуировке, которая давно уже привлекала его внимание. Поколение Хольгера вообще плохо понимало искусства такого рода. Зачем покрывать рисунками такую изменчивую субстанцию, как человеческое тело?

Лисбет ответила коротко, но вполне исчерпывающе. Хольгер же был так взволнован, что нес всякую чушь. Сам он едва ли осознавал, что говорит. Что же такое на него нашло? Впрочем, причина была ясна – по крайней мере, самому Пальмгрену. Не так давно его навестила Май-Бритт Торелль, пожилая дама, в лице которой было что-то птичье. Когда-то фру Торелль работала секретаршей у Юханнеса Кальдина, директора детской психиатрической клиники Святого Стефана, где одно время лечилась Лисбет. Прочитав о бывшей пациентке в газетах, Май-Бритт заинтересовалась ею и принялась изучать ее историю болезни – в отсутствие доктора, разумеется. Передавая Хольгеру бумаги из архива больницы, фру Торелль сочла необходимым заметить, что прежде никогда не нарушала врачебной тайны. «Но здесь особый случай, – объяснила она. – Вы и представить себе не можете, через что прошла эта девочка». Май-Бритт хотела, чтобы кто-нибудь «разобрался в ситуации», именно за этим она и передала бумаги Хольгеру.

Пальмгрен, конечно, поблагодарил Май-Бритт, но уже беглое знакомство с документами разочаровало его. Опять эта старая песня! Вот уже в который раз Хольгер читал о том, как психиатр Петер Телеборьян издевался над Лисбет, привязав ее к койке кожаными ремнями. На первый взгляд документы не содержали ничего нового, но что, если Хольгер ошибался? Лисбет, во всяком случае, сразу разволновалась. Похоже, теперь она не сомневалась в том, что является объектом широкомасштабного,

санкционированного правительством эксперимента. Лисбет сказала, что уже знает имена других «подопытных кроликов», как младше, так и старше ее. Но вот чего она так и не нашла, так это имен самих экспериментаторов. Похоже, в этой части кто-то основательно подчистил архивы.

– Присмотрись повнимательнее, – попросила Лисбет Хольгера по телефону. – Вдруг найдешь что-нибудь интересное.

Лулу была единственной, кто мог помочь в этом Хольгеру.

* * *

Наконец Бенито заворочалась. Она сыпала проклятиями, шипя и отплевываясь, прежде чем смогла оторвать голову от пола. Слова срывались с ее губ вместе с кровью:

– Я направила на тебя свой «керис», слышишь? – прохрипела «гангстерша». Слова вырывались из ее горла вместе с кровью. – Мой кинжал смотрит на тебя. Ты покойница.

Это был смертный приговор. Объявляя его, Бенито чувствовала, как к ней возвращается былая власть. Но Саландер, похоже, не слишком впечатлилась.

– Сейчас *ты* больше похожа на покойницу, тебе не кажется? – отозвалась она.

Вскоре Лисбет будто бы и вовсе забыла о ее существовании. Она стала прислушиваться к звукам в коридоре, и Фария поняла почему. Снаружи застучали шаги, потом послышался голос: «Какого черта, разойдитесь», и в дверях возникла фигура начальника охраны Альвара Ульсена.

– Что здесь случилось? – спросил он, тяжело дыша.

Его взгляд метнулся от Бенито и Лисбет к сидевшей на кровати Фарие Кази.

– Что здесь произошло, черт подери?

– Узнаёшь? – Лисбет кивнула на распростертую у ее ног Бенито.

Альвар еще раз оглядел «гангстершу» и остановил взгляд на зажатом в ее руке стилете.

– Какого черта...

– Где вы только были с вашими металлодетекторами, – пробурчала Саландер.

– Но ведь... Так ведь... – бормотал Альвар, тыча пальцем в сломанную челюсть Бенито.

– А это то, что тебе давно следовало бы сделать, Альвар.

Ульсен не мог оторвать глаз от истекающей кровью, бледной как смерть Бенито.

– Ты покойница, Саландер, – продолжала шептать та, – мой «керис» смотрит в твою сторону...

Альвар почувствовал, как в нем поднимается волна панического страха. Дрожащими пальцами он нащупывал на ремне кнопку тревоги, одновременно выдергивая рацию.

– Она убьет тебя, – сказал он.

– Это моя забота, – отозвалась Саландер. – Мне и не такие угрожали.

– Вряд ли.

В коридоре раздались шаги. Или эти идиоты все время находились где-то поблизости? Последнее совсем не удивило бы Альвара. Он подумал о Вильде и угрозах Бенито в ее адрес. И эта женщина держала в страхе все подразделение... какой позор! Альвар вспомнил слова Саландер: «Это то, что тебе давно следовало бы сделать». Он понимал, что теперь ему следует каким-то образом завоевать ее уважение. Но как? До сих пор Альвар ничем его не заслужил.

Тем временем в камеру ворвались коллеги, Харриет и Фред, и как безумные уставились на Бенито. В ее нескончаемых бормотаниях уже нельзя было разобрать отдельных слов, только слоги «ке» и «кри», на которых она каждый раз словно запинаясь.

– Что за черт, – пробормотал Фред и повторил еще раз, громче: – Что за черт!

Альвар шагнул к нему и прокашлялся, только тогда Фред заметил его присутствие. В глазах Ульсена застыл ужас, на лбу и щеках блестели капли пота.

– Ты уже вызвала врача, Харриет? – спросил он. – Немедленно сделай это. А ты, Фред...

Альвар и сам толком не знал, что хотел от Фреда. Он оттягивал время, потому что до сих пор не придумал, что бы такого им сказать, чтобы в сложившейся ситуации выставить себя в самом выгодном свете.

Фред не дал ему времени на размышления.

– Что за черт! – повторил он еще раз. – Что здесь произошло? Это ты ее ударил?

Альвар ответил не сразу. Но в эту секунду ему снова вспомнился разговор с Бенито в саду и то, с каким непроницаемым холодом в глазах «гангстерша» описывала ему классную комнату и цвет резиновых сапог Вильды.

– Я, – кивнул Альвар.

В первый момент он испугался и оглянулся на Саландер. Лисбет тряхнула головой, словно не ожидала от Ульсена ничего другого. Но отступать было поздно, и момент для колебаний был самый неподходящий.

– Это сделал я, – повторил он громче. – Она угрожала всему подразделению.

– Но... черт. – Фред утер лоб и склонился над телом. – Бенито, Бенито... ты жива?

– Ты бы лучше побеспокоился о ней. – Альвар кивнул в сторону Фарики Кази. – Мы превратили подразделение черт знает во что... Видишь, что у нее в руке? – Альвар кивнул на стилет. – И это она хранила у себя в камере, несмотря на все наши металлодетекторы. Еще немного – и она набросилась бы на Фарику. Я подоспел вовремя.

Альвар запнулся, словно понял, что зашел слишком далеко, и снова скосил глаза на Саландер. Он ожидал от нее одобрения, поддержки, но Лисбет оставалась тверда, как скала.

– Она хотела убить меня, – подала голос Фарика Кази и подняла голову, демонстрируя красное пятно на шее.

Это придало Альвару смелости:

– И что я должен был, по-вашему, делать? – Он поочередно посмотрел на коллег. – Ждать, когда Бенито ее прирежет?

Альвар не по своей воле ввязался в эту игру, но теперь выходить из нее было поздно. В дверях уже толпились заключенные, готовые вломиться в камеру. В любую секунду ситуация грозила выйти из-под контроля. В коридоре уже раздавались угрозы и ругань. Но потом кто-то зааплодировал, и волну возмущения перебили радостные женские возгласы. Настроение толпы сменилось. Гул голосов нарастал, ширился, заполняя все помещение корпуса, пока не сменился радостно-возмущенным воем, какой бывает на боксерском ринге или на стадионе. Отдельные гневные реплики были направлены не только против Альвара. Заключенные выкрикивали имя Саландер, как будто слухи о том, что произошло между ней и Бенито, уже успели просочиться за стены камеры.

Ульсен понимал, что должен действовать. Теперь ему не оставалось ничего другого, как только идти до конца. Он закричал, что надо оповестить полицию. Хотя, конечно же, в «Подразделение Б» уже со всех сторон бежали охранники. Так бывало всегда в случае беспорядков. Альвар лихорадочно соображал, развести ли ему заключенных по камерам сейчас или дождаться подкрепления. Он приблизился к Фарики Кази и велел Харриет и Фреду показать ее врачу и психологу. Потом повернулся к Саландер и жестом приказал следовать за ним.

Оказавшись в коридоре, Альвар буквально кожей чувствовал, как вокруг него накаляется атмосфера. Недовольство сдерживалось, бурлило, в любой момент готовое выплеснуться наружу. Альвар толкнул Саландер в камеру, проскользнул следом и запер дверь, в которую уже колотили кулаки. Коллеги отчаянно призывали женщин к порядку. Альвар молчал, не сводя глаз с Саландер. Сердце его билось в груди, как молоток. Лисбет приблизилась к столу, не удостоив его ни единым взглядом, и задумалась, взъерошив пальцами волосы.

– Я привыкла сама отвечать за свои поступки.

– Я всего лишь хотел тебя выгородить, – оправдывался Альвар.

– Не ври. – Она впервые подняла на него глаза. – Ты хотел выглядеть лучше, чем ты есть... Все нормально. Можешь теперь уйти.

Альвар не договорил. Он хотел объяснить как следует, но боялся показаться смешным. Уже в дверях он услышал за спиной голос Саландер:

– Я ударила ее в гортань и попала как раз куда нужно.

«В гортань», – мысленно повторил Альвар, прокладывая себе путь в толпе заключенных.

* * *

В ожидании Лулу Хольгер Пальмгрен пытался вспомнить, что же такого было в тех документах. Что он мог там проглядеть? Историю с удочерением Лисбет? Но он всегда знал о ней. И о том, как ее отец насиловал Агнету – тоже... Ладно, скоро все прояснится. Лулу всегда пунктуальна. Она работает четыре дня в неделю, и сегодня как раз ее вечер. Хольгер истосковался по ней. Лулу положит его в постель, поставит морфиновый пластырь и принесет документы из нижнего ящика стола в гостиной, куда положила их после визита Май-Бритт Торелль.

Хольгер пообещал себе быть внимательным. Может, хоть на этот раз ему удастся помочь Лисбет... В этот момент в бедро словно вонзили нож, и он застонал от боли. «Где же ты, Лулу, приходи скорее», – мысленно взмолился Хольгер. И она явилась – не прошло и пяти минут, в течение которых он ждал, барабанив пальцами здоровой руки по одеялу. На лестнице послышались шаги, дверь заскрипела. Какое чудо, что она пришла на двадцать минут раньше... Но Лулу вошла молча, без обычного громкого приветствия, быстро проскользнула в гостиную, а затем в спальню.

Хольгер затаил дыхание. Бесстрашие – одна из немногих привилегий старости. Трудно напугать того, кому нечего терять. Но страх Пальмгрена

был другого рода. Сейчас Лулу вложит ему в руки бумаги, при помощи которых он сможет помочь Лисбет. В кои-то веки старик почувствовал, что ему есть для чего жить.

– Привет.

– Господи, ты не спишь! А я так надеялась...

– Я ждал тебя. Я никогда не сплю в твою смену.

– Но ты был такой усталый в последние дни. Думаю, это поездка в тюрьму так тебя измотала...

Лулу появилась в дверях в разноцветном африканском платье, с яркой косметикой на лице.

– Тебе было тяжело со мной?

– Не надо об этом.

– Прости, я хотел как лучше.

– Ты все делаешь лучше некуда. Твоя главная проблема в том, что ты слишком часто извиняешься.

– Прости.

– Ну вот, видишь...

– Что с тобой, Лулу? Ты сегодня такая нарядная...

– Познакомилась со шведским мужчиной из Вестерханинге. Инженер и с новой «Вольво», представляешь?

– Он, конечно, без ума от тебя.

– Надеюсь.

Лулу поправила подушку и помогла Хольгеру сесть. Пока спинка больничной койки со скрипом принимала вертикальное положение, Лулу не переставала щебетать о мужчине из Вестерханинге по имени Роберт или Рольф – Хольгер слушал ее плохо. Наконец она положила ладонь ему на лоб.

– Ты вспотел, старичок. Пожалуй, пора принять душ.

Никто не умел говорить глупости с такой нежностью, как это делала Лулу. Обычно Хольгер любил поболтать с ней, но сегодня он молчал, глядя на неподвижную левую руку, и чувствовал, как в нем поднимается раздражение на собственную беспомощность.

– Прости, Лулу. Не могла бы ты для начала сделать для меня кое-что другое?

– Всегда твоя услуга, – послушно отозвалась девушка.

– «Всегда к твоим услугам», – поправил Хольгер. – Будь добра, принеси бумаги из нижнего ящика. Мне надо просмотреть их еще раз.

– Но там такие ужасы... – схватилась за голову Лулу. – Ты же сам рассказывал.

– Ужасы, – подтвердил Хольгер. – Тем не менее мне надо взглянуть на них еще раз.

– Конечно, конечно...

Лулу исчезла в гостиной и вскоре появилась снова, с пачкой бумаг. Теперь их как будто было больше, чем в прошлый раз. Как видно, Лулу прихватила из ящика что-то лишнее. У Пальмгрена от волнения перехватило дыхание.

– Вчера ты как будто был повеселее, Хольгер, – услышал он голос Лулу. – Это опять та Саландер, да?

Она водрузила кипу на ночной столик, освободив для нее место среди таблеток и книг.

– Это она. Было ужасно видеть ее в тюрьме.

– Понимаю.

– Можешь прихватить мою зубную щетку... Заодно поставить пластыри... и... пододвинь мою ногу чуть влево, ладно? Все тело ниже пояса... – Хольгер замолчал, подбирая слова.

– Как будто ножами режут? – подсказала Лулу.

– Именно, ножами, – согласился Хольгер. – Я так часто это говорю?

– Ты все время так говоришь, – кивнула Лулу.

– Вот видишь... это старческое. А теперь я хотел бы заняться бумагами... Слушай, не пора ли тебе навестить твоего Рогера?

– Рольфа, – поправила Лулу.

– Рольфа. Надеюсь, он порядочный человек. Это главное.

– Ты уверен? – переспросила Лулу. – А ты всегда встречался только с порядочными женщинами?

– Мне следовало бы встречаться только с порядочными, скажем так.

– Все вы так говорите, а сами только и делаете, что бегаєте за смазливými мордочками.

– Не скажи...

Терпение Хольгера было на исходе. Он попросил Лулу немедленно дать ему кипу, которую не смог удержать даже здоровой рукой. Лулу еще меняла сорочку и ставила морфиновые пластыри, а Хольгер уже погрузился в чтение. Время от времени он поднимал голову от бумаг, чтобы сказать Лулу что-нибудь приятное и ободряющее, и на прощание пожелал ей удачи с этим Рольфом или Рогером.

Далее Хольгер целиком погрузился в чтение. Бумаги в большинстве своем были медицинскими отчетами, протоколами обследований, рецептами и указаниями лечащим терапевтам – за подписью все того же психиатра Петера Телеборьяна. От одного перечня принудительных мер у

Пальмгрена побежали по спине мурашки. И все-таки ничего нового во всем этом не было. А главное – старик не видел в бумагах того, что интересовало Лисбет. Он пролистывал их снова и снова, даже поднеся к глазам лупу, пока наконец ему не попало нечто, что привлекло его внимание.

Собственно, это было не бог весть что – коротенькая записка за подписью Телеборьяна, касающаяся перевода Лисбет в клинику Уппсалы. Но в ней Хольгер увидел то, что искал: имена.

Пациентка, ранее известная из Реестра изучения генетики и среды (РИГС). Принимала участие в Проекте 9 (результат: неудовлетворительный). Решение о помещении в приемную семью, принятое профессором социологии доктором Мартином Стейнбергом, нереализуемо: пациентка проявляет склонность к побегам и отличается исключительной изобретательностью. Подробнее – см. инцидент с Г. в квартире на Лундагатан: пациентка бежала из дома в возрасте шести лет.

Шесть лет? Не об этом ли «инциденте» Лисбет говорила ему в тюрьме? И кто в таком случае фигурирует под литерой Г, женщина с родимым пятном на шее? Возможно, хотя утверждать трудно. Он еще раз перечитал записку и не смог удержаться от улыбки. «Отличается исключительной изобретательностью», – пишет Телеборьян. Есть вещи, очевидные даже идиоту. Хотя оснований для веселья мало. Если верить этой записке, Лисбет хотели забрать из семьи уже в раннем детстве.

Мать, Агнета Саландер, определена в интернат в Эппельвикене – тяжелое повреждение мозга вследствие удара по голове. Ранее встречалась с психологом Хильдой фон Кантерборг, которая, нарушив врачебную этику, рассказала ей о секретных списках. От дальнейшего общения с пациентами отстранена. О прочих мерах – см. у профессора Стейнберга и Г.

Мартин Стейнберг? Хольгер задумался. Имя показалось ему знакомым. Не без усилий – что ему сейчас давалось без усилий? – Пальмгрен набрал его на мобильнике в «Гугле». Ну, конечно... Как же он мог забыть? Хотя друзьями они с Мартином Стейнбергом никогда не были. В первый раз их пути пересеклись лет двадцать пять тому назад. Не кто иной, как Стейнберг, выступал экспертом по делу одного парня, которого

обвиняли в нанесении телесных повреждений собственному отцу. Хольгер защищал его в суде и страшно обрадовался, когда Стейнберг встал на его сторону. Он ведь уже тогда был членом престижных комитетов и комиссий. Его методы многие называли устаревшими и негибкими, но в тот раз они сработали. Клиент Пальмгрена был оправдан. Тогда они выпили по бокалу вина с Мартином Стейнбергом и потом время от времени встречались и всегда тепло приветствовали друг друга. Кто знает, может, и на этот раз Хольгеру удастся выудить из Стейнберга что-нибудь полезное?

Старик размышлял, лежа в постели с кипой бумаг на груди. Что, если позвонить ему прямо сейчас? Пока Хольгер взвешивал все «за» и «против», морфиновый пластырь начал действовать. Боль в бедре поутихла, словно теперь в мышцы вонзали не ножи, а тоненькие иголки. Он должен был перебороть себя, ведь Лисбет просила... Теперь у него на руках документы, осталось разработать новую стратегию. Хольгер набрал номер и, пока шли сигналы, смотрел на часы. Двадцать минут одиннадцатого – поздновато для звонка. Хотя ему звонили и позже... В любом случае он должен быть предельно осторожен.

Его размышления прервал голос Стейнберга – настолько уверенный и властный, что Хольгер сразу смутился. Он извинился, представился. Стейнберг не выказывал ни раздражения, ни неудовольствия. Выслушав поздравления Хольгера с многочисленными премиями и назначениями, о которых только что узнал из «Википедии», профессор проявил взаимную вежливость и осведомился о его здоровье.

– Что вам на это сказать? – рассмеялся старик. – В мои годы радуешься любой болячке – хоть так понимаешь, что жив.

Мартин Стейнберг рассмеялся вместе с ним. Потом пришло время воспоминаний о прошлом. И только после этого Хольгер перешел к делу. Один из его клиентов, сказал он, заинтересовался работой профессора Стейнберга с так называемым Реестром. Лишь произнеся это слово, Хольгер понял, что ошибся. Стейнберг не то чтобы испугался, но сразу занервничал.

– Не понимаю, о чем вы, – перебил он Пальмгрена.

– В самом деле? – удивился Хольгер. – Но здесь черным по белому написано...

– Где написано?

– В бумагах, которые я держу в руках.

Уверенность вмиг выветрилась из голоса Пальмгрена, теперь он как будто оправдывался.

– Но что именно там сказано? – продолжал насеждать профессор.

– Для этого я должен присмотреться внимательнее.
– Вам непременно надо это сделать.
– Уж не путаю ли я чего... знаете, такое бывает со стариками.
– Бывает, – согласился Стейнберг все в том же натянуто-шутливом тоне.

Профессор нервничал и безуспешно пытался это скрыть. Но хуже всего было то, что он прекрасно осознавал безуспешность этих попыток.

– Не исключено, что и в бумагах допущена какая-то ошибка, – подливал он масла в огонь. – А что за клиент?

Хольгер пробормотал, что этого сказать не может. Теперь он лишь выжидал момент, чтобы прекратить неприятный разговор. Но, не успев положить трубку, старик уже понял, что беседа в любом случае не останется без последствий. Как он только мог быть таким идиотом? Он хотел как лучше, но в результате только подставил себя.

Тем временем на Лильехольмен опустилась ночь. Бессильная злоба на самого себя вылилась в новый приступ боли в спине и бедрах. Хольмер Пальмгрен заохал – что за проклятье эта старость...

Глава 7

7 июня

Проснувшись рано утром в воскресенье, Микаэль Блумквист первым делом прошмыгнул на кухню, чтобы не будить Малин. Он надел джинсы и серую хлопковую рубашку, приготовил крепкий капучино и бутерброд и сел за стол, обложившись свежими газетами. Позавтракав, Микаэль включил компьютер и задумался. С чего начать? Он перерыл все, что только можно, – архивы, списки и базы данных, постановления судов, завещания, бухгалтерские книги и налоговые декларации. Он обходил ограничения доступа, пользуясь статусом журналиста, и умел отыскивать лазейку даже в самых, казалось бы, безнадежных случаях. Но, сколько Блумквист ни рылся в мусорных баках – почти в буквальном смысле этого выражения, – сколько ни изучал старые фотографии, за которыми забирался в самые труднодоступные тайники, так и не смог обнаружить ни единого свидетельства об усыновленных или внебрачных детях в роду Маннхеймеров.

Он привык доверять журналистскому инстинкту – хотя до сих пор не мог понять, насколько это правильно. И сейчас этот инстинкт ясно подсказывал ему, что Ивар Эгрен неспроста обозвал Лео Маннхеймера «цыганом». На первый взгляд все это казалось в высшей степени странным. Уж коли речь шла о пресловутой «голубой крови», здесь Лео имел перед Эгренем все преимущества. В конце концов, он являлся отпрыском рода, известного по меньшей мере с XVII века. Очевидно, за этим оскорбительным эпитетом стояло нечто, что Микаэлю только предстояло выяснить.

Уже первые попытки навести справки в Сети вызвали у Блумквиста невольную улыбку. По какой-то непонятной причине поиски фамильных корней превратились в последнее время в нечто вроде общенационального движения. Интернет изобиловал сайтами, на которых выкладывались сканированные церковно-приходские книги, данные мигрантских служб, подушные переписи и генетические базы данных. Это было золотое дно, но только для тех, кто ищет предков в далеком историческом прошлом. Таким, при наличии денег и терпения, предоставлялась возможность сколь угодно долго отслеживать перемещения своих пращуров с континента на континент – вплоть до африканской прародины человечества.

Иначе обстояло дело с теми, кто попал в приемную семью в недалеком прошлом. В отношении таковых действовал семидесятилетний запрет на разглашение тайны усыновления, который мог быть снят лишь в исключительных случаях и только по решению суда. Хотя именно «исключительность» журналисты понимали по-своему. И Микаэль Блумквист знал не хуже, чем его не отличавшиеся особой деликатностью коллеги: на то и существуют запреты, чтобы их обходить.

Часы показывали половину восьмого. Малин все еще нежилась в двуспальной кровати, а над Риддарфьёрденом уже занимался солнечный день. На сегодня была назначена лекция Лео Маннхеймера в Музее фотографии, которую они с Малин собирались посетить. Но перед этим Микаэль должен был попытаться навести справки о Лео Маннхеймере. Выходной – не самое подходящее для этого время, почти все инстанции закрыты. Ко всему прочему Микаэль был вынужден признать, что после вчерашнего разговора с Малин он совершенно утратил симпатию к своему герою. Последнее, впрочем, не имело к делу никакого значения. Блумквист и не думал отступать. Первым делом следовало взять в государственном архиве церковно-приходскую книгу с записью о рождении Лео. Если Микаэлю откажут, у него будут основания для подозрений. Хотя совсем не обязательно. Церковно-приходские книги засекречивают по разным причинам. Микаэль должен идти дальше и сделать запрос на персональное досье Лео и его родителей. В персональных досье – которые засекречивают лишь в редких случаях – обычно имеются сведения о перемене места жительства. Если на момент рождения Лео он и Вивека с Херманом были приписаны к разным приходам, есть основания полагать, что они не являются его биологическими родителями. Прежде всего Микаэль имел в виду Вестерледский приход в Нокебю.

Он написал запросы в государственный архив, однако внезапно вспомнил, что не может отправить их под своим именем. Оно как красная тряпка – чиновники сразу же заподозрят неладное. Далее пойдут слухи – Микаэль Блумквист не берется за расследование просто так. Огласка нужна ему в последнюю очередь, особенно если дело Лео Маннхеймера действительно окажется щекотливым. Микаэль решил позвонить в архив завтра утром и воспользоваться своим правом на анонимность. Хотя у Блумквиста оставалась еще одна лазейка – Хольгер Пальмгрен. Сумел же он, в конце концов, добраться до Флудберги. В любом случае стоит позвонить старику и осведомиться о его здоровье. Микаэль достал мобильник и взглянул на часы: не рановато? Нет, Пальмгрен встает на рассвете и день недели не имеет для него никакого значения. Он набрал

номер Хольгера, но тот оказался недоступен. Попытка дозвониться на стационарный телефон также успехом не увенчалась. Микаэль снова взял мобильник, когда услышал за спиной шаги босых женских ног и, расплывшись в улыбке, обернулся.

* * *

Хольгера Пальмгрена совсем не удивило, что его мобильник не работает. Что у него вообще работало? Промучившись несколько часов болями в ногах и спине, Хольгер чувствовал себя самым жалким существом на свете. В конце концов, что с ним происходит? Он уже понял, что вчерашний разговор – ошибка. Стейнберг – обыкновенный отморозок, в каких бы там комиссиях он ни состоял. В пользу этого говорит уже одно его решение о помещении Лисбет в приемную семью вопреки воле ее матери, не говоря уже о ней самой. Боже ты мой, как же можно быть таким дураком! Пальмгрону нужно было срочно дозвониться до Лисбет. Но как это сделать без мобильника? Стационарный телефон Хольгер давно отключил – уж слишком часто досаждали ему звонками продавцы разного рода услуг. Он, поди, и разъем из гнезда вынул...

Так и есть. Хольгер повернулся, преодолевая боль, перегнулся через край кровати и вставил разъем в гнездо. Потом упал на постель, полежал несколько минут, тяжело дыша, и только после этого нашел в себе силы поднять телефон на ночной столик. Хольгер поднес к уху трубку. Гудки есть, а это уже кое-что. Хольгер позвонил в телефонное агентство и попросил соединить его с администрацией женской колонии во Флудберге.

Пальмгрен не ожидал, что там очень обрадуются его звонку, и все-таки не приветливость в голосе женщины сразу смутила его.

– Меня зовут Хольгер Пальмгрен, – представился он. – Я адвокат и хотел бы поговорить с сотрудниками отдела охраны. Дело срочное и крайне важное.

– Вам придется подождать, – холодно отозвалась женщина.

– Я же сказал: дело не терпит отлагательств.

Тем не менее ждать все-таки пришлось. После бесконечных звонков и переключений его соединили с сотрудницей отдела безопасности Харриет Линдфорс. Хольгер вздрогнул, услышав в трубке ее строгий голос, но в следующий момент собрался и тоном, не терпящим возражений, заявил, что ему срочно нужно переговорить с Лисбет Саландер. Пару минут в трубке было тихо, а потом снова заговорила Линдфорс:

– Только не сейчас.
– А что произошло? – поинтересовался Хольберг.
– Вы работаете с ее адвокатом? – в свою очередь спросила она.
– Как вам сказать, – вздохнул Хольгер. – И да, и нет.
– Это не ответ.
– Официально я этим не занимаюсь.
– В таком случае сейчас ничего не получится, – отрезала Линдфорс и повесила трубку.

Пальмгрен был вне себя. Потом гнев сменился беспокойством, и он долго лежал в постели, постукивая пальцами здоровой руки по одеялу и представляя себе картины одна кошмарнее другой. И во всем был виноват он, с самого начала. Тем не менее Хольгер попытался взять себя в руки. Ни к чему понапрасну распалить воображение. Ну почему он так беспомощен...

Тут следовало бы немедленно брать быка за рога. Но вместо этого Пальмгрен стонал, тяжело ворочая наполовину парализованным телом. Он не мог даже сесть в инвалидное кресло без посторонней помощи – не говоря уже о том, чтобы с ним управляться. Но настоящая пытка начиналась ночью, когда Пальмгрен чувствовал себя приколотенным гвоздями к матрасу, словно к кресту. «Моя Голгофа» – вот как он называл это время. Даже старина Экелёф со своим кулаком, поднятым среди кувшинок, не мог утешить его в такие часы. Хольгер взглянул на телефон. Он вспомнил, что ему как будто кто-то звонил, пока он ждал соединения с Флудбергой. И точно, это был Микаэль Блумквист. Пальмгрен обрадовался, когда прочитал его сообщение. Пожалуй, только Блумквист и мог помочь ему в сложившейся ситуации. Хольгер набрал его номер, но ответа не дождался. Пришлось звонить несколько раз, прежде чем в трубке послышался голос Блумквиста. Микаэль пыхтел и как будто задыхался, но Хольгер сразу понял, что это пыхтение иного рода, нежели его собственное.

– Я помешал? – спросил Пальмгрен.
– Нет, ну что ты, – отозвался Микаэль.
– У тебя дама?
– Нет, нет...
– Да, да... – послышался женский голос на заднем плане.
– Тогда не буду вас беспокоить. – Хольгер даже в критической ситуации нашел в себе силы оставаться джентльменом. – Я позвоню твоей сестре.

– Нет, нет, – испугался Микаэль. – Я сам пытался с тобой связаться. Ты ведь ездил к Лисбет, так?

- Да, и теперь очень за нее беспокоюсь.
- Я тоже. А что, собственно, случилось?
- В общем... – Хольгер замялся, вспомнив совет Блумквиста никогда не говорить о важных вещах по телефону.
- Что? – не выдержал Микаэль.
- Похоже, она что-то узнала.
- О чем?
- О чем-то таком, связанном с ее детством. Но самое страшное, что я снова выставил себя дураком. Я всего лишь хотел помочь ей... Послушай, может, приедешь и поговорим с глазу на глаз?
- Разумеется, уже выезжаю, – согласился Блумквист.
- Ни в коем случае! – закричал женский голос.

Хольгер попытался представить себе эту женщину. Потом вдруг вспомнил о Марите и унижительной процедуре, через которую ему предстояло пройти в ближайшие час или два. Зачем? Чтобы потом сидеть в кресле одетым во все чистое, попивать кофе, по вкусу больше напоминающий чай, и мучиться мыслями о Лисбет? Нужно было срочно выяснить, действительно ли Стейнберг один из тех, кто стоит у истоков самой идеи Реестра для изучения генетики и среды.

– Может, заедешь сегодня вечером после девяти? – предложил Хольгер Блумквисту. – Выпьем по бокалу вина, сегодня мне это было бы как нельзя кстати.

– Хорошо, тогда до вечера, – отозвался Микаэль.

Пальмгрен положил трубку и снова потянулся за документами Лисбет, которые лежали на ночном столике. После чего позвонил Аннике Джаннини и директору женской колонии во Флудберге Рикарду Фагеру. Ни он, ни она не отвечали. Тут Хольгер обнаружил, что стационарный телефон тоже не работает. Ко всему прочему несносная Марита опаздывала.

* * *

Лео Маннхеймер часто вспоминал тот далекий октябрьский день. Тогда ему было одиннадцать лет. Мама ушла на обед к католическому епископу, а папа охотился с друзьями в лесу. Лео чувствовал себя одиноким в большом доме. Даже домработницы Венделы не было на месте. Мальчик решил воспользоваться внезапной свободой и, оставив книги и дополнительные задания, которыми его буквально заваливали частные учителя, сел за рояль. И не для того, чтобы играть этюды или фуги. Лео

сочинял музыку.

Собственно, он занимался этим не так давно, и его увлечение пока не снискало родительского одобрения. «Детская чушь» – так отозвалась о его композициях мать. Но Лео не обижался. Не потому, что был всего лишь одиннадцатилетним мальчиком, который самостоятельно начинает большое дело, но потому, что признавал в словах матери некую объективность. Тем не менее сочинительства не бросал. И на занятиях с учителями только и мечтал что об этих часах свободы. В тот день он играл одну мелодию – грустную, как и сама его жизнь, и пугающе похожую на «Балладу для Аделины»^[17].

Его первые произведения были претенциозны. Тогда он еще многого не умел, даже не знал, что на свете существует джаз. Его аккорды резали слух. И главное – он еще не мог извлекать мелодии из жужжания насекомых, шелеста листвы под ветром, отдаленных голосов и городского шума. Но, несмотря на все это, весь тот день Лео провел за роялем и был счастлив, как может быть счастлив только мальчишка.

Собственно, он любил одиночество. Единственным другом Лео был психолог Карл Сегер. Каждый вторник в четыре часа дня Лео появлялся у него в кабинете в Брумме^[18] и нередко звонил ему вечерами тайком от родителей. Карл понимал его, как никто, и часто ссорился из-за него с Херманом и Вивеккой. «Не лишайте мальчика детства! – кричал он. – Он задыхается, разве вы не видите?» Разумеется, его никто не слушал. Тем не менее Карл оставался на стороне Лео. Только он и его невеста Элленор.

Отец и Карл различались как день и ночь. Лео никак не мог понять, что связывало их друг с другом. Вот и теперь Карл почему-то отправился с отцом на охоту, хотя терпеть не мог, когда убивают животных. Лео считал Карла Сегера человеком другой породы, нежели отец и Альфред Эгрэн. Карл не интересовался политикой и не хохотал вместе со всеми за обеденным столом над какой-нибудь глупой шуткой. В кругу хозяев жизни он чувствовал себя чужим. Зато сразу находил общий язык с чудаками и одиночками, которых, благодаря своим научным изысканиям, понимал лучше других. Карл любил поэзию, особенно французскую. Он читал Камю, Стендаля и обожал Эдит Пиаф. Одевался несколько небрежно, почти как художник. Но главное, он умел выслушать и был единственным, кто видел всю глубину таланта Лео – или его проклятия, как посмотреть.

«Ты очень чувствителен, Лео, – говорил Сегер мальчику. – Но ты должен этим гордиться. В тебе дремлют большие силы. Все будет хорошо, вот увидишь».

Каждый день Лео с нетерпением ждал еженедельной встречи с Карлом. Сегер держал частную практику в собственном доме на Грэнвиксвеген, где на стенах висели черно-белые фотографии с видами Парижа пятидесятих годов. Лео устраивался в потертом кожаном кресле, и начиналась беседа о том, чего не понимали ни его родители, ни друзья. При этом он отдавал себе отчет, что идеализирует Карла. После того октябрьского дня он всю жизнь только и занимался тем, что идеализировал его.

Итак, Лео сидел за роялем. Он играл, зависая на каждом звуке, следя за движениями мелодии. Но тут во двор въехал отцовский «Мерседес», и мальчик встал из-за рояля. Он был удивлен и напуган: папа должен был вернуться только в воскресенье вечером. Мальчик прислушался. Дом стоял погруженный в напряженную тишину, в любой момент готовую взорваться криком. Дверь комнаты Лео осторожно приоткрылась и тут же захлопнулась. В душе мальчика зашевелилось недоброе предчувствие. Гравий хрустел под тяжелыми отцовскими шагами. Потом на лестнице послышались вздохи. Должно быть, сейчас отец снимал верхнюю одежду и убирал ружье и ягдташ.

Вот заскрипела лестница на второй этаж. Лео замер от страха, когда в дверях возникла мрачная отцовская фигура. Он навсегда запомнил этот момент. Отец был в зеленых охотничьих брюках и черном непромокаемом плаще. На его лбу блестели капли пота. Лео перепугался. Обычно отец не терял самообладания даже в самых критических ситуациях. Бледный как смерть, он приблизился к сыну, неуклюже обнял его и прижал к груди.

– Мне очень жаль, мой мальчик. Мне страшно жаль.

И позже Лео ни разу не усомнился в искренности этих слов. Но то, что стояло за ними, не на шутку напугало его – немой, парализующий ужас, отразившийся в глазах отца и словно мешавший ему говорить. Однако даже это не имело теперь никакого значения, потому что Карл был мертв. Лео почувствовал это еще до того, как выслушал сбивчивый рассказ папы, и сразу понял, что его жизнь никогда больше не будет прежней.

* * *

В Музее фотографии былолюдно, несмотря на солнечную погоду. Впрочем, Микаэля это не особенно удивило. Тема биржи и акций волновала многих. Да и организаторы мероприятия – Общество акционеров – умели привлечь людей интересными темами. «Скачущий курс, – гласил с

афиши заголовок сегодняшнего семинара. – Скоро ли лопнет мыльный пузырь». Ниже следовал внушительный список приглашенных, среди которых, по-видимому, Лео Маннхеймер не был гвоздем программы. Зато он выступал первым, так что Микаэль и Малин подоспели вовремя.

После уличного зноя и духоты слушатели с наслаждением окунались в прохладу зала. Микаэль и Малин заняли места в одном из задних рядов слева. Обоим было не по себе: Блумквисту – после недавнего разговора с Хольгером, Малин – в предвкушении встречи с Лео.

– Сегодня нам предстоит провести потрясающий вечер, – провозгласила председатель общества акционеров юная Карин Лестандер. – Несколько известных специалистов готовы представить нам свои версии видения ситуации, сложившейся на финансовом рынке. Но прежде я предлагаю вам взглянуть на биржу с философской, так сказать, точки зрения. Итак, встречайте! Директор отдела аналитики фонда Альфреда Эгрена, доктор экономики Лео Маннхеймер!

Высокий, худощавый мужчина в светло-голубом костюме поднялся с кресла в первом ряду и легкой, уверенной походкой взошел на сцену. Однако в следующий момент произошло нечто непредвиденное. Послышался стук, как будто где-то в зале опрокинули стул. Мужчина в голубом костюме вдруг покачнулся и, чтобы не упасть, ухватился за край стоявшего на сцене круглого стола.

– О, нет... – Малин вцепилась Микаэлю в рукав.

Лео Маннхеймер удержался на ногах, хотя его лицо стало пепельно-серым, и тут же потянулся за стоявшей на столе бутылкой воды. Публика разволновалась, послышались испуганные женские крики.

– Боже мой, Лео, что такое? – заверещала Карин Лестандер. – Ты плохо себя чувствуешь?

– Всё в порядке, – улыбнулся Лео Маннхеймер.

– Ты уверен?

– Легкое недомогание, не более того. – Он изобразил на лице улыбку.

– Рада тебя видеть, – приветствовала гостя Карин Лестандер, не вполне уверенная, стоит ли продолжать дальше.

– Спасибо, взаимно.

– Обычно ты...

– Стою на ногах тверже?

Лео издал нервный смешок.

– Именно. Лео, ты – скала. Твои экономические анализы для фонда Эгрена поражают глубиной и тонкостью. Но сегодня нас больше интересует фондовый рынок. Причем... как бы это точнее выразиться... в

философском плане. Когда-то ты назвал его храмом; почему?

– Ну... – Лео Маннхеймер ослабил галстук и долго молчал, прежде чем нашел в себе силы продолжить. – Ну... полагаю, не мне первому пришло в голову это сравнение. Я бы даже назвал его расхожим.

– Вот как? И на чем же оно основано?

– Ну... – Лео вздохнул и на несколько секунд прикрыл глаза. Мало-помалу лицо его оживало и уже не казалось таким бледным. – Фондовый рынок – тоже своего рода религия. Очевидно, что и то, и другое держится на нашей вере. Стоит нам усомниться – и рынок рухнет так же, как церковь. Это неоспоримый факт.

– Но мы сомневаемся все время, – возразила Карин. – Именно это и привело нас всех сегодня в эту аудиторию. Мы спрашиваем себя, что нас ждет: высокая конъюнктура или полный крах?

– Наши сомнения – это именно то, что дает бирже возможность существовать, – кивнул Лео. – Ежедневно миллионы человек сомневаются, надеются, верят и анализируют, тем самым создавая курс. Но я хотел бы поговорить о вере другого рода...

– В Бога? – округлила глаза Карин.

– Возможно, и об этом тоже. Но прежде – о вере людей в саму возможность получения прибыли на бирже. Серьезные сомнения на этот счет способны обвалить рынок и опрокинуть мир в пучину депрессии.

– Но... существуют ведь и другие сомнения и страхи, чреватые не менее катастрофическими последствиями?

– Разумеется. И первое, что здесь можно назвать, – утрата веры в саму идею рынка, разрушающая саму воображаемую структуру...

– Воображаемую?

– Провокационное замечание, и я сразу хотел бы за него извиниться. Но фондовый рынок действительно существует не в том смысле, в каком это можно сказать обо мне или о вас, Карин. Он – не более чем воображаемая конструкция. Которая прекращает существование в тот момент, когда мы перестаем в нее верить.

– В самом деле? – сомневающимся голосом переспросила Карин.

– Да. Давайте разберемся. Что есть рынок?

– Да, что?

– Соглашение. Мы, и никто другой, решили, что отныне наши страхи, мечты, мысли и надежды на будущее получают эквивалент в валюте, доле собственности предприятий и живых товарах.

– Смелая мысль.

– Не такая уж смелая, Карин. Но, что самое интересное, это не делает

рынок менее надежным или стабильным. Многие явления нашей жизни – например, культурное наследие или различные организации, институты – не более чем порождения нашей фантазии и конструкции ума.

– И наши деньги, конечно.

– Разумеется, причем сейчас, как никогда ранее... Я, конечно, не имею в виду те золотые кругляшки, в которых купался Скрудж Макдак и которые хранились у него под матрасом. Сегодня наши сбережения – не более чем цифры, мелькающие на мониторе компьютера. Тем не менее мы в них верим. А теперь представьте... – Лео Маннхеймер снова остановился как будто для того, чтобы перевести дух.

– Да? – не выдержала Карин.

– Представьте: мы поверим в то, что эти значки могут не только скакать вверх-вниз, перемещаясь с одного места в таблице на другое, но и исчезнуть. – Лео сделал паузу. – Как цифры на грифельной доске. Что тогда?

– Катастрофа, – прошептала в микрофон Карин.

– Совершенно верно, – подтвердил Лео. – И это примерно то, что произошло с нами несколько месяцев назад.

– Вы имеете в виду хакерскую атаку на «Файненс секьюрити» и Центральный депозитарий ценных бумаг?

– Совершенно верно. Тогда все наши сбережения на некоторое время просто перестали существовать. Затерялись в киберпространстве. И рынок затрясло. Крона упала на сорок шесть процентов.

– Но Стокгольмская биржа отреагировала на удивление быстро и сразу закрыла все отделения.

– Мы должны отдать должное этим людям, Карин. Обвал фондового рынка в Швеции привел лишь к тому, что некоторое время никто не мог совершать никаких операций. Для этого просто не было средств. Но кое-кто на этом разбогател, и именно эта мысль до сих пор не дает покоя многим. Представляете, какая это сумма? Сколько нужно ограбить банков, чтобы покрыть ее?

– Конечно, конечно... – закивала Карин. – Об этом тогда много писали, в том числе и Микаэль Блумквист в «Миллениуме». Не он ли только что мелькал там, в задних рядах?.. Ну, а если серьезно, Лео, насколько все это опасно?

– На самом деле реальной опасности здесь нет. И шведские банки, и «Файненс секьюрити» имеют обширную базу резервного копирования. Но жизнь рынка не ограничивается тем, что мы называем «объективной реальностью». Опасность состоит в том, что на некоторое время мы просто

перестали верить в существование виртуальных капиталов.

– Хакерские атаки сопровождались массовой дезинформацией в социальных медиа, – добавила Карин.

– Совершенно верно. Сразу появилась масса фальшивых «твитов», где утверждалось, будто наши активы не могут быть восстановлены. И – заметьте – это была скорее атака на нас и наше доверие, нежели на наши деньги. Мы должны отличать одно от другого.

– Сегодня как будто имеются неоспоримые доказательства того, что и хакерские атаки, и дезинформационная кампания направлялись из России?

– Да, и хотя мы должны воздерживаться от необоснованных обвинений в чей-либо адрес, это наводит нас на определенные мысли. Возможно, именно так и начнется следующая мировая война. Мало что способно так дезориентировать общество, как утрата веры в собственные деньги. При этом совершенно необязательно, чтобы веру утратили мы сами. Вполне достаточно, если это сделают другие.

– Этот момент нуждается в пояснении, Лео.

– Очень просто – эффект толпы. Даже если мы прекрасно знаем, что ситуация находится под контролем и стабильности рынка ничего не угрожает, это не имеет никакого значения. Если окружающих нас людей охватывает паника, у нас есть все основания для страха. Старина Кейнс^[19] как-то сравнил биржу с конкурсом красоты.

– С конкурсом красоты? – удивилась Карин.

– Да, это известный пример. Кейнс попытался представить особую разновидность конкурса красоты, где судьи выбирают не самую красивую из участниц, а ту, которая, по их мнению, имеет наибольшие шансы на победу.

– И?..

– В такой ситуации им следует забыть о собственных предпочтениях и ориентироваться на вкусы и мнения других. Они должны угадать, кого из участниц другие члены судейской коллегии считают самой красивой. Сделать довольно запутанный метавыбор, если можно так выразиться.

– Да, действительно запутанный, – согласилась Карин.

– Возможно, но не более, чем процессы, которые ежедневно протекают на фондовых рынках. Роль психологического фактора там огромна. Реальные психологические механизмы выбора накладываются на их отражение в массовом сознании. Требуется угадать, что угадают другие. При этом все крутится вокруг того, что каждый старается первым поставить ногу на ступеньку и начать гонку раньше всех. Со времен Кейнса в этом плане мало что изменилось. Распространение так называемых

«торговых роботов» только усиливает этот эффект. Обработка данных в этом случае происходит быстрее, в результате чего существующая модель проявляется, так сказать, в более чистом виде. Здесь кроется одна опасность. Алгоритмическая, или роботизированная, биржевая торговля в критических ситуациях выходит из-под контроля практически молниеносно. В подобных случаях зачастую самое верное – действовать наобум. Иррациональные решения становятся самыми рациональными. Что толку кричать: «Успокойтесь, идиоты! Все это – не более чем технический сбой! Ваши бумажки на месте!» – если толпа вокруг мечется, охваченная паникой.

– Согласна, – Карин кивнула. – Но если это действительно не более чем технический сбой, проблема будет быстро устранена, не так ли?

– Совершенно верно. Однако паника прекратится не сразу. И тут уже не будет иметь значения, насколько вы правы в оценке ситуации. Мнимая проблема может обернуться реальной, и вы будете разорены. «При всей своей правоте вы станете банкротом», – если процитировать того же Кейнса.

– Досадно, – вздохнула Карин.

– Есть, правда, один обнадеживающий момент. И он заключается в способности рынка рефлексировать над самим собой. Поясню. Когда метеоролог изучает состояние атмосферы, это никак не может повлиять на погоду. Но когда мы изучаем рынок, все наши догадки, расчеты и выводы являются составной частью его механизма. Поэтому рынок способен к развитию, каждая встряска делает его чуточку умнее.

– При этом его поведение непредсказуемо, – вставила Карин.

– Так же, как и мое на этой сцене. Трудно предсказать, куда меня качнет в следующий момент.

В зале раздался смех. Лео смущенно улыбнулся и шагнул к краю сцены.

– В этом отношении биржа – поистине парадоксальное явление. Все мы надеемся заработать денег с ее помощью, поэтому хотим полного понимания всех его процессов. Но как только мы начинаем что-либо понимать, наше понимание его меняется. Созданная нами модель будет влиять на наше поведение на финансовом рынке, отчего он, в свою очередь, станет другим. Смущает, как вирус. Так что полного понимания финансового рынка добиться, по-видимому, никогда не удастся. В этом случае реальность никогда не будет совпадать с нашими представлениями о ней.

– Но именно это несовпадение и есть его движущая сила?

– Именно. Противоречивость и несогласие – основа его жизни. Рынку нужны и доверяющие, и сомневающиеся, как нужны покупатели и продавцы. И в этом его главная прелесть. Рынок живет противоречиями, развивается, умнеет. Он гораздо умнее аналитиков – всех этих финансовых гуру, которые так любят строить из себя умников в студиях перед телевизионными камерами. В чем же суть правильной стратегии? Как заработать на рынке по максимуму? Миллионы людей во всем мире задаются этим вопросом. Отвечу так: здесь важен баланс. Между нашими расчетами и иррациональными догадками, между ожиданиями продавцов и сомнениями покупателей – проницательность, граничащая порой с пророческим даром. Высокая конъюнктура – момент наивысшей «проницательности» рынка. На противоположном полюсе – обвал.

– И откуда нам знать, что нас ожидает в ближайшее время?

– В том-то и весь вопрос. Я говорю, когда хочу похвастать, что знаю рынок достаточно хорошо, чтобы осознавать, что ничего в нем не понимаю.

* * *

«А он совсем неглуп», – шепнула Микаэлю на ухо Малин. Тот собирался было ответить, когда у него в кармане заверещал мобильник. Это была сестра, Анника. Блумквист сразу вспомнил свой последний разговор с Хольгером, пробормотал извинения и вышел, погруженный в свои мысли. Заметив его фигуру в дверях, Лео забеспокоился, что не ускользнуло от внимания Малин. Она взгляделась в его лицо. В памяти снова всплыл их последний вечер и фигура Лео, склонившаяся над листком бумаги песочного цвета. Что же это все-таки было? Ее любопытство распалилось с новой силой. Малин решила подойти к Лео после лекции, с тем чтобы хорошенько обо всем его расспросить.

* * *

Тем временем Микаэль стоял на набережной и глядел в сторону Гамла Стана и замка на противоположном берегу. На море был полный штиль. К берегу приближалось готовое пришвартоваться круизное судно. Микаэль решил позвонить Аннике с «Андроида», с тем чтобы использовать зашифрованный сигнал. Анника ответила почти сразу. Оказалось, она только что вернулась из Флудберги. Лисбет допрашивала полиция.

– Ее в чем-нибудь обвиняют? – спросил Микаэль.

– Пока нет, – ответила Анника. – Будем надеяться, что ей удастся выкрутиться. Хотя все это очень серьезно, Микаэль.

– Что именно?

– Я уже рассказывала тебе о той женщине, Бенито Андерссон, которая держала в страхе все отделение, включая тюремный персонал. Так вот, эта садистская свинья лежит сейчас в университетской клинике в Эребру с тяжелой черепно-мозговой травмой.

– И при чем здесь Лисбет?

– Дай же мне договорить. Шеф подразделения, Альвар Ульсен, во всем сознался. Он сказал, что Бенито угрожала одной заключенной стилетом и вынудила его ее ударить.

– Угрожала стилетом? В тюрьме? – удивился Блумквист.

– Дело пахнет большим скандалом, – ответила Анника. – Не менее интересный вопрос – каким образом стилет вообще попал к ней в камеру. Поэтому я и говорю: само по себе нападение на Бенито не составляет большой проблемы. Его легко объяснить целями самообороны. В пользу Альвара Ульсена свидетельствует и Фария Кази – девушка из Бангладеш, о которой я тебе тоже рассказывала. Фария утверждает, что Альвар ни больше ни меньше как спас ей жизнь.

– Так при чем здесь Лисбет? – не выдержал Блумквист.

– Она тоже давала показания.

– Она тоже была свидетельницей избиения Бенито?

– Подожди, дай рассказать обо всем по порядку.

– Хорошо.

– Показания Фари Кази и Альвара Ульсена расходятся в нескольких существенных деталях. Альвар говорит, что дважды ударил Бенито кулаком в шею, после чего та неудачно упала на бетонный пол. Фария же утверждает, что он бил локтем. Но проблема даже не в этом. Любой следователь знает, как сильно порой расходятся описания подобных сцен разными свидетелями. Главная проблема в том, что показывает камера слежения.

– И что же?

– Драма разыгралась после половины восьмого. Половина восьмого – страшное время в подразделении повышенного контроля. Именно в этот час – незадолго перед тем, как запирают камеры, – совершается бо льшая часть расправ заключенных над заключенными. Фарию Кази избивали, и Альвар знал об этом. Но до сих пор не предпринимал никаких мер для ее защиты. Он сам честно в этом признался. Его допрашивали при моем

непосредственном участии, и лично у меня нет никаких оснований ему не верить. Так вот, вчера в девятнадцать тридцать две Альвар сидел в своем кабинете. Он разговаривал по телефону с директором Рикардом Фагером, который сообщил о переводе Бенито в другую тюрьму. Долгожданная новость, что и говорить. Тем не менее Альвар прервал разговор и поспешил к заключенным.

– Но почему?

– Потому что случайно взглянул на часы, так он говорит. Увидев, что на часах чуть больше половины восьмого, Альвар разволновался. Отпер дверь в подразделение кодовым замком и поспешил к камере Фарии Кази. Но самое интересное...

– Что?

– То, что именно в этот момент из камеры Фарии выбежала заключенная Тина Грёнлунд. При Бенито она нечто вроде персонального охранника. И тут возникает вопрос: куда она так спешила? Может, почувствовала приближение Альвара, или здесь есть другая причина... Альвар утверждает, что не видел ее. Ему пришлось урезонивать женщин, столпившихся у дверей камеры Фарии, а когда он вошел, то увидел Бенито со стилетом в руке. И тут же ударил ее в горло. Из соображений неприкосновенности личного пространства видеонаблюдения в камерах заключенных нет, поэтому все, что нам остается, – верить ему на слово. И мне кажется, что Альвар не лжет. При этом, судя по всему, на момент его вторжения Лисбет уже находилась в камере Фарии.

– Она не из тех, кто будет спокойно смотреть, как избивают невинного, – заметил Микаэль.

– Особенно если этот «невинный» – женщина вроде Фарии Кази. Но еще больше меня настораживает другое.

– Что еще?

– Настроение заключенных, Микаэль. Они молчат, как и всегда. Но атмосфера накаляется, это чувствуется. Когда мы с Лисбет вместе проходили через столовую, женщины дружно стучали кружками. Похоже, большинство из них видят в Лисбет героиню, но при этом... они смотрят на нее как на приговоренную к смерти, Микаэль. Я собственными ушами слышала, что сказала одна из заключенных...

– Что?

– «*Dead woman walkin'*»^[20]... и это нельзя игнорировать. Здесь есть над чем задуматься, Микаэль, прежде всего полиции. Если это Альвар сломал Бенито челюсть, почему угрожают Лисбет?

– Понимаю.

– Сейчас Лисбет изолирована от остальных, и ее, конечно, подозревают. Многие говорят в ее пользу. Никто не верит, что такая хлипкая девушка одним ударом могла сокрушить Бенито челюсть. Кроме того, непонятно, зачем Альвару Ульсену понадобилось брать вину на себя и с какой стати Фария Кази так его выгораживает. Лисбет – умная девушка, Микаэль, но иногда ведет себя крайне неосмотрительно.

– Что ты имеешь в виду?

– Она ни слова не говорит о том, что произошло. При этом повторяет одну и ту же фразу.

– Какую?

– «Бенито получила по заслугам».

Микаэль рассмеялся, сам не зная почему, – ведь ситуация действительно сложилась серьезная.

– Так что же там все-таки произошло, как думаешь?

– Мое дело – защищать клиента, а не разгадывать загадки, – ответила Анника. – Одно могу сказать, раз уж хочешь знать мое мнение. Лисбет и в самом деле не слишком жалуется таких, как Бенито. Или я здесь чего-то не понимаю.

– Могу я чем-нибудь помочь?

– Именно за этим я тебе и звоню. Ты можешь помочь мне с Фарией Кази. Отныне я занимаюсь и ее делом тоже, по просьбе Лисбет. Было бы интересно выяснить, каким образом эта девушка оказалась в тюрьме. Думаю, здесь есть чем поживиться и тебе, и твоей газете. Ты мог бы закрутить блестящее журналистское расследование. Ее парень Джамал упал на рельсы в метро и погиб. Может, встретимся сегодня вечером?

– В девять вечера я встречаюсь с Хольгером Пальмгреном.

– Передавай ему привет. Похоже, со мной он тоже хотел связаться... Так, говоришь, в девять? Что, если нам пересечься раньше? Скажем, в шесть в «Пане Винос»?

– О'кей.

– Договорились.

Микаэль дал отбой и посмотрел в сторону «Гранд-отеля» и Кунгстредгордена. Потом навел кое-какие справки в Интернете. Таким образом пролетело еще двадцать минут. Только после этого он вернулся в Музей фотографии и у регистрационной стойки на входе едва не сбил с ног Лео Маннхеймера. Блумквист хотел было извиниться и поблагодарить за интересную лекцию, но Лео выглядел таким подавленным и погруженным в себя, что он не решился вымолвить ни слова. Просто молча отошел в сторону, а потом задумчиво следил за тем, как профессор удаляется по

залитой солнцем набережной. Когда Лео Маннхеймер скрылся из виду, Микаэль вернулся в лекционный зал.

Малин там не оказалось – похоже, она не дождалась его. Блумквист выругал себя за нерасторопность и поднял глаза на сцену. Теперь там стоял другой докладчик, который тыкал указкой в замысловатые кривые на белом экране. Микаэлю он был неинтересен.

Он еще раз оглядел помещение и вдруг увидел Малин. Она сидела в импровизированном баре, справа от лекционного зала, и, похоже, уже успела опрокинуть бокал-другой. Малин выглядела подавленной. Очевидно, в отсутствие Микаэля что-то произошло.

Глава 8

19 июня

Фария Кази прислонилась к стене и прикрыла глаза. Впервые за долгое время ей захотелось посмотреться в зеркало. Недавний ужас все еще отдавался дрожью в теле, но в глубине души уже затеплилась надежда. Начальник охраны извинился перед ней за то, что до сих пор не предпринимал никаких действий против Бенито. Потом Фарие представили нового адвоката. Она запустила пальцы в карман брюк и вытащила крохотную визитницу из коричневой кожи. Вот она! «Джамал Чаудхери. Блогер. Писатель. Кандидат биологических наук. Университет города Дакка». Далее шел его мейл и номер мобильного. Еще ниже, другим шрифтом, адрес сайта: www.muktomona.com. Качество бумаги оставляло желать много лучшего. Фария взгляделась в помятую визитку. Не иначе как Джамал отпечатал ее сам. Она никогда его об этом не спрашивала, да и с какой стати ей было делать это? Откуда ей было знать, что скоро эта визитка станет самой большой ее драгоценностью? В ночь после их первой встречи Фария лежала под одеялом, зажав ее в руке, и вспоминала лицо Джамала. Она должна была позвонить ему уже тогда. Но Фария была молода и неопытна и не знала, что вскоре у нее отберут и компьютер, и мобильник и лишат возможности выходить на улицу, пусть даже и в никабе.

В то лето тетя Фатима создалась, что лгала отцу и братьям Фарии ради нее, и девушка стала пленницей в собственном доме. Вскоре она узнала, что ее собираются выдать замуж за кузена, которого она никогда не видела и у которого в Дакке были три текстильные фабрики. «Три, Фария, ты можешь себе представить?» Да хоть триста тридцать три! Этот Камар Фатали был ей противен. На фотографиях он выглядел тупым, самоуверенным болваном. Фарию нисколько не удивило, что он салафит^[21] и противник освобождения женщин. Тем не менее теперь она должна была сидеть взаперти, как праведная мусульманка, чтобы – не дай бог! – не попасться на глаза другому мужчине, прежде чем Камар Фатали вызовет ее из западного узилища разврата.

Никто в семье еще не знал о Джамале. Но родные вдруг озадачились вопросом: чем она занималась все то время, когда якобы была с тетей Фатимой? А потом всплыли снимки из «Фейсбука» – давнишние и

совершенно невинные, – и до братьев стали доходить слухи, якобы из самых достоверных источников, о том, что она себя продает. На двери появился тюремный замок и, поскольку у братьев Ахмеда и Башира на тот момент не было работы, кто-нибудь из них постоянно надзирал на ней. Фарие оставалось только готовить еду да убираться по дому. Из книг в ее распоряжении были только Коран, стихи Тагора да еще биографии пророка Мухаммеда и первых халифов. Но главное – воспоминания, их никто не мог у нее отнять.

При одной мысли о Джамале Фария залилась краской. Она и сама была бы рада посмеяться над собственной сентиментальностью, но поводов для веселья было мало. У нее отняли все, кроме той прогулки по Дроттнинггатан; что же удивительного в том, что Джамал стал для нее центром вселенной? Уже тогда Фария жила в тюрьме, но не поддавалась отчаянию. Со временем на место уныния заступила ярость и воспоминания о Джамале утешали все меньше. Однако их разговор на Дроттнинггатан Фария помнила во всех подробностях. О, эти слова, свободные, как птицы! В сравнении с ними те, что она слышала дома, казались мертвыми и лживыми. Не спасало даже то, что они были о Боге. Что значил этот Бог для ее родных? Здесь, у нее дома, он был не более чем орудием унижения и пытки, молотком, которым били людей по голове. Не об этом ли говорил имам Хасан Фердоуси на дебатах в «Культурхусет»? Фарие не хватало воздуха. Она поняла, что должна бежать, любой ценой.

В сентябре девушка уже не могла думать ни о чем другом, кроме как о бегстве, и на рассвете грезилась о будущем, лежа в постели с открытыми глазами. А днем все чаще косилась на Халила, младшего брата. Не так давно его лишили возможности смотреть любимые американские фильмы и встречаться с приятелем Бабаком только потому, что тот был шиит. Иногда Фарие казалось, что Халил ей сочувствует. Со временем она все больше утверждалась в этом подозрении, пока не стала смотреть на него как на своего потенциального союзника.

Потом ее внимание стали привлекать телефоны. Мобильники отца и братьев – все телефоны, какие только были в доме. Фария внимательно наблюдала за движениями пальцев Ахмеда или Башира, когда те набирали код, и подмечала места, где братья и отец оставляют мобильники, – на столе и на телевизоре, на кухне, возле тостера или чайника. Со временем все чаще стали возникать ситуации, когда братья не могли найти свои телефоны. Тогда они начинали звонить друг другу, но и это не помогало. После долгих поисков поставленные на беззвучный режим мобильники обнаруживались в самых неожиданных местах.

Некоторое время эта игра забавляла Фарию, но потом девушка поняла, что увлекаться ею не стоит. Лишая мужчин возможности общаться с клиентами, она ставила под удар не только их честное имя, но и экономическое благополучие. Дела и без того шли неважно, и три чертовы фабрики стали бы для них подарком судьбы. Теперь Фария была едва ли не единственной надеждой семьи, и не удивительно, что петля затягивалась все туже.

Со временем атмосфера в семье накалялась. Алчность и тщеславие все еще горели в глазах братьев, но появилось и другое. Все чаще Фарие казалось, что родные ее боятся. В их голосах мелькали заискивающие нотки. Иногда они уговаривали ее как следует поесть, потому что Камару нравились женщины в теле. При этом по-прежнему не спускали с нее глаз, подобно ястребам, отслеживающим добычу. Они ждали, когда она покорится и примет свою судьбу.

Наконец наступила развязка. Это случилось в сентябре два года назад. Утром Фария завтракала, а старший из братьев, Башир, играл с телефоном...

* * *

Малин глотнула красного вина и подняла глаза на Микаэля. Полчаса назад он оставил ее здесь, в лекционном зале Музея фотографии, в отличном настроении, а сейчас она походила на увядший цветок. Малин сидела за импровизированным барным столиком, запустив пальцы в волосы. На сцене все еще распалялся лектор.

– Эй, – осторожно позвал Блумквист.

– Кто тебе звонил? – спросила Малин.

– Сестра.

– Адвокат?

Он кивнул и заглянул ей в глаза:

– Что-нибудь случилось?

– Да так, ничего. Я разговаривала с Лео.

– У него проблемы?

– У него все отлично.

– Не похоже.

– Все действительно просто превосходно. Мы наговорили друг другу кучу приятных вещей. Он восхитился тем, как я выгляжу, я – его лекцией. Нам действительно очень не хватало друг друга все это время... бла-бла-

бла... Но знаешь, что-то здесь не так.

– То есть?

Малин задумалась. Потом огляделась, словно опасалась, что Лео может ее подслушать.

– Как-то... пусто, – вдруг пояснила она. – Мне показалось даже, что он тяготится мной.

– Что ж, – вздохнул Микаэль, – друзья приходят и уходят.

И погладил ее по волосам.

– Нет, я понимаю, что проживу и без Лео. Но все же... Знаешь, мы ведь действительно были близки некоторое время...

– Были. – Микаэль тщательно подбирал слова.

– Мы были близки. Но самое неприятное даже не это. Мне показалось... что он темнит.

– В каком смысле?

– Он сказал, что помолвлен с Юлией Дамберг.

– Кто такая Юлия Дамберг?

– Аналитик из фонда Альфреда Эгрена. Нет, она очень мила, я бы даже сказала, красива. Но... не слишком умна. Они никогда особенно не общались, Лео держался с ней как с ребенком. Просто не могу взять в толк, с чего вдруг эта помолвка...

– Бывает, – пожал плечами Микаэль.

– Прекрати, – зашипела Малин. – Нет, я не ревную, что бы ты там ни думал... я всего лишь...

– Что? – не выдержал Блумквист.

– Ничего не понимаю. Что-то здесь не так... Просто голова идет кругом.

– То есть тебя огорчает совсем не то, что Лео выбрал не ту девушку?

– Иногда ты бываешь на удивление глуп, Блумквист.

– Я всего лишь пытаюсь понять.

– И не пытайся. – Малин скорчила злую гримасу.

– Но почему? – удивился Микаэль.

– Потому что... – Малин замолчала, подбирая слова. – Потому что я сама пока ничего не понимаю.

– Но я мог бы помочь тебе. Провести небольшое расследование...

– Черт, да оставь ты наконец свои расследования!

Теперь настала очередь Блумквиста сердиться. Он фыркнул – хотя, возможно, это было несправедливо по отношению к Малин. Но тут сыграли роль все переживания последних дней – и неприятности с Лисбет, и Флудберга, и проблемы в газете.

Малин подняла испуганные глаза.
– Прости, – прошептал Микаэль.
– Это ты меня прости.
– Я был несдержан. – Он вымученно улыбнулся. – Так что там случилось с Лео?
– Все то же, – вздохнула Малин.
– То есть?
– Я все вспоминаю ту ночь, когда он что-то писал в своем кабинете. Что-то там было не так...
– Что именно?
– Во-первых, он не мог не слышать меня, когда я вернулась в кабинет во второй раз.
– Почему ты так думаешь?
– Потому что Лео страдает гиперакузией.
– Чем-чем?
– Гиперакузией. У него аномально обостренный слух. Он чувствует малейшее колебание воздуха – например, как хлопает крыльями бабочка в полете. Не понимаю, как я могла забыть об этом. Когда в зале опрокинули стул, он вздрогнул, будто от страшного грохота, я вспомнила... Как ты думаешь, Микаэль, не пора ли нам идти? Я устала от этой болтовни о купле-продаже. – Малин запрокинула голову и вылила в рот остатки вина.

* * *

Фария Кази сидела в камере в ожидании нового допроса. Все оказалось не так страшно, как она думала. Вот уже два раза Фария рассказывала полицейским о том, что творили в отделении Бенито и ее подручные. В первую очередь их интересовала Лисбет. Как она оказалась в камере? Какова ее роль в истории избиения Бенито? Фарие хотелось крикнуть: «Это Лисбет Саландер спасла мне жизнь! Это она, а не Альвар Ульсен, ударила Бенито». Но Фария обещала держаться, хотя ложь давалась ей нелегко. Она полагала, что так будет лучше для Лисбет. Собственно, когда в последний раз за нее кто-нибудь заступался? Если такие случаи и были, Фария о них забыла.

...Зато во всех подробностях помнила то сентябрьское утро, когда она завтракала, а Башир играл с мобильником на кухне. День обещал быть чудесным. На улице, куда с некоторых пор путь ей был закрыт, светило солнце. Отец и братья давно оборвали контакты с внешним миром – не

выписывали газет и не включали радио. Поэтому Баширу ничего не оставалось делать, как только играть с мобильником.

– Ты знаешь, почему Камар медлит. – Он пристально посмотрел на Фарию. Сестра не отвечала, отвернувшись к окну. – Он хочет убедиться в том, что ты не шлюха. Ты шлюха, Фария? – Она молчала. – Тебя разыскивал какой-то сукин сын.

Фария вскинула голову.

– Кто?

– Парень. Предатель из Дакки.

Должно быть, лицо Фарии вспыхнуло от гнева. Джамал был герой, а не предатель; он боролся за лучший, демократический Бангладеш. И все-таки она обрадовалась. С того вечера, когда они с Джамалом гуляли по Дроггнингтан, прошло несколько месяцев, – срок, за который забываются и не такие мимолетные знакомства. Не было ничего удивительного в том, что Фария все еще думала о Джамале, – она ведь жила взаперти и ни с кем не встречалась. Но он за это время мог познакомиться с куда более интересной девушкой, чем она. Поэтому, когда Башир буквально выплюнул уничижительное «предатель», сердце Фарии исполнилось гордостью. Брат принес ей самой отрадное известие за все месяцы ее заключения. Но Фария помнила, как важно для нее держать под контролем свои эмоции. Единственный неосторожный вздох мог стоить Джамалу жизни. Поэтому она быстро спохватилась и изобразила на лице полное равнодушие.

– О ком ты? – спросила она. – Знать не знаю никакого предателя. И вообще, мне это неинтересно.

Фария встала из-за стола – и только тогда поняла свою оплошность. Она переиграла. Тем не менее это была победа. Оправившись от шока, девушка снова стала оглядываться по сторонам. Она высматривала телефон и была так одержима идеей его найти, что это не могло остаться незамеченным. Башир и Ахмед тоже наострили уши и, конечно, стали лучше следить за своими мобильниками и ключами.

Время шло, наступил октябрь. Однажды – это была суббота – обстановка в доме оживилась. Фария не сразу поняла, в чем дело. Никто не объяснил ей, что готовится празднование ее помолвки. Хотя «празднование» – слишком громкое слово. Никто из гостей не выказывал особой радости. Да и гостей со стороны, собственно, не было – только ближайшие родственники. Камар не приехал – у него возникли проблемы с визой. Это торжество стало красноречивой демонстрацией полной изоляции ее семьи. Фария пристально вглядывалась в лица домашних, высматривая возможного союзника.

Самой подходящей кандидатурой казался ее младший брат Халил. За столом он беспокойно ерзал на стуле, время от времени поглядывая на сестру. В Валльхольмене они с Халилом жили в одной комнате и нередко болтали друг с другом до полуночи, лежа в кроватях. Теперь шестнадцатилетний Халил увлекался бегом и подолгу тренировался на дорожке в парке. Он отличался от остальных, уже когда умерла мать. Был молчалив, задумчив, любил шить и моделировать одежду. И еще он скучал по родине, которую никогда не видел.

Фария внимательно посмотрела на Халила. Что, если попросить его о помощи прямо сейчас, под прикрытием праздника? Удалившись в туалет, она долго сидела на унитазе, размышляя и осматриваясь по сторонам. Внезапно в поле ее зрения попал телефон, забытый на туалетном шкафчике с бумажными полотенцами. В первый момент Фария не поверила своим глазам. Она протянула руку – вне сомнения, это был мобильник Ахмеда. Она узнала его по фотографии на экране, на которой Ахмед восседал на мотоцикле, самодовольно улыбаясь в камеру. Этот мотоцикл был не его... Фария невольно ухмыльнулась. Потом попыталась набрать код. Она не раз видела, как это делает Ахмед, и внимательно следила за движениями его пальцев. Итак... L... дальше как будто один, семь... восемь... девять... Ошибка! Фария попробовала другой вариант и испугалась, когда система снова выдала ошибку; что, если она заблокирует телефон брата? Снаружи раздались шаги, голоса заговорили громче. Неужели отец и братья что-то заподозрили? Разумнее всего было бы оставить затею с телефоном и вернуться за стол. Но Фария попробовала еще – и на этот раз все получилось. Номер она помнила так же хорошо, как и имя Джамала, поэтому искать визитку не было необходимости. В трубке послышались гудки – как сигналы SOS с терпящего бедствие судна. Потом что-то зашумело – как видно, Джамал принял вызов. Фария прикрыла глаза, готовая в любую секунду дать отбой и вернуться к отцу и братьям. Но в этот самый момент услышала его голос. Джамал назвал себя, и она прошептала в ответ:

- Это я, Фария Кази.
- О... – удивленно протянул Джамал.
- Я быстро, – прошептала Фария и замолчала.
- Я слушаю.

Один только голос заставлял ее задыхаться от волнения. Фария подумывала было попросить Джамала вызвать полицию, но не решилась.

– Слушай, мне срочно надо с тобой встретиться, – сказала она вместо этого.

– Что ж, буду рад тебя видеть.

Он рад! А она погибает... Фария едва не задохнулась, но быстро справилась с волнением.

– ...только вот не знаю, когда смогу...

– Я снимаю квартиру на Уппландсгатан и почти не выхожу из дома, – ответил Джамал. – Все пишу да читаю. Приходи, когда сможешь.

Он продиктовал адрес и код домофона. Фария стерла его номер и снова положила мобильник на туалетный шкафчик. Она хотела уединиться в своей комнате, но там тоже толпились гости. Фария попросила всех выйти, легла на кровать и с головой накрылась одеялом. Теперь она не сомневалась, что убежит. Так начался самый счастливый и кошмарный период ее жизни.

* * *

Петляя между столами, Микаэль и Малин пробрались к выходу и вскоре оказались на свежем воздухе. Они пошли по набережной, мимо лодок, покачивающихся на причале, и горы по другую сторону трассы. Было жарко. Оба молчали. Микаэль уже стряхнул с себя раздражение, но Малин выглядела потерянной.

– То, что ты говорила насчет его проблем со слухом, очень интересно, – заметил он.

– Что именно? – не поняла женщина.

– Психолог Карл Сегер, которого застрелили на охоте двадцать пять лет тому назад, исследовал влияние слуховых ощущений на наше самосознание.

Малин перевела глаза на Микаэля.

– Не этим ли объясняется его интерес к Лео?

– Не знаю, но тема, скажем так, не совсем обычная. Так в чем выражалась эта его... гиперacusия?

– Ну вот, представь себе... Сидим мы с ним за столом на какой-нибудь конференции, и вдруг... его лицо ни с того ни с сего оживает. Не успеваю я понять, в чем дело, как в комнату кто-то заходит. Я сразу это заметила и не раз пыталась его расспросить, но Лео только отмахивался. Лишь в последний день моей работы в фонде он рассказал мне все. Эта болезнь – мука всей его жизни. В школе его считали безнадежным.

– Правда? Я думал, он блистал в школе.

– Я тоже. Но ему было трудно усидеть на месте, все время хотелось

выйти. Учителям это создавало большие трудности, и, не будь его отец такой шишкой, Лео наверняка перевели бы в спецкласс или в школу для детей с нарушениями в развитии. Но он был Маннхеймер – и на решение его проблем бросили все возможные средства. Вскоре стало ясно, что все дело в уникальном слухе. Он слышал малейший шорох – где же ему было сосредоточиться на уроке. Лео наняли домашних учителей. Вероятно, этим и объясняется его запредельный IQ.

– То есть эта особенность была скорее его проблемой, чем гордостью?

– Похоже на то, хотя... я не знаю. Лео ее стыдился, но это совсем не исключает того, что он ею пользовался.

– Должно быть, в школе он был мастер подслушивать.

– Не знаю... А этот психолог занимался проблемой аномально чуткого слуха?

– Можно сказать и так, – ответил Микаэль. – Правда, его диссертации я не видел. Но в одной из работ он пишет: то, что является выгодным эволюционным приобретением в одну эпоху, в другую может стать препятствием для выживания. В те времена, когда люди добывали себе пропитание охотой, чуткий слух, безусловно, давал серьезную фору. А в современном городе... это чревато, я бы сказал, некоторой перегруженностью. Такие люди – скорее наблюдатели жизни, нежели ее активные участники.

– Это психолог так писал?

– Да, как будто...

– Печально.

– Почему?

– Потому что это то, что можно прежде всего сказать о Лео. Он всегда был всего лишь наблюдателем.

– Кроме той недели в декабре...

– Кроме той недели в декабре. Так ты подозреваешь, что тот выстрел в лесу был не просто несчастным случаем?

Малин заметно оживилась, это был хороший знак. Теперь Микаэль надеялся выудить у нее подробности их последней встречи с Лео.

– Мне самому это интересно, – ответил он на ее вопрос.

* * *

Лео никогда не забывал Карла Сегера. Уже будучи взрослым, он во всех подробностях помнил их еженедельные беседы в Брумме – каждый

вторник в четыре часа дня. Все вышло так, как говорил Карл. Со временем Лео приспособился к миру звуков. Он научился ценить эту свою особенность. Когда Лео музицировал – а музицировал он всегда, – она была несомненным преимуществом. Маннхеймер хотел стать джазовым музыкантом и уже в детстве получил приглашение от «Метронома»^[22] записать диск. Но отказался, полагая, что материала для этого пока недостаточно.

Стокгольмскую высшую школу предпринимательства он воспринимал как временное пристанище. Все изменится, полагал Лео, когда он достигнет мастерства в музыке. Тогда он выпустит диск и станет новым Китом Джарреттом^[23]. Но временное пристанище стало постоянным домом – Лео и сам не заметил, как это получилось. Неужели виной всему был страх неудачи или нежелание огорчать родителей? Или периоды депрессии в его положении были так же неизбежны, как смена времен года? Лео превратился в одиночку, и это тоже вызывало недоумение со стороны. Окружавшая его аура таинственности притягивала женщин. Но окрутить Лео оказалось не так-то просто. На дружеских вечеринках он больше молчал и при первой возможности уезжал домой, в тишину. Правда, потом появилась Мадлен Бард. Позже Лео не мог объяснить себе, чем именно она его завлекла. Но Мадлен была особенная, – он чувствовал это всегда. Ее мерцающие синие глаза видели его насквозь, а на красивое лицо часто набегала тень меланхолии.

Они обручились и некоторое время прожили вместе в его квартире на Флорагатан. Лео как раз унаследовал отцовскую долю акций в фонде Эгрена, и родители Мадлен сочли его выгодной партией.

Их отношения с самого начала не были безоблачными. Мадлен хотела быть в обществе и требовала от Лео устраивать обеды для друзей. Он противился, и тогда Мадлен убегала в спальню в слезах. Но эти мелкие неприятности не делали погоды. Их брак обещал быть счастливым, тогда Лео не сомневался в этом. Ведь они с Мадлен любили друг друга.

Катастрофа разразилась в августе, на празднике раков, который отмечали в усадьбе Мёрнеров на Вэрмдё. Все пошло не так с самого начала. Лео как потерянный блуждал между гостями, не в силах вынести их вопли. В конце концов он убежал, предоставив Мадлен одной рассыпаться в любезностях. И она прыгала, как коза, заверяя хозяев, что все получилось просто фантастически. Что у нее просто в голове не укладывается, как же можно было все так здорово организовать... А какие места... Да она готова переехать сюда хоть сейчас... Ну, и все такое.

В полночь Лео удалось уединиться в одной из дальних комнат с книгой в руках. Милтон Меzz-Меzzроу^[24] – он не мог поверить собственным глазам, когда обнаружил на полке такое! Лео тут же погрузился в чтение и вскоре унесся и душой, и мыслями в джаз-клубы Чикаго и Нового Орлеана, забыв про веселившихся на берегу гостей.

Через пару часов к нему вломился Ивар Эгрэн, пьяный, как и всегда на праздниках. На нем была дурацкая черная шляпа, коричневый костюм обтягивал обширный живот. Лео заткнул ладонями уши, чтобы не слышать его воплей.

– Я хочу покататься на лодке с твоей невестой, – кричал Ивар.

– Ни в коем случае, – отвечал Лео. – Ты пьян.

Но Ивару было наплевать на его запреты. В конце концов в качестве уступки он согласился напялить на Мадлен красный спасательный жилет. Когда Лео вышел на веранду, красный жилет уже исчезал в сумерках в направлении озера.

Стояла тихая летняя ночь. Вода блестела в мерцающем свете звезд. Ивар и Мадлен негромко разговаривали, а Лео слышал каждое их слово. Собственно, ничего возмутительного не происходило – обычные светские глупости. Но Лео внезапно понял: там, в лодке, сидела другая Мадлен – бесчувственная, вульгарная, – и ему стало больно уже от одного этого открытия. Шло время. Спустя пару часов Ивар и Мадлен заплыли так далеко, что уже даже Лео не мог их слышать. Они вернулись спустя несколько часов, когда остальные гости уже разъехались. Небо прояснилось. Лео стоял на берегу, обмотав шею шарфом. Он равнодушно наблюдал, как к нему приближается перепуганная Мадлен.

В такси по дороге домой между ними словно упала стена. А спустя девять дней Мадлен собрала вещи. Двадцать первого ноября того же года, когда сумерки на дворе почти не рассеивались и весь Стокгольм был покрыт тонким слоем снега, она обручилась с Иваром. Лео слег. Врачи диагностировали у него частичный паралич.

Придя в себя, он вернулся к работе и первым делом поздравил Ивара, заключив его в братские объятия. Лео присутствовал и на мальчишнике, и на свадьбе. И позже, всякий раз сталкиваясь с Мадлен, дружески ее приветствовал. Он научился делать хорошую мину при плохой игре и всем своим видом показывал, что дружит с Иваром с детства, а узы такой дружбы не разорвать ничем. Но втайне Лео вынашивал планы мести, и Ивар это чувствовал. Он понимал, что не сможет жить спокойно, пока не сокрушит Лео до конца.

Вопреки надеждам Микаэля, Малин больше не вспоминала о той встрече с Лео. На самом верху Хорнсгатспукельн она вдруг остановилась. Солнце так и палило, так что место для передышки было выбрано явно не самое удачное. Но Малин будто остолбенела. Мимо спешили прохожие, где-то просигналил автомобиль. Малин обернулась в сторону площади Марияторгет.

– Мне пора, – только и сказала она.

Потом рассеянно поцеловала Микаэля и по каменным ступенькам побежала в сторону Хорнсгатан и площади Марияторгет. Блумквист в недоумении остался на месте. Потом вытащил мобильник и позвонил Эрике Бергер – своей близкой подруге и главному редактору «Миллениума» – и сказал, чтобы в ближайшие несколько дней в газете его не ждали. Эрику это нисколько не удивило. Июньский номер только что вышел, а на носу был праздник летнего солнцестояния. Кроме того, этим летом они впервые позволили себе нанять двух временных сотрудников.

– Ты такой мрачный, – заметила Эрика. – Что-нибудь случилось?

– В отделении Лисбет во Флудберге произошла серьезная потасовка.

– О боже! Надеюсь, она не пострадала?

– Пострадала одна крутая преступница, но это отдельная история. Лисбет в данном случае свидетель.

– Она выкрутится.

– Будем надеяться. Слушай... можешь оказать мне одну услугу?

– Конечно, какую?

– Можешь попросить кого-нибудь из редакции – ту же Софи – сходить завтра утром в государственный архив и взять кое-какие досье... я скажу чьи. Только пусть не говорит, для кого.

Блумквист назвал три имени. Эрика записала персональные номера на мобильный.

– Старик Маннхеймер? – удивилась она. – Помнится, он давно уже в могиле.

– Вот уже шесть лет как, – подтвердил Микаэль.

– В детстве я видела его пару раз – мой отец был с ним знаком. Он тоже имеет какое-то отношение к Лисбет?

– Возможно. Точно сказать не могу. А какой он был?

– Маннхеймер? Трудно сказать. Тогда еще не был стариком, но имел репутацию... человека со странностями, скажем так. Тем не менее ничего

плохого сказать о нем не могу. Помню, он интересовался моими музыкальными пристрастиями и забавно свистел. А зачем он тебе?

– Как-нибудь потом расскажу.

– Ну ладно, как хочешь...

Эрика что-то еще рассказывала о предстоящем номере и потоке рекламы, но Микаэль слушал ее плохо. Он дал отбой, оборвав ее буквально на полуслове, и продолжил движение вверх по Бельмансгатан. Миновал бар «Бишопс армс», по мощеному спуску сошел к воротам, поднялся к себе в мансарду и сразу сел за компьютер с парой бутылок «Урквел Пилзнера». Чем больше Микаэль думал о том выстреле в Эстхаммаре, тем более загадочными представлялись ему обстоятельства дела. Со старыми преступлениями так бывает всегда, он знал это по опыту.

* * *

Никаких оцифрованных архивов не существовало – прежде всего из соображений конфиденциальности. Согласно правилам государственного архива, документы предварительных расследований уничтожались по истечении пятилетнего срока. Поэтому Микаэль решил съездить в Уппсалу, в окружной суд, с тем чтобы посмотреть протоколы судебных заседаний. Далее, вероятно, было бы нелишним связаться с полицией или с каким-нибудь следователем на пенсии, который помнит это дело, – если таковые, конечно, остались. Микаэль набрал номер Элленор Юрт – женщины, которая была помолвлена с Карлом Сегером, – и сразу понял, что эту тему она давно для себя закрыла. Элленор как могла вежливо объяснила ему, что не желает говорить о Карле.

– Надеюсь на ваше понимание, – сказала она.

Тем не менее на встречу согласилась. Дело было не в том, что она вдруг переменила свою точку зрения, и даже не в журналистском шарме Блумквиста. Настроение Эллинор изменилось, как только Микаэль – на свой страх и риск – упомянул Лео Маннхеймера.

– Лео! – перебила его она. – О... как же давно это было... Как он?

Блумквист отвечал, что не знает.

– Вы были с ним знакомы? – в свою очередь поинтересовался он.

– Конечно! Карл души не чаял в этом мальчике.

Завершив разговор, Микаэль отправился убираться на кухню и все это время думал, не позвонить ли Малин, с тем чтобы вырвать у нее то, о чем она до сих пор умалчивала. Но вместо этого принял душ и переоделся. Без

пяти шесть он отправился в направлении стадиона «Цинкенсдамм», в ресторан «Пане Винос», на встречу с сестрой.

Глава 9

19 июня

Мартину не о чем беспокоиться, она все сделает сама. Это был их третий или четвертый разговор за день, и Ракель проявила завидное терпение. Лишь положив трубку, прошептала: «Трус» – и занялась препаратами, которые подготовил для нее Беньямин.

В отделении доцент психоаналитики Ракель Грейтц была известна своей маниакальной тягой к чистоте. Казалось, при одном только ее приближении пыль с подоконников и полок исчезала как по мановению волшебной палочки. Возможно, с тех пор как Ракель диагностировали рак желудка, чистоплотность приобрела для нее особый смысл. Ей было семьдесят, ее здоровье оставляло желать много лучшего, но она не имела привычки сидеть сложа руки. Вот и сегодня день за делами пролетел незаметно. Сейчас часы показывали половину седьмого. Ракель припозднилась, действовать нужно было немедленно. Но все получилось как всегда. Мартин трусил, а она, вопреки его советам, еще до обеда позвонила в социальную службу и на телефонную станцию и, благодаря старым связям, окончательно уладила все проблемы. Возможно, принятых мер окажется недостаточно. Времени прошло много. У старого болвана, похоже, кто-то был, и, конечно, он не упустил возможности поделиться своими подозрениями с посетителем. Конечно, они рискуют, но другого выхода не предоставляется. Слишком много поставлено на карту.

Ракель вымыла руки спиртом, зашла в ванную и улыбнулась своему отражению в зеркале. Просто хотела убедиться в том, что все еще может выглядеть веселой. Собственно, у нее, полжизни проведенной в этой обители боли и смерти, была своя точка зрения на то, что ей предстояло сделать. Поручение Мартина поднимало ее жизнь на новую высоту, наделяло особым, возвышенным смыслом. Одна только мысль об этом наполняла ее душу трепетом.

Ракель Грейтц жила в квартире на Карлбергсвеген, в Стокгольме, одна на ста восьми квадратных метрах. Она только что прошла курс химиотерапии и чувствовала себя вполне сносно. Разве что шевелюра поредела, и то несильно. Охлаждающая шапка^[25] сделала свое дело. И вообще, Ракель была все такая же стройная и высокая, с прямой, как жердь, спиной. Она внушала уважение одним своим видом уже в те времена, когда

сдавала экзамены на врача в Каролинском институте. Правда, родимое пятно на шее доставляло ей тогда много неприятностей, но с возрастом Ракель научилась любить и его. Даже гордиться им, хотя по-прежнему предпочитала пуловеры с высоким воротником. Она носила их вовсе не для того, чтобы скрыть отметину, будто пылающую на шее. Просто такая модель ее стройнила. Иногда Ракель надевала деловые костюмы, сшитые в ателье еще в годы далекой молодости и до сих пор не нуждавшиеся в переделке. От ее подтянутой фигуры так и веяло холодом. Но коллеги ценили Ракель за профессионализм и уважение к чужому мнению. Кроме того, она умела держать язык за зубами и никогда не сплетничала, даже наедине с супругом Эриком, ныне покойным.

Ракель вышла на балкон и некоторое время смотрела на Оденплан, облокотившись о перила. Потом вернулась в квартиру и продолжила приготовления. Достала из гардероба в прихожей кожаную сумку из коричневой кожи, упаковала в нее то, что принес Бенъямин – ее неизменный ассистент и преданный друг, – и вернулась в ванную. Наложила на лицо косметику, водрузила на голову безвкусный черный парик и снова улыбнулась своему отражению в зеркале. Или это был всего лишь нервный тик? Последнее было бы странно. Обычно Ракель умела держать себя в руках, даже в самых экстраординарных ситуациях.

* * *

Микаэль и его сестра Анника сидели за уличными столиками ресторана «Пане Винос», на Бреннчюркагатан. Они заказали пасту с трюфелями и красное вино и увлеченно обсуждали планы на лето. Только когда эта тема была исчерпана, Анника перешла к описанию ситуации, сложившейся во Флудберге.

– Честное слово, Микаэль, – начала она, – иногда полицейские ведут себя как идиоты. Ты вообще в курсе, что происходит в Бангладеш?

– Ну... более-менее...

– В Бангладеш ислам – государственная религия. В то же время конституция гарантирует гражданам свободу слова, а это что-нибудь да значит.

– Да, но дальше гарантий на бумаге дело, похоже, не идет...

– Правительство находится под постоянным давлением исламистов и вынуждено принимать законы, запрещающие любое высказывание, которое может оскорбить чувства верующих. Может оскорбить, – повторила

Анника, сделав акцент на слове «может». – Здесь, как ты понимаешь, все зависит от чувствительности верующего. Неудивительно поэтому, что нашлись силы, склонные толковать эти законы в самом строгом смысле. Многие журналисты были приговорены к длительным тюремным срокам. Но даже не это самое страшное.

– В таком случае мы имеем дело с превратным толкованием закона.

– Закона, который играет на руку исламистам, – перебила Микаэля Анника. – Джихадисты стали не только систематически угрожать инакомыслящим, но и чинить расправы, вплоть до убийства. При этом сами они предстают перед судом крайне редко. Особенно яростным атакам подвергается сайт организации «Мукто-Мона»^[26], ратующей за свободу слова, совести и просвещение. Многие сcribeнты уже пали от рук террористов, другие подвергаются угрозам и внесены в списки приговоренных к смерти. Молодой биолог Джамал Чаудхери был одним из них. Время от времени он писал для сайта тексты просветительского характера, в основном по теории эволюции. Шведский ПЕН-клуб^[27] помог ему бежать в Швецию, где, как казалось первое время, Чаудхери действительно получил возможность перевести дух. Оправившись от пережитого на родине, он даже посетил диспут на тему религиозного притеснения женщин, проходивший в июне месяце в «Культурхусет».

– И встретил там Фарию Кази, – подхватил Микаэль.

– Отлично, значит, ты все знаешь, – обрадовалась Анника и продолжила: – Фария сидела в задних рядах. Неудивительно, что Асад не мог оторвать от нее глаз, она действительно очень красивая девушка. После диспута он подошел к ней. Так началась их любовь, вылившаяся в трагедию современных Ромео и Джульетты.

– То есть? – не понял Блумквист.

– Именно так, – подтвердила Анника. – Как и герои Шекспира, Джамал и Фария принадлежали семьям, стоявшим по разные стороны баррикад. Джамал боролся за свободу и демократию в Бангладеш, а отец и братья Фарии взяли сторону исламистов. Ко всему прочему Фарию хотели выдать замуж против ее воли. За некоего Камара Фатали.

– А это еще кто?

– Сорокапятилетний фабрикант из Дакки. Владелец роскошного особняка с огромным штатом прислуги. Помимо всего прочего, он оказывает поддержку многим кауми в Бангладеш.

– Кауми?

– Исламские школы, которые неподконтрольны государству.

Идеологическая кузница джихадистов. У Фатали уже есть супруга, примерно его лет. Но фотографии Фари, которые он увидел в «Фейсбуке», настолько очаровали его, что Фатали решил взять девушку второй женой. Однако получить въездную визу в Швецию такому типу, как ты понимаешь, не так-то просто. Разочарование Фатали росло...

– А тут еще в «Фейсбуке» появились снимки Джамала Чаудхери, – догадался Микаэль.

– Совершенно верно, и теперь братья и отец Фари имели как минимум две причины желать Чаудхери смерти.

– То есть? – не понял Микаэль. – Ты хочешь сказать, что его смерть не была самоубийством?

– Все, что я хочу, – ввести тебя в курс дела, Микаэль. Джамал стал их злейшим врагом, Монтекки. Он и сам правоверный мусульманин, но куда менее радикальный. Так же, как и его родители – оба преподаватели университета, – он полагает, что и в мусульманском обществе должны быть гарантированы основные права и свободы граждан. Уже одно это делало его врагом Камара и родственников Фари. Но главная проблема – их любовь. Она ставила под угрозу не только честь семьи Кази, но и ее экономическое благополучие. Мотив убийства в данном случае налицо. Джамал и сам понимал, что ведет смертельную игру, но он и не думал отступать. Чаудхери вел дневник, который уже перевели с бенгали и всю цитируют в протоколах расследования. Не хочешь послушать?

– Охотно.

Микаэль глотнул «Кьянти», пока Анника доставала из портфеля увесистую папку.

– Вот, здесь... – Она пролистала несколько страниц. – Слушай...

«Я видел смерть друзей и покинул родину. После этого краски мира поблекли для меня. Жизнь моя была объята тьмой, и продолжать ее я не видел смысла...» Именно последняя фраза и послужила главным доказательством того, что трагедия в метро была самоубийством, – пояснила Анника. – Но пьеса продолжается.

«Тем не менее я все еще пытался жить и даже нашел в себе силы сходить на диспут о религиозном притеснении женщин, который проходил в июне в Стокгольме. Я не ожидал от него ничего особенного. Меня давно перестало волновать то, что когда-то значило для меня так много. И я только удивлялся энтузиазму имама на сцене, все еще полагавшему, что нам есть за что бороться. Сам я давно уже сдался и стоял одной ногой в могиле. В каком-то смысле я тоже был убит... Слишком много от мелодрамы, ты не находишь?» – спросила Анника.

– Вовсе нет, – возразил Микаэль. – Он ведь был молод, этот Джамал. Все мы когда-то писали или думали нечто подобное. Он напоминает мне моего несчастного коллегу Андрея... Продолжай...

– *«Итак, я считал себя мертвым и потерянным для жизни, когда вдруг увидел в зале молодую женщину в черном платье. В глазах ее стояли слезы. При этом женщина была так красива, что у меня защемило сердце. Жизнь снова пробудилась во мне. Это было подобно электрическому разряду, и я понял, что не могу не подойти к ней. Что-то подсказывало, что мне, и никому другому, предстоит ее утешить. Итак, я направился к ней. Уже не помню, что за глупости я ей говорил. Мне казалось, я выставил себя полным дураком, но она улыбнулась и даже согласилась прогуляться со мной по городу. Мы вышли на площадь, как будто давно уже договаривались туда выйти, и пошли мимо риксдага...»*

Пожалуй, остановимся на этом, – сказала Анника. – В тот вечер Джамал впервые нашел в себе силы рассказать, что же такое произошло с его друзьями из «Мукто-Моны». Вероятно, именно общество Фарии придало ему смелости. То, что она вспоминает из той беседы, вполне согласуется с его дневниковыми записями. Прощаясь, Джамал оставил ей визитку, и Фария обещала перезвонить ему в ближайшее время. Но она так и не сделала этого. Джамал ждал и беспокоился. Он отыскал номер ее мобильного в Сети и отправил сообщение, потом еще и еще одно. Но она не отзывалась. Вместо этого позвонил какой-то мужчина и с угрозой в голосе велел Джамалу прекратить преследовать девушку. «Она презирует тебя, червяк», – прошипел мужчина. Джамал впал в отчаяние, но, оправившись от первого потрясения, решил навести в этом деле ясность. Он все еще не понимал, что отец и братья отняли у Фарии и компьютер, и телефон, что они давно контролируют ее электронную почту, читают приходящие на ее номер сообщения и держат ее в собственном доме как пленницу. Джамал не догадывался обо всем этом, но понимал, что что-то не так. Юноша обратился за помощью к имаму Фердоуси, который, как казалось, тоже переживал за Фарию. Вместе они решили обратиться в полицию, но там им, разумеется, объяснили, что для беспокойства нет оснований. Попытка имама проникнуть в квартиру Кази успехом не увенчалась. Джамал потерял голову от страха, когда вдруг...

– Что?

– Фария сама позвонила с другого номера и изъявила желание с ним встретиться. Джамал тогда жил в квартире на Уппландсгатан, которую ему помогло снять издательство «Нордстедс». Что именно произошло, до сих пор неизвестно. Мы знаем только, что бежать Фарие помог младший брат

Халил и что она тут же отправилась на Уппландсгатан. Дальше все было как в кино: они любили друг друга день и ночь. Даже Фария, которая о многом умалчивает на допросах, подтверждает это. Молодые решили обратиться за помощью в полицию и шведский ПЕН-клуб. Но потом... потом произошло нечто страшное. Фария захотела проститься с младшим братом, она ведь доверяла ему, и назначила ему встречу в кафе на Нурра-Банторгет. Она отправилась туда в голубой куртке Джамала, надвинув капюшон на лоб, черных резиновых сапогах и джинсах. Обратно она так и не вернулась.

– Думаешь, они ее подстерегли?

– Уверена, что так, и тому есть несколько свидетелей. И все же я не верю, что Халил обманул ее, и в этом Лисбет со мной согласна. Мы полагаем, что старшие братья все время держали Фарию на мушке. В тот день они поджидали ее в красной «Хонде Сивик» на Барнхюсгатан, в мгновение ока затащили в машину и отвезли в Сиклу. Есть основания полагать, что далее они намеревались отправить ее обратно в Дакку. Последнее было бы для них довольно проблематично. Каким образом они смогли бы удержать ее в аэропорту до вылета? Накачать таблетками?

– И тогда они решили, что она должна написать письмо.

– Все верно. Только, знаешь, это письмо лично у меня доверия не вызывает. Почерк точно ее, но... каждое слово буквально кричит о том, что оно написано под диктовку отца и братьев. Однако ей все же удалось вставить в текст кое-что от себя. Фария пишет: «Я всегда повторяла и буду повторять, что никогда не любила тебя». Вне сомнения, это зашифрованное приветствие. Джамал пишет в дневнике, что они объяснялись друг другу в любви каждое утро.

– Джамал должен был забить тревогу сразу после того, как она не вернулась домой.

– Именно это он и сделал, но полицейские показали себя полными идиотами. Двое из них отправились в Сиклу, но после того как отец Фариин заверил их, что все хорошо, не считая того, что его дочь подхватила грипп, вернулись обратно. Джамал не сдавался. Он звонил куда можно и куда нельзя, и мужчины Кази поняли, что нужно торопиться.

– Звучит угрожающе, – заметил Микаэль.

Анника кивнула.

– Девятого октября, – так пишет Джамал в дневнике, который нашли после его смерти, – он проснулся «с ощущением смерти в теле». Именно благодаря этим словам полиция истолковала эту его запись как предсмертную записку. Но я не согласна. Это выражение вполне в его

стиле. Джамал был разбит, это верно. Он не мог ни спать, ни думать, ни твердо держаться на ногах. Но между строк читалось его намерение продолжать борьбу и вернуть себе все, что он потерял, – при всем его отчаянии. «Где сейчас Фария? – спрашивал он. – Не били ли они ее?» Джамал нигде не упоминает о письме Фарии, хотя оно лежало у него на кухонном столе. Вероятно, он не придавал ему никакого значения. Нам известно, что молодой человек пытался связаться с Фердоуси, который в это время находился на конференции в Лондоне. Он звонил Фредрику Лодалью, доценту биологии из Стокгольма, с которым дружил. Как-то вечером Джамал приехал к нему домой на Хорнбрюкsgатан, где Лодаль жил с женой и двумя детьми. Дети уже спали. Когда легла жена, Лодаль начал нервничать. Он очень сочувствовал Джамалу, но завтра был обыкновенный рабочий день, а спать ему оставалось все меньше. Кроме того, Джамал повторялся, – как это обычно делают люди, когда волнуются. В конце концов около полуночи Фредрик попросил его уйти, пообещав завтра же связаться с полицией и юристом по проблемам женщин. По дороге в метро Джамал еще набирал номер Класа Фрёберга, приятеля по ПЕН-клубу, но не дозвонился. В семнадцать минут первого он вошел в метро. Это было в ночь на вторник десятого октября. Шел дождь, дул сильный ветер.

– То есть народу на улице было немного?

– На перроне стояла только одна женщина, библиотекарьша. Камера слежения зафиксировала момент, когда Джамал проходил мимо нее. Выглядел он совершенно подавленным, что неудивительно. Он ведь почти не спал с тех пор, как пропала Фария. Тем не менее, Микаэль... он не мог ее предать, бросить именно в тот момент, когда был нужен ей больше всего. Одна из камер слежения на перроне оказалась сломана – уж и не знаю, была ли это случайность или чей-то злой умысел. Но вряд ли было случайностью, что именно в тот момент, когда из туннеля выкатил поезд и Джамал рухнул на рельсы, к библиотекарше обратился некий молодой человек. Таким образом, женщина не видела, что именно произошло. Она так и не могла нам сказать, упал ли Джамал на рельсы сам или его столкнули. А лицо молодого человека, который заговорил с ней в такой неподходящий момент, разглядеть не представляется возможным.

– А что говорит машинист поезда метро?

– Его зовут Стефан Робертссон, и его показания стали главным подтверждением версии самоубийства. Робертссон как будто не сомневается в том, что Джамал прыгнул сам. Но нельзя забывать, что он был в шоке. Кроме того, подозреваю, что здесь сыграли роль наводящие вопросы следователя. «Каким образом это произошло?» – полицейские

просто не видели других вариантов развития событий. На первом допросе – прежде чем Робертссон успел сформулировать для себя более логичную историю – он говорил, что Джамал сильно размахивал руками, так что казалось, будто рук у него больше, чем должно быть у нормального человека. Но потом он такого ни разу не повторял. Более того, чем больше проходило времени, тем больше прояснялась сохранившаяся в его памяти картина. Странно, не так ли?

– А охранник на перроне был? Он-то не мог не заметить злоумышленника?

– Охранник смотрел фильм на «Айпэде». Он утверждает, что люди на перроне действительно были, но в основном те, кто выходил из поездов. Ничего особенного он не заметил.

– Что все-таки зафиксировали камеры слежения?

– Ничего особенного, но я обратила внимание на одну вещь. Почти всех попавших в объектив пассажиров можно легко распознать в лицо. Кроме одного – высокого молодого человека, который заговорил с библиотекарейшей. Он постоянно отворачивался от камеры или втягивал голову в плечи, так что лица не было видно. При этом его движения очень характерны – дергающиеся, нервные. Просто удивительно, что у меня до сих пор не дошли руки до этого типа.

– Понимаю, – кивнул Микаэль. – Обязательно к нему присмотрюсь.

– Теперь мы переходим к тому, за что, собственно, была осуждена Фария Казим, – объявила Анника, но тут разговор был прерван появлением официанта и шумной группы подростков, направляющихся по улице куда-то в сторону Шиннарвиксбергет.

* * *

Хольгер Пальмгрен лежал в постели, мучаясь от страшной боли в ноге. В голову лезли всевозможные кошмары, вроде стихийных бедствий или сцен войны в Сирии. И неудивительно – будто сотня острых ножей разом вонзилась Хольгеру в бедро. Кроме того, он хотел пить и почти ничего не ел с утра. Когда еще придет заботливая Лулу... если она, конечно, сегодня вообще соизволит заглянуть к нему.

День пошел не так с самого утра. Телефон сломался, так что ждать помощи было неоткуда. Даже хамоватая Марита забыла о старике. Пересохшее горло болело. При этом в комнате стояла такая невыносимая духота, что мысли в голове окончательно смешались. Ведь за весь день

помещение не проветривалось ни разу. Самое время было воспользоваться устройством экстренного вызова, которое висело у него на шее на шнурке, но Хольгер медлил. Он прислушивался к звукам снаружи, где раздавались голоса и гудел лифт, двери которого все время лязгали на других этажах.

Пальмгрен выругался и перевернулся на другой бок. Одна мысль мучила его больше боли и жажды – воспоминание о вчерашнем разговоре с Мартином Стейнбергом. Конечно, Стейнберг тот еще плут. Но вместо того, чтобы звонить ему, Хольгеру следовало бы связаться с психологом, чье имя упоминалось в документах. Хильда фон Кантенборг, кажется, так ее звали. Это она рассказала матери Лисбет о секретных списках, нарушив тем самым подписку о неразглашении. Она одна могла помочь Хольгеру, а не доктор, ответственный за весь проект в целом. Каким же идиотом он себя выставил! Жажда становилась невыносимой. Что, если закричать изо всех сил? Может, кто-нибудь из соседей услышит и придет на помощь...

Хольгер набрал в грудь воздуха, когда на лестничной площадке послышались шаги. Вне сомнения, кто-то направлялся к нему в квартиру. Мышцы лица сами собой расслабились, губы расплылись в улыбке. Конечно, это Лулу, его милая, заботливая Лулу...

– Привет, дорогая! – произнес он как мог громко. – Ну, а теперь рассказывай, как все прошло в Ханнинге? С этим... как бишь его там звали...

Но Хольгеру никто не ответил. Дверь открылась, а потом захлопнулась. Кто-то вытирал ноги о коврик в прихожей. Потом послышались шаги, легче, чем Лулу, и в то же время ритмичные и уверенные. Хольгер беспокойно заерзал и начал высматривать поблизости предмет, которым можно было бы обороняться. Но в следующий момент облегченно вздохнул, увидев в дверном проеме высокую женщину в черном пуловере. Незнакомка улыбалась. На вид ей было не меньше шестидесяти. Лицо с правильными чертами излучало приветливость и дружелюбие; в руках коричневая кожаная сумка, какие раньше носили врачи. Женщина приблизилась. Хольгер обратил внимание на ее безукоризненную, благородную осанку.

– Добрый вечер, господин Пальмгрен, – сказала она. – Лулу передавала вам свои извинения, сегодня она прийти не может.

– Надеюсь, с ней всё в порядке? – Хольгер поднял глаза на незнакомку.

– Всё в полном порядке, это личное.

Хольгер разочарованно вздохнул. И все-таки эта женщина внушала ему странные чувства. В голове мутилось, словно Пальмгрена чем-то опоили. Он и сам не понимал, что с ним происходит. Быть может, всему

виной жажда...

– Могу я попросить вас принести мне стакан воды? – сказал он.

– Ну, конечно же, дорогой. – Теперь голос женщины напомнил Хольгеру его мать много лет тому назад.

Она натянула резиновые перчатки и исчезла на кухне, откуда вскоре снова появилась с двумя стаканами воды. Уже первый глоток вернул Хольгера к жизни. Он снова поднял глаза на свою спасительницу – ее лицо светилось все той же приветливой улыбкой. Но перчатки его настораживали. И потом, эти волосы... слишком черные и густые. Неужели она надела парик?

– Ну, что, теперь лучше? – осведомилась женщина.

– Намного лучше, – отозвался Хольгер. – Подрабатываете?

– Немного, – ответила она. – Меня привлекают только в исключительных случаях. Мне ведь уже семьдесят.

Дама расстегнула ночную сорочку Хольгера, насквозь пропитавшуюся потом. Затем достала из сумки морфиновый пластырь, поставила спинку кровати в вертикальное положение и протерла Хольгеру спину влажной губкой. Осторожные, выверенные движения выдавали в даме мастера своего дела. По сравнению с ней все его другие сиделки выглядели неуклюжими неумехами. Вне сомнения, Хольгер попал в надежные руки. При этом ему по-прежнему было не по себе, как будто даже профессионализм женщины каким-то образом ущемлял его человеческое достоинство.

– Не так быстро, – пробурчал он.

– Нет, нет, я буду осторожна, – пообещала женщина. – Я читала о вашей болезни в журналах, это действительно ужасно.

– Я справляюсь, – недовольно отозвался Пальмгрен.

– Справляетесь? – переспросила дама. – Ну... так не годится. Жизнь не должна сводиться к борьбе за существование. Мне кажется, до сих пор они сэкономили на вас. Сегодня я дам вам бо льшую дозу.

– Но Лулу... – начал было Хольгер.

– Лулу просто молодчина, но дозу морфина назначает не она. Это выходит за рамки ее полномочий.

В голосе женщины послышались властные нотки. Стоило ей уверенным движением прилепить пластырь к спине Хольгера, как он почти сразу ощутил действие морфина.

– Вы врач? – удивился он.

– Нет-нет... – замотала головой женщина. – Всего лишь медсестра. Много лет проработала в глазном отделении больницы Святой Софии.

– Вот как... – Хольгер уважительно кивнул.

Только сейчас он заметил, что женщина нервничает. Об этом свидетельствовали спазматические складки в уголках ее рта. Хотя, наверное, и в этом нет ничего удивительного, убеждал себя Пальмгрен. Тем не менее он продолжал с интересом вглядываться в незнакомку. Все в ней выдавало специалиста высшего класса. «Ей бы работать в каком-нибудь дорогом салоне», – подумал он. Смущали только эти дурацкие волосы и отчасти брови. Они были не того цвета и не той формы, как будто она навела их в спешке. Хольгер перевел глаза на черный пуловер, воротник которого полностью закрывал шею... Что такое, почему так душно? Чувствуя, что теряет сознание, Хольгер невольно сжал в руке устройство экстренного вызова.

– Не могли бы вы открыть окно? – попросил он.

Дама не ответила, продолжая гладить ему затылок своими чуткими пальцами. Потом неожиданно сорвала с шеи Хольгера шнурок с устройством экстренного вызова и строго заметила:

– Окна должны быть закрыты.

– Что?

Он не мог понять, что означают эти ее слова. Что вообще происходит? Хольгер с недоумением уставился на женщину, пытаясь сообразить, что делать дальше. Она отняла у него устройство экстренного вызова... Никогда еще Хольгер не чувствовал себя таким беспомощным и жалким.

Потом случилось нечто и вовсе непонятное: лицо женщины начало расплываться, как будто она растворялась в воздухе. Но в следующий момент Хольгер понял, что дело не в ней. Вся комната куда-то плыла, очертания предметов терялись в прозрачном тумане. И сам он уходил, словно куда-то скатывался, из последних сил стараясь удержаться на поверхности. Хольгер судорожно глотал воздух и размахивал здоровой рукой, стараясь уцепиться за одеяло.

Когда дама прилепила новый пластырь, ее лицо озарила торжествующая улыбка. Она снова надела на Хольгера сорочку, поправила ему подушку и опустила спинку кровати.

– Ты умрешь, Хольгер Пальмгрен, – услышал он над ухом ласковый голос. – Пора, разве не так?

* * *

Некоторое время Анника и Микаэль молчали, попивая вино и глядя в

сторону Шиннарвиксбергет.

– Фария Кази больше боялась за свою жизнь, чем за жизнь Джамала, – продолжала Анника. – Но время шло, и ничего не происходило. Мы мало знаем о том, как она жила в Сикле. На допросах Фария об этом по возможности умалчивает, а в приукрашенную версию отца и братьев верится слабо. Но им было не по себе. После того как полиция была поставлена в известность, удерживать девушку под замком становилось все труднее. Братья понимали, что ситуация требует незамедлительных действий.

– Конечно, – кивнул Микаэль.

– Вот все, что мы знаем. – Анника перевела дух, словно готовясь к самому главному. – Все произошло на следующий день после падения Джамала на рельсы в метро. Около семи вечера старший брат Ахмед стоял у большого окна в гостиной в их квартире в Сикле, то есть на четвертом этаже. Далее показания расходятся, но ясно одно. Они перекинулись с Фарией несколькими фразами, после чего девушка набросилась на брата, так что тот выпал из окна. Она словно ополумела. Почему? Может, Ахмед сообщил ей о смерти Джамала?

– Вполне логичная версия, – заметил Микаэль.

– Конечно, именно так все и должно было быть. Но почему она обратила гнев именно против брата? Он-то в чем перед ней провинился?

– Хороший вопрос.

– И главное, почему она об этом никогда не рассказывала? Ведь эти показания могли быть ей только на пользу. Тем не менее она молчала как рыба – и на допросах, и в зале суда.

– Совсем как Лисбет, – заметил Микаэль.

– Так, да не так. Фария замкнулась в своем горе, оборвав все контакты с внешним миром. С Лисбет было несколько иначе.

– Неудивительно, что Лисбет так не нравится, когда эту девушку обижают, – сказал Микаэль.

– Это-то меня и беспокоит, – вздохнула Анника.

– А Лисбет имеет доступ к компьютеру во Флудберге?

– Что? – не поняла Анника. – Нет, нет... Там с этим строго – никаких компьютеров и мобильных. Посетителей тщательно обыскивают. А почему ты спрашиваешь?

– У меня такое чувство, что она узнала нечто новое о своем прошлом. И рассказал ей об этом не кто иной, как Хольгер.

– Так расспроси его об этом сам. Разве ты с ним сегодня не встречаешься?

– В девять вечера, – кивнул Микаэль.
– Он пытался и со мной связаться.
– Да, ты рассказывала.
– Я хотела перезвонить, но у него, как видно, что-то случилось с телефонами.
– С телефонами? – переспросил Микаэль.
– Я звонила и на мобильный, и на стационарный – безуспешно.
– То есть теперь у него и стационарный плохо работает, – заметил про себя Блумквист. – А когда ты ему звонила?
– Около часа дня.
Микаэль быстро поднялся, не спуская глаз с горы по ту сторону дороги.
– Было очень мило с твоей стороны выкроить для меня минутку. Ничего, если ты закончишь обед без меня? Мне, похоже, пора.
И он быстро исчез в толпе в направлении станции метро «Цинкесдамм».

* * *

Сквозь застилающий глаза туман Хольгер Пальмгрен видел, как женщина собрала с ночного столика документы и положила в коричневую сумку вместе с его мобильником. Потом слышал, как она возилась в ящиках письменного стола. Но он ничего не мог поделать. Туман вокруг сгущался, темнел, навевая дрему. Внезапно легкие напряглись, словно в воздухе распространялся яд, и Хольгера охватил панический страх. Потом дышать стало нечем, и темные волны окончательно сомкнулись над его головой. Сквозь удушающий сумрак все еще проступали очертания предметов. Вот мужчина, чье лицо показалось Пальмгрелу знакомым, сорвал с него ночную сорочку и пластыри. Больше Хольгер ничего не помнил. Он собрал в кулак всю свою волю, как ныряльщик, которому нужно срочно всплыть на поверхность, пока еще не поздно. Просто удивительно, как Хольгер нашел в себе силы для этого.

Он открыл глаза. Губы сами собой сформировали фразу. Пять слов. Собственно, их должно было быть шесть, но на большее его не хватило.

– Поговори с...
– С кем? – закричал мужчина.
– с Хильдой фон...

Выбежав из лифта на лестничную площадку, Микаэль обнаружил, что дверь в квартиру Хольгера была открытой. Уже в прихожей в нос ему ударил удушливый запах. Блумквист бросился в спальню, топча ногами разбросанные по полу бумаги. Хольгер Пальмгрен лежал в постели в неестественно искривленной позе с коричневым одеялом, обвернутым вокруг бедер. Правая рука с судорожно растопыренными пальцами тянулась к горлу. Рот широко раскрылся в беззвучном крике, мертвеннопепельное лицо исказила гримаса отчаяния. Очевидно, смерть старика была мучительной. Некоторое время Микаэль просто стоял и смотрел на него, шокированный ужасным зрелищем. Но потом ему почудилось, будто в глазах Хольгера блеснула искра жизни. Микаэль тут же пришел в себя и первым делом вызвал «Скорую». Потом потряс Хольгера за плечо и внимательно взгляделся в его лицо. Очевидно, старик не мог дышать. Микаэль зажал Хольгеру нос и низко склонился над кроватью. Рот в рот. Холодные, синие губы старика оставляли мало надежды, но не попытаться Блумквист не мог. Нужно было как-то продержаться до приезда врачей.

Внезапно Хольгер поднял правую руку и задержал растопыренными пальцами. Микаэль подумал было, что это судороги, но в следующий момент подергивания сменились явно осмысленными движениями. Изменилось и выражение глаз старика. Он как будто хотел что-то сказать. Блумквист сосредоточился, подавив охватившую душу радость. Старик показывал рукой на свою спину. Сняв с него ночную сорочку, Микаэль обнаружил два пластыря в области лопаток, тут же сорвал их и поднес к глазам. «Действующее вещество – фентанил» – гласила надпись на пластыре. Не спуская глаз с Хольгера, журналист потянулся за мобильником и открыл страничку «Википедии». «Фентанил – синтетический опиоид... Действенность фентанила может в сотни раз превышать действенность соответствующих доз морфина... Обычные побочные эффекты – угнетение дыхания, спазмы мышц трахеи. Противоядие – налоксон». Черт!

Микаэль снова набрал номер «Скорой».

– Это Блумквист! – закричал он в трубку. – Я только что вам звонил... Вы должны иметь при себе налоксон, слышите! Обязательно! Он задыхается!

Потом отложил мобильник и продолжил делать искусственное

дыхание. Хольгер снова зашевелил губами, как будто пытался что-то сказать, но Микаэль остановил его жестом.

– Позже. Тебе нужно экономить силы.

Однако Пальмгрен не успокаивался. Он елозил головой по подушке и что-то шептал. Микаэль не мог разобрать ни слова. Он закусил губу, не в силах больше выносить вырывавшиеся из груди старика беззвучные хрипы, набрал в грудь воздуха, но не успел сделать очередной выдох в рот Хольгера, как услышал членораздельную речь:

– Поговори с... – Фраза была прервана новым приступом кряхтения и кашля.

– С кем?

– С Хильдой фон...

– С Хильдой?

– С Хильдой фон... сс. ен... – одними губами повторил Хольгер.

Что же это было за имя, ради которого Пальмгрен так напрягал свои последние силы?

– Фон – что? – кричал Блумквист. – Фон Эссен? Фон Розен?

Хольгер разочарованно вздохнул. Потом широко раскрыл глаза с расширенными зрачками. Нижняя челюсть его безвольно отвисла. Микаэль понял, что настал критический момент, но продолжал ритмично давить на грудь, попеременно вдыхая воздух в рот старика. Спустя несколько секунд Блумквисту снова показалось, что его усилия увенчались успехом. Хольгер поднял руку. В этом жесте было нечто величественное. Скрюченные пальцы сжались в кулак, который завис сантиметрах в двадцати над одеялом. Но в следующий момент рука безвольно упала и расширенные глаза остекленели. По телу пробежала последняя дрожь.

Микаэль понял, что это конец, однако не сдавался, будто не желая мириться со свершившимся фактом. Он бил старика по щекам, кричал на него, дышал ему в рот и все сильнее и ритмичнее давил на сердце, пока наконец не убедился, что в Хольгере угасла последняя искра жизни. Тогда Блумквист развернулся и с такой силой ударил по ночному столику, что пузырьки и флаконы полетели в разные стороны и таблетки покатались по полу. Микаэль взглянул на часы: они показывали без четверти девять. С улицы доносились визгливые женские голоса и смех.

В комнате все еще стоял удушливый запах. Блумквист закрыл Хольгеру глаза и подоткнул одеяло. Лицо старика, несмотря на застывшую на нем гримасу смерти, было исполнено достоинства и покоя. Микаэль чувствовал себя опустошенным, в горле стоял ком.

Вскоре появились медики – два парня лет тридцати. Микаэль

рассказал им как можно обстоятельнее о том, что случилось, и показал фентаниловые пластыри.

– Очевидно, Хольгер Пальмгрен скончался от передозировки, – сделал вывод он. – Но кое-что меня настораживает, поэтому я рекомендовал бы немедленно связаться с полицией.

Лица медиков не выражали ничего, кроме усталости и равнодушия, и Блумквист закусил губу, чтобы не закричать. Парни накрыли тело Хольгера простыней и оставили лежать в ожидании доктора, который должен был выписать заключение о смерти.

Микаэль остался в квартире. Он подобрал с пола таблетки, открыл окна и балконную дверь, устроился в черном кресле возле кровати и попробовал собраться с мыслями. Голова буквально распухала от них; тем не менее Блумквисту удалось вспомнить о бумагах, разбросанных на полу в прихожей.

Он направился туда, собрал их и, встав в дверях, погрузился в чтение. Одно имя сразу бросилось ему в глаза – Петер Телеборьян. Так звали психиатра, который подготовил фальшивое медицинское заключение, после того как двенадцатилетняя Лисбет метнула зажигательную бомбу в собственного отца на Лундагатан. Она мстила за мать. Телеборьян объявил, что сделает все, чтобы вернуть Лисбет к нормальной жизни, но «лечение» обернулось для нее нескончаемой пыткой. Телеборьян привязывал Лисбет к кровати кожаными ремнями, избивал и издевался над ней, как мог. Что же это за бумаги с его именем и как они попали в квартиру Хольгера Пальмгрена?

Бегло просмотрев листки, Микаэль не обнаружил в них ничего нового. Это были фотокопии все тех же медицинских документов, на основании которых в свое время Телеборьяна лишили права заниматься врачебной деятельностью. Приглядевшись внимательнее, Блумквист понял, что многих листков не хватает. Где же они? Здесь, в квартире, или кто-то успел их отсюда вынести? Микаэль хотел было поискать в ящиках письменного стола, но потом передумал. Не стоит опережать события и мешать полицейскому расследованию, которое наверняка будет инициировано. Вместо этого он достал мобильник, позвонил знакомому комиссару полиции Яну Бублански и рассказал ему, что случилось. Потом набрал номер подразделения повышенного контроля во Флудберге. Трубку взял некто Фред – судя по голосу, неприятный и заносчивый тип. Но Блумквист взял себя в руки – для этого было достаточно одного взгляда на прикрытого простыней Хольгера – и сообщил, как мог спокойно, что у Лисбет Саландер умер близкий человек. Собственно, он мог бы обойтись и без этого звонка.

Лисбет положила трубку и вышла из кабинета Альвара, сопровождаемая двумя охранниками. Она не видела хмурого лица Фреда Стрёммера. Она вообще ничего вокруг не замечала и ничем не выдавала того, что в ней происходит. Когда Фред спросил ее, что случилось, Лисбет даже не повернула головы. Она ничего не слышала, кроме собственных шагов и дыхания, и только не понимала, зачем к ней приставили охранников. Конечно, они задумали новое издевательство. После избиения Бенито администрация тюрьмы отравляла ей жизнь, как могла. На этот раз они решили устроить в ее камере обыск. Не то чтобы надеялись что-нибудь там найти, просто не могли упустить возможности перевернуть все вверх дном и опрокинуть матрас на пол. А может, рассчитывали вывести заключенную из себя, с тем чтобы потом разделаться с ней по-свойски. Если так, то это им почти удалось. Но в последний момент Лисбет закусил губу и даже не смотрела в их сторону, когда они покидали камеру.

Саландер положила матрас на место и присела на край кровати, чтобы как следует обдумать то, что сказал ей Микаэль. Что могли означать эти пластыри на спине Хольгера и разбросанные по полу листки бумаги? Наконец, кто такая эта Хильда, о которой Хольгер вспоминал в последние минуты жизни? В голове мутилось. Лисбет встала и изо всей силы ударила кулаком по столу. Потом несколько раз пнула ногой раковину и платяной шкаф. На несколько секунд она превратилась в фурию, готовую на все, в том числе и на убийство. Но в ярости проку мало. Следовало привести мысли в порядок – только так и можно было докопаться до истины. А потом уже мстить.

Глава 10

20 июня

На этот раз комиссар Ян Бублански был немногословен. Он появился в голубой рубашке, серых льняных брюках и простых лоферах. Часы показывали двадцать минут четвертого. День выдался напряженный для всей группы, и теперь они собрались в душной комнате для заседаний на пятом этаже здания полицейского участка на Бергсгатан подвести итоги.

Имея за плечами немалый опыт службы в полиции, Бублански боялся многого. Но больше всего его пугала однозначность. Самые убедительные доводы и простые объяснения вызывали у него наибольшие подозрения, провоцируя на поиск слабых мест, контраргументов и проверку на прочность. Поэтому его расследования обычно продвигались медленно. Зато при таком подходе существенно снижался риск ошибки. Но сегодня перед Бублански стояла другая задача. Внутри его некогда сплоченной группы все чаще возникали разногласия и ссоры. Следовало немедленно обдумать коллег. Но с чего начать, Бублански не знал.

Он считал себя счастливым человеком. Его вторая жена – профессор Фарах Шариф – была образцом красоты и ума. Сам Бублански полагал, что не заслужил такой женщины. Недавно супруги переехали в трехкомнатную квартиру на Нютorget в Стокгольме, завели лабрадора, часто ужинали в ресторанах и посещали выставки. Но личное счастье не заслоняло от Бублански несуразностей, творящихся во внешнем мире. Общество отравляла расовая нетерпимость, на политической сцене задавали тон психопаты и демагоги. И даже члены его маленькой группы, – в целом люди вполне здравомыслящие, – все чаще подпадали под власть самых нелепых предрассудков.

Вот и сегодня Соня Мудиг – его ближайшая сподвижница – опять пребывала в каком-то непонятном радостном возбуждении. По слухам, она влюбилась. Но Йеркера Хольмберга и Курта Свенссона это, похоже, раздражало. Они то и дело обрывали Соню неуместными замечаниями и как будто искали с ней ссоры. А вот поведение Аманды Флуд – самой юной в группе – можно было считать безупречным. Аманда взяла сторону Сони и мягко урезонивала Хольмберга и Курта, чем, конечно, вызвала недовольство мужчин, усматривавших в союзе Аманды и Сони угрозу их авторитету.

– Собственно говоря... – осторожно начал Йеркер, – собственно говоря... не совсем понятно, зачем кому-то понадобилось убивать девяностолетнего старика?

– Восьмидесятидевятилетнего, – поправил Бублански.

– Хорошо, восьмидесятидевятилетнего. Который почти не выходил из квартиры и мог умереть в любой момент и без посторонней помощи.

– Тем не менее кому-то понадобилось. Итак, что мы имеем на сегодняшний день? Тебе слово, Соня.

Мудиг улыбнулась и обвела группу такими сияющими глазами, что даже Бублански недовольно скривил рот.

– Мы имеем Лулу Магоро, – объявила она.

– Ее уже допрашивали? – поинтересовался Свенссон.

– Нет, – раздраженно ответил Бублански. – Сейчас наша задача – представить себе картину в целом.

– Собственно говоря, мы имеем дело не столько с Лулу, – поправилась Соня, – сколько с социальной службой «София», которая занималась Хольгером Пальмгреном. Мы уже разговаривали с ее администратором. Так вот, вчера им звонила некая женщина, представившаяся доктором Моной Ладин. Она сообщила, что Хольгер Пальмгрен госпитализирован в Первую больницу с острыми болями. Даме поверили, поскольку она продемонстрировала профессиональную компетентность в том, что касалось его заболевания. Ну, а потом случилось то, что случилось... Лулу Магоро, у которой сложились с Хольгером довольно близкие отношения, хотела навестить своего подопечного в больнице и попыталась разузнать через регистратуру, где именно он лежит. Но, поскольку Хольгера Пальмгрена в больнице не было, ответа она не получила. В тот же вечер Лулу связалась с Моной Ладин – имя, очевидно вымышленное, – и та объяснила ей, что жизни Хольгера ничто не угрожает. Однако, поскольку тот только что перенес операцию, беспокоить его не следует. Попытка Лулу дозвониться Хольгеру на мобильный также успехом не увенчалась. Аппарат оказался отключен. И даже в офисе оператора «Телия» никто не смог объяснить, в чем было дело. К утру номер уже определялся как несуществующий. Такое мог устроить либо человек с хорошими связями, либо хакер. И этот человек преследовал цель изолировать Хольгера Пальмгрена от внешнего мира.

– Но зачем ему все это понадобилось? – недоумевал Йеркер.

– И еще на одно обстоятельство следует обратить внимание, – не слушая его, заметил Бублански. – Некоторое время назад Хольгер Пальмгрен навещал Лисбет Саландер во Флудберге. Нам известно, что ей

угрожали, поэтому возникает вопрос, не был ли Пальмгрен каким-либо образом замешан в ее дела. Возможно, узнал что-то, чего ему не следовало бы знать, или пытался как-то ей помочь... Лулу говорила о каких-то бумагах, которые Хольгер хранил в ящике своего письменного стола. Он получил их от некой женщины, якобы старой знакомой Лисбет.

– Что за женщина?

– Это нам пока неизвестно. Лулу не знает ее имени, а Саландер молчит. Но нам уже есть за что уцепиться...

– За что же?

– Микаэль Блумквист обнаружил в квартире Пальмгрена несколько разбросанных по полу листков. Очевидно, их обронил злоумышленник или сам Хольгер. Похоже на записи из журналов детской психиатрической больницы Святого Стефана, где Саландер лечилась в детстве. В них упоминается Петер Телеборьян.

– А, тот самый жулик...

– Точнее, мерзавец, – поправила Соня.

– Его уже допрашивали?

– Аманда беседовала с ним вчера. У него все отлично. Живет с женой и своей овчаркой на Амиральсгатан. Он страшно сожалеет о том, что случилось с Пальмгренем, но сообщить ничего не может. Или не хочет. Говорит, что понятия не имеет, кто такая эта Хильда фон...

– К нему мы еще вернемся, – перебил Соню Бублански. – В свое время мы займемся и бумагами Пальмгрена. Ну а сейчас на повестке дня Лулу Магоро. Продолжай.

– Лулу Магоро приходила к Хольгеру четыре или пять дней в неделю. Каждый вечер она ставила ему обезболивающие пластыри марки «Норспан», действующее вещество... подскажи, Йеркер...

«Правильно, – подумал Бублански. – Обратись к нему за помощью. Дай ему почувствовать себя компетентным специалистом».

– Бупренорфин, – подсказал Йеркер. – Опиоид, получаемый из опиумного мака. Содержится в препарате «Субутекс», который назначают героиновым наркоманам. Но при уходе за пожилыми людьми применяется и как обезболивающее средство.

– Именно так, – кивнула Соня. – Обычно Пальмгрену назначали минимальные дозы. Но те пластыри, которые Блумквист снял с его спины, были марки «Фентанил Актавис», и содержание опиоида в них оказалось смертельным. Так, Йеркер?

– Вне всякого сомнения. Такой дозой можно убить лошадь.

– В том-то все и дело. Просто удивительно, что Хольгер так долго

продержался, да еще и успел что-то сказать Блумквисту.

– И то, что он сказал, особенно интересно, – заметил Бублански.

– Всем нам известно, как следует относиться к словам человека в полубессознательном состоянии, – заметила Соня. – Но в данном случае ты прав. Хольгер упомянул некую «Хильду фон...». Точнее, он сказал, что Блумквисту следует поговорить с некой «Хильдой фон...» Блумквист считает, что Хольгер собирался сообщить ему нечто крайне важное, иначе не стал бы так напрягать свои последние силы. Остается только догадываться, не пытался ли он назвать имени преступника. Поступило сообщение о некой стройной черноволосой женщине в солнечных очках, которую видели в подъезде дома Хольгера. Но на текущий момент эта информация вряд ли окажется нам полезной. Кроме того, маловероятно, что Хольгер стал бы называть Блумквисту имя своей убийцы. Он ведь советовал ему поговорить с этой Хильдой, то есть скорее указывал на нее как на источник некой важной информации. Если не бредил, конечно...

– Такое вполне возможно, – согласился Бублански. – Тем не менее что нам дает это имя?

– Кое-что дает, как мне кажется, – ответила Соня. – Приставка «фон» в Швеции означает принадлежность к дворянскому сословию, что существенно сужает круг его потенциальных носителей. Но в Германии, где имя Хильда тоже распространено, «фон» может означать просто «из», то есть указывать на место рождения или происхождения. В этом случае «Хильда фон» следует понимать как «Хильда из», и, соответственно, вариантов будет гораздо больше. Так что нам следует соблюдать известную осторожность, прежде чем кидаться допрашивать всех Хильд из шведских дворянских книг. Тем не менее мы будем работать.

– А что говорит Саландер? – поинтересовался Курт Свенссон.

– Почти ничего.

– Это на нее похоже.

– Возможно, – пожала плечами Соня. – Но с ней лично мы пока не беседовали, только с коллегами из Эребру. Они допрашивали Саландер в качестве свидетельницы по другому делу, а именно в связи с жестоким избиением заключенной Беатрис Андерссон во Флудберге.

– Кто же это осмелился поднять руку на Бенито? – удивился Йеркер.

– Начальник охраны отделения особой безопасности Альвар Ульсен. Он утверждает, что она вынудила его прибегнуть к крайней мере.

– Надеюсь, он обзавелся надежной личной охраной.

– Охрана в «Подразделении Б» усилена. Кроме того, Бенито переведут в другую тюрьму, как только она оправится. Сейчас она находится в

больнице в Эребру.

– Этого мало, – заметил Йеркер. – Вы знаете, кто такая Бенито? Я видел, что она делает со своими жертвами. И она не успокоится, пока этому Альвару не перережут горло от уха до уха.

– Администрация колонии не хуже нас осознает серьезность ситуации, – раздраженно отозвалась Соня. – Но в настоящий момент нет оснований опасаться за жизнь Альвара Ульсена. Мне можно продолжить?.. Спасибо. Итак, нашим коллегам из Эребру так и не удалось разговорить Саландер. Остается надеяться, у Яна Бублански это получится лучше. Не одной мне кажется, что Лисбет Саландер для нас ключевая фигура. По словам Микаэля Блумквиста, Пальмгрен очень переживал за нее и даже утверждал, что совершил ради нее какую-то глупость. И это его признание также нельзя не принимать в расчет. Какую такую глупость мог совершить старик, почти не покидающий пределов своей квартиры?

– Ну, он мог позвонить кому-нибудь или совершить глупость при помощи компьютера, – предположила Аманда Флуд.

– Именно. Но именно в этом направлении нам работать пока не с чем. Все, что нам известно, – это то, что мобильник Хольгера пропал.

– Уже одно это подозрительно, – заметила Аманда.

– Безусловно, – согласилась Соня. – Есть еще один момент, который нам нужно обсудить в этой связи. Лучше, если об этом расскажешь ты, Ян...

* * *

Бублански заерзал на стуле. Очевидно, Соня имела в виду историю Фарии Кази, о которой он узнал сегодня утром.

– Саландер не хотела рассказывать коллегам из Эребру о своей встрече с Хольгером Пальмгреном, – начал он. – Об обстоятельствах избиения Бенито она также умолчала. Но есть одно дело, на которое Лисбет очень хотела бы обратить внимание полиции. Это расследование смерти Джамала Чаудхери. Она считает, что до сих пор оно велось из рук вон плохо, и здесь я вынужден с ней согласиться.

– Что ты имеешь в виду? – не понял Йеркер.

– Гибель Чаудхери слишком поспешно признали самоубийством. Это было бы понятно, если б следователи были завалены делами о несчастных, окончивших жизни под колесами поездов метро. Но, по счастью, этот случай единичный. И объявленную Чаудхери фатву^[28] также нельзя не

принимать в расчет. Стокгольмские исламисты активизировались под влиянием экстремистских сил в Бангладеш, они убивают и за меньшее. Уже когда Чаудхери прибыл в Швецию, его жизнь была под угрозой. Поскользнься он на банановой кожуре – полицейским был бы повод насторожиться. А тут еще его роман с Фарией Кази, которую семья хотела выдать за состоятельного исламиста из Дакки... Можете представить себе, что они чувствовали, когда Фария убежала из дома и спряталась у Джамала. Тот не просто опозорил их семью, он разорил ее. Он был политическим, религиозным и личным врагом мужчин Кази – и попал под поезд в метро. И что же решили наши полицейские? Они классифицировали его смерть как самоубийство и закрыли дело так быстро, словно речь шла о банальном ограблении в Веллингбю. Тем не менее имеются обстоятельства, которые не могут не настораживать... – Ян обвел взглядом коллег. – Вам известно, что произошло на следующие сутки после смерти Джамала? Фария Кази вытолкнула старшего брата Ахмеда из окна их квартиры в Сикле на четвертом этаже. И я больше чем уверен, что это событие самым непосредственным образом связано с трагедией в метро.

– Хорошо, допустим, я с тобой согласен, – отозвался Курт Свенссон. – Но какое это может иметь отношение к смерти Хольгера Пальмгрена?

– Может, и никакого. Тем не менее даже в отделении особой безопасности, куда попала Фария Кази, ей угрожает смертельная опасность, так же как и Лисбет Саландер. Вероятность того, что братья будут мстить, велика. А сегодня мы получили информацию из СЭПО о том, что братья Кази поддерживают связь с Бенито. Они считают себя правоверными мусульманами, но у них гораздо больше общего с такими, как Бенито, чем с мусульманской общиной. А для мести Фарие Бенито – самое подходящее орудие.

– Пожалуй, – согласился Йеркер.

– Именно так. Но, судя по всему, Лисбет Саландер интересуется Бенито не меньше, чем Фария Кази.

– Из чего это следует?

– Из результатов расследования, которое было инициировано в связи с избиением Бенито. Полицейских интересовало, в частности, каким образом в камеру Андерссон попал стилет. Они обыскали все, даже мусорные баки в отделении свиданий в Н-корпусе. И вот в одной из корзин для бумаг обнаружили листок, исписанный рукой Андерссон. На нем был адрес школы, куда недавно перевели девятилетнюю дочь Альвара Ульсена, но не только. В этой же записке обнаружили сведения о Фатиме, тете Фарии, –

единственном человеке в семье Кази, кто еще поддерживал девушку. Было там кое-что и о людях, близких Лисбет Саландер. О Микаэле Блумквисте, о некоем Джереми Мак-Миллане, адвокате из Республики Гибралтар, – я пока не знаю, кто это такой. Ну, и о Хольгере Пальмгрене.

– Это правда? – удивленно переспросила Аманда Флуд.

– К сожалению, да. Поистине кошмарный документ. Рядом с именем Пальмгрена стояли его адрес, номер мобильного и код домофона.

– Час от часу не легче, – отозвался Йеркер Хольмберг.

– Разумеется, это вовсе не значит, что Бенито Андерссон как-то связана с убийством Пальмгрена – или тем, что мы на сегодняшний день считаем убийством. Но само по себе это любопытно, не так ли?

– Любопытно, – согласилась Соня Мудиг.

* * *

Микаэль Блумквист прогуливался по Хантверкаргатан на Кунгсхольмене, когда у него зазвонил мобильник. Это была Софи Мелкер из редакции «Миллениума». Она интересовалась его самочувствием. Софи была восемнадцатой по счету, кто интересовался самочувствием Микаэля в тот день, и этому, вероятно, следовало бы радоваться. Но Блумквист не желал выслушивать ни соболезнований, ни сожалений. Он хотел немедленно уйти в работу. Взять быка за рога – как Микаэль делал это всегда, когда расследовал убийство. С утра он был в Уппсале и читал материалы расследования, инициированного в связи со смертью Карла Сегера. Теперь Блумквист направлялся на встречу с женщиной по имени Эллинор Юрт, бывшей невестой психолога.

– Спасибо, – ответил он Мелкер. – Созвонимся позже. Я тороплюсь.

– Хорошо, тогда поговорим об этом позже.

– Поговорим о чем?

– Эрика просила кое о чем тебе рассказать.

– Рассказывай сейчас. Какие-нибудь новости?

– Как сказать...

– То есть? – не понял Микаэль. – Говори как есть.

– В досье Вивеки и Хермана Маннхеймеров нет ничего особенного, – отвечала Софи.

– Я и не думал обнаружить там что-то особенное, – отозвался Микаэль. – Вообще меня больше интересовало досье Лео. А именно был ли он усыновлен Маннхеймерами.

– Понимаю. Его бумаги в идеальном порядке. В них сказано, что Лео родился в Вестерледском приходе, где и проживали Херман и Вивека на момент его рождения. Колонка «Сведения о приемных родителях, усыновлении и т. п.» не заполнена. Ничего не подтерто и не зачеркнуто, все выглядит нормально. Даже слишком, сказала бы я. Перечислены все приходы, где он жил в детстве и юности.

– Тем не менее тебя что-то насторожило?

– Дай же мне сказать. В архиве я не удержалась и заказала и свое досье тоже. Я заплатила за него восемь крон, которые охотно жертвую в пользу «Миллениума».

– Ты очень великодушна.

– Ты знаешь, что я всего на три года старше Лео, – продолжала Софи. – Но мое досье выглядит совсем иначе.

– В смысле? – не понял Микаэль.

– Оно далеко не такое аккуратное. Я почувствовала себя старухой. В колонке под номером девятнадцать перечислены все приходы, где я когда-либо проживала. Уж и не знаю, кто ее заполнял, – вероятно, какие-нибудь церковные бюрократы, – но выглядит она, скажем прямо, неопрятно. Одни отметки сделаны от руки, другие на машинке. Кое-где прямо на тексте стоят штемпели. Местами записи сделаны наискосок, так что разобрать буквы очень трудно. Но у Лео все идеально. И все, похоже, пропечатано на одной машинке, одним шрифтом.

– То есть ты хочешь сказать, что записи были сделаны задним числом?

– Ну... – замялась Софи, – если б об этом меня спросил кто-нибудь другой или это досье попало бы мне на глаза случайно... мне такое и в голову не пришло бы. Но ты из всех нас сделал параноиков, Микаэль. Поэтому отвечу тебе так: да, принимая в расчет вышесказанное, я не исключаю того, что эти бумаги были заполнены задним числом. А зачем тебе все это, если не секрет?

– Сам пока не знаю. Надеюсь, ты действовала анонимно?

– Я воспользовалась правом открытого доступа, как и велела Эрика, – ответила Софи. – Со мной все проще; я ведь не такая звезда, как ты.

– Ну, вот и отлично. Береги себя!

Блумквист дал отбой и продолжил путь через Кунгсхольмскую площадь. День выдался солнечный, что совсем не упрощало стоявшей перед ним задачи. Микаэль отыскал нужный дом по улице Нурр Мэлларстранд, 32, где жила бывшая невеста Карла Сегера Эллинор Юрт. Теперь ей было пятьдесят два года, она курировала аукционы «Буковскис», вот уже три года как была разведена, активно участвовала в каких-то

некоммерческих организациях и даже тренировала баскетбольную команду, в которой играла ее пятнадцатилетняя дочь. В общем, судя по всему, вела активный образ жизни.

На озере Меларен был полный штиль. Микаэль посмотрел на другой берег, в сторону своего дома. Стояла невыносимая жара. Он вспотел, пока набирал код на домофоне и поднимался в лифте на последний этаж. Зато ему не пришлось долго стоять под дверью.

Эллинор открыла почти сразу. Выглядела она на удивление молодо. Черный пиджак и серые брюки. Коротко стриженные волосы не могли скрыть бледный шрам в верхней части лба. Темно-карие глаза пристально смотрели на гостя.

Квартира поразила Блумквиста обилием книг и картин. Хозяйка принесла чай и печенье. Когда она расставляла чашки, руки ее дрожали. Они устроились в голубых креслах под красочным полотном с видом Венеции.

– Признаюсь, меня удивило, что кто-то заинтересовался этой историей спустя столько лет, – сказала Эллинор.

– Понимаю, – ответил Блумквист. – Жаль, что приходится беречь старые раны, но мне хотелось бы больше знать о Карле.

– Зачем вам это?

Микаэль ответил не сразу.

– Боюсь, я сам пока плохо себе это представляю, – честно признался он. – Наверное, все дело в том, что я не очень-то верю в то, что это был несчастный случай. Кое-что не состыкуется.

– А если конкретнее?

– Пока это не более чем смутные предчувствия. Я только что из Уппсалы, читал свидетельские показания в архиве суда. И знаете – там действительно не к чему придраться. Все согласовано просто идеально. В действительности так не бывает. Правда, как показывает по крайней мере мой опыт, всегда неожиданна, нелогична. Потому что люди редко руководствуются логикой в своих поступках. Ложь – особенно неумелая – почти не обнаруживает несостыковок. Она гладкая, как клише.

– Значит, смерть Карла – клише? – усмехнулась Эллинор.

– Все слишком слаженно, – повторил Блумквист. – Показания свидетелей почти ни в чем не расходятся, разве что в самых мелких деталях.

– Вот как? – удивилась Эллинор. – Может, вы сообщите мне что-нибудь, чего я не знаю? – В ее голосе слышалась насмешка.

– Должен заметить, что этот горе-стрелок Пер Фельд...

Тут Эллинор оборвала Микаэля и объяснила, что при всем уважении к его профессии и способностям затрагивать эту тему при ней еще раз не имеет смысла.

– Я читала об этом сотни раз, – добавила она, – и все эти показания давно сидят у меня колом в горле. Или вы думаете, я так сразу всему поверила? И не билась в истерике, не кричала Херману и Эгрелу: «Это все ваши чертовы развлечения!»

– И что они?

– Ответом мне были смущенные улыбки. «Мы понимаем, как тебе тяжело. Нам и в самом деле жаль тебя, бедняжка». Потом, когда я никак не хотела успокаиваться, они начали мне угрожать, и это было уже серьезно. Кто я и кто они? Но у меня отняли Карла, и я чувствовала себя совершенно опустошенной. Я не могла ни учиться, ни работать – ничего.

– Понимаю, – кивнул Блумквист.

– И что самое удивительное... как вы думаете, кто утешал меня больше всех? Мама с папой? Братья? Сестры?

– Лео, – догадался Блумквист.

– Именно, малыш Лео. И это то, ради чего я здесь с вами сижу. Ему приходилось тогда не легче, чем мне. Мы плакали с ним вместе в доме на Грёнвиксвеген и на чем свет стоит кляли этих «чертовых старикашек»... Он ведь был еще совсем ребенок. Но у меня не было более близкого человека в этом горе.

– А почему Карл так много для него значил?

– Лео приходил к нему регулярно, раз в неделю. Но это были не просто консультации. Карл стал для Лео другом, единственным человеком, который его понимал. И, со своей стороны, надеялся...

– На что?

– Помочь Лео осознать свои возможности. Ведь он фантастически талантлив. Кроме того...

– Он страдает гиперакузией, – подсказал Блумквист.

– Да, и это тоже. – Эллинор заглянула ему в глаза. – Этот момент, конечно, очень интересовал Карла как ученого. Он хотел выяснить, какое отношение имеет болезнь к изолированности Лео и как она влияет на его мировосприятие. Но Карл был кем угодно, только не ученым циником, не думайте. Между этими двумя существовала связь, которой я никогда не понимала.

– А правда, что Херман и Вивека не были биологическими родителями Лео?

Микаэль сам испугался собственной смелости. Но Эллинор как ни в

чем не бывало сделала глоток из чашки и посмотрела в сторону балкона слева.

– Все может быть, – меланхолично заметила она.

– То есть?

– Мне всегда казалось, что с прошлым Лео связана какая-то тайна.

– У него в роду были цыгане, как я слышал?

Эллинор тихо рассмеялась. Блумквист удивленно посмотрел на нее.

– Нет, это действительно странно, – пробормотала она, скорее обращаясь к самой себе. – Знаете, я часто вспоминаю один случай...

– Что за случай?

– Нет, собственно, ничего такого... Как-то раз Карл пригласил нас с Лео в Дроттнингхольм, прогуляться. Мы с Карлом действительно очень любили друг друга. Но иногда мне казалось, что он от меня что-то скрывает... Я даже не имею в виду его врачебные тайны. И это страшно меня раздражало. Вот и тогда, в Дроттнингхольме, Лео был ужасно грустный, потому что кто-то обозвал его цыганом. Меня удивило, что Карл, вместо того чтобы воскликнуть: «Как можно обижаться на эту чушь!», пустился в долгие рассуждения о расизме, преследовании цыган, принудительной стерилизации и этнических чистках. И Лео кивал с таким видом, будто ему и раньше не раз приходилось выслушивать подобные лекции. Он ведь был тогда совсем маленький. Тем не менее знал и о кочевой жизни, и о происхождении цыган. Мне это показалось... странным.

– И что было дальше?

– Ничего. Я много раз пыталась расспросить Карла о Лео, но он уклонялся от ответа. Конечно, отчасти это было связано с врачебной тайной, но только отчасти. Поэтому та прогулка в Дроттнингхольме до сих пор сидит в моей памяти как заноза.

– Я слышал, будто кто-то из мальчишек Эгрена обзывал Лео цыганом? – робко заметил Микаэль.

– Ивар, самый младший, – кивнула Эллинор, – тот, что пошел по отцовским стопам. Вы его знаете?

– Немного, – отвечал Микаэль. – Насколько мне известно, Ивар вообще был злым мальчиком.

– Ужасно злым, – согласилась Эллинор.

– Но почему?

– Я сама часто себя об этом спрашиваю. Он во всем старался быть лучше Лео, смотрел на него как на соперника. И что самое интересное, похожие отношения установились и между отцами. Альфред и Херман

постоянно щеголяли друг перед другом своими сыновьями. Но если Ивар всегда побеждал там, где нужна мускульная сила, Лео намного превосходил его по части интеллекта. И Эгрэн страшно ему завидовал. Он знал о гиперакузии Лео и специально врубал в Фальстербу по утрам магнитофон на всю катушку. А однажды накупил воздушных шариков и взорвал их прямо за спиной у Лео. Карл, как прослышал об этом, отвел Ивара в сторону и отвесил ему оплеуху. Можете представить себе, какой скандал учинил старик Альфред!

– То есть в этой компании Карла недолюбливали, вы это хотите сказать?

– Определенно недолюбливали. Но родители Лео всегда были на его стороне. Они понимали, что значит Карл для их сына. Именно это обстоятельство и заставляет меня до сих пор верить в то, что смерть Карла – все-таки несчастный случай. Во всяком случае, я стараюсь убедить себя в этом. Херман Маннхеймер никогда не поднял бы руку на единственного друга собственного сына.

– А каким образом Карл вообще на них вышел?

– Через университет. Думаю, его расследование удачно совпало с веяниями времени. Еще совсем недавно никто специально не занимался одаренными детьми. Выделять кого-либо из массы школьников считалось нарушением принципа эгалитаризма, которым так дорожат шведы. Поэтому маленькие гении нередко попадали в спецклассы для детей с отклонениями в развитии или к психиатрам. Но Карл боролся за каждого такого ребенка. Еще несколько лет назад на него навесили бы клеймо «элитиста»^[29], но те времена прошли. Карла включили в престижные правительственные комиссии, а потом он через Хильду фон Кантерборг вышел на Эгренов.

Микаэль вздрогнул от неожиданности.

– Как вы сказали? Через Хильду фон...

– Хильда фон Кантерборг. Она работала в институте психиатрии и курировала докторантов. Тогда Хильда была молода, чуть постарше Карла, но уже считалась очень перспективным специалистом. Поэтому то, что с ней случилось...

– Разве она умерла? – не выдержав, выпалил Блумквист.

– Об этом я ничего не слышала, – отвечала Эллинор. – Знаю только, что Хильда оказалась в центре большого скандала и как будто запыла.

– И что это был за скандал?

Некоторое время Эллинор Юрт молчала, глядя в пустоту перед собой, а потом резко повернулась к Блумквисту.

– Это случилось после смерти Карла, когда меня уже ничто не интересовало. Тем не менее у меня такое чувство, будто Хильду ославили напрасно.

– Каким образом?

– Как специалист Хильда фон Кантерборг не уступала прочим академикам, разве что гонор у нее был поменьше. Как-то раз я встретила ее в компании Карла – выглядела она просто фантастически. Люди буквально с первого взгляда подпадали под власть ее харизмы. Неудивительно, что романы следовали один за другим. В числе ее любовников были и два-три студента. Не сказать, что я это одобряю, но ведь это взрослые люди, и Хильда вела себя вполне благоразумно. Да кого это волновало, в конце концов! Хильда, она... как вам сказать... ничем не могла насытиться. Ей всего было мало – жизни, знаний, мужчин... При этом она не преследовала никаких неблагоприятных целей.

– Так что же все-таки произошло?

– Толком не знаю. Мне известно только, что администрация института заговорила вдруг о каких-то студентах, которые утверждали, точнее, намекали, будто Хильда им себя продавала. Грубая работа – вот что возмутило меня с самого начала. Могли бы придумать что-нибудь поинтереснее, чем выставлять ее проституткой... Что вы делаете?

Микаэль полез за мобильником и открыл Интернет.

– Здесь есть некая Хильда фон Кантерборг... с Рудгер Фухсгатан... это она?

– Не думаю, что в Стокгольме так много женщин с таким именем. А зачем она вам?

– Дело в том, что... – начал было Микаэль, но оборвал фразу на полуслове. – Это долгая история. Вы здорово помогли мне, Эллинор. То, что вы мне только что рассказали, очень ценно.

– Но теперь вам, похоже, пора идти? – предположила Эллинор.

– Все верно. У меня появилось одно срочное дело. Мне кажется, что...

На этот раз договорить ему помешал звонок Малин. Судя по голосу, она тоже была взволнована и просила Микаэля срочно приехать. Распрощавшись с Эллинор Юрт, Блумквист сбежал по лестнице, перепрыгивая через ступеньки, и уже с улицы позвонил Хильде фон Кантерборг.

Декабрь, полтора года назад

Что можно прощать, а чего нельзя? Лео и Карл часто беседовали на эту тему. Этот вопрос был важен для них обоих, но по-разному. В конце концов

оба пришли к великодушному выводу, что простить можно практически все, даже намеренное унижение. Так Лео примирился с Иваром. Теперь он смотрел на Эгрена как на человека, который просто не может быть другим. Одни лишены музыкального слуха, другие застенчивы, а Ивар Эгрэн злой. В этом его слабость, к которой Лео отныне относился со всей возможной снисходительностью.

И его великодушие не осталось незамеченным. Вскоре и Ивар стал к нему приветливее. Иногда похлопывал Лео по плечу, обращался за советом и мог даже как бы невзначай обронить комплимент. «А ты совсем не глуп, Лео...» – или что-то вроде того.

Но брак Эгрена с Мадлен Бард все изменил. Теперь и Лео был исполнен злобы, заглушить которую было не под силу никакой терапии. Ивар сам пробудил в нем зверя. И теперь жажда мести стучала в висках Лео и кружила голову самыми невероятными фантазиями. В них Ивар умирал от мучительного огнестрельного ранения, попадал в автокатастрофу, подвергался публичному осмеянию или заболел смертельной болезнью с отвратительными высыпаниями на коже. Лео проделывал магические манипуляции с фотографиями Ивара и мысленно сбрасывал его с балкона. Он почти сошел с ума на этой почве. Но Ивар по-прежнему оставался жив-здоров. Разве стал немного бдительнее и, возможно, вынашивал встречные планы. Время шло, ситуация то улучшалась, то снова ухудшалась, пока наконец не наступил декабрь месяц.

Падал снег, и было необыкновенно холодно. Мать лежала при смерти. Лео навещал ее три раза в неделю. Он старался быть заботливым и внимательным сыном, но это получалось плохо. Болезнь ожесточила Вивеку. Под действием морфина она почти перестала следить за своими словами и как-то раз обозвала сына слабаком.

– Ты всегда разочаровывал меня, – сказала Вивека.

Лео не ответил, ибо привык оставлять без внимания подобные ее замечания. Теперь он мечтал лишь о том, чтобы как можно скорее вырваться из страны, и не встречался ни с кем, кроме Малин Фруде. У той, правда, были свои проблемы: развод с мужем и смена работы. Лео никогда не верил, что Малин его любит, но ему нравилось ее общество. Они все время поддерживали друг друга и много смеялись, притом что ненависть Лео никуда не девалась. Страх перед Иваром накатывал на него время от времени, и тогда Лео повсюду мерещились шпионы и наемные убийцы. Он ожидал от Эгрена чего угодно – на этот счет он больше не питал никаких иллюзий.

От себя Лео тоже ожидал чего угодно. Он боялся, что однажды

набросится на Эгрена и сотворит с ним что-нибудь чудовищное. Или Ивар отделает его, подкараулив в темном переулке. Лео знал, что это не более чем паранойя, и всячески убеждал себя в этом. Но ничего не помогало. Он по-прежнему слышал несуществующие шаги за спиной, и каждый брошенный искоса взгляд внушал ему подозрения. Лео виделись подозрительные фигуры в подворотнях и темных подъездах, и, возвращаясь домой через парк «Хюмлегорден», он все время оглядывался по сторонам.

В пятницу пятнадцатого декабря снегопад усилился. Украшенный к Рождеству город так и переливался огнями. Лео ушел с работы раньше обычного. Дома переоделся в джинсы и свитер и поставил на рояль бутылку красного вина.

Рояль был марки «Бёзендорфер империал», с девяносто семью клавишами. Лео сам настраивал его каждый месяц. Устроившись на фортепианном стуле «Янсен» из черной кожи, Маннхеймер принялся сочинять новую композицию. Он исходил из дорического модального лада и делал почти насильственный акцент на шестом звуке в конце каждой фразы. Мелодия звучала меланхолично, почти зловеще. Лео с головой ушел в музыку, поэтому не обратил внимания на доносившиеся со стороны лестницы звуки. Это были шаги, которые он принял за порождение своего больного воображения и не в меру чувствительного слуха. Но потом Лео почудилось, будто кто-то аккомпанирует ему на гитаре. Лео насторожился. Конечно, благоразумней было бы для начала спросить в почтовую щель: «Кто там?», но вместо этого Лео просто открыл дверь. И то, что он увидел, на некоторое время лишило его ощущения реальности.

Глава 11

20 июня

Заключенные «Подразделения Б» только что закончили обед и покидали столовую. Некоторые ушли на занятия. Пара-тройка курили в прогулочном дворике. Другим захотелось посмотреть фильм – кажется, «Одиннадцать друзей Оушена». Остальные шныряли между залом и комнатой отдыха и что-то нашептывали в замочные скважины или полуприкрытые двери камер. На первый взгляд все шло как обычно, – но только на первый. Приглядевшись, можно было заметить, что охранников в подразделении значительно прибавилось. Кроме того, заключенных лишили возможности принимать визитеров и делать звонки. Наконец, поражала стоявшая в помещениях необыкновенная духота и жара.

Сам директор колонии Рикард Фагер лично прибыл в подразделение, чтобы сеять беспокойство среди подчиненных. Хотя они и без него были на взводе. Заключенные втайне ликовали. Воздух буквально вибрировал от невиданного чувства свободы. Страх и агрессия, однако, никуда не исчезли. Кое-кто из заключенных – такие, например, как Тина Грэнлунд – всерьез опасался нападения из-за угла или удара в спину. И все же это было радостное оживление, порожденное надеждой на лучшую жизнь. Питалось оно по большей части фантазиями и слухами; тем не менее заключенным было известно больше, чем полицейским и тюремной администрации. Все они знали, что это не Альвар, а Лисбет сокрушила Бенито челюсть и что теперь ее жизнь в опасности. Поговаривали, что сообщники Бенито уже убивают родственников Саландер, и месть их будет ужасной, тем более что, по слухам, лицо Бенито изуродовано на всю жизнь.

Поговаривали также, что состоятельные исламисты, как будто даже шейхи, назначили за голову Фари Казии хорошую награду. Что Бенито переводят в другую тюрьму, как только она оправится, и вообще Флудбергу ждут большие перемены. Лучшее свидетельство тому – появление в отделении директора колонии. Заключенные ненавидели Рикарда Фагера. Большого презрения удостоились, пожалуй, лишь несколько женщин из корпуса С, отбывавших срок за убийство собственных детей. Но сейчас даже на Фагера смотрели с надеждой. Кто знает, может, с исчезновением Бенито жизнь и в самом деле станет более сносной?

Рикард Фагер посмотрел на наручные часы и отмахнулся от

заключенной, подступившей к нему с жалобой на невыносимую духоту. В свои сорок девять лет Фагер оставался видным мужчиной, чему не мешали даже холодные, невыразительные глаза. Он был одет в серый костюм с красным галстуком и ботинки марки «Алден». Обычно, опасаясь спровоцировать недовольство заключенных, представители тюремной администрации одевались скромно. Но Фагер был исключением. Он полагал, что дорогая и стильная одежда – хорошее средство лишний раз напомнить, кто в доме хозяин.

Несмотря на это, сегодня директор выглядел жалко. Пот ручьями стекал по его лицу, брюки и рубашка липли к телу. Фагер поговорил с кем-то по рации, затем кивнул кому-то из своего окружения и прошептал несколько слов на ухо исполняющей обязанности начальника охраны Харриет Линдфорс. После чего вся компания направилась к камере номер семь, где после вчерашнего происшествия с Бенито содержалась Лисбет Саландер.

* * *

Лисбет сидела за письменным столом, погруженная в расчеты. С некоторых пор в центре ее внимания была петля Вильсона, при помощи которой она надеялась разрешить проблему так называемой петлевой квантовой гравитации. Поэтому Саландер не обратила внимания на появление в камере Фагера и его свиты. Директор толкнул в бок Харриет, и та выступила вперед.

– Администрация колонии желает поговорить с тобой, Лисбет, – с неохотой в голосе объявила Харриет.

Только тогда Саландер обернулась. Фагер с брезгливой миной похлопывал пальцами по рукаву пиджака, словно стряхивая пыль, и беззвучно двигал губами. Он ненавидел Лисбет. Она его тоже – особенно после беглого знакомства с его перепиской. Но сейчас пришло время забыть о личных амбициях.

– У меня хорошие новости, – недовольно проворчал Фагер.

Лисбет молчала.

– Хорошие новости, – повторил он.

На лице заключенной не дрогнул ни один мускул. Фагер начал распаляться.

– Ты что, оглохла?

– Нет. – Лисбет опустила глаза.

– Хм... ну что ж, это хорошо, – он прокашлялся. – Через девять дней истекает срок твоего заключения, но мы отпускаем тебя уже завтра утром. А сегодня ты будешь допрошена комиссаром Бублански из Стокгольма. Он хочет привлечь тебя к сотрудничеству.

– Вы хотите от меня избавиться?

– Хочу или не хочу... у меня директива. Персонал колонии считает возможным освободить тебя досрочно... за примерное поведение, понятно?

Фагеру как будто стоило немалого труда произнести последние слова.

– За примерное поведение? – переспросила Лисбет. – Интересно...

– Черт возьми, у меня рапорт!

– К черту твой рапорт, – прошептала Лисбет. – К черту все твои рапорты.

– Что ты знаешь о моих рапортах?

Лисбет заговорила быстро, все еще не поднимая глаз, как будто ответ был написан на полу.

– Я знаю, что ты пишешь их безграмотно и бестолково. Что иногда употребляешь не те предлоги. Что ты любишь длинные предложения и напыщенные обороты, в которых полно лжи. Ты утаиваешь важную информацию, которой точно располагаешь. Ты хочешь доказать начальству, что во Флудберге все замечательно, но это ты превратил жизнь Фарии Кази в ад. И твоя ложь может стоить ей жизни, а это уже серьезно, Рикард.

Фагер побледнел как мел, разинул рот и уставился на Саландер. Потом решил предпринять последнюю попытку спасти положение.

– Что ты такое говоришь, девушка... – прошептал он. – Что ты имеешь в виду? Или ты читала мои рапорты... в какой-нибудь газете?

– Дойдет и до газет, – пообещала Лисбет.

Рикард Фагер беспомощно заморгал.

– Ты лжешь.

– Я не лгу. Я читала, а где – не твоя забота.

Фагер затрясся всем телом, как будто в приступе беззвучного хохота.

– Ты... ты...

– Что? – вскинула голову Саландер.

– Хочу напомнить, что решение о твоем досрочном освобождении может быть пересмотрено в любую минуту.

– Так пересматривай. Меня волнует другое.

– Что же?

Над верхней губой Фагера выступили капли пота.

– Фария Кази. Она должна быть в безопасности, пока ее адвокат Анника Джаннини не вытащит ее отсюда. Ей понадобятся свидетели...

– Заткнись! – взревел Фагер. – Ты не в том положении, чтобы что-то от меня требовать.

– Вот здесь ты ошибаешься, – спокойно возразила Саландер. – Это ты не в том положении. Ты – лжец, который позволил Бенито Андерссон издеваться над заключенными.

– Ты сама не понимаешь, что говоришь, – выдавил сквозь зубы Фагер.

– Мне наплевать, что ты обо всем этом думаешь, – отвечала Саландер. – У меня есть доказательства. Все, что мне от тебя нужно, – знать, что с Фарией Кази все будет в порядке.

Взгляд Фагера бесцельно блуждал по комнате.

– Мы позаботимся о ней, – пробормотал он и тут же добавил, будто застыдившись своей слабости: – Но Фария Кази не одна, кому угрожает опасность.

– Вон отсюда, – прошептала Лисбет Саландер.

– Хочу предупредить, я не потерплю...

– Вон.

Правая рука Рикарда Фагера задрожала. Пару секунд он медлил, как будто хотел что-то сказать. А потом развернулся и вышел, на ходу отдавая Харрис команду запереть камеру. Дверь с лязгом закрылась, и вскоре шаги Фагера стихли в гулком коридоре.

* * *

Слушая удаляющиеся шаги, Фария Кази думала о Лисбет Саландер. Вот уже в который раз вспоминала она ее удар локтем в челюсть и сползающее на пол тело Бенито. Эта сцена снова и снова прокручивалась в сознании Фари. Девушка просто не могла сосредоточиться ни на чем другом. Правда, иногда за этой картинкой вставали другие, которые каким-то образом были с ней связаны, хотя Фария еще не понимала как.

Например, она вспоминала, как еще несколько дней назад читала стихи Тагора в своей комнате в Сикле. Было около трех часов дня, когда к ней заглянул Башир. Он ударил ее по щеке и сказал, что девушкам не следует много читать – книги делают из них проституток. Но Фария не разозлилась и даже не обиделась, напротив. Удар Башира словно пробудил ее к жизни. Она вскочила с кровати и стала ходить по квартире, время от времени бросая взгляды на младшего брата Халила. Фария размышляла, отметая планы один за другим. Сначала она решила попросить Халила выпустить ее из квартиры на некоторое время. Потом – заставить его

самого позвонить в полицию, в социальную службу, в ее старую школу. Халил – ее последняя надежда. Пусть свяжется с журналистами, с имамом Фердоуси или с тетей Фатимой. В противном случае Фария перережет себе вены, и это чистая правда.

Но она так ничего не сказала и не сделала. Около пяти вечера открыла платяной шкаф, но не нашла ничего, кроме мусульманской одежды. Прочие юбки и костюмы братья давно изрезали на куски ножницами или выбросили. Наконец Фария отыскала черную блузу, джинсы и пару кроссовок и, переодевшись, вышла на кухню к Ахмеду и Баширу. Братья встретили ее вопросительными взглядами. Фарие хотелось кричать и бить посуду, но вместо этого она молча встала посередине комнаты, прислушиваясь к шагам у входной двери. Шагам Халила.

Дальнейшее виделось ей как в тумане. Фария вытащила нож из кухонного ящика, спрятала его за блузу и выбежала в гостиную. Халил стоял у входной двери с ключом от тюремного замка. Должно быть, он слышал ее шаги, потому что выглядел растерянным. Фария тяжело дышала.

– Ты должен выпустить меня, Халил, – зашептала она. – Я не могу так жить.

В ответ Халил посмотрел на нее так жалостливо, что Фария невольно попятилась. Потом на кухне задвигались стулья. Это очнулись Башир и Ахмед. Фария вытащила из-за пазухи нож:

– Сделай вид, что я тебе угрожаю, Халил. Делай что хочешь, только выпусти меня.

– Они убьют меня, – сказал он и опустил глаза.

Этого было достаточно. Фария поняла, что такую цену она заплатить не готова. Башир и Ахмед приближались, со стороны лестничной клетки тоже послышались голоса. Настал решающий момент. Халил, не меняясь в лице, открыл перед ней дверь. Нож со звоном упал на пол. Фария выскользнула из квартиры и побежала. Она слетела по лестнице, едва не сбив с ног отца и Разана, и выскочила на улицу. До сих пор она ничего не слышала, кроме собственного дыхания, но теперь все звуки заглушили мужские голоса и тяжелый топот множества ног за спиной.

Фария побежала. Так быстро, словно осенний ветер понес ее по улице. Это было удивительно, ведь она несколько месяцев не выходила из квартиры. Девушка петляла между домами, потом спустилась вниз у Хаммарбюхамнена и побежала вдоль моря. Потом снова поднялась и помчалась через мост, в направлении Рингвегена. Там она прыгнула в автобус, который довез ее до Васастана, и побежала дальше. Несколько раз Фария падала и снова поднималась. Только в подъезде дома на

Уппландсгатан она заметила, что ее локти кровоточат. Фария поднялась на третий этаж, позвонила в дверь справа и замерла. Внутри что-то зашевелилось, потом раздались шаги. Фария молилась, прикрыв глаза, и едва не закричала, когда щелкнул замок. В дверях стоял Джамал, небритый, в грязном халате. В первую секунду Фария подумала, что ошиблась. Но Джамалу всего лишь требовалось время прийти в себя. После чего он потер ладонями лицо и облегченно выдохнул:

– Слава богу.

Вздрагивая всем телом, Фария упала в его объятия. Джамал повел ее в квартиру и запер дверь на такой же тюремный замок, какой был у ее братьев в Сикле. С той только разницей, что здесь он означал свободу. Они долго молчали. Потом лежали вместе на кровати, целовались и плакали. Фария и сама не заметила, как улетучился страх. Где-то в отдаленном уголке сознания пульсировала мысль о том, что дома, в Сикле, кое-что изменилось. Теперь у отца и старших братьев появился новый враг – Халил.

* * *

Мысли Микаэля были слишком заняты Хильдой фон Кантерборг, поэтому он плохо понимал, что говорила ему Малин. На Вестербрун Блумквист взял такси до Рутгер Фухсгатан и теперь из окна машины любовался на загорающих в парке людей. В заливе Риддарфьёрден тарахтел одинокий катер.

– Послушай, Микке, – говорила Малин, – я очень тебя прошу. Это ведь ты втянул меня в эту историю.

– Прости, я немного рассеян, – отвечал Микаэль. – Всему свое время... Так что ты говоришь... ты застала Лео за работой посреди ночи?

– Именно так, – подтвердила Малин. – И мне это показалось странным.

– Наверное, ты решила, что он пишет завещание?

– Дело не в том, что он писал, а как.

– То есть?

– Он ведь был левша, Микаэль. Лео все делал левой рукой, я сразу обратила на это внимание. Но в тот раз он писал правой.

– Хм... действительно странно.

– Мне сразу вспомнилось одно его выступление на телевидении. Тогда Лео демонстрировал какие-то слайды и держал мышь в правой руке.

– Прости, Малин, я что-то не улавливаю.

– Я не договорила. Тогда я не придавала этому большого значения, но вспомнила этот момент во время его выступления в Музее фотографии. Я же говорила тебе, что в последние недели моей работы в фонде Альфреда Эгрена мы с Лео сблизились, и я стала обращать внимание на любую мелочь в его поведении. Ну, например, на то, как он берет разные предметы.

– Понимаю.

– И вот во время лекции в Музее фотографии Лео взял бутылку со стола правой рукой...

– Так.

– Но крышку отвинтил левой. Потом налил воды в стакан, который опять-таки держал в правой руке. Вот на что я обратила внимание. А потом подошла к нему поговорить.

– И разговор вышел неудачный, насколько я понимаю.

– Совершенно верно. Я поняла, что он хочет от меня отделаться, и как можно скорее. Он плеснул вина в бокал, который, опять-таки, держал в правой руке. У меня мурашки по спине побежали.

– Что-то неврологическое?

– По крайней мере, так объяснил это сам Лео.

– Что? Ты все-таки говорила с ним на эту тему?

– Не я. Я тогда вообще чувствовала себя круглой душой. Я снова и снова прокручивала передачу с его участием – и не верила своим глазам. Наконец позвонила коллегам. Но только для того, чтобы окончательно убедиться в том, что сошла с ума. Они ничего не заметили, Микке! Никто ничего не заметил. Однако у меня еще оставалась моя Нина Вест – валютный маклер и зоркий глаз. Единственный, кроме меня, человек, который обратил внимание на странности Лео. Можешь себе представить, как мне было приятно это услышать! И она расспросила его об этом.

– И что он сказал?

– Что у него амбидекстрия. То есть и левой, и правой рукой он управляется одинаково хорошо. Я смотрела в Интернете, Микке, их только один процент. Один процент от всего человечества, можешь себе представить? Среди амбидекстров есть известные спортсмены – например, Джимми Коннорс^[30], ты его знаешь?

– Конечно.

– После смерти матери Лео неожиданно переменял руку. Это был знак начала его новой жизни, первый шаг к освобождению.

– Есть ли какое-нибудь объяснение этой его особенности?

– Не знаю. Но гиперაკузия и амбидекстрия – не слишком ли много для одного человека?

Микаэль молчал, глядя в сторону Цинкенсдамма.

– Нет, почему же? – возразил он. – Лично я не вижу здесь никакого противоречия... – Он задумался. – И все-таки ты права. Что-то в его истории не стыкуется. Кажется, мы с тобой договаривались о встрече?

– Совершенно верно, – согласилась Малин.

Микаэль дал отбой и продолжил путь в сторону Сканстюлла, к Хильде фон Кантерборг.

* * *

За последние несколько лет Ян Бублански проникся большой симпатией к Лисбет Саландер, тем не менее в ее присутствии ему было не по себе. Он знал, что она недолюбливает службы правопорядка, что было вполне понятно, принимая в расчет ее прошлое. Но Ян Бублански не терпел необоснованных обобщений.

– Ты должна учиться доверять людям, Лисбет, – сказал он ей. – Даже полицейским.

– Я пытаюсь, – сухо ответила она.

Саландер выглядела на удивление молодо. Ян сидел напротив нее в комнате свиданий в Н-корпусе и ерзал на стуле.

– Прими мои соболезнования по поводу кончины Хольгера Пальмгрена. Я знаю, как это тяжело. Когда умерла моя жена...

– Не надо, – остановила его Саландер.

– Хорошо. Перейдем сразу к делу. Как ты думаешь, кому могло понадобиться убивать Хольгера Пальмгрена?

Лисбет подняла руку и коснулась его плеча – чуть повыше того места, куда много лет назад попала пуля. Бублански стало совсем не по себе. Но когда она заговорила, чувство неудобства быстро ушло. Потому что это был действительно ответ по существу дела – мечта следователя.

– Несколько недель назад к Хольгеру приходила пожилая дама, Май-Бритт Торелль, бывший секретарь профессора Юханнеса Кальдина – главврача детской психиатрической клиники Святого Стефана в Уппсале.

– Ты там лечилась, кажется?

– Она прочитала обо мне в газетах и решила передать Хольгеру кое-какие документы. Май-Бритт Торелль думала, что в них есть что-то новое, что может меня заинтересовать. На самом деле никакой новой информации

для себя я там не нашла, зато впервые разглядела нечто, чего не понимала раньше. Это касается планов передать меня в приемную семью. Я всегда полагала, что меня хотели забрать от плохого отца, но все оказалось сложнее. Мое удочерение было частью научного эксперимента, инициированного правительством и получившего название «Реестр изучения влияния генетики и среды на формирование личности». Я до сих пор не знаю, кто именно этим занимался, и это не дает мне покоя. Поэтому я позвонила Хольгеру и попросила его просмотреть бумаги еще раз. Понятия не имею, что он в них вычитал. Знаю только, что Микаэль Блумквист позвонил в тюрьму и сообщил, что Хольгер Пальмгрен мертв, возможно, убит. Поэтому я советую вам связаться с Май-Бритт Торелль; она живет в Аспюддене. У нее должны были остаться копии. Вообще полиции было бы неплохо присмотреть за ней, пока суд да дело, мало ли что.

– Спасибо, – кивнул Ян. – Ценный совет. Что же это все-таки за эксперимент?

– Название говорит само за себя, – ответила Саландер.

– Названия иногда вводят в заблуждение.

– Этим еще занималась одна свинья по фамилии Телеборьян.

– Его мы уже допрашивали, – кивнул Ян.

– Допросите его еще раз.

– И что мы должны искать, как ты думаешь?

– Можете поджарить на медленном огне шефов института генетики в Уппсале, – продолжала она. – Хотя от них вы вряд ли чего-нибудь добьетесь.

– Нельзя ли поконкретнее, Лисбет? – не выдержал Ян. – О чем ты говоришь?

– О науке, – ответила она. – Или скорее о псевдонауке. Об идиотах, которые воображают, что смогут изучить влияние генетического наследия и внешней среды на человека, если будут отдавать детей в приемные семьи.

– Звучит угрожающе... И что, больше никаких путеводных нитей?

– Нет.

Бублански задумался.

– Ты знаешь, каковы были последние слова Хольгера? «Поговори с Хильдой фон...» Кого он имел в виду, не догадываешься?

Лисбет догадывалась. Она догадалась об этом еще вчера, после звонка Микаэля. Но до поры решила молчать. У нее были свои причины не упоминать ни Лео Маннхеймера, ни женщину с пылающим родимым пятном на шее. Бублански еще о чем-то ее спрашивал, она отвечала

односложно. Потом ее снова отвели в камеру, чтобы в девять часов утра выставить вон из Флудберги. Рикарду Фагеру не терпелось от нее избавиться, Лисбет это знала.

Глава 12

20 июня

Уборкой Ракель Грейтц, как всегда, осталась недовольна. Сама виновата: нужно быть строже с домработницами. Теперь придется браться за тряпку самой. Ракель полила цветы в горшочках, разложила по полкам книги, расставила стаканы и чашки. Кому какое дело до ее самочувствия или того, что волосы выпадают клочьями? Ракель закусила губу. Сделать предстоит много. Потом нужно будет еще раз просмотреть документы, которые она забрала у Хольгера Пальмгрена. Нетрудно понять, что заставило старика позвонить Мартину. Собственно, в бумагах не обнаружилось ничего страшного. Главное, что Телеборьян нигде не упомянул фамилии Ракель, обозначив ее одной-единственной буквой. Суть эксперимента также не прояснялась. Умалчивались имена и фамилии других детей. Нет, сами бумаги ее не пугали. Станным было то, что Пальмгрен взялся за них именно сейчас, спустя столько лет. Мартин полагал, что это вышло случайно, что Пальмгрену ни с того ни с сего взбрело в голову взяться за бумаги, которые пролежали у него в ящике много лет. Кое-что в них его удивило, но он не намеревался раздувать из этого всемирный скандал. В этом случае их последняя операция – непростительная оплошность.

Однако Ракель не верила в случайность. Тем более теперь, когда ей стало известно о том, что Пальмгрен не так давно навещал Саландер во Флудберге. Они с Мартином буквально балансировали на краю пропасти. В документах упоминалась Хильда фон Кантерборг – единственная, кто еще мог вывести Саландер на Ракель. О, эту Саландер недооценивать опасно... Но Ракель была уверена: проговорилась не Хильда. После прокола с Агнетой Саландер она вообще держала рот на замке. Утечка произошла в другом месте; вопрос, где. Потому что могли остаться копии документов. Одно дело, если бумаги попали к Пальмгрену в связи с давнишними исследованиями Телеборьяна, другое – если он получил их позже. Но от кого? Кто-то из клиники Святого Стефана? Ракель была уверена, что оттуда ей давно уже ничто не угрожает. Правда... как же, Юханнес Кальдин, главврач! Вечное бельмо на глазу у них с Мартином. Что, если это он передал кому-нибудь бумаги, прежде чем умереть? Или это сделал кто-нибудь из его окружения? Например... как же! Ракель выругалась на свою

недогадливость. Конечно же, эта курица, кто же еще!

Она вернулась на кухню и приняла две таблетки аспирина, запив их лимонной водой. Потом позвонила Мартину Стейнбергу – кто-то же должен толкать в спину этого труса – и попросила его срочно связаться с Май-Бритт Туретт^[31] (так Ракель иногда ее называла; трудно сказать, с умыслом или без).

– Только срочно! – повторила она. – Немедленно!

После этого съела салат из рукколы с помидорами и грецкими орехами и убралась в ванной комнате. Часы показывали половину шестого, но в квартире стояла духота, несмотря на открытую дверь. Ракель преодолела искушение надеть льняную блузу вместо неизменного черного пуловера с воротником под горло и снова подумала о Хильде. Как же она презирала эту алкоголичку и шлюху... А ведь когда-то испытывала к ней что-то вроде зависти. К Хильде тянулись все: мужчины, женщины, дети – хотя и из разных соображений. Еще бы, такой перспективный, широко мыслящий ученый... Хотя их проект не был особенно оригинальным, нечто подобное уже делалось в Нью-Йорке. Мартин, к примеру, начал исследования гораздо раньше, и, хотя результаты порой разочаровывали, Ракель никогда не считала, что они заплатили за них слишком высокую цену. Одним детям пришлось лучше, другим – хуже. В конце концов, жизнь – это лотерея. Сам замысел «Проекта 9» был многообещающим. Людям необходимо понимать, каким образом получают сильные и гармоничные личности. Поэтому проклятие на головы Л.М. и Д.Б., которые поставили под угрозу все дело и тем самым вынудили Ракель на крайние меры.

Ракель не раскаивалась – на это она, похоже, вообще не была способна. Иногда эта ее особенность казалась странной ей самой. Может, для раскаяния у нее не хватало какого-нибудь гена? Тем не менее иногда ее беспокоили последствия некоторых ее поступков...

Ракель прислушалась. Со стороны Карлсбергвеген доносились крики и смех. В квартире пахло моющими средствами и больницей. Она взглянула на наручные часы, встала из-за стола и взяла сумку, – на этот раз черную и более современной модели. Потом надела аккуратный черный парик, достала солнечные очки, пару шприцов, ампулы и изящный светло-голубой флакон. Вытащила из гардероба трость с серебряным набалдашником и сняла с полки в прихожей серую шляпу. После чего вышла из дома и стала ждать Беньямина.

Хильда фон Кантерборг плеснула в бокал белого вина. Конечно, она страдала алкоголизмом и все-таки пила не так много, как могло показаться со стороны. На людях она вообще часто на себя наговаривала. Ведь Хильда не была опустившейся аристократкой, как полагали некоторые. Как не была и пьяницей, которая целыми днями только и делает, что потягивает винцо. Время от времени она еще публиковала статьи в журналах по психологии под псевдонимом Леонард Барк.

Собственно, ее отца звали Вильмер Карлссон. Он занимался маклерством и финансировал какие-то проекты, пока не был осужден окружным Сюндсвалльским судом по делу о крупном мошенничестве. После этого он обратил внимание на молодого лейтенанта-драгуна по имени Юхан Фредрик Кантерберг, скончавшегося на дуэли в 1787 году и не оставившего потомства. Вильмеру Карлссону пришлось пустить в ход всю свою изворотливость, чтобы – вопреки строгим правилам Рыцарской палаты – не только сменить фамилию, но даже добавить к ней частичку «фон». Притом что, присвоив себе фамилию погибшего лейтенанта, Вильмер Карлссон несколько видоизменил ее и стал называться не «Кантерберг», а «Кантерборг».

Хильде ее новая фамилия казалась слишком напыщенной. Особенно после переезда отца в убогую «двушку» в центральном районе Тимро. Фамилия «фон Кантерборг» смотрелась на щитке так же нелепо, как чувствовала бы себя сама Хильда в дворянском собрании. Хотя, возможно, именно фамилия роковым образом повлияла на ее поведение. Это вопреки ее «благородству» девочка рано попробовала наркотики и стала водиться с разными оборванцами. При этом Хильда хорошо успевала в школе, а потом поступила в университет на психолога. Она никогда не отличалась усидчивостью, но была умна, хороша собой и любознательна, чем сразу обратила на себя внимание преподавателей. Кроме того, Хильда была человеком с твердыми моральными принципами – пусть не совсем такими, какие требовались от девушки в то время. Возможно, она не отличалась скромностью, зато с детства ненавидела ложь и никогда не имела дела с предателями.

Как-то раз в одном из ресторанчиков на Рёрстрандсгатан в Васастане Хильда увидела профессора социологии Мартина Стейнберга. Это случилось незадолго после ее защиты. Стейнберг был высокий, видный мужчина с аккуратными усами, чем-то похожий на Дэвида Нивена^[32]. Его супругу Гертруду – коренастую женщину четырнадцатью годами старше его – нередко принимали за его мать. Но, как поговаривали, Мартин встречался с другими женщинами. Поговаривали также, что он – человек с

большими связями. Когда-то Стейнберг занимал должность ректора в Высшей школе социологии и руководил важными исследованиями. Хильда считала его догматиком, но была очарована им не меньше других. И виной тому были не только пресловутая харизма профессора Стейнберга и его неотразимая внешность. Хильда видела в нем загадку, которую ей хотелось разгадать.

Поэтому она вздрогнула, когда заметила Стейнберга в зале ресторана в компании женщины, так не похожей на его жену. У спутницы профессора были короткие волосы лимонного цвета, стройная фигура и изящные длинные пальцы с ярко-красными ногтями. Из всего этого, конечно, не следовало, что дама – любовница профессора, но он явно смутился, поймав взгляд Хильды. Сама не зная почему, та вдруг почувствовала себя несмышленной девочкой, которая подглядывает за взрослыми в замочную скважину, и быстро покинула ресторан. Всю следующую неделю профессор Стейнберг бросал на нее любопытные взгляды, а потом предложил прогуляться с ним в леске возле института.

День выдался пасмурным. Стейнберг долго молчал, словно собирался с силами сказать ей что-то очень важное, а потом начал беседу с неожиданного вопроса:

– Скажите, Хильда, вы когда-нибудь задумывались, почему вы такая, какая есть?

– Задумывалась, – коротко ответила она.

– Это важный вопрос, – продолжал Мартин, – причем не только для нас с вами.

Именно так все и началось. Хильда оказалась втянутой в «Проект 9», в котором первое время не видела ничего, кроме невинного эксперимента. Ведь детей и без того всегда обследовали, подвергали тестированию, прежде чем направить в приемные семьи. Одни из подопечных Хильды демонстрировали потрясающие способности, другие на их фоне выглядели скромнее. Но результаты в любом случае не афишировались, и вообще ничто не говорило об использовании детей в каких-то неблагоприятных целях. Профессор Стейнберг и его коллеги вели себя безукоризненно корректно. Вскоре были сделаны первые выводы, окончательно убедившие Хильду в практической и научной важности проекта. Тем не менее оставалось много вопросов, первый из которых – по какому принципу отбирались дети и почему многие из них попадали в столь чуждую социальную среду. Понимание пришло постепенно, но дверь к тому времени уже захлопнулась. Хотя, положив руку на сердце, Хильда до сих пор не видела ничего плохого в самом проекте. Как и всему эксперименту,

так и каждому случаю в отдельности можно было найти вполне приемлемое моральное оправдание.

Но потом Карла Сегера застрелили на лосиной охоте, и Хильде стало по-настоящему страшно. Она решила вырваться, покончить со всем этим. Мартин и Ракель сразу это почувствовали. Они предоставили ей возможность уйти, но не сразу. Прежде Хильда должна была помочь одной девочке. Эта девочка и ее сестра-близнец жили на Лундагатан в Стокгольме. Родительский дом давно стал для них настоящим адом, но власти ничего не предпринимали. Хильда решила устроить девочку в приемную семью, но передумала, как только сошлась ближе и с ней самой, и с ее мамой. Хильда защищала их, и это стоило ей карьеры и едва ли не жизни. Но до сих пор она гордилась собой и считала этот свой поступок едва ли не самым важным, что она сделала за годы работы в команде Стейнберга.

Хильда допила «Шардоне» и выглянула в окно. День клонился к вечеру, и на улицу уже высыпали толпы гуляющих. Почему бы ей самой не посидеть с книжкой в каком-нибудь кафе под открытым небом?

Она задумалась. Внезапно ее внимание привлекла высокая женская фигура, только что высадившаяся на улицу из черного «Рено». Хильда сразу узнала Ракель Грейтц. Удивляться здесь было нечему, Ракель время от времени навещала и поддерживала ее. Но в последнее время она изменилась. Досаждала Хильде бестолковыми звонками, будто о чем-то беспокоилась, и даже снова начала угрожать. Сейчас Ракель стояла на тротуаре, одетая, как на маскарад, тем не менее вполне узнаваемая. Рядом с ней Хильда увидела Беньямина Форса – друга и телохранителя Ракель, который часто сопровождал ее, особенно когда требовалась физическая сила. Хильда перепугалась и поняла, что ситуация требует от нее незамедлительных действий.

Она схватила со стола бумажник и телефон, поставленный на беззвучный режим, сняла с вешалки пальто, вышла из квартиры и заперла дверь. Но в подъезде уже раздавались шаги. На мгновение Хильду охватил панический страх, а потом она помчалась по лестнице, не думая о том, что попадет прямо в лапы своих преследователей. На ее счастье, Ракель с Беньямином направились к лифту. Через черный ход Хильда выбежала в сад – только так и можно было выйти из дома, минуя подъезд. Сад окружал желтый каменный забор. Стараясь не производить лишнего шума, Хильда пододвинула к нему садовый столик, взобралась на него, как неуклюжий мальчишка, и спустя несколько секунд спрыгнула в соседний двор, из которого вышла на Бохусгатан. Потом спустилась к бассейну

Эриксдальсбадет. Хильда почти бежала, хотя, прыгнув с забора, ушибла левую ногу.

Возле тренажерного зала под открытым небом у Орставвикена она достала мобильник и обнаружила несколько пропущенных звонков. Прослушав сообщения на автоответчике, Хильда так и обмерла: неужели и вправду сам Микаэль Блумквист пытался выйти с ней на связь? Он сдерживал волнение и вежливо извинялся, но по голосу Хильда поняла, что случилось нечто серьезное. Наконец прозвучала фраза: «Теперь, после смерти Хольгера Пальмгрена...» – и Хильда напрягла память. Пальмгрэн... Пальмгрэн... Где она о нем слышала? Хильда снова взялась за мобильник. Как же! Хольгер Пальмгрэн был опекуном Лисбет Саландер. Все и в самом деле выглядело слишком серьезно. Если СМИ охотятся за информацией, то она – слабое звено.

Хильда ускорила шаг. У воды загорали люди, некоторые прогуливались или ужинали на свежем воздухе, расстелив на траве одеяла. У причала, за тренажерным залом, расположилась группа подростков с баночками пива. Хильда остановилась рядом, сжимая в руке телефон. Она была не слишком сильна в технике, но знала, что при помощи мобильного можно вычислить местонахождение человека, поэтому сделала свой последний звонок – сестре, – о чем тут же пожалела. После каждого разговора с сестрой Хильда чувствовала себя виноватой. Дав отбой, она подступила к мальчикам и выбрала самого высокого, с взъерошенными волосами и в отороченной бахромой куртке.

– Вот, – сказала ему Хильда, – это «Айфон», абсолютно новый. Я дарю его тебе. Можешь поменять сим-карту, если хочешь.

– С чего это вдруг? – опешил подросток.

– Потому что ты хороший мальчик, – ласковым голосом объяснила Хильда. – Только не покупай наркотики, ладно?

С этими словами она бросила мобильник на одеяло и как могла быстро исчезла в лучах закатного солнца.

Спустя еще полчаса Хильда, обливаясь потом, стояла возле банкомата в Хорнстюлле. Там она сняла тридцать тысяч крон наличными и поехала на Центральный вокзал. Хильда направлялась в Нючёпинг, в маленький отель на окраине города, где одно время скрывалась от коллег, выставивших ее шлюхой.

В подъезде дома, где жила Хильда фон Кантерборг, Микаэль Блумквист столкнулся с незнакомой рослой женщиной. Она была явно не молода и как будто чем-то напугана. Из-за ее спины выглядывал крепкий мужчина примерно одних с Микаэлем лет, ростом под два метра и с маленькими голубыми глазками на круглом лице. Не обращая внимания на странную пару, Блумквист вбежал по лестнице и позвонил в нужную квартиру. Похоже, дома никого не было. Он вышел на улицу и направился в сторону отеля «Кларион» возле Сканстюлла, откуда снова попытался дозвониться до Хильды.

На этот раз ему ответил мальчишеский голос:

– Привет.

– Привет, – отозвался Блумквист. – А Хильду можно?

– Нет здесь никакой Хильды. Теперь это мой телефон.

– То есть?

– Подарила какая-то чокнутая. И под мухой, похоже.

– Когда?

– Только что.

– Как она выглядела?

– Как больная на голову.

– Ты где?

– Да пошел ты...

Мальчик дал отбой, и Микаэль выругался. Потом направился в бар отеля «Кларион», заказал большой «Гиннесс» и устроился в кресле возле окна с видом на Рингвеген. За его спиной возле регистрационной стойки пожилой лысый господин о чем-то спорил с портье. За соседним столиком перешептывались две девицы.

Мысли путались в голове Микаэля. Что это за списки, о которых говорила Лисбет, и как они могут быть связаны с Лео Маннхеймером и психологом Карлом Сегером, погибшим на охоте двадцать пять лет назад якобы от случайной пули? Вне всякого сомнения, все эти истории уходят корнями в далекое прошлое. Смерть Хольгера Пальмгрена – лучшее тому подтверждение.

Кстати, о Пальмгрене. Насколько вероятно, что под «Хильдой фон» он имел в виду не Хильду фон Кантерборг, а кого-то другого? Не исключено, хотя крайне маловероятно. Особенно если учесть, что Кантерборг, по-видимому, чем-то сильно обеспокоена. Не зря же она отдала свой телефон подросткам. Микаэль взял свой «Гиннесс» и посмотрел на девушек за столиком справа, которые о чем-то шептались, кивая в его сторону. Потом достал мобильный и набрал имя «Хильда фон Кантерборг» в «Гугле».

Микаэль вовсе не был уверен, что то, что ему нужно, есть в Сети. Но он должен был попытаться. Никогда не знаешь, где удастся ухватиться за новую путеводную нить. Ею может стать любая случайная оговорка, фраза из интервью, эпизод биографии, слово в перечне интересов. До увольнения из Стокгольмского университета Хильда фон Кантерборг была довольно плодовитым автором журналов по психологии. Но сколько Микаэль ни вчитывался в ее статьи, он не мог обнаружить в них ничего, что могло быть хоть как-то связано с приемными детьми, мальчиками, страдающими гиперактуизией, или амбидекстрами.

Она довольно резко критиковала расистские теории, все еще сквозящие в работах иных психологов, особенно в связи с исследованиями интеллекта. В одном из ее эссе, опубликованном в журнале «Прикладная психология», речь шла о так называемом «эффе́кте Флинна» – феномене поступательного роста IQ, наблюдаемого во всех странах с 1930 года. Хильда Кантерборг полагала, что рост коэффициента интеллекта стимулируется воздействием внешней среды, то есть вызван не генетическими причинами. Никаких других публикаций по интересующей его теме Блумквисту обнаружить не удалось.

Он бросил взгляд за окно, заказал еще один «Гиннесс» и подумал, что пришло время навести справки о коллегах и сотрудниках Хильды фон Кантерборг. Однако в следующий момент, взглядевшись в перечень ссылок в «Гугле», обнаружил, что Хильда – не единственная женщина с такой редкой фамилией. Вторую фон Кантерборг звали Шарлотта, она была на шесть лет моложе Хильды и проживала на улице Реншерны. Как следовало из «Гугла», Шарлотта фон Кантерборг работала парикмахершей и владела собственным салоном на Гётгатан. Судя по фотографии, которую Блумквист обнаружил в Интернете, Шарлотта приходилась Хильде близкой родственницей – вероятно, сестрой.

Недолго думая, Микаэль набрал на мобильнике ее номер.

– Лотта, – произнес женский голос в трубке.

– Меня зовут Микаэль Блумквист, я журналист из газеты «Миллениум», – представился Микаэль.

И почувствовал волнение женщины прежде, чем она успела что-либо ответить. В этом не было ничего удивительного. Блумквист даже шутил, что ему следовало бы писать больше позитивных статей, чтобы люди не шарахались при одном только упоминании его имени.

– Простите, что потревожил, – осторожно продолжил Микаэль. – Но мне нужна Хильда фон Кантерборг.

– Что с ней опять случилось?

Она спросила именно так, а не «с ней что-нибудь случилось?».

– Когда вы разговаривали с ней в последний раз?

– Не далее как час назад.

– И где она находилась?

– Могу я спросить, с какой стати вас это интересует? – возвысила голос женщина, но в следующий момент как будто испугалась собственной дерзости. – Я всего лишь имела в виду...

– Что?

– Ну... ведь не каждый день ее разыскивают журналисты. – Шарлотта тяжело вздохнула.

– Тем не менее вам не о чем беспокоиться, – поспешно заверил Блумквист.

– Хильда как будто была чем-то напугана... Что вообще происходит?

– Честно говоря, я и сам пока не знаю, – ответил Микаэль. – Но убит один из моих друзей, Хольгер Пальмгрен. Я был с ним в его последние минуты. Это Хольгер посоветовал мне поговорить с Хильдой. По-видимому, она располагает какой-то важной для меня информацией.

– Что за информация? – не поняла Лотта.

– Именно это я и хотел выяснить. Это важно и для Хильды, – поспешил добавить Микаэль. – Возможно, ей угрожает опасность. Помогите мне с ней связаться.

– А вы точно ей поможете? – засомневалась женщина.

– Трудно что-либо обещать, – признался Микаэль. – Никогда не знаешь, против кого обернется правда, при самых благих моих намерениях. Но людям обычно становится легче после того, как они выговорятся.

– Ей совсем плохо, – повторила Лотта.

– Понимаю.

– Собственно, Хильда не в себе вот уже как двадцать лет. Но в последнее время все стало еще хуже.

– С чего вы так решили?

– Я... я и сама не знаю.

Микаэль расслышал в ее голосе нотки сомнения и решил брать быка за рога.

– Можно мне зайти к вам прямо сейчас? Вы, как я понял, живете совсем неподалеку.

Фон Кантерборг занервничала еще больше. Тем не менее Блумквист не сомневался, что она немедленно пригласит его к себе домой. Поэтому следующая реплика Лотты напугала его так, что он невольно отшатнулся от трубки.

- Нет! – воскликнула женщина. – Не впутывайте меня в это!
- Во что? – не понял Блумквист.
- Но...

Она замолчала, и Микаэль понял, что рыбка висит на крючке и вот-вот готова сорваться. Сколько уже раз за время своей журналистской работы оказывался он в подобных ситуациях, когда нужный человек решает, стоит ли ему говорить, и лихорадочно просчитывает возможные последствия...

Иногда рыбка срывалась. Но в момент наибольшего напряжения в Блумквисте пробуждались скрытые подсознательные силы. Вот и на этот раз он почувствовал прилив решимости, хотя старался ничем не выдать своего волнения.

- Вы хотели мне что-то сказать? – спросил он.
- Н...да. Хильда писала еще под псевдонимом Леонард Барк.
- А, так это была она...
- Вы читали этого автора?
- В журналистике я старый крот, в том числе и по части культуры. Я уважал этого автора. Ну... и что вы хотите этим сказать?
- В «Свенска дагбладет» под этим псевдонимом была опубликована одна ее статья. Она называлась «Родились вместе, росли врозь». Года три назад, насколько я помню.
- И?..
- Речь там шла об одном исследовании, которое проводили ученые из Миннесоты. Собственно, я и сама не понимаю, что в этой статье такого особенного. Но Хильда придавала ей большое значение, я это чувствовала. И часто говорила о ней.
- Простите, но я все еще не понимаю, о чем речь.
- Мне кажется, – продолжала Лотта, – с этой статьей связано что-то такое, что давно мучает Хильду.
- Нельзя ли поконкретнее?
- Собственно, я ничего не знаю. Хильда мне ничего не рассказывала, да и сама я как-то не особенно интересовалась ее делами. Но я очень советую вам посмотреть эту статью.
- Большое спасибо, обязательно сделаю это.
- Только обещайте мне, что не станете писать о Хильде в газете ничего плохого.
- Мне кажется, здесь есть о ком писать, кроме нее, – признался Микаэль.

Распрощавшись с Лоттой фон Кантерборг, Блумквист расплатился за пиво и вышел на улицу. Он перешел Гётгатан на перекрестке и направился

в сторону площади Медборгарплатсен и Санкт-Паульсгатан. По дороге скорее отмахивался, нежели кивал, в ответ на приветствия знакомых и незнакомых прохожих, и шел дальше. Теперь все его мысли занимала статья в «Свенска дагбладет». Блумквисту едва хватило терпения добраться до дома и включить компьютер. Он трижды перечитал эссе Леонарда Барка, потом просмотрел еще несколько материалов по этой теме и сделал пару звонков. К тому времени часы показывали половину первого ночи. Микаэль выпил бокал «Бароло». Он все еще не понимал роли Лисбет Саландер во всей этой истории. С ней нужно было переговорить – срочно, что бы там ни думала себе тюремная администрация.

Часть 2

Тревожные звуки

21 июня

Минорный сектаккорд состоит из тоники, терции, квинты и сексты. Правда, из минорных аккордов американские джази поп-исполнители предпочитают септаккорд. Они находят его более мелодичным. Минорный сектаккорд используется относительно редко. Он считается слишком резким, нервующим и тревожным.

Глава 13

21 июня

Утром Лисбет Саландер в последний раз переступила порог подразделения повышенной безопасности. Теперь она стояла в пункте охраны. Краснорожий парень с боевитым ежиком волос, по виду одних с ней лет, беззастенчиво пялился на нее маленькими надменными глазками.

– Тебя искал Микаэль Блумквист.

Лисбет проигнорировала это сообщение. Времени было половина десятого, и ей не терпелось навсегда оставить Флудбергу. К тому же ее раздражали мелкие бюрократические формальности. Саландер небрежно заполнила бумажки, которые протянул охранник, и получила назад свои мобильник и ноутбук. После чего миновала ворота, прошла вдоль стены и железнодорожных путей и уселась на выдавшую виды скамейку на обочине шоссе – ждать автобус номер 113 до Эребру. День обещал быть жарким. В безветренном воздухе кружила стайка мух. Но, как ни подставляла Лисбет лицо занимающемуся солнцу, наслаждаться долгожданной свободой у нее не получалось.

Тем не менее она была не в камере, а здесь, на скамейке, в потных черных джинсах, которые липли к ногам. Лисбет поставила ноутбук на колени, залогинилась и вошла в почту. В ее электронном ящике уже лежали материалы расследования смерти Джамала Чаудхери. И на этот раз Анника Джаннини не подвела.

Теперь Лисбет было чем заняться по дороге домой. Упорное молчание Фарики Кази во время допросов настораживало Аннику. У нее была своя версия случившегося в метро, которая подтверждалась и отснятым на камеру слежения материалом, отдельные фрагменты которого прилагались к письму. Анника уже делилась своими соображениями с имамом Хасаном Фердоуси, и тому показалось, что она на правильном пути. Лисбет включила ролик, но тут же перевела взгляд за окно, где волновались под ветром желтые поля пшеницы. Она подумала о Хольгере Пальмгрене. Мысли о нем, так или иначе, не оставляли ее всю ночь. «Поговори с Хильдой фон...»

Лисбет знала только одну Хильду – фон Кантерборг. Старушку Хильду, которая нередко навещала их в доме на Лундагатан. Саландер помнила ее долгие беседы с матерью на кухне. Хильда сильно

жестикулировала и была матери едва ли не единственной поддержкой.

Хильда – друг, Лисбет верила ей. У нее не было от них никаких тайн. Именно поэтому Лисбет и отыскала ее десять лет назад. Они просидели вместе весь вечер, потягивая дешевое розовое вино. Лисбет хотела больше знать о своей матери. И Хильда действительно сообщила ей кое-что новое. Лисбет тоже рассказала ей о своей жизни. Слово за слово, разговор перешел на тему, которую Саландер не решилась бы обсуждать даже с Хольгером. Под конец подняли бокалы за Агнету и всех женщин, чьи жизни так бездарно загубили пьяницы и подонки.

При этом Хильда ни словом не помянула ни Реестр, ни эксперимент. Неужели она утаила от Лисбет самое главное? Не может быть. Должно быть, в этой истории есть нечто такое, чего Саландер просто не знала. Определенно, Хильда только выглядела жалкой и беспомощной. Лисбет вспоминала файлы, которые скачала с компьютера Альвара. Многие важные документы были отмечены инициалами Х. К. Достаточно было набрать имя Хильды фон Кантерборг в «Гугле», чтобы удостовериться, что она – очень влиятельный психолог. Лисбет взгрустнулось, но с выводами торопиться не следовало.

Автобус номер 113 до Эребру медленно приближался к остановке в облаке пыли. Лисбет заплатила за проезд и устроилась на заднем сиденье. Снова и снова прокручивала она видеофайл с записями камеры слежения на станции метро в Хорнстюлле. Они были сделаны больше двух лет назад, в ночь на десятое октября. Парень и в самом деле выглядел подозрительно. Лисбет сразу бросилась в глаза его характерная манера двигаться. Но стоило ли придавать этому такое значение? Саландер сомневалась. Жестикуляция – не самая надежная опора в плане идентификации личности, не то что отпечатки пальцев. Она плохо поддается расчетам и математическому моделированию. Малейшее движение несет тысячи и тысячи битов информации, совершенно не подлежащей детерминированию. Мы каждый раз по-разному чешем в затылке. Разумеется, наши движения несут в себе отпечаток личности, но каждое из них неповторимо. Для их описания и сравнения требуются датчики, сенсорные процессоры, гироскопы, акселерометры, алгоритмы отслеживания, измерения частоты и амплитуды. В Сети есть программы, которые можно скачать. Но Лисбет не очень-то в них верила. Поэтому до поры до времени решила переключиться на другое.

Она вспомнила своих друзей из «Республики хакеров» и Глубинной нейронной сети (ГНС). С Чумой и Тринити они проработали довольно долго. Могут ли они помочь ей на этот раз? Кто знает... Ей требовалась как

можно более обширная база алгоритмированных движений. В конце концов, в этом нет ничего невероятного. В электричке Лисбет работала не отрываясь и в конце концов пришла к одной сумасшедшей идее. Безусловно, ее не одобрили бы в Министерстве юстиции, тем более в первый день пребывания Лисбет на свободе. Но до министерства Саландер больше не было никакого дела. Она сошла на станции метро «Сентраль» в Стокгольме и взяла такси до Фискаргатан, где надеялась доработать свой план в спокойной обстановке.

* * *

Дэн Броуди положил новенький «Рамирес»^[33] на журнальный столик и вышел на кухню. Часы показывали десять минут десятого. Дэн приготовил себе двойной эспрессо и выпил его так быстро, что обжег язык. Он так запал на эту «*Recuerdos de la Alhambra*»^[34], что опоздал на работу. Броуди не то чтобы боялся начальства, но не хотел выглядеть безответственным. Поэтому он вернулся в гостиную, открыл платяной шкаф, выбрал белую рубашку, темный костюм и пару черных ботинок, оделся и спустился по лестнице. На улице уже вовсю припекало солнце. Пройдя несколько метров, Дэн почувствовал стекающие по спине струйки пота. Подмышки также взмокли – он оделся явно не по сезону. В Хюмлегордене уже тарахтели газонокосилки. Дэн зажал ладонями уши и со всех ног помчался в сторону Стуреплан. Навстречу ему спешили мужчины в деловых костюмах, чьи лица также блестели от пота. Жара нагрянула внезапно, после затяжного периода проливных дождей. Поодаль на Биргер-Ярлсгатан стояла «скорая», и Дэн Броуди тут же подумал о своей матери.

Она скончалась от родов. Отец Дэна – который тогда назывался не Дэном, а Даниэлем – был странствующим музыкантом и рано умер от цирроза печени. До шести лет Даниэль рос в детдоме в Гевле, а затем был отдан на попечение одному фермеру к северу от Хюдиксвалля. С малых лет он работал до изнеможения – ходил за животными, убирал урожай и чистил стойла. Крестьянин по имени Стен – его приемный отец – прямо говорил, что усыновил четверых мальчиков для работы в хозяйстве. Тогда он был еще женат на коренистой рыжей женщине по имени Кристина, но вскоре она оставила его и больше не давала о себе знать. По слухам, Кристина переселилась куда-то в Норвегию, и это никого не удивляло. Стен – рослый мужчина с окладистой, рано поседевшей бородой – был далеко не урод. Но

он редко улыбался, не терпел лишних слов, безделья и зазнайства. Неудивительно, что Кристина быстро устала от его суровости.

Его излюбленным выражением было: «Не думайте о себе много». И когда мальчишки в запальчивости кричали, перебивая друг друга, что хотят быть футбольными звездами, миллионерами или адвокатами, Стен презрительно морщил нос: «Знайте свое место». На слова он был так же скуп, как и на деньги. Пил водку собственного приготовления и кормил семью мясом собственноручно забитых или застреленных животных. Мебель покупал только на блошиных рынках и распродажах или брал ненужное у соседей и родственников. Никто не понимал, почему Стен выкрасил дом в кричащий ярко-желтый цвет, пока не узнали, что эту краску ему выдали на складе бесплатно.

Стен ничего не читал, но Даниэлю было наплевать на это, ведь он брал книги в школьной библиотеке. Хуже обстояло с музыкой, потому что здесь Стен не терпел ничего, кроме шведской попсы. От своего биологического отца Даниэль унаследовал только фамилию и гитару «Левин» с нейлоновыми струнами, которую откопал на чердаке в возрасте одиннадцати лет. Он влюбился в нее до безумия с первого взгляда, и не только потому, что сразу понял, что инструмент столько лет дожидался его одного. Даниэль почувствовал, что рожден для музыки, едва взял его в руки.

Он быстро выучил основные аккорды и гармонии и вскоре мог воспроизвести любую подслушанную на радио мелодию с первого раза. Долгое время его репертуар ограничивался обычными для мальчишек его поколения песнями: «Туш» группы «Зи-Зи-Топ», баллады «До сих пор люблю тебя» «Скорпионс», «Деньги впустую» «Дайр стрейтс» и кое-какими классическими рок-шлягерами. Все изменил холодный осенний день, когда четырнадцатилетний Даниэль в очередной раз прогулял школу. Он мог себе это позволить, поскольку без труда наверстывал упущенное. Итак, в тот день Даниэль прятался в сарае от учителей и невыносимого шума на переменах. Он провел в тишине и в свое удовольствие несколько часов – и был счастлив.

Когда Даниэль вернулся в дом, часы показывали чуть больше половины шестого. По радио передавали что-то невыносимо слащавое. Даниэль покрутил ручку и попал на Р2. До сих пор мальчик полагал, что это канал для пенсионеров, и то, что он услышал, только укрепило его в этом мнении. Передавали соло для кларнета – раздражающее, как зудящая пчела. Тем не менее Даниэль дослушал его до конца. Но потом зазвучала гитара – немного несвязно, – и мальчик вздрогнул. Эти звуки вмиг

вытеснили из комнаты все остальные – и ругань приемных братьев, и птичий щебет, и отдаленное тарахтение трактора, и приближающиеся шаги на лестнице. Мальчик застыл на месте, охваченный внезапным счастьем, и не мог взять в толк, что же есть такого в этих звуках. Из оцепенения его вывел приемный отец, мертвой хваткой вцепившийся сзади в волосы:

– Ах ты, щенок, думал, я ничего не замечу?

Стен мотал его голову из стороны в сторону и так и сыпал проклятиями.

Но Даниэлю даже это было все равно. Он слушал и никак не мог наслушаться. Эта музыка указывала на существование в мире чего-то такого, что было больше и значительнее его теперешней жизни. Даниэль не знал имени исполнителя, но успел взглянуть на часы, прежде чем Стен за волосы выволок его из кухни. Мальчик вовремя сообразил, как это важно. На следующий день он попросил разрешения воспользоваться школьным телефоном и позвонил на шведское радио.

Даниэль никогда не делал ничего подобного – он ведь совсем не отличался смелостью. На уроках никогда не поднимал руку, даже если знал ответ, и особенно робел перед приезжими из столицы. Как же он испугался, когда его соединили с самим Чьеллем Брандером из редакции джазовых программ! Запинаясь от страха, мальчик поинтересовался, что за музыка звучала в эфире вчера около половины шестого вечера. И напел мелодию, чем избавил Чьелля Брандера от необходимости сверяться с программой.

– Вам понравилось? – спросил редактор.

– Да, – ответил Даниэль.

– В таком случае у вас хороший вкус, молодой человек, – похвалил Брандер. – Это был Джанго Рейнхардт^[35], «Нуагес».

Даниэль, которого прежде никогда не называли молодым человеком, так и обмер, услышав это имя, и попросил редактора повторить его еще раз, по буквам.

– Кто он? – поинтересовался Даниэль.

– Лучший гитарист мира, я бы так сказал. Несмотря на то что играл свои соло всего двумя пальцами.

Тогда Даниэль не понял, что имел в виду редактор. Лишь позже он узнал, что Джанго вырос в провинции Брабант, в Бельгии, в полной нищете, и в детстве был вынужден воровать цыплят, чтобы не умереть с голоду. Он рано обнаружил талант гитариста, а затем и скрипача. В возрасте восемнадцати лет Джанго перевернул стеариновую свечу в вагончике, заменявшем им с женой дом. Его жена зарабатывала на жизнь продажей бумажных цветов, которыми было переполнено их жилище.

Цветы разом вспыхнули, и Джанго получил серьезные ожоги. Долгое время никто не верил, что он когда-нибудь сможет снова играть обожженными пальцами, особенно после того, как стало ясно, что два пальца на правой руке совершенно вышли из строя. Но Джанго не отчаялся. Он разработал новую технику игры, принесшую ему впоследствии всемирную славу.

Во всей этой истории был еще один момент, который не мог не оставить мальчика равнодушным, а именно: Джанго был цыганом. Он, как и сам Даниэль, принадлежал к презренному кочевому народу. Своей жизнью Джанго научил Даниэля гордиться своим происхождением, которого тот до сих пор стыдился. «Пусть я не такой, как все, – думал мальчик. – Эту мою особенность я должен повернуть себе на пользу. Смог же Джанго стать лучшим в мире музыкантом даже с обожженными пальцами!»

Даниэль занял денег у одноклассницы, купил диск с музыкой Джанго Рейнхардта и выучил весь его основной репертуар. «*Minor Swing*», «*Daphne Belleville*», «*Djangology*» необратимым образом повлияли на его игру. Распрощавшись с блюзовой манерой, Даниэль оставил минорный септаккорд в пользу нервной неопределенности секстаккорда.

Вскоре на пальцах мальчика образовались мозоли. Страсть его к этой музыке не знала границ. Она не утихала даже по ночам, когда Даниэлю снилось, что он играет. Он просто не мог думать ни о чем другом. Улучив момент, Даниэль убегал в лес, где садился на пенек и импровизировал часами, забывая о времени. Постепенно он стал больше узнавать о джазе и испытывать все новые влияния. Так к Джанго добавились Джон Скотфилд, Пэт Мэтини, Майк Стерн и другие современные джазгитаристы.

Зато отношения с приемным отцом сразу испортились.

– Думаешь, ты особенный? – пыхтел Стен. – Но ты всего лишь маленькое дерьмо.

Он не упускал случая напомнить Даниэлю, что тот всегда ходил с высоко задранным носом. Что уже было откровенной клеветой в адрес Даниэля, который всю жизнь чувствовал себя униженным. Мальчик старался во всем угодить приемному отцу, но не играть он не мог. Тогда Стен дал волю рукам. Чаще всего это были невинные оплеухи, но иногда шли в ход и кулаки. Бывало, к Стену присоединялись и приемные братья. Они били Даниэля кулаками в живот или гремели кастрюлями, зная, что он не выносит подобных звуков.

Что касается крестьянской работы, ее Даниэль возненавидел с новой силой. Особенно летом, когда увильнуть не было никаких шансов и приходилось удобрять, полоть, сеять и собирать урожай. В летние месяцы

мальчикам приходилось трудиться с раннего утра и до вечера. Даниэль все еще не терял надежды найти общий язык с приемной семьей и все чаще играл отцу и братьям после работы. Со временем они оценили его талант – хвалили, иногда даже аплодировали. Но от этого Даниэль не перестал быть изгоем и уединялся, где только мог, при каждом удобном случае.

Однажды после полудня, когда солнце уже припекало вовсю, Даниэль услышал доносившееся откуда-то издалика пение дрозда. Тогда ему исполнилось шестнадцать, и ближайшей осенью он должен был перейти во второй класс гимназии. Но Даниэль мечтал только о своем восемнадцатилетии, когда он, как совершеннолетний, сможет сам распоряжаться собственной судьбой и оставит наконец ненавистного Стена и его хозяйство.

Он планировал подать документы в музыкальный колледж или устроиться куда-нибудь джазистом. Даниэль не сомневался, что покажет себя с самой лучшей стороны и очень скоро сможет записать собственный диск.

Дни и ночи протекали в непрерывных мечтаниях. Обычно в такие дни, как этот, звуки природы порождали в голове мальчика множество музыкальных идей, и, переполненный ими, он убегал с отцовского двора куда-нибудь в лес. Вот и на этот раз в ответ на птичью трель Даниэль просвистел собственную вариацию, которая развилась в мелодию буквально на ходу. Пальцы уже теребили невидимые гитарные струны. Даниэль вздрогнул и почувствовал непреодолимое желание срочно взять в руки инструмент. Иначе, как ему тогда казалось, будет безвозвратно утеряно что-то очень важное. Позже, уже будучи взрослым, он нередко вспоминал тот солнечный день. Не было на свете силы, которая в тот момент могла бы удержать его от музыки.

Босой, в рабочем комбинезоне на голое тело, Даниэль осторожно, словно делал что-то запретное, прокрался в дом за гитарой, а потом устремился вниз, к озеру Блакошернен. И не успел устроиться на ветхих мостках, как под нервный гитарный аккомпанемент полилась переполнявшая его мелодия. Это были мгновения чуда, и они запомнились Даниэлю навсегда.

Но счастье продолжалось недолго. Как видно, кто-то из парней успел его заметить и наябедничал. Стен появился неожиданно, в трусах и с обнаженным торсом, и, ругаясь на чем свет стоит, двинулся на Даниэля. Тот совсем растерялся и лихорадочно соображал, стоит ли ему попросить прощения или броситься наутек. Воспользовавшись минутным замешательством, Стен выхватил у мальчика гитару и так широко ею

размахнулся, что в следующую секунду схватился за локоть и взвыл от боли. Ничего серьезного не случилось, но Стен смешно замахал руками, и лицо его сделалось красным. Тяжело дыша, он еще раз занес несчастный инструмент над головой и обрушил его на мостки с такой силой, что тот раскололся на части. На мгновение Стен застыл, разинув рот. Похоже, он и сам был шокирован происшедшим. Но у Даниэля словно вырвали сердце. Он вскочил и, выкрикивая на ходу ругательства, которых никогда не употреблял по отношению к приемному отцу, со всех ног понесся к дому. Там он спешно собрал в рюкзак свои диски, взял кое-что из одежды и исчез навсегда.

Даниэль помчался к трассе Е4, где просидел несколько часов, прежде чем его подобрал направлявшийся в Гевле грузовик. Юноша скрылся в южном направлении, где некоторое время жил в лесу и питался ягодами да яблоками и грушами, которые воровал в садах. Незнакомая пожилая женщина угостила его бутербродом с ветчиной и подбросила до Сёдертелье. Там ему встретился молодой человек, который пригласил его на обед и довез до Йончёпинга. Так вечером 22 июня Даниэль прибыл в Гётеборг.

Там юноша за гроши работал в порту. Он почти ничего не ел и спал на лестницах, зато шесть недель спустя смог купить себе гитару. Пусть даже не «Сельмер Маккаферри», как у Джанго, а обыкновенный подержанный «Ибанез». Даниэль хотел наняться на какое-нибудь судно до Нью-Йорка, но все оказалось сложнее, чем он думал. Никто не решался брать на борт незнакомого молодого человека без паспорта и визы, пусть даже чернорабочим. Так проходили дни за днями. Даниэль не терял надежды, пока однажды вечером его не окликнула на набережной полная женщина в розовом костюме и с добрыми, как у матери, глазами. Она представилась как Анн-Катрин Линдхольм и сообщила Даниэлю, что он объявлен пропавшим без вести и находится в розыске. А потом пригласила его в контору социальной службы на площади Йернторгет.

Анн-Катрин рассказала, что беседовала со Стеном по телефону и составила о нем самое положительное впечатление. Уже одно это насторожило Даниэля. «Он ждет тебя», – повторяла женщина. На это юноша отвечал, что не желает возвращаться к старому придурку. Там его не ждет ничего, кроме побоев, его жизнь превратится в ад... и Анн-Катрин попросила рассказать все.

Выслушав, женщина предложила ему несколько вариантов действий, но Даниэлю не понравился ни один. Он объяснил ей, что давно вырос из детского возраста и может прокормить себя сам. Ему не нужны опекуны!

На это Анн-Катрин возразила, что Даниэль еще слишком юн и покровительство взрослого наставника ему необходимо. И тут Даниэль вспомнил о «докторах из Стокгольма», как он их про себя называл. Это были медики и психологи, которые часто навещали его в детстве. Они задавали Даниэлю разные вопросы, постоянно что-то измеряли и записывали. И главное – давали ему тесты, множество разных тестов...

Не сказать, чтобы ему нравилось их общество. Одно время Даниэль даже плакал, чувствуя себя беззащитным и одиноким в их кругу. Но и неприязни к «докторам» не испытывал. Они были улыбчивы, все время хвалили его и называли «умницей». Ни один из них ни разу не произнес в его адрес худого слова. Тем более он не видел в их визитах ничего подозрительного. Даниэлю казалось естественным, что доктора хотят знать, каково ему живется в приемной семье, и он не имел ничего против того, что они записывали его ответы в журналы. Напротив, ему было дорого их внимание как знак того, что, несмотря ни на что, он все еще что-то для кого-то значит. Иногда их визиты становились для него прекрасным поводом избежать работы в поле. А позже, когда «доктора» стали интересоваться его музыкой, они и вовсе стали для мальчика самыми дорогими гостями. Он видел изумление на их лицах и слышал, как они перешептывались между собой, пока он играл перед ними на гитаре. Они снимали его на видео, и это оставляло мальчику надежду. Что, если кадры его концерта попадутся на глаза какому-нибудь продюсеру или директору студии звукозаписи, который захочет сделать из Даниэля звезду?

Доктора и психологи – чаще это все-таки были разные люди – представлялись Даниэлю исключительно по именам. Кроме одной женщины, которая – возможно, по оплошности – назвалась полностью и протянула ему руку. Но запомнил он ее совсем не по этой причине. Даниэль был буквально очарован стройной фигурой женщины и длинными рыжими волосами. Ее улыбка казалась искренней, а высокие каблуки проваливались в мох на немощенных дорожках возле их дома. Хильда фон Кантерборг – так ее звали – носила блузы с глубоким вырезом. Даниэлю запомнились ее огромные глаза и мягкие пухлые губы, которые он уже тогда мечтал поцеловать.

Это о ней думал Даниэль, когда попросил разрешения воспользоваться телефоном в конторе социальной службы. Ему дали телефонный справочник Стокгольма, и он долго листал его, прежде чем обнаружил то, что нужно. На некоторое время Даниэлю даже пришло в голову, что она назвала ему не настоящую свою фамилию, – ведь «стокгольмские доктора», очевидно, не были обыкновенными медиками. Но потом он все-таки нашел

ее и набрал номер. Никто не взял трубку, поэтому Даниэлю пришлось оставить сообщение на автоответчик.

Следующую ночь он спал в городской миссии, а после работы снова вернулся в социальную службу. Там ему сообщили, что Хильда фон Кантерборг перезванивала в офис и оставила для него другой номер телефона. По нему она ответила. Даниэль обрадовался, услышав ее голос. Но Хильда фон Кантерборг очень огорчилась, когда узнала, что он убежал из приемной семьи. Она сказала, что ей «страшно жаль», а когда назвала Даниэля «маленьким гением», он почувствовал, как к глазам подступают слезы.

– Так помогите же мне, – попросил он.

– Милый Даниэль, – ответила Хильда, – я сделаю для тебя все, что в моих силах. Но наша задача – изучать, а не вмешиваться.

Позже эта ее фраза помогла Даниэлю увидеть собственную жизнь в новом свете, но тогда он просто ничего не понял. Слова Хильды неприятно поразили его, как неожиданное оскорбление.

– Но почему? – закричал он в трубку. – Что вы вообще хотите этим сказать?

И сразу почувствовал, как она разволновалась. Хильда фон Кантерборг спешно перевела разговор на другие темы. Она напомнила Даниэлю о том, как важно для него сейчас окончить гимназию. «Не стоит принимать необдуманных решений», – повторяла женщина. Даниэлю нужно получить образование. Он должен учиться музыке.

В ответ юноша заявил, что хочет наняться матросом на какое-нибудь судно и уплыть в Нью-Йорк, чтобы играть там в джаз-клубах. Хильда отсоветовала ему это категорически. Он еще слишком юн для этого, сказала она, и не создан для джаз-клубов. Ему надо учиться.

Они говорили так долго, что на лицах работников социальной службы появились признаки нетерпения. Заметив это, Даниэль предложил Хильде встретиться. Она согласилась, но в итоге ничего не получилось. Больше он ее никогда не видел, да и не имел времени ностальгировать по прошлому. Неожиданно объявились люди, которые помогли справить ему паспорт и визу, и Даниэль нанялся помощником повара на грузовое судно компании «Валлениус», отплывавшее, правда, не в Нью-Йорк, а в Бостон. К контракту, который Даниэль получил от капитана, была пришпилена бумажка, исписанная шариковой ручкой. «Музыкальный колледж Беркли, Бостон, штат Массачусетс. Удачи! Х.».

А потом началась совсем другая жизнь. Даниэль стал американским гражданином и под именем Дэна Броуди пережил массу самых

невероятных приключений. Но в глубине души он оставался все тем же одиноким, брошенным мальчиком. Начало его карьеры было действительно многообещающим. Когда он играл в джаз-клубе «Райлс» на Хэмпшир-стрит в Бостоне – нечто в стиле Джанго, но свое, – публика изумленно перешептывалась. О Даниэле заговорили. Директора и менеджеры студий звукозаписи стали искать с ним встречи. Но для полного успеха ему вечно чего-то не хватало – не то наглости, не то решимости. На последнем этапе все неожиданно ломалось, и вперед вырывались другие люди, куда менее одаренные. Даниэль был обречен оставаться в их тени. Он чувствовал себя опустошенным, как будто утратил нечто очень для него важное, – быть может, тот жар в груди, который испытывал, сидя с гитарой на мостках у озера Блэкшернен.

* * *

В конце концов Лисбет нашла подходящую базу алгоритмированных жестов, которая использовалась в медицинских целях и для разработки роботов, и передала ее в Глубинную нейронную сеть «Республики хакеров».

Она работала круглые сутки, позабыв про голод и жажду. Между тем стояла жара, и желание выпить было первым, что ощутила Лисбет, когда оторвалась от компьютера. Только не воду. «Талламор Дью» – вот что ей было нужно. Лисбет соскучилась по алкоголю, равно как и по сексу, фастфуду, солнцу и запаху моря. Ей хотелось свободы, но пока пришлось ограничиться виски. Помимо всего прочего, девушка, от которой несет спиртным, вызывает меньше подозрений. Лисбет бросила взгляд в сторону залива Риддарфьёрден и на мгновение прикрыла глаза. Потом резко выпрямилась и отправилась на кухню разогревать пиццу. Насытившись, она набрала номер Анники Джаннини.

Та, мягко говоря, не пришла в восторг от ее идеи. Но когда отговорить не получилось, предложила снять подозреваемого на пленку и этим ограничиться. А потом еще переговорить с имамом Хасаном Фердоуси, который, «хоть и не математик, но поможет учесть чисто человеческий аспект». Лисбет не послушалась ее совета, но это не имело никакого значения. С имамом Анника переговорила сама и направила его в Валльхольмен, в то время как Саландер попивала виски, закусывая пиццей, и взламывала компьютер Микаэля Блумквиста.

«Привет, – написала она ему. – А меня сегодня выпустили. “Хильда

фон” – это Хильда фон Кантерборг. Разыщи ее. И еще Даниэля Бролина, это очень талантливый гитарист. Я сейчас занята другим. До связи».

* * *

Микаэль страшно обрадовался весточке от Лисбет и тут же набрал ее номер. И лишь не получив ответа, всерьез задумался над ее сообщением. Итак, ей известно, кто такая «Хильда фон». Но откуда? Знает ли Лисбет ее лично или просто хакнула чей-то компьютер? Блумквист не нуждался в ее указаниях для того, чтобы пуститься на поиски фон Кантерборг, и это единственное, в чем он не сомневался. Другое дело – этот самый Бролин. О нем Микаэль слышал впервые. Какова его роль во всей этой истории? В «Гугле» Блумквист нашел немало Бролинов, но ни один из них не был ни гитаристом, ни даже музыкантом. Возможно, все дело в нерасторопности Микаэля. Или в том, что он слишком увлекся, направив силы в другое русло...

Вчера вечером, к примеру, журналист углубился в статью Хильды фон Кантерборг, о которой говорила ее сестра. На первый взгляд старо как мир – что важнее, гены или среда? Что в большей степени влияет на формирование личности? «Леонард Барк» – псевдоним, под которым скрывалась Хильда фон Кантерборг, – указывал, что проблема слишком политизирована. И в этом плане он не открыл Микаэлю ничего нового. Левые подчеркивают важность социальных факторов, в то время как правые утверждают приоритет генетики и тем самым большую предопределенность судьбы. Хильде фон Кантерборг подобный ракурс совершенно не нравился. Она напоминала, что наука, которая руководствуется идеологией или выдает желаемое за действительное, обречена на вечное блуждание в потемках. Вступительная часть статьи предвещала сенсационные выводы, но в целом ее тон был выдержан, несмотря на полемику с учеными старшего поколения: Хильда утверждала большую значимость генетических факторов в формировании личности, нежели это было принято считать в шестидесятые-семидесятые годы. При этом до полного детерминизма она не доходила, а всего лишь указывала на генетическую предопределенность некоторых вполне определенных свойств личности – в основном наших когнитивных способностей, то есть имеющих отношение к интеллекту и умственному развитию.

Вывод о том, что роль генетических факторов и среды в формировании личности примерно одинакова, вполне согласовывался с ожиданиями

Блумквиста. Удивило то, что представление автора статьи о факторах среды несколько отличалось от общепринятого. «Матери и отцы обычно уверены, что именно они воспитывают собственных детей, – писала Хильда. – Тем самым они себе льстят». Согласно Хильде фон Кантерборг, решающее значение на формирование личности оказывает так называемая «индивидуальная среда», которую ребенок формирует сам и ни с кем не делит – даже с родными братьями и сестрами. Она образуется из того, что нас восхищает и движет вперед по предначертанному нам одним жизненному пути. (Тут Микаэль вспомнил, что решил стать журналистом после того, как посмотрел фильм «Вся президентская рать».)

И наследственные факторы, и среда оказывают на личность неослабевающее влияние на протяжении всей жизни, писала фон Кантерборг. Нас привлекают только те ситуации и авторитеты, которые стимулируют нашу генетическую предрасположенность, и наоборот. Разумеется, нельзя недооценивать роль культурных и экономических предпосылок. Они задают нам неравные возможности «на старте» и, по всей видимости, формируют наш менталитет и ценностную систему. И все же решающее влияние остается за переживаниями, которые мы ни с кем не делим. Не заметные постороннему глазу, они тем не менее ведут нас по жизни. Фон Кантерборг иллюстрировала свои выводы конкретными примерами, в частности, исследований пар близнецов, проведенных в Миннесоте и в Швеции. Однояйцевые, или так называемые гомозиготные, близнецы имеют практически идентичный набор генов. Именно это и делает их идеальным материалом для изучения влияния среды и генетики на формирование личности.

В мире обнаружено немало пар близнецов, выросших порознь. Одни из них были отданы на воспитание в разные приемные семьи, другие разлучены вследствие халатности работников родильных учреждений. «Порой их биографии представляют собой поистине душераздирающие истории», – писала Хильда фон Кантерборг. Но для исследователей этот жизненный материал бесценен.

Группы однояйцевых близнецов, выросших порознь, рассматривались в сопоставлении с теми, кто рос вместе и одновременно с так называемыми «двойняшками» – двуяйцевыми близнецами, у которых идентична только половина генетического материала. Последние также подразделялись на разделенных и тех, кто вырос в одной семье. Эти исследования, как писала фон Кантерборг, только подтвердили первоначальные выводы: наследственные факторы плюс индивидуальная среда – вот что в первую очередь формирует нашу личность.

И здесь Блумквисту было к чему придраться, особенно в том, что касалось истолкования результатов исследований. Тем не менее точка зрения фон Кантерборг показалась ему интересной. Ему и раньше приходилось читать разные захватывающие истории об однойяцевых близнецах, разделенных по разным семьям. Авторы подобных текстов любили живописать, как, встретившись много лет спустя, разлученные братья и сестры обнаруживали между собой много общего. И мало того, что они выглядели одинаково... Известные «близнецы Джимми» из штата Огайо в США оба оказались страстными любителями сигарет «Салем», оба страдали головными болями, имели привычку грызть ногти и независимо друг от друга оборудовали у себя в гаражах столярные мастерские. Но и этого мало. Как выяснилось, братья из Огайо на момент встречи оба жили во втором браке и их жен звали одинаково. Совпадали даже имена их сыновей – оба были Джеймсами Алланами.

Но подобные «сенсации» – плохой материал для науки, журналист Микаэль Блумквист понимал это, как никто другой. Намеренно выпячивая моменты сходства, пресса оставляла в тени множество других пар, менее показательных, но, возможно, именно в силу своей ординарности лучше свидетельствующих об истине.

При всем при этом он не мог не осознавать, что исследования, о которых писала фон Кантерборг, знаменуют собой поворот в эпидемиологической науке. Так или иначе, Хильда сместила акцент в сторону генетических факторов и скрытой игры, которую они ведут с факторами окружающей среды. В семидесятые годы считалось, что личность формирует прежде всего ее социальное окружение. Многие ученые, подпав под влияние ведущих идеологических парадигм эпохи, утверждали, что любое, пусть даже совершенно случайное событие может оказать роковое влияние на формирующуюся личность.

Это был уже чистой воды механицизм. Иные теоретики считали возможным искусственное создание среды, формирующей человека с заведомо заданными свойствами. И это вскружило не одну горячую голову. Собственно, исследования пар близнецов начались уже в то время, в том числе и те, которые Хильда фон Кантерборг уклончиво называла «не в меру радикальными».

Микаэль Блумквист не преминул уцепиться и за этот ее тезис. Собственно, он и сам толком не понимал, что ищет. Просто комбинировал в поисковых программах слова «близнецы», «пары» и «не в меру радикальные». Таким образом всплыло имя Роджера Стаффорда – американского психоаналитика и психиатра, профессора Йельского

университета. Стаффорд был само очарование. Одно время он даже сотрудничал с Анной, дочерью Зигмунда Фрейда. Но на фотографиях в Интернете Микаэль обнаружил его и в компании других знаменитостей – например, Джейн Фонда, Генри Киссинджера и Джеральда Форда. Стаффорд вращался в кругах видных политиков и миллионеров и выглядел как кинозвезда.

При этом слава его носила самый двусмысленный характер. Как следовало из материалов газеты «Вашингтон пост» за сентябрь 1989 года, в конце шестидесятых годов у Стаффорда завязались довольно близкие отношения с директрисами пяти агентств по усыновлению в Нью-Йорке и Бостоне. Три из женщин имели психологическое образование; две из них, похоже, даже состояли с ним в любовной связи. Не исключено, что таким образом пройдоха выманивал у них деньги. Хотя, с другой стороны, это вряд ли было ему необходимо. Уже в то время Стаффорд имел вес в научных кругах; многие из его трудов пополнили фонды справочных библиотек тех же агентств по усыновлению.

В одной из своих книг, под названием «Эгоистичные дети», Стаффорд утверждал, что воспитание однойяйцевых близнецов порознь идет на пользу каждому из них, поскольку способствует формированию более независимой и самостоятельной личности. И этот совершенно необоснованный тезис снискал признание среди психотерапевтов и попечителей детских учреждений Восточного побережья и широко применялся на практике.

Согласно заключенному со Стаффордом соглашению, женщины должны были ставить его в известность о всех подлежащих усыновлению близнецах. Приемные семьи для них Стаффорд подбирал лично. Таким образом было «пристроено» в общей сложности сорок шесть детей, из которых двадцать восемь были однойяйцевыми близнецами и восемнадцать «двойняшками». О том, что у их новых подопечных имеются братья и сестры, приемным родителям не сообщалось. Зато их обязали ежегодно предоставлять детей для обследований Стаффорду и его компании. Это делалось якобы ради их же пользы.

Приемные семьи отбирались со всей тщательностью. В документах каждый выбор обосновывался самыми благими намерениями, однако между строк читались совершенно другие интересы. Одну из директрис, Риту Бернارد, удивляло, что приемные родители, которых отыскивал Стаффорд, принадлежали не только к самым разным социальным слоям, но и заметно отличались уровнем образования, религиозными убеждениями, личностными характеристиками. «Не похоже, чтобы это делалось в

интересах детей, – писала она. – Такой разброс свидетельствует скорее о некоем эксперименте».

Отрицать последнее было бессмысленно, но Стаффорд и не делал этого. Он увидел в близнецах превосходный материал для своих исследований и утверждал, обороняясь от своих обвинителей, что его работа «станет незаменимым научным ресурсом». При этом интересы сирот также не были забыты. «Из соображений конфиденциальности» Стаффорд запретил предавать результаты эксперимента широкой огласке вплоть до 2078 года и до поры передал их в Йельский центр изучения детства. Якобы из нежелания играть чужими жизнями.

Объяснение звучало благородно. Тем не менее кое-кто из оппонентов Стаффорда утверждал, что тот засекретил результаты своей работы только потому, что они не оправдали его ожиданий. Большинство же считали сам эксперимент крайне неэтичным и обвиняли Стаффорда в недопустимом вмешательстве в жизнь близнецов. Один психиатр из Гарварда сравнил исследования Стаффорда с экспериментами, которые проводил доктор Йозеф Менгеле^[36] над близнецами в Аушвице. Стаффорд отбивался, заручившись поддержкой нескольких адвокатов. Дебаты прекратились только с его смертью в 2001 году.

Роджер Стаффорд был похоронен не без помпы. Утренние газеты и научная пресса опубликовали пышные некрологи, многие звезды почтили его похороны своим присутствием. Так что нельзя сказать, что неудавшийся эксперимент лег несмываемым пятном на его репутацию. Возможно, причиной было то, что дети происходили из низших социальных слоев. Такое случалось в те времена, Микаэль не раз слышал об этом. В жертву науке в первую очередь приносились социальные и прочие изгои, и никто не нес за это ответственности. Поэтому Микаэль не рассматривал эксперименты Стаффорда как нечто из ряда вон выходящее. Он продолжал копать и вскоре выяснил, что в 70–80-е годы Стаффорд посетил Швецию. В Интернете обнаружили его снимки в компании светил тогдашней шведской психиатрии: Ларса Мальма, Биргитты Эдберг, Лизелотта Седер, Мартина Стейнберга. В те времена работа с близнецами еще не получила огласки в научном мире, поэтому визит Стаффорда в Швецию, вероятно, имел другие причины. Углубляясь и дальше в эту тему, Микаэль не переставал думать о Лисбет. Она ведь тоже из близнецов. И ее «двойняшка» – сестра Камилла – настоящая дьяволица. В детстве Лисбет тоже регулярно обследовали «врачи», и она ненавидела их визиты. Тут нелишне было вспомнить и о Лео Маннхеймере с его запредельным IQ. Эллинор Юрт говорила еще о цыганском происхождении Лео. А Малин

вспоминала о его неожиданном перевоплощении из левши в правшу. Тогда Микаэль ей не верил, но теперь...

Он снова обратился к «Гуглу» в надежде найти научное объяснение этому странному феномену, и углубился в статью в журнале «Наука» о том, как деление оплодотворенной яйцеклетки в матке приводит к появлению однояйцевых близнецов. Дочитав ее, Блумквист встал из-за стола и несколько минут стоял у окна, бормоча что-то себе под нос. Потом вдруг набрал номер Лотты фон Кантерборг, чтобы поделиться с ней своей мыслью. Или «поделиться» – не то слово. Микаэль блефовал, провоцировал. Свое необоснованное подозрение он выдал ей с ходу, как непреложный факт.

– Но это сумасшествие... – робко отозвалась женщина.

– Я знаю. И все-таки передайте это Хильде, как только она объявится, ладно? Ситуация критическая.

– Передам, – пообещала Лотта.

* * *

Укладываясь в постель, Микаэль положил мобильник рядом на ночной столик. Но никто не звонил. Блумквист вздремнул на пару часов и снова уселся на компьютер. Теперь его интересовали те, с кем Роджер Стаффорд встречался в Швеции. Микаэль был немало удивлен, обнаружив среди них Хольгера Пальмгрена. Хольгер и Мартин Стейнберг принимали участие в одном судебном расследовании лет двадцать тому назад. Микаэль не верил своим глазам – выходит, Стокгольм такой маленький город... Шагу нельзя ступить, чтобы не наткнуться на знакомого. Микаэль зафиксировал номер телефона Мартина Стейнберга и его адрес в Лидингё и снова углубился в историю. Но на этот раз сосредоточиться не получалось. Мысли разбредались в разные стороны. Может, стоит послать Лисбет зашифрованное сообщение, поделиться и с ней своими подозрениями? Или лучше для начала связаться с самим Лео Маннхеймером? Микаэль выпил еще эспresso и почувствовал, как ему недостает Малин. Совершенно неожиданно она стала для него самым незаменимым на свете человеком.

Затем Блумквист пошел в ванную и встал на весы. Он потолстел, и с этим тоже надо было что-то делать. Кроме того, не мешало бы подстричься – волосы торчали в разные стороны. Микаэль пригладил челку, но тут же встряхнулся и вернулся за письменный стол. Он набирал номер Лисбет, посылал ей мейлы и сообщения. Под конец оставил ей письмо в

специальной папке в своем компьютере: «Отзовись! Мне кажется, я обнаружил нечто важное». Потом взглянул на монитор: что-то было не так с этим сообщением. Через минуту Микаэль понял, что именно его корбило – слово «кажется». Оно совершенно не в духе Лисбет. Микаэль подтер фразу: «Отзовись! Я обнаружил нечто важное» – так смотрелось намного лучше. Потом встал, открыл гардероб, достал оттуда свежесглаженную хлопковую рубашку и вышел на Бельмансгатан.

Путь его лежал в сторону площади Мириаторгет и станции метро. На перроне Блумквист достал из кармана свои ночные записи и пересмотрел их еще раз. Обилие восклицательных и вопросительных знаков на полях раздражало. Неужели он и в самом деле сошел с ума? Микаэль взглянул на цифровое табло над головой и понял, что поезд уже приближается к платформе. В этот момент у него зазвонил телефон. Эта была Лотта фон Кантерборг.

– Она звонила, – сообщила женщина, тяжело дыша в трубку.

– Хильда? – переспросил Блумквист.

– Она назвала ваши идеи насчет Маннхеймера бредом.

– Понимаю.

– И тем не менее пожелала с вами встретиться, – продолжала Лотта. – Она хочет поделиться с вами тем, что знает. Сейчас она... полагаю, это не телефонный разговор.

– Разумно, – похвалил Микаэль и предложил Лотте встретиться в кафе на Санкт-Паульсгатан прямо сейчас. Потом вздохнул, развернулся и снова побежал на выход.

Глава 14

21 июня

С Май-Бритт Торелль – женщиной, которая, по словам Лисбет, навещала Хольгера Пальмгрена пару недель назад, – Ян Бублански встретился в ее квартире в Аспуддене. И сразу отметил странности в поведении этой пожилой, на вид вполне благовоспитанной дамы. Дело даже не в том, как она перебирала венские булочки, которые сама же выставила на стол в качестве угощения. Май-Бритт Торелль проявляла не свойственную ей забывчивость в том, что касалось ее давнишней работы в качестве помощницы врача.

– Даже не помню, что именно я давала ему, – повторяла она в ответ на вопрос о бумагах, переданных Пальмгрону. – Я столько слышала об этой девочке... В конце концов, он должен был знать, как они с ней обращались.

– Но вы отнесли Пальмгрону оригиналы документов?

– Можно сказать и так. Клиника вот уже много лет как закрыта, и я понятия не имею, что случилось со всеми их журналами. Но профессор Кальдин все-таки успел кое-что мне передать.

– То есть он передал вам их тайком?

– Можно сказать и так.

– Важные, надо полагать, документы.

– Возможно.

– Разве у вас не осталось копий? Может, в компьютере хранятся сканы?

– Должны храниться, но я...

Бублански затаил дыхание, словно боялся ее спугнуть. Однако Май-Бритт только вздохнула и еще раз поковыряла в блюде с венскими булочками.

– Так может быть... – начал комиссар и оборвал фразу.

– Что? – насторожилась старушка.

– С чего вы так нервничаете, фру Торелль? Может, к вам приходил кто-нибудь или вам звонили?..

– Н...нет. – Май-Бритт решительно замотала головой.

«Пожалуй, даже слишком решительно», – отметил про себя Бублански.

Он поднялся и склонился над столом, глядя ей в глаза со своей неповторимой печальной улыбкой. Бублански знал, что этот его

меланхолический взгляд – верный способ пробудить в людях совесть.

– Что ж, не буду больше вас беспокоить.

Старушка снова вздохнула.

– В следующий раз вызову для вас, пожалуй, такси до какого-нибудь уютного кафе в городе. Так будет безопаснее. Дело серьезное, вам есть над чем подумать. Не так ли, фру Торелль?

С этими словами комиссар протянул гостье визитку и вышел к своей машине.

Декабрь, полтора года назад

Дэн Броуди – или Даниэль Бролин, как его звали до эмиграции – играл в джаз-клубе «А-Тране» в Берлине вместе с квинтетом Клауса Ганца. Ему было тридцать пять лет, и он давно укоротил свои длинные волосы, вынул серьгу из уха и переоделся в строгий серый костюм. Теперь Даниэль выглядел как офисный работник, и ему это нравилось. Он считал перемену во внешности выражением глубокого жизненного кризиса.

Потому что Дэн устал от бесконечных поездок и турне, но выхода из этого не видел. Свободу ограничивало отсутствие денег. Он так ничего и не нажил – ни квартиры, ни машины – и теперь уже не имел ни малейшего шанса пробиться на музыкальный олимп. Казалось, он обречен вечно прозябать на вторых ролях. И это при его-то одаренности! Только благодаря которой, впрочем, он все еще был востребован, пусть даже при весьма скромных гонорарах. Такие настали времена. Кому теперь нужен джаз? Да и былая страсть Дэна давно улетучилась в неизвестном направлении. Репетировал он все реже и все чаще не чувствовал настроения играть, особенно во время бесконечных разъездов. Вместо этого Дэн увлекся чтением и глотал книги одну за одной. Он замкнулся. Поддерживать светскую беседу давалось ему все труднее. Кроме того, утомлял неумолчный гул в переполненных барах. Он понял, что самое лучшее для него – пить как можно меньше и как можно больше времени оставлять себе. В конце концов, он самодостаточен. Ему ничего не нужно: ни жены, ни дома, ни общества – всего того, что доставляет другим ощущение безопасности.

Нет, и он кое-что попробовал в этой жизни. Были у него и наркотики, и случайные любовные связи. Но при этом ему всегда чего-то не хватало, и в конце концов Дэн уходил в себя, в свою музыку. Она была его единственным утешением. Временами не срабатывало и это, и тогда Дэн начинал сомневаться в правильности выбора жизненного пути. Что, если б он подался, к примеру, в учителя? Тут Дэн вспоминал одно забавное

приключение, которое пережил в годы обучения в Музыкальном колледже Беркли, в Бостоне.

Как-то раз администрация колледжа предложила ему провести семинар о жизни и творчестве Джанго Рейнхардта. Дэн перепугался насмерть. До сих пор он полагал, что не умеет выступать перед аудиторией, и это была главная причина, по которой его отвергали владельцы студий звукозаписи, – полное отсутствие чувства сцены. Тем не менее Дэн поблагодарил начальство за предложение и до смешного тщательно подготовился к выступлению. Он решил, что переживет этот день, только если будет строго придерживаться заранее разработанного сценария и играть больше, чем говорить. Но, оказавшись перед двухсотголовой аудиторией, Дэн ощутил внезапную слабость в коленях. Несколько минут он дрожал от страха, и уже на первую его фразу аудитория ответила громовым хохотом:

– Когда-то я мечтал быть крутым парнем, и вот теперь... стою здесь перед вами как дурак.

И эта его шутка прозвучала как выстраданная правда.

Дэн говорил о Джанго, Стефане Граппелли и французском хот-квинтете. Об алкоголизме и отсутствии письменных источников. Потом сыграл «*Minor swing*» и «*Nuages*» – соло с вариациями, – сорвал аплодисменты и осмелел.

Дэн рассказал студентам, как в годы нацизма Джанго – вместе со всеми соплеменниками-цыганами – был обречен на смерть. И спас его не кто иной, как нацист, офицер люфтваффе и страстный поклонник его музыки. Джанго пережил войну и скончался во время прогулки вблизи железнодорожной станции «Эйвон» во Франции в 1953 году.

– Это был великий человек, – заметил под конец Дэн. – Он изменил мою жизнь.

Он замолчал. И спустя несколько минут воцарившаяся в аудитории тишина разразилась громом аплодисментов и все нарастающим одобрительным гулом. Задние ряды встали.

Этот успех вскружил Дэну голову. С тех самых пор, как вот и здесь, в Германии, он стал вставлять между композициями отдельные реплики. Мог даже рассказать анекдот для поднятия настроения. Это помогало снять напряжение, прежде всего ему самому. И все-таки звездой Дэн не был.

Его огорчало, что колледж давно уже не давал о себе знать. Дэн представлял себе в лицах, что говорят о нем преподаватели: «Да, это тот человек, который может зажечь студентов. Но от них никаких предложений не поступало, а сам он слишком труслив или горд, чтобы заявить о своем

желании вернуться к нам. Он не понимает, что в этом его главная проблема. Он совершенно лишен амбиций, между тем как амбиции в этой стране – главный двигатель общества».

Упорное молчание альма-матер совершенно сбивало Даниэля с толку, лишая тем самым его музыку подлинного внутреннего жара.

Сейчас часы показывали двадцать минут десятого. Была пятница, восемнадцатое декабря, и в зал успело набиться довольно много народу. Причем публика подобралась по виду состоятельная – хорошо одетая, расслабленная и, возможно, с меньшим интересом к музыке.

В воздухе запахло большими деньгами, и настроение Дэна тут же упало. Было время, когда и он зарабатывал неплохо. В конце концов, он никогда не голодал после переезда в Америку. Но деньги утекали сквозь пальцы – в этом отношении у Дэна не было никакой дисциплины. Его знакомство с людьми из мира финансов также не принесло ожидаемых плодов: парни с Уолл-стрит почитали его за дурачка.

Впрочем, черт с ними со всеми! Дэн попытался отвлечься от публики и сосредоточиться на репертуаре. Начал с ежевечерней рутины, но когда заиграл «*Stella by Starlight*»^[37], ощутил прилив энтузиазма. Дэн взял соло сразу после Клауса и прикрыл глаза. Начал с блюза, а когда перешел к два-пять-один-прогрессии, отошел от схемы и заиграл нечто совершенно невообразимое. Возможно, это было не самое блестящее его соло, но звучало оно совсем неплохо. Кто-то зааплодировал. Дэн поднял глаза, чтобы продемонстрировать благодарному слушателю свою признательность, и тут заметил нечто совсем странное.

На него пристально смотрела молодая женщина в элегантном красном платье со сверкающим зеленым колье на груди. В лице этой ослепительной блондинки с тонкими руками было что-то лисье. Вне сомнения, она принадлежала к финансовому миру, но выделялась из толпы богачей крайне заинтересованным выражением лица. Дама буквально застыла как загипнотизированная. Дэн не помнил, чтобы когда-нибудь незнакомая женщина проявляла к нему такое внимание, тем более красавица из высшего общества. Но самым странным было даже не это. Дама смотрела на него как на старого знакомого. В ее восхищении читалось нечто интимное, заговорщицкое. Как будто Дэн сделал нечто такое, чего она от него никак не ожидала. Женщина была совершенно очарована и под конец его соло задвигала губами, как будто повторяла его под нос. Потом тряхнула головой, и в ее глазах блеснули слезы.

После концерта она подошла к нему и выглядела застенчивой. А может, просто обиделась, когда он не ответил на ее восторженный взгляд.

Некоторое время молча теребила кольцо, а потом посмотрела на его руки и гитару. Между ее бровями залегла озабоченная складка. Дама как будто перепугалась, так что Дэну сразу захотелось ее утешить. Он улыбнулся ей и шагнул со сцены. Неожиданно красавица положила руки ему на плечи и заговорила пошведски:

– Ты был великолепен. Я знала, что ты играешь на рояле, но это... Ты просто волшебник, Лео.

– Я не Лео, – ответил он.

* * *

Лисбет Саландер знала, что они с Камиллой попали в Реестр группы изучения генетики и среды. Это была секретная группа, о ее существовании знали немногие. Но она считалась частью Института медицинской генетики Уппсальского университета, который до 1958 года назывался «Институт расовой биологии». Кроме них с сестрой в списке значились еще шестнадцать человек, все старше ее и Камиллы. Напротив каждого имени стояли пометки: MZA или DZA. Лисбет не надо было долго напрягать мозги, чтобы догадаться, что они значат. Аббревиатурой MZ помечали мозоиготных близнецов, DZ означало «двойняшек». Буква A, очевидно, была сокращением от английского *apart*, или *reared apart*, и означала «разделенные». То есть речь шла о парах однояйцевых и двужайцевых близнецов, разлученных друг с другом согласно какому-то заранее продуманному плану и выросших порознь. Впрочем, в отличие от других пар, напротив Лисбет и Камиллы стояло – *DZ failed*^[38] А. Больше никаких особых пометок не было. Восемь однояйцевых близнецов и столько же «близняшек» были разлучены еще в младенческом возрасте. В тех же бумагах Лисбет обнаружила результаты тестов с личностными характеристиками и показателями интеллектуальных способностей.

Она обратила внимание на одну пару «зеркальных близнецов» – как значилось в документах, Лео Маннхеймера и Даниэля Бролина, разлученную в младенчестве. По многим пунктам оба демонстрировали выдающиеся результаты. Мальчики, как было сказано, происходили из цыганской семьи. Приписка, сделанная «доктором МС», гласила следующее:

Проявляют выдающиеся интеллектуальные и музыкальные способности. Почти вундеркинды. При этом демонстрируют недостаток

инициативы, склонность к депрессии и, возможно, психозам. Склонны к звуковым галлюцинациям. Одиночки. Недостаток эмпатии и агрессии выражен в равной степени – за исключением отдельных вспышек гнева, спровоцированных громкими звуками. Демонстрируют исключительные креативные и вербальные способности. Самооценка существенно занижена. Несколько выше у Л., но гораздо ниже предполагаемой. Возможное объяснение – проблемы в отношениях с матерью, не сложившиеся так, как мы на то рассчитывали.

«Как мы на то рассчитывали...» Лисбет тошнило от этих формулировок, равно как и от характеристики в целом. Особенно после того, как она прочитала, что они написали про Камиллу. «Исключительно красива, но малоэмоциональна и проявляет склонность к нарциссизму». Ха! Лисбет представила себе, как Камилла смотрит на психологов своими оленьими глазами. Неудивительно, что у этих «докторов» поехала крыша... Тем не менее в этих бумагах было много ценного, что могло пригодиться Лисбет в дальнейшем. Интересно, что за «ряд печальных обстоятельств» вынудил их «проинформировать родителей Лео при условии строжайшей секретности»... Проинформировать о чем? Это не пояснялось. Неужели об эксперименте?

Обо всем этом Лисбет прочитала, хакнув компьютер Института медицинской генетики в Уппсале, после того как ей удалось найти мостик между веб-сервером и интернетом Реестра. Эта сложная операция заняла у нее несколько часов. Лисбет понимала, что лишь немногие хакеры способны на такое, тем более учитывая, что времени на подготовительную работу у нее было крайне мало. Поэтому она рассчитывала, что будет достойно вознаграждена за свои труды. Но те, кто составлял эти бумаги, не забывали об осторожности. Имена исполнителей в документах замалчивались. Лисбет так и не удалось найти ничего, кроме инициалов – ХК или МС.

Первым делом она взялась за файлы Даниэля и Лео – и тут же обнаружила, что папки далеко не полны. Значительная часть информации отсутствовала или была заархивирована другим способом. Но и то, что имелось, вызвало у Лисбет большой интерес. Особенно вопросительные знаки напротив имени Лео, написанные карандашом, а потом неаккуратно подтертые.

Даниэль Бролин, очевидно, эмигрировал. Он хотел стать гитаристом. Учился в Музыкальном колледже Беркли в Бостоне на государственную стипендию, но по окончании первого курса следы его затерялись.

Очевидно, он сменил имя. Лео окончил Высшую школу бизнеса в Стокгольме. В одной из относительно недавних бумаг Лисбет обнаружила следующую запись:

«Пребывает в кризисе по причине разрыва с женщиной своего круга. Впервые проявляет склонность к агрессии. Насколько это опасно? Или мы имеем дело с новым приступом паракузии?»

Другая бумага, также одна из последних, сообщала о закрытии «Проекта 9». «Тревожные факты в связи с Маннхеймером». Лисбет не понимала, что это значит, и, поскольку сама сидела в тюрьме и не могла связаться с этим Маннхеймером, попросила Микаэля Блумквиста навести о нем справки. Микаэль в последнее время стал совсем безнадежен: разыгрывал из себя заботливого папу и слишком за нее беспокоился. Иногда Лисбет так и подмывало сорвать с него рубашку, завалить на матрас и показать, кто в доме хозяин. Но Блумквист никогда не сдавался так просто. И иногда – как ни горько было Лисбет признать это – ему удавалось разглядеть больше, чем ей.

Именно поэтому она не стала рассказывать Микаэлю во всех подробностях о том, что узнала, – здесь важна непредвзятость, пусть докопается сам. Лисбет собиралась связаться с ним в ближайшее время, а пока сидела на скамейке в парке Флётвеген в Вальхольмене. На коленях у нее лежал ноут с подсоединенным к нему мобильником. Лисбет смотрела в сторону высотных зданий, чьи стены переливались самыми невообразимыми оттенками в солнечном свете. Стояла страшная жара, и Саландер исходила потом в своей кожаной куртке и черных джинсах.

В понимании большинства стокгольмцев Вальхольмен – что-то вроде гетто, чьи темные ночи озаряют факелы подожженных автомобилей, а молодежь только тем и развлекается, что грабит одиноких прохожих. Где насильники гуляют на свободе, а мирные жители не смеют рассказывать о своих проблемах полиции. Но то, что сейчас видела перед собой Лисбет, совершенно не соответствовало этой картине. Этот Вальхольмен был воплощенной городской идиллией. На газонах перед многоэтажками сидели женщины в хиджабах с корзинами для пикника. Группа мальчишек на стадионе гоняла мяч. Двое мужчин у ворот парка поливали лужайку из шланга и смеялись, как дети. Лисбет утерла пот и снова погрузилась в работу с глубинной нейронной сетью.

Она знала, что придется нелегко. Фрагменты видео со станции метро «Хорнстюлле» были слишком отрывочными и размытыми. Кроме того, интересовавшую ее фигуру постоянно заслоняли спешившие по перрону пассажиры. А лица молодого человека вообще не было видно из-за

солнечных очков и надвинутой на лоб шапки. Парень шел, склонив голову. Лисбет затруднялась даже определить расстояние между его плечами. Все, что у нее было, – нервное движение растопыренными пальцами, дисметрический жест правой руки. Лисбет не знала, насколько он характерен. В конце концов, это могла быть реакция на конкретный внешний раздражитель, аномалия в жестикуляции. При этом движение казалось очень специфическим. Спазматический рывок, который она сейчас пыталась активировать в узлах нейронной сети в сравнении с другим видео – молодого человека, который пробежал мимо нее по дорожке сорок минут назад.

В характеристиках движений наблюдалась определенная корреляция, что, безусловно, обнадеживало. Но этого было недостаточно. Лисбет ждала от бегуна того самого движения, которое проделывал молодой человек в метро. Именно ради этого она так напрягала зрение, вглядываясь в направлении асфальтированной дорожки по ту сторону газона. Но парень был далеко, и Лисбет решила просмотреть мейлы и сообщения.

Микаэль писал, что обнаружил нечто важное, и ей снова захотелось ему перезвонить. Но она боялась отвлечься – понимала, что расслабляться нельзя, поэтому продолжала щурить глаза. Он появился пятнадцать минут спустя. Высокий, хотя и слишком тощий для бегуна. И двигался вполне профессионально, хотя сейчас это занимало Лисбет меньше всего. Ей нужен был один-единственный жест – тот самый, растопыренными пальцами. Лисбет направила на парня мобильник с видеокамерой, и программа тут же выдала результат. Корреляция уменьшилась, хотя, возможно, парень просто устал, пока бежал круг; а может, она всегда была слишком низкой. Лисбет снова засомневалась.

Какой бы дерзкой ни была эта идея, она основывалась на вполне разумных доводах. Молодой человек в шапке был единственным на перроне, кого не получилось идентифицировать. Кроме того, он казался напуганным, во всяком случае осторожничал, и уж очень напоминал парня на беговой дорожке. Если подозрения Лисбет подтвердятся, это объясняет молчание Фарии Кази на допросах. Но и отрицательный результат прольет свет на многое, поэтому сейчас для Лисбет важно собрать как можно больше видеоматериала. Она сунула ноут в сумку, поднялась со скамейки и окликнула парня. Тот оглянулся на нее, прикрываясь ладонью от солнца. Лисбет достала из кармана фляжку с виски, глотнула и, спотыкаясь, пошла на него. Парень не двигался, только тяжело дышал после бега.

– Черт, какой ты быстрый... – Лисбет восторженно мотнула головой.

Он молчал. В его глазах читалось одно-единственное желание:

избавиться от нее как можно скорей и исчезнуть в подъезде. Но Лисбет не была намерена сдаваться.

– А можешь сделать так? – Она махнула рукой, растопырив пальцы.

– Зачем? – удивился парень.

На этот вопрос ответа у Лисбет не было, поэтому она подошла еще ближе и сделала придурковатое лицо.

– Ну... просто потому, что я так хочу.

Парень выкатил на нее изумленные глаза.

– У тебя с головой всё в порядке?

Лисбет не отвечала, только смотрела на него черными глазами. Похоже, она его испугала, и это тоже нужно было использовать. Лисбет угрожающе нахмурилась и, покачиваясь, приблизилась к парню.

– Ну... давай...

И тот действительно махнул рукой – не то из страха, не то чтобы просто поскорее от нее отделаться. После чего исчез в подъезде, так и не заметив, что она его снимает. Лисбет снова заглянула в ноут – программа активизировалась. Полная корреляция. Внезапно все встало на свои места. Хотя для суда этого, конечно, будет недостаточно.

Лисбет вошла в подъезд. Она сама не поняла, как у нее это получилось. Просто ударила кулаком – дверь поддалась, и она оказалась на замызанной лестничной площадке. Лифт, конечно, не работал. Из углов несло мочой и табаком. Нижний этаж был залит солнечным светом, тем не менее выглядел мрачно. На верхних этажах окон не было, а работающих лампочек явно не хватало, чтобы разогнать мрак. Поэтому Лисбет пробиралась ощупью, натываясь на кучи мусора и правой рукой прижимая к себе ноут. На третьем этаже остановилась и еще раз просмотрела только что отснятые алгоритмизированные кадры. Потом выбрала из ящика адрес Бублански и его жены Фарах Шариф – профессора по компьютерам. Они должны это увидеть, и Анника Джаннини тоже. На четвертом этаже Лисбет разослала видео и снова засунула ноут в сумку. На двери слева мерцала табличка: «Х. Кази». Лисбет выпрямилась, собираясь с силами. Халила она не особенно боялась, но от Анники знала, что его нередко навещают старшие братья. Лисбет постучалась. Послышались шаги, а затем дверь открылась. Халил как будто не особенно удивился ее появлению.

– Привет, – сказала Лисбет.

– Чего тебе?

– Хочу показать тебе одну штуку. Фильм.

– Что за фильм? – спросил он.

– Увидишь.

Саландер прошла в квартиру. Это оказалось проще, чем она думала, и вскоре выяснилось почему. Халил был не один. В полумраке комнаты Лисбет поймала полный презрения взгляд Башира Кази – она достаточно вела это расследование, чтобы знать все семейство в лицо. Худшие ее опасения подтвердились.

Декабрь, полтора года назад

Дэн Броуди ничего не понимал. Похоже, женщина отказывалась верить тому, что он не Лео. Теребя пальцами кольцо, она призналась, что понимает его. Она и сама всегда считала, что он заслуживает большего.

– Ты просто не представляешь, какой ты, Лео, – прошептала она. – Ты никогда этого не понимал. И они, в фонде, тоже. Не говоря о Мадлен...

– Мадлен? – переспросил Дэн.

– Мадлен просто дура. Предпочесть тебя Ивару! Этому жирному козлу...

Ее манера выражаться удивила его сразу. Хотя, возможно, Дэн просто не знал современный шведский язык. Женщина нервничала и выглядела напуганной. Вокруг теснилась пробиравшаяся к бару толпа. Неожиданно словно из-под земли выросла фигура Клауса, который осведомился, не желает ли Дэн составить им компанию за обедом. Но тот только мотнул головой и снова перевел взгляд на женщину. Теперь она стояла совсем близко. Дэн видел, как дышала ее грудь, окутанная нежным ароматом духов. Она была очень красива. Дэн подумал, что такое бывает разве во сне, в прекрасном сне. Совсем рядом кто-то разбил бокал. Зазвенело стекло, и Дэн поморщился.

– Прости, – прошептала красавица. – Я просто думала, что вы с Иваром все еще друзья.

– Я не знаю никакого Ивара, – неожиданно резко ответил он.

Глаза женщины отразили такое отчаяние, что Дэн сразу пожалел о сказанном. Теперь он был готов на что угодно – назваться Лео, любить Мадлен и дружить с жирным козлом Иваром, – лишь бы больше не огорчать ее. Он хотел видеть ее такой же сияющей, как во время исполнения соло, и поэтому, потупив взгляд, признался: да, он Лео. Вернее, сказал, что больше не намерен это отрицать. Потом убрал гитару в футляр и предложил ей чего-нибудь выпить в более спокойном месте.

– С удовольствием, – улыбнулась красотка.

Они вышли на Песталоцци-штрассе. Дэн боялся говорить, потому что любая фраза таила в себе ловушку. Он уже подумывал сознаться во всем, но потом это приключение показалось ему занятым. Что-то вроде шарады,

которую было бы интересно разгадать. Дэн попробовал поставить себя на место женщины. Интересно, как ей его костюм? И тут же рубашка, которую Дэн еще совсем недавно находил элегантною, показалась ему безвкусною и дешевой. Что, если она с ним все-таки играет? С другой стороны, знает же она, что он швед... Немногим в этом городе известна эта подробность его биографии.

Дэн завел красавицу в маленький бар в самом конце улицы и заказал две «Маргариты». Он молчал, предоставляя ей возможность говорить, тем самым давая ему в руки путеводную нить. Дэн все еще не знал, как ее зовут, и боялся спросить об этом. Она – директор (или что-то вроде того) фармацевтического фонда в «Немецком банке»; вот и все, что ему было известно.

– Представляешь, каково мне там после вонючей конторы Эгрена?

Очевидно, она имела в виду фонд. Фонд Альфреда Эгрена, где работала не так давно. Но этот Ивар, он как будто тоже Эгрэн? Там еще была женщина по имени Малин Фруде, о которой красавица говорила как о своей конкурентке.

– Я слышала, вы с Малин встречались? – спросила она.

– Не совсем... Точнее, совсем не встречались, – ответил Дэн.

Он темнил, вилял хвостом. Он играет с Клаусом Ганцем – вот единственное, в чем Дэн честно признался.

– Со мной заключили контракт, – похвалился он. – Тилль Брэннер и Чет Харольд дали рекомендации. Я играл в Нью-Йорке, и Клаус рискнул.

Разумеется, это было неправдой. Ни одна джаз-группа не рисковала, заключая контракт с таким талантливым музыкантом, как Дэн.

– Но гитара, Лео? – удивлялась женщина. – Это совершенно невероятно. Как давно ты ее освоил?

– В подростковом возрасте, – отвечал он.

– Вивека, помнится, учила тебя на рояле и скрипке.

– Приходилось упражняться тайком.

– Это звучало почти как рояль. Я узнавала аккорды, когда слушала твоё соло. Не то чтобы я большой специалист, но нечто подобное было, когда ты играл у Томаса и Ирены.

Это её замечание насторожило Дэна. Что она имела в виду? Он хотел спросить, но не решался. Приходилось держать язык за зубами, чтобы не попасть впросак. Дэну оставалось только улыбаться и кивать.

Иногда, правда, он мог позволить себе рассказать какую-нибудь отвлеченную историю – например, что-нибудь из того, о чем прочитал в книгах.

– А знаешь, гренландская полярная акула может жить до четырехсот лет. И все потому, что о-очень медленно двигается.

– Боже, какая скука, – вздохнула красавица.

– Зато – четыреста лет!

Она рассмеялась, и это придало ему храбрости. Дэн даже попытался, в ответ на ее вопрос, предсказать поведение фондового рынка.

– При таких низких процентных ставках? Вверх, конечно! – Он многозначительно поднял палец, но в следующую секунду как будто засомневался. – Или вниз...

И это тоже получилось весело. Постепенно Дэн начал понимать, что ему нравится его новая роль. Она как будто добавляла что-то новое к его личности. Это был миг освобождения. Дэну открылся целый мир, до сих пор ему недоступный, – мир больших денег и больших возможностей. Было ли все дело в напитках, или на него так действовал ее взгляд, но Дэн увлекался все больше.

Ко всему прочему ему нравилось просто смотреть на нее. Он любовался ее утонченностью, которая не сводилась к одной только дорогой одежде и украшениям. Каждый ее жест, слово, сама эта детская глуповатая манера выражаться были исполнены неповторимого изящества. Рядом с ней Дэн чувствовал себя сильнее. Он посмотрел на ее грудь, бедра, потом вдруг перегнулся через стол и поцеловал ее посередине фразы. Для Дэна Броуди это была неслыханная дерзость. Когда они вышли из бара, он прижал ее к стенке.

В ее отеле – «Адлон Кемпински», возле Бранденбургских ворот – он ее взял, дерзко и грубо. Дэн больше не был робким любовником, и позже она рассказывала о нем знакомым самые невероятные вещи. Он тоже рассказывал о ней невероятные вещи и был счастлив. Как самозванец, незаконно захвативший власть. Дэн был влюблен – возможно, не столько в нее, сколько в свое новое «я». Тем не менее в ту ночь он почти не спал. Ему не терпелось набрать в «Гугле» имена, которые она называла, но Дэн медлил, как будто чего-то боялся. Он решил покинуть ее уже на рассвете, но не смог. Эта женщина и во сне была особенной. Лишь около шести утра он обнял ее, прошептал на ухо «спасибо» и объявил, что должен идти, что у него назначена встреча. Она ответила, что понимает, и дала ему свою визитку. Ее звали Юлия Дамберг. Дэн обещал перезвонить «очень-очень скоро». Потом оделся, вышел на улицу и поймал такси.

Уже в машине он набрал «фонд Альфреда Эгрена» в Интернете в своем мобильнике. Генеральный директор Ивар Эгрен и в самом деле выглядел «жирным козлом» – надменным, с двойным подбородком и

маленькими водянистыми глазками. Но это было полбеда. Прямо под ним была фотография главного аналитика Лео Маннхеймера, и... Дэн едва не уронил мобильник. Это было чистое безумие, он не верил собственным глазам. С фотографии на него смотрело его собственное лицо. То есть нет, конечно, это был не он. Но сходство было таким разительным, что у Дэна закружилась голова. Он пристегнул ремень безопасности и взглянул на себя в зеркальце заднего вида. Черт! Он улыбался совсем как главный аналитик фонда Альфреда Эгрена. Он узнавал каждую складку вокруг рта, каждую морщинку на лбу, нос, волосы – все-все-все, вплоть до осанки. При том, что парень на фотографии выглядел настоящим миллионером. Во всяком случае, костюмчик у него был подороже, чем у Дэна.

Броуди продолжил свои разыскания в отеле, потерял чувство времени и совершенно выпал из реальности. Сходство было портретным, но рамки у портретов различались не менее разительно. Лео Маннхеймер принадлежал к другому классу, другому миру. Расстояние между ним и Дэном исчислялось сотными световых лет, и это было непостижимо. Но больше всего Дэна поразила музыка.

В Интернете он нашел видео одного вечера в «Концертном доме» в Стокгольме. Лео было около двадцати лет, и он выступал на каком-то мероприятии в роли приглашенного артиста. В те времена музыканты строго придерживались каждый своей стилистики. Дэн, например, был длинноволосым богемным «хиппи», в простой рубахе и джинсах. Лео же выглядел как на фотографии с сайта компании, разве что немного моложе. Та же модельная стрижка и костюм. Не хватало только галстука, но сама по себе эта деталь ничего не значила.

Стоило Дэну включить это видео, как слезы сами собой брызнули из глаз. Он рыдал, и вовсе не потому, что у него вдруг обнаружился брат-близнец. Он оплакивал всю свою жизнь – и побои Стена, и работу в поле, и разбитую о мостик гитару, и бегство в Бостон, где ему пришлось так нелегко первые месяцы. Он оплакивал все то, чего был лишен в жизни, но не только это.

Больше всего Дэна поразило то, что он услышал. Под конец Броуди не выдержал, взял гитару и стал ему подыгрывать – с разницей во времени в пятнадцать лет. Это была не только его собственная композиция. Дэн узнавал все – тональности, гармонии. Лео Маннхеймер играл так же, как и сам он в то время, – полтона вверх от тоники под конец два-пять-семь-один-прогрессии. Он использовал все те же старые аккорды вместо минорного семь-минус-пять и семь-минус-девять, как играют большинство джазистов, и делал акцент на шестом тоне дорической минорной шкалы.

До сих пор Дэн полагал, что он уникален. Он сам открыл для себя Джанго, нашел свой собственный путь и разошелся со своим поколением – рока, попа и хип-хопа. И вот оказалось, что в Стокгольме живет парень, как две капли воды похожий на него, который вышел на ту же шкалу и те же гармонии. Это было непостижимо. В голове мутилось, но сквозь мешанину обуревавших Дэна чувств постепенно пробивалось главное – тоска, надежда и, возможно, любовь. Но прежде всего – удивление. У него был брат, очевидно, выросший в состоятельной семье. Последнее казалось Дэну не просто немыслимым, но и несправедливым. Позже он вспоминал, что в этот момент ощутил приступ не свойственной ему злобы. Броуди все еще не понимал, что произошло, но уже мучился смутными предчувствиями и первым делом вспомнил почему-то «стокгольмских докторов» с их вопросами и текстами. Неужели они всё знали? Они не могли этого не знать... Дэн запустил стаканом в стену и схватился за мобильник. Он немедленно позвонит этой Кантерборг – и не важно, сколько сейчас времени. Он знал, что сейчас оно летело быстрее, чем обычно.

Но Хильда фон Кантерборг оказалась пьяна, и это разозлило его еще больше, ведь в Стокгольме был только полдень.

– Это Даниэль Бролин, – представился Дэн. – Вы меня помните?

– Как вы сказали?

– Даниэль Бролин.

Она тяжело задышала – от страха, как показалось Даниэлю.

– Даниэль, милый, это ты? – спросила Хильда. – Помню, конечно... Как ты? Ты давно не давал о себе знать, мы так за тебя волнуемся...

– Вы знали, что у меня есть брат? Вы знали это?

Его голос нарушил нависшее между ними неловкое молчание. В ответ послышался звук, как будто Хильда наливала что-то в бокал из бутылки, а потом снова тишина. Дэн уже понял, что она все знала. Этим объяснялись и ее визиты в дом Стена, и одна странная, как-то раз оброненная ею фраза: «Наше дело – изучать, а не вмешиваться».

– Почему вы ничего мне не сказали?

Она не ответила, и Дэн повторил вопрос, на этот раз уже с нескрываемой злобой.

– Я не имела права, – ответила она. – Я давала подписку о неразглашении.

– То есть какая-то бумажка была для вас дороже моей жизни?

– Это была ошибка, Даниэль. Я больше не состою в той группе. Они вышвырнули меня вон, потому что я слишком громко возмущалась.

– Что за чертова группа?

Она не ответила. Дэн чувствовал, что теряет над собой контроль и больше не слушает ее. Теперь ему было неважно, что Хильда скажет в свое оправдание. Но один ее вопрос он запомнил:

– Так, значит... ты и Лео нашли друг друга?

Она спросила об этом так спокойно, обыденно, словно братья разминулись на прогулке в парке.

– Он знает обо мне?

– Кто? Лео?

– Лео, конечно, кто же еще!

– Не могу сказать тебе этого, Даниэль. Я... я не думаю. Прости, но я и так сказала тебе слишком много.

– Много? – рассвирепел Даниэль. – Я звонил вам, когда мне было тяжело... у меня никого не было, а вы... Вы и тогда не сказали мне ни слова. Я рос и не знал о себе самого главного. Вы отняли у меня... – Дэн не мог подобрать слов, чтобы выразить свои чувства.

– Прости, Даниэль, прости...

В ответ он выкрикнул что-то грубое, а потом положил трубку и заказал себе пива. Огромную кружку – ему требовалось успокоиться и собраться с мыслями. Потому что в тот момент Дэн решил, что обязательно должен связаться с Лео. Встретиться с ним, но как?

Стоит ли ему писать? Может, лучше позвонить или заявиться сразу, без предупреждения? Но Лео Маннхеймер богач, он другой. Он счастливее его и, конечно, не такой сентиментальный. Что, если он – разве Хильда на это не намекала? – знает о существовании Даниэля и намеренно не вступает с ним в контакт? Что, если он стыдится своего нищего, бездомного брата? Что ж, в этом нет ничего невероятного...

Дэн снова открыл страничку фонда Альфреда Эгрена с фотографией Лео. На этот раз во взгляде брата ему почудилась искорка смущения, и это придало Дэну уверенности. Что, если Лео и в самом деле не такой зануда, как другие богачи? Дэн вспомнил, как легко ему было с Юлией вчера вечером, и снова отдался во власть самых противоречивых мечтаний. Злоба отступила, глаза снова наполнились слезами. Что ему было делать? Дэн нашел в «Гугле» записи своих давнишних выступлений и выбрал одну, из концерта в Сан-Франциско, где он, уже с короткими волосами и в строгом сером костюме, играл «*All the things you are*»^[39] и использовал те же гармонии, что и Лео на вечере в Концертном зале. Этот видеофайл он решил приложить к письму. А потом выбрал указанный на странице фонда электронный адрес и задумался.

Дорогой мой брат Лео! Меня зовут Дэн Броуди, и я джазовый гитарист. До сегодняшнего дня я не имел понятия о твоём существовании и сейчас до того потрясен, что едва могу писать.

У меня нет намерения ставить тебя в неловкое положение, тем более причинять какие-либо неудобства. Я не требую от тебя ничего, даже ответа. Но сам факт, что ты существуешь и играешь такую же музыку, что и я, стал для меня главным потрясением в жизни – вот все, что я хотел тебе сказать. Я совсем не уверен, что мой интерес взаимен и ты так же, как и я, горишь желанием узнать обо мне как можно больше. Тем не менее я должен был тебе написать. Встречался ли ты когда-нибудь с нашим отцом? Он, конечно, был пьяницей, но имел незаурядный музыкальный талант. Мать умерла при родах. Возможно, они оказались тяжелыми именно потому, что она носила близнецов. Но об этом мне известно не слишком много...

Даниэль написал двадцать две страницы, но отправить их так и не решился. Вместо этого он позвонил Клаусу и сообщил, что у него умер родственник в Швеции. Потом забронировал билет до Стокгольма и вылетел уже на следующее утро.

Дэн не был в этом городе восемнадцать лет. Шла Нобелевская неделя, десятое декабря. В Арланде^[40] мела метель. Город стоял в рождественском убранстве. Впрочем, Даниэль с детства помнил его таким красивым. Он волновался, как мальчишка, и все-таки выждал пять дней, прежде чем решился выйти с Лео на связь. Все это время он оставался его двойником, невидимой тенью.

Глава 15

21 июня

У Башира Кази была длинная остроконечная борода, брюки цвета хаки и охотничий жилет. Лисбет сразу обратила внимание на его мускулистые, натренированные руки. Башир дремал на кожаном диване перед включенным телевизором. Он поднял на гостью полный презрения взгляд и снова прикрыл глаза. Не исключено, что он был «под кайфом». Лисбет сделала шаг в сторону и снова глотнула из своей фляжки. Башир хмыкнул и повернулся к Халилу:

– Что за шлюху ты привел в дом?

– Я сам ее впервые вижу, – ответил тот. – Она постучала в дверь и сказала, что хочет показать какой-то фильм. Можешь вышвырнуть ее отсюда.

Халил боялся Лисбет, это было видно, но еще больше он боялся старшего брата. Последнее Лисбет было только на руку. Она поставила сумку с ноутом на серый письменный стол перед дверью.

– Ну и кто ты, девочка? – вяло поинтересовался Башир.

– Не важно, – грубо отрезала она, но даже этот ответ не спровоцировал никакой реакции.

Башир лениво поднялся с дивана и, театрально зевая, приблизился к брату.

– Зачем ты снова сюда переехал? – спросил он. – Здесь живут одни уроды да шлюхи.

Лисбет огляделась. Меблировка «однушки», в которую она попала, была более чем скромной – складная кровать, диван да журнальный столик. Дверь слева вела, по всей видимости, на кухню. И повсюду были разбросаны белье и одежда. Возле письменного стола Саландер заметила прислоненную к стене битую.

– Как говорится, неточность в обобщениях недопустима.

– Че-го?

– Мутно выражаюсь, да, Башир?

– Откуда ты знаешь мое имя?

– А я только что из кутузки и принесла тебе привет от твоей знакомой Бенито.

Это был блеф чистой воды. Хотя Лисбет не сомневалась, что между

братьями и Бенито есть какая-то связь. Глаза Башира блеснули – очевидно, это имя не было для него пустым звуком.

– Что за привет?

– Видеопривет. Посмотрим?

– Надо подумать.

– Я всего лишь хочу развлечь вас.

Лисбет достала мобильник и стала нажимать клавиши, делая недовольное лицо. Она хотела показать братьям, что у нее проблемы с телефоном, но на самом деле посылала команды в инфраструктуру «Республики хакеров». Потом решительно шагнула вперед и с вызовом заглянула в глаза Башира.

– Бенито умеет ценить друзей, которые ей помогают, ты знаешь. Но кое-что надо обсудить.

– А именно? – не понял Башир.

– Она в тюрьме, и уже одно это – большая проблема. Но ты оказался таким ловким, что сумел передать нож кому следует... Бенито тобой восхищается.

– Ближе к делу.

– Дело, собственно, касается Фарии.

– А именно?

– Почему вы так поступили с ней?

– Что?

– Вы вели себя как грязные свиньи.

Башир застыл как громом пораженный.

– Что ты сказала?

– Свиньи. Грязные. Чертовы козлы. Я могу продолжить, но перейдем к делу. Вы должны понести наказание, это вам не приходило в голову?

Лисбет ждала реакции. Но она недооценила противника. Последовавшая за ее выпадом вспышка гнева привела ее в замешательство. Башир выбросил вперед руку и двинул ей кулаком в подбородок. Лисбет удалось сохранить равновесие. Далее она сосредоточилась на мобильнике. Его нужно было держать все в том же положении – у бедра, направив экран вверх, на лицо Башира.

– О, ты, кажется, расстроился, – усмехнулась она.

– Это только начало.

Она получила новый удар, на этот раз в другую половину лица. Но все еще не предпринимала попыток обороняться, даже защититься рукой. Башир смотрел на нее со смешанным выражением ярости и изумления. Ее зашатало. Лисбет встряхнулась и скосила глаза на Халила. Неужели он не

поддержит брата? Трудно было предугадать его действия. Халил застыл как парализованный. Его тощая фигура выглядела жалко.

– Ты считаешь, это было умно – убить Джамала?

Башир Кази набычился, очевидно, теряя остатки разума. Как она и рассчитывала.

– Это было настолько умно, что тебе не понять, тупая шлюха.

– И все-таки почему?

– Потому что он сделал из Фарии шлюху, – закричал Башир. – Шлюху! Он опозорил нас всех!

На Лисбет обрушился еще один удар. На этот раз она совсем не была уверена, что ей удастся удержать телефон в нужном положении.

– Но тогда Фария тоже должна умереть, разве не так?

– Сдохнуть, как крыса, как грязная свинья! Мы не отступим, пока не отправим ее в ад.

– Отлично! – восхитилась Лисбет. – С этим, похоже, все. Ну что, будем смотреть фильм?

* * *

Башир медлил. Лисбет поняла это по его глазам и тому, как дрожала его рука. Приступ ярости миновал, но злоба осталась. Саландер сомневалась, что сможет выдержать еще хотя бы один удар. Она резко вскинула голову, просчитала расстояние и прикинула возможные последствия. Стоит ли ударить его прямо сейчас? Коленом в пах, чтобы опрокинулся навзничь? В конце концов Лисбет решила, что это не к спеху. Самое правильное сейчас – сделать вид, что она получила достаточно. Для этого ей не пришлось особенно напрягаться. Последний удар пришелся сбоку и был сокрушительнее всех предыдущих. Саландер зашаталась и почувствовала на губах привкус крови.

– Ну, показывай, – раздался голос Башира.

Лисбет прокашлялась, утерла кровь и упала на кожаный диван.

– Он у меня в мобильнике.

– Давай. – Он плюхнулся на диван рядом с ней.

Лисбет потыкала пальцем в телефон и, похоже, вышла туда, куда нужно.

Халил тоже приблизился. Лисбет продолжала нажимать кнопки – не торопясь и делая вид, что пальцы плохо ее слушаются. Наконец в ответ на ее команду на дисплее загорелся код программы. Братья разволновались.

– Это что еще за хрень? – спросил Башир. – Он у тебя что, сломан?

– Все нормально, – успокоила его Лисбет. – Сейчас видеофайл «опускается на дно», как у нас говорят. А теперь – видишь? – я «погрузила» его и даю команду распространить.

– То есть?

В нос ей ударил едкий запах пота.

– Сейчас объясню. Так называемое «дно» – это сеть хакнутых компьютеров. Мы заразили их вирусом. «Троянский конь» – слышал? Незаконно, но очень удобно. Давай теперь посмотрим, а потом я расскажу дальше. Но учти, он не отредактирован. Я сама его еще не видела. Погоди-ка... вот!

Увидев на дисплее собственное лицо, Башир сразу смутился. Как школьник, который не понял задания учителя.

– Какого черта? – пробормотал он.

– Это ты, разве не видишь? – невозмутимо отозвалась Лисбет. – Немного небрит, конечно, да и четкость не та... Трудно снимать от бедра. Но ты убедителен... Сколько экспрессии! Какой удар! Вот мы сейчас еще послушаем, что ты говоришь... Слышишь? Ты сознаешься в убийстве Джамала Чаудхери.

– Какого черта? – схватился за голову Башир. – Какого черта?

Теперь Башир на экране кричал, что Фария должна сдохнуть, как крыса и как свинья. Потом изображение затрясло и Башир на время пропал из вида – это на Лисбет обрушился новый удар. Теперь видеоискатель забегал по стене, от потолка до пола.

– Какого черта ты делаешь? – заорал Башир и ударил кулаком по обивке дивана.

– Спокойно, – ответила Лисбет. – Никаких оснований для паники.

– Что ты задумала? Отвечай... шлюха!

Голос его сорвался.

– Успокойся. Большинство населения нашей планеты все еще не получило этот видеофайл. Могу с уверенностью утверждать, что на текущий момент получивших не больше сотни миллионов. Из которых добрые пятьдесят процентов удалили его как спам. Но, как говорят в наших кругах, мне удалось его «погрузить», не сомневайся. «Башир Кази», так он называется. Твои друзья его точно увидят, не говоря уже о полиции и СЭПО. Ну и, конечно, друзья друзей и так далее... Вполне может быть, что в ближайшее время он станет хитом «Ю-тьюба», хотя утверждать не берусь. Мир Сети загадочен и непредсказуем. Лично я в нем так толком и не разобралась.

Башир, как помешанный, пялился на экран.

– Понимаю, – как ни в чем не бывало продолжала Лисбет, – слава – нелегкое бремя. Лично я не знала, куда глаза девать, когда увидела свое имя в заголовках газет. Но, на твоё счастье, есть возможность всего этого избежать.

– Чего ты хочешь?..

Тут Лисбет схватила его за вихор и несколько раз стукнула головой о журнальный столик.

– Беги, Башир, – сказала она, поднимаясь с дивана. – Беги так, чтобы твой позор не догнал тебя. – Он уставился на нее как парализованный, его правая рука дрожала. – Конечно, это не спасет тебя, разве на некоторое время. И потом, так быстро, как у него, у тебя все равно не получится, – она кивнула на Халила. – Но ведь как-нибудь ты сможешь, да? По крайней мере, это поможет тебе сбросить напряжение.

– Я убью тебя, – выдавил сквозь зубы Башир.

Потом поднялся с таким видом, будто в следующий момент собирался на нее напасть. Однако вместо этого бросил испуганный взгляд сначала в направлении двери, а потом окна.

– В таком случае тебе следует поторопиться, – сказала Лисбет. – Успеешь, как думаешь?

– Я найду тебя.

– Тогда до встречи!

Лисбет сделала шаг в сторону письменного стола и повернулась к Баширу спиной. Но тот был слишком ошарашен, чтобы напасть. К тому же у него зазвонил мобильник.

– Ну вот, – сказала Лисбет. – Наверное, кто-то из твоих поклонников. Но тебе совсем не обязательно им отвечать, ведь так? Сейчас ты улизнешь отсюда тихой сапой и в городе будешь смотреть только в землю, ясно?

Башир пошел на Лисбет, но она его опередила. В следующую секунду взметнулась прислоненная к стене бита и несколько раз обрушилась Баширу на голову. Лисбет била по щекам, шее, потом по животу.

– Это за Фарию, – спокойно объяснила она.

Башир согнулся вдвое, получил удар по спине, но умудрился выпрямиться. После чего прошмыгнул в дверь, на темную лестницу и дальше – в залитый послеполуденным солнцем квартал. Лисбет все еще держала биту. Халил Кази стоял возле дивана в своем красном спортивном костюме, худой и жилистый, как подросток. Челюсть его отвисла, в глазах застыл ужас. Едва ли он мог представлять опасность для Лисбет. Она боялась другого – Анника говорила о его склонности к суициду. Саландер

посмотрела в сторону двери, а потом на часы. Двадцать минут пятого. Она проверила электронную почту. Ни Фарах Шариф, ни Бублански пока не ответили. Отозвалась одна Анника: «Прекрасно. Выглядит многообещающе. Немедленно поезжай домой!» Лисбет слышала тяжелое дыхание Халила. Он смотрел на нее, как будто хотел что-то сказать.

– Это ведь была ты?

– Ты о чем?

– В газетах.

Она кивнула.

– У меня и для тебя есть фильм, – сказала она. – Правда, не такой захватывающий. Всего лишь о жестах.

Лисбет поставила битую на место, положила сумку с ноутбуком на стол и велела Халилу сесть на диван. Он был бледен и едва стоял на ногах, но подчинился. Лисбет коротко рассказала об идентификации движений, о его пробежке в парке и молодом человеке из метро со странной жестикуляцией. Халил сразу все понял, побледнел еще больше и задвигал губами. Лисбет села рядом с ним и открыла файл на дисплее. Она пыталась еще что-то объяснить, но все было без толку. Халил не слышал ее, глядя куда-то перед собой. Внезапный звонок мобильного вернул его к жизни. Лисбет и Халил обменялись взглядами.

– Ответь, – велела она.

Он принял вызов. По его почтительному тону Саландер поняла, что звонит имам. Он находился где-то поблизости – стараниями Анники – и, похоже, спрашивал разрешения зайти. Лисбет подумала, что это было бы кстати, и кивнула. Кто лучше имама мог бы проявить сочувствие, в котором сейчас так нуждался Халил?

Вскоре в дверь постучали. В квартиру вошел высокий, видный господин лет пятидесяти с лишним с маленькими глазками, длинной бородой и в красном тюрбане. Он коротко кивнул Лисбет и повернулся к Халилу:

– Добрый день, мой мальчик. Ты хотел поговорить со мной?

Проникновенный тон его голоса смутил Лисбет.

– Не уверена, что здесь самое безопасное место для вашей беседы, – сказала она, вставая. – Может, вам лучше прогуляться или пойти в мечеть?

С этими словами Лисбет распрощалась и исчезла на темной лестнице вместе со своим ноутбуком.

Декабрь, полтора года назад

Дэн Броуди сидел на скамейке на площади Норрмальмсторг. Всего

несколько часов назад его самолет приземлился в Стокгольме. С холодного серого неба летел снег. Дэн был в черном пальто, солнечных очках и надвинутой на лоб вязаной шапке. В его руках была книга о крушении банка «Леман бразерс»^[41], при помощи которой Дэн надеялся больше узнать о мире своего брата. Он забронировал место в «Чапмане» на Шепсхольмене, – перестроенном под отель старом судне. Номер там стоил шестьсот девяносто крон в сутки, больше Дэн потянуть не мог. Уже по дороге сюда он ловил на себе подозрительные взгляды прохожих.

Даниэль словно перестал быть самим собой и превратился в копию другого человека. Американская жизнь казалась отсюда чем-то нереальным. Он снова почувствовал себя мальчишкой с фермы в Хэльсингланде, робеющим перед столичными жителями. На Биргер-Ярлсгатан вошел в бутик и купил очки с темными стеклами и серую вязаную шапку.

Все это время Дэн размышлял, каким образом заявить брату о своем существовании. Он думал послать ему мейл с видеофайлом или позвонить, но так и не смог решиться ни на то, ни на другое. Для начала он решил увидеть Лео. Поэтому и явился сюда, на Норрмальмсторгет, и уселся напротив дверей здания фонда Альфреда Эгрена. Он видел, как надменный толстяк Ивар Эгрен проследовал к своей «БМВ» с тонированными стеклами. Но Лео все не выходил. Он еще был там, в красном кирпичном здании. Дэн уже звонил туда и осведомлялся о нем по-английски. Ему ответили, что Лео Маннхеймер на совещании, но скоро освободится. Дэн вздрагивал каждый раз, когда открывалась тяжелая дверь, но Лео не было видно. На Стокгольм опустились сумерки. У кромки берега по воде запрыгали редкие капли. Становилось прохладно.

Дэн поднялся со скамейки и стал прогуливаться по набережной, потирая затекшие пальцы. Ничего не происходило. Улицы пустели. Только в ресторане на площади жизнь была ключом. Там, за огромными стеклянными окнами, ели и смеялись счастливые люди. Лео был исторгнут из их мира. Он мог лишь на расстоянии любоваться праздником, на который его не пригласили. Но он везде был чужим, разве не так?..

И тут Дэн увидел Лео. Этот момент он запомнил навсегда. Казалось, время остановилось и все звуки вокруг стихли. Сердце Дэна сжалось – не от радости, а от боли. Сходство было разительным. Лео улыбался, двигался, жестикулировал, как он. Дэн узнавал его лицо вплоть до малейшей складки на щеках или под глазами. Это было все равно что увидеть себя в позолоченном зеркале.

Лео Маннхеймер был тем, кем должен был стать он. Но чем больше

всматривался в него Дэн, тем больше обнаруживал различий. Дело было даже не в дорогом костюме и обуви. Лео излучал благополучие, которого Дэну всегда так не хватало. Оно как будторосло в его плоть и кровь. Рядом с ним была женщина, которая льнула к нему и смотрела на него влюбленными глазами. Оба смеялись, и Дэн сразу понял, что это Малин Фруде, о которой говорила Юлия. Он так и застыл посреди улицы, глядя, как они удаляются в сторону Библиотексгатан. А потом пошел следом, сам не зная зачем.

Дэн шел поодаль, но едва ли рисковал быть замеченным. Те двое, казалось, были полностью поглощены друг другом. Вскоре они скрылись в глубине парка «Химлегорден», но их смех все еще витал в воздухе. От него Дэну взгрустнулось еще больше. Он вздохнул и отправился в свою гостиницу. Тогда Дэн еще не знал, как обманчива бывает внешность. Он ведь и сам не раз производил впечатление баловня судьбы. Чужая жизнь лишь со стороны выглядит красиво. Но тогда Дэн еще не думал об этом.

* * *

Микаэлю надо было в Нючёпинг. В сумке у него лежали блокнот, диктофон и бутылка розового вина. Последнее он купил по совету Лотты фон Кантерборг. Ее сестра Хильда, проживающая в одном из отелей Нючёпинга под именем Фредрики Нурд, согласилась побеседовать с Блумквистом на определенных условиях, одним из которых было розовое вино. Вторым – предельная осторожность. Она скрывалась от преследований, и то, что рассказал Микаэль, несколько не убавило ее страха. Совсем наоборот, как сказала Лотта. Поэтому Блумквист уехал тайком, не предупредив даже Эрику. Сейчас он сидел в кафе возле кольца Центрального вокзала и ждал Малин. Предстоял важный разговор. Микаэль должен был убедиться в правильности своей гипотезы.

Малин опоздала на десять минут. Она была в джинсах и голубой блузе и выглядела потрясающе. Она всегда выглядела потрясающе, даже если перед этим ей приходилось обегать полгорода с высунутым языком.

– Прости, – сказала она. – Мне надо было завезти сына к маме.

– Ты могла бы взять его с собой. Я всего лишь хотел задать тебе пару вопросов.

– Я знаю. Но у меня, кроме тебя, масса других дел.

Микаэль быстро поцеловал ее и сразу перешел к делу.

– Итак, в Музее фотографии левша Лео Маннхеймер вдруг стал

правшой. И тебя это удивило, так?

Она кивнула.

– А больше ничего странного в нем ты не заметила?

– В смысле?

– Ну... скажем, родимое пятно переместилось с левой стороны на правую, или пробор... Он ведь кудрявый, Лео?

– Ты меня пугаешь, Микаэль. О чем ты?

– Я все думаю о той истории об однояйцевых близнецах, которых разлучили сразу после рождения, только знаешь... Обещай сначала, что никому не расскажешь о нашем разговоре.

Малин схватила его за рукав.

– Уж не думаешь ли ты...

– Я ничего не думаю, Малин. Пока ничего.

– Но я всего лишь хотела спросить...

Микаэль все еще колебался.

– Однояйцевые близнецы генетически абсолютно идентичны, – начал он. – Почти, во всяком случае. Не считая незначительных изменений ДНК, называемых мутациями. Они есть у всех нас.

– Ближе к делу, Микаэль.

– Извини, но я вынужден сделать небольшое теоретическое вступление. Без этого ты не поймешь. Итак, однояйцевые близнецы получаются из одной яйцеклетки, которая очень быстро делится. Вопрос в том, насколько быстро. Если деление происходит не позже чем на четвертый день после оплодотворения, близнецы получают общую плаценту. В этом случае риск гибели плода увеличивается. Но если яйцеклетка делится через неделю после оплодотворения или позже, вплоть до двенадцати дней, близнецы, с высокой долей вероятности, будут «зеркальными». Такие составляют около двадцати процентов от общего числа близнецов.

– То есть? – не поняла Малин.

– Они генетически идентичны, но при этом каждый из них является как бы зеркальным отражением другого. Если один левша – другой будет правшой. Даже сердца у них часто бывают в разных сторонах груди.

– Уж не хочешь ли ты сказать...

Малин запнулась на полуслове, и Микаэлю пришлось погладить ее по щеке, чтобы хоть немного успокоить.

– Все это не более чем гипотеза, разумеется. Даже если в Музее фотографии выступал не Лео, а его зеркальное отражение, мир не перевернется с ног на голову. Никаких шокирующих представлений в стиле

«Талантливого мистера Рипли»^[42] не предвидится. Ну, решили ребята поиграть немного, поменяться ролями – что в этом такого, в конце концов?.. Не хочешь прогуляться со мной до поезда? Мне нужно поторапливаться.

Но Малин не двигалась с места. Потом наконец встала и последовала за Блумквистом на первый этаж. Они пошли по длинному переходу, с магазинами по обе стороны, и поднялись к одиннадцатому пути. Микаэль сказал, что ему нужно в Линчёпинг, по работе. Но он хотел выудить из Малин по максимуму, поэтому продолжал расспросы.

– Я много читал об однойцевых близнецах, которые всю жизнь не подозревали о существовании друг друга и впервые встретились лишь в зрелом возрасте. Эти встречи, Малин, – просто фантастика. Я хотел сказать, что это и в самом деле потрясающе. Только представь себе: ты думаешь, что одна-единственная такая, что ты уникальна... И тут – оп! – откуда ни возьмись появляется твоя копия. Я читал, что те из них, кто не видел друг друга всю жизнь, никак не могли наговориться. Они узнавали друг в друге все – жесты, привычки, таланты, недостатки – всёсё... И были счастливы, как никогда ранее. Некоторые из этих историй особенно тронули меня, Малин... Помнишь, ты как-то говорила, что одно время Лео ходил как помешанный?

– Да, но... это продолжалось недолго. Скоро он вернулся в свое обычное состояние. – Микаэль кивнул. – А потом он уехал, и связь между нами оборвалась.

– Именно. Я помню об этом. А потом ты заметила в нем изменения, которые помогли мне помочь понять, что случилось.

Они остановились на платформе, где их уже ждал поезд.

– Даже не знаю, Микаэль, – вздохнула Малин. – Помнишь, я рассказывала тебе о неожиданной помолвке Лео с Юлией Дамберг?

– Она огорчила тебя, не так ли?

– Вовсе нет.

Микаэль пристально посмотрел на Малин. Он не верил ей.

– Скорее удивила. Юлия работала у нас много лет, а потом неожиданно уехала во Франкфурт, и долгие годы мы ничего о ней не слышали. Но в последние дни моей работы в «Эгрене» она вдруг позвонила и попросила соединить ее с Лео. Его не было на месте. Не думаю, что он потом ей перезванивал, потому что в то время редко отвечал на звонки. Но Юлия стала задавать мне странные вопросы...

– Например?

– Она спросила, знаю ли я, что на гитаре Лео играет едва ли не лучше, чем на рояле? «Он виртуозный гитарист», – повторяла она. До того мне не

приходилось слышать ни о чем подобном, и я решила расспросить обо всем самого Лео.

– И что ответил?

– Ничего. Покраснел как рак и рассмеялся. Это было в то время, когда он сиял, как солнце.

– Вот, значит, как...

Микаэль погрузился в раздумья. Слова «виртуозный гитарист» еще долго отдавались у него в голове. Потом он распрощался с Малин и сел в вагон.

Декабрь, полтора года назад

На пару дней он залег на дно. Сидел в своем номере на старой плавучей развалюхе или гулял по Шеппсхольмену или Юргордену. А иногда надевал серый тренировочный костюм и совершал пробежки. Вечерами пил больше обычного в гостиничном баре. А ночью, если не мог уснуть, вел дневник в красной кожаной обложке. В среду тринадцатого декабря он снова явился на Норрмальмсторг, но так и не решился приблизиться к дверям фонда. В пятницу взял с собой гитару и устроился с ней на скамейке напротив ресторана. Снег повалил еще сильнее, и Дэн мерз. Его одежда не годилась для такой погоды, но на другую у него не было денег. Их вообще осталось слишком мало, ведь Дэн уже давно не играл в джаз-группах. Сейчас он не мог думать ни о чем, кроме Лео. Все остальное казалось неважным.

В ту пятницу Лео покинул здание фонда раньше обычного. Завидев его фигуру в темно-синем кашемировом пальто с белым шарфом, быстро удаляющуюся по улице, Дэн поспешил следом. Наверное, он проявил неосторожность и подошел к Лео слишком близко, потому что возле кинотеатра «Парк» тот обернулся, словно почувствовал, что его преследуют. Но Дэна он не увидел. На улице было довольнолюдно, и Дэн – все в тех же солнечных очках и надвинутой на глаза шапке – успел отвести глаза в сторону площади Стуреплан.

Лео зашагал дальше. Он пересек Карлавеген. Возле малайзийского посольства на Флорагатан Дэн остановился, позволив Лео скрыться в подъезде своего дома. Дверь с грохотом захлопнулась, и Дэн остался на улице. Теперь ему не оставалось ничего другого, как ждать. Вероятно, долго – он знал это по своему прошлому опыту. Спустя несколько минут в квартире наверху зажегся свет. Для Дэна он был как сияние некоего высшего, недоступного ему мира. Потом послышались звуки рояля. Дэн узнал гармонии, и на его глазах выступили слезы. К тому времени он успел

порядком замерзнуть, к тому же подул сильный ветер. Где-то вдалеке завывали сирены. Дэн снял очки и приблизился к дому. Сзади слышались шаги. Оглянувшись, он увидел немолодую женщину в черной шляпе и ярко-зеленом пальто с мопсом на поводке.

– Не хочешь идти домой, Лео? – приветливо спросила она.

В первую секунду Дэн испугался, но быстро взял себя в руки и улыбнулся даме, как будто нашел ее реплику остроумной или как нельзя лучше соответствующей ситуации.

– Иногда сам не знаешь, чего хочешь.

– Это правда, – улыбнулась дама. – Но сейчас слишком холодно для философских прогулок. Давай все-таки войдем.

Незнакомка набрала код на домофоне, и спустя минуту оба они стояли возле лифта.

– Что это ты так странно вырядился? – с озорной улыбкой спросила она.

– Вот, отыскал в гардеробе кое-какое старье, – отвечал Дэн, пряча под смущением страх.

– Старье? – смеясь, переспросила она. – Я называю так свои лучшие наряды, когда напрашиваюсь на комплимент.

Дэн попробовал рассмеяться в ответ, но вышло неубедительно. Поэтому дама тоже закусил губу и посерьезнела. Теперь он почти не сомневался, что она разоблачила его обман. Дэн выдавал себя не только этими нелепыми трюками – каждым своим неуклюжим движением, жестом.

– Прости, Лео, – смутилась дама. – Я знаю, как тебе сейчас тяжело. Как Вивека?

По тону ее голоса Дэн понял, что ответ «хорошо» был бы неправильным.

– Так себе. – Он беспомощно развел руками и опустил голову.

– Все мы надеемся, что ей не придется долго страдать.

– Мы тоже.

Дэн уже понял, что не может ехать с ней в одном лифте.

– Пойду-ка я пешком, – сказал он. – Нужно хоть немного размяться.

– Ради бога, Лео, – снова оживилась дама. – Ты у нас быстрый, как газель. Обними за меня Вивеку. Передай, что я постоянно думаю о ней.

– Непременно передам, – отозвался Дэн, устремляясь вверх по ступенькам со своей гитарой.

По мере приближения к квартире Лео он замедлял шаг. Если его брат слышит хотя бы вполовину так же хорошо, как он, ему надо вести себя

тише мыши. Квартира Лео была одной-единственной на лестничной площадке последнего этажа, и это было хорошо. Дэн осторожно преодолел последние ступеньки и уселся на полу в коридоре, прислонившись спиной к стене. Что ему было делать дальше? В горле пересохло, сердце билось как сумасшедшее.

Чистота, запах свежей краски – все говорило о том, что дом заселен не так давно. Потолок был выкрашен под цвет голубого неба с белыми облаками. Кто рисует небо на потолках лестничной клетки?

За дверью слышались шаги, потом как будто звук телевизора. Кто-то выдвинул стул, открыл крышку рояля и тронул клавишу. Это была басовая «ля», основа. Лео как будто сомневался, стоит ли ему играть. Но вскоре полились звуки. Похоже, он импровизировал. Это был тревожный и меланхоличный пассаж, причем Лео, как и на концерте, который Дэн слышал в Интернете, делал акцент на шестом тоне минорной шкалы. Что это – ритуал или мания? Звучало, во всяком случае, вполне профессионально и даже изысканно. Настроение этой музыки быстро передалось Дэну. Он так расчувствовался, что даже пустил слезу.

Вскоре Дэн понял, почему его так растрогала эта музыка: она была его. Он узнавал свои гармонии. При этом Лео Маннхеймер, пожалуй, лучше его самого умел облечь их общую печаль в звуки. Общую печаль? Как ни странно было думать такое о нищем музыканте из Бостона и богатом счастливчике, тем не менее это было так. Только что Лео казался ему выходцем из чужого, более благополучного мира. Теперь Дэн узнавал в нем себя.

Он встал и на нетвердых ногах направился к двери. Сначала хотел просто позвонить, но вместо этого достал из футляра гитару и стал подыгрывать. Это оказалось совсем несложно – подобрать нужные аккорды. Манера Лео зависать над синкопами и заменять триоли отдельными «восьмушками» как нельзя лучше соответствовала его собственному стилю.

Дэн чувствовал себя... как дома. Он и сам не понимал почему. Как будто до этого тысячу раз играл с братом дуэтом. Было ли все дело в том, что Лео слышал не так хорошо, как он, или был всецело поглощен своей музыкой, – но их импровизация продолжалась вот уже несколько минут. Все оборвалось внезапно – посередине темы. Не то на фа-диезе, не то на приглушенной «ми».

Послышалось шевеление, а потом снова все стихло. Похоже, Лео замер за инструментом. Дэн тоже, и оба ждали, что же произойдет дальше. Дэн слышал тяжелое дыхание брата. Вскоре он заиграл снова – ту же тему,

но со своими вариациями. И тогда шаркнула ножка стула и послышались шаги. Дэн так и застыл с гитарой в руках – как нищий уличный музыкант на пороге богатого дома. Он прикрыл глаза, пока брат возился с цепочкой. Потом дверь распахнулась – и Лео его увидел. Взгляд брата выражал высшую степень непонимания.

– Кто вы? – спросил он – и тут же опустил голову, словно стыдился своего испуга.

Что должен был Дэн ответить на его вопрос?

– Меня зовут... – начал он и закончил фразу после долгой паузы, – Дэн Броуди. Я – джазовый гитарист и, похоже, ваш брат-близнец.

Лео не отвечал. Он побледнел как мел и, казалось, в любую секунду был готов рухнуть перед Дэном на пол.

– Я... – продолжил было Дэн, но тут же замолчал. Слова застревали в горле. – Я...

– Что?

Голос Лео дрожал. Говорить было выше его сил. Он с трудом подавлял в себе импульс развернуться и уйти. Дэн понял, что должен срочно что-нибудь сказать.

– Я слышал, как вы играли, – неожиданно для себя выпалил он.

– Да?

– Мне вас очень не доставало... всю жизнь...

Эти слова также вырвались у него сами собой. Дэн и сам не знал, насколько они правдивы.

– Не понимаю... – пробурчал Лео, – ничего не понимаю... – И... как давно вы обо мне знаете?

– Всего несколько дней.

– Ничего не понимаю... – продолжал Лео, протягивая ему дрожащую руку.

– Да, такое трудно понять. Это почти невероятно.

Дэн схватил его ладонь – смешная формальность в сложившейся ситуации.

– Я тоже... – начал было Лео и замолчал.

– Что?

Брат закусил губу, продолжая трясти его руку.

– ...чувствовал то же, что и вы, – объяснил он. – Войдете?

Дэн кивнул и неуверенно переступил порог самой шикарной из квартир, какие когда-либо видел в жизни.

Часть 3

Исчезнувший близнец

21–30 июня

Примерно у каждой восьмой беременной женщины есть шанс разрешиться двойней. Хотя в большинстве случаев один из зародышей погибает вследствие так называемого синдрома исчезнувшего близнеца. Другие теряют сестер и братьев на более поздних стадиях жизни – вследствие усыновления или ошибок в родильных учреждениях. Большинству разделенных пар никогда не суждено воссоединиться. Но известны случаи, когда разделенные близнецы впервые встречались друг с другом в зрелом возрасте. Что, к примеру, произошло с братьями Джеком Юфе и Оскаром Штором, впервые увидевшими друг друга на железнодорожной станции в 1954 году. Первый из них воспитывался в кибуце и некогда служил в израильской армии. Второй в свое время был активным членом гитлерюгенда. Скольким из нас еще недостает своей второй половины?

Глава 16

21 июня

Микаэль шел берегом реки по направлению к нючёпингскому отелю, представлявшему собой неприметное деревянное строение с коричневыми стенами и красной черепичной крышей. Это был даже не отель, а сельский домик для туристов, – как бы великолепно он ни смотрелся на берегу реки. В холле стоял макет ветряной мельницы. Стены украшали фотографии рыболовов-спортсменов в резиновых сапогах. На ресепшене девушка лет семнадцати в джинсах – очевидно, нанятая на лето – играла с мобильником. Микаэль было испугался, что она узнает его и растрезвонит о его появлении в какой-нибудь социальной сети. Но равнодушный взгляд девушки быстро его успокоил. Блумквист поднялся по лестнице на второй этаж и постучал в номер 214.

Часы показывали половину девятого вечера.

– Кто там? – спросил хриплый женский голос.

Микаэль представился – и она открыла.

В первую секунду Блумквист ужаснулся. Хильда фон Кантерборг выглядела чудовищно. С безумными глазами и торчащими в разные стороны волосами, она напоминала испуганного зверька. При том, что была довольно крупной дамой – с большой грудью и широкими плечами и бедрами, на которых непозволительно сильно натянулась ткань светло-голубого платья. На ее лбу и шее блестели капли пота. Кожа была покрыта пигментными пятнами.

– Очень любезно было с вашей стороны согласиться на встречу со мной, – сказал Микаэль.

– Любезно? – переспросила она. – Да я напугана. То, что вы рассказали Лотте, ужасно.

Микаэль попросил ее не уточнять, а сесть и успокоиться. Потом достал из сумки розовое вино и поставил на круглый дубовый столик возле открытого окна.

– Боюсь, оно нагрелось, пока я до вас добирался.

– Ничего, я пила и не такое.

Хильда удалилась в ванную, откуда вернулась с двумя дюралевыми бокалами.

– Не хотите составить мне компанию? – спросила она.

– Если вам это нужно, – уклончиво ответил Микаэль.

– Алкоголики не любят пить в одиночку. Так что можете считать это своей журналистской стратегией, – отозвалась Хильда, до краев наполняя его бокал.

Блумквист осушил его одним глотком, дабы убедить ее в серьезности своих намерений.

– Для начала я хотел бы гарантировать вам... – начал он, но Хильда тут же перебила:

– Никаких гарантий. Я скажу вам то, что считаю нужным, и только потому, что не в силах больше молчать.

Она осушила свой бокал и посмотрела ему в глаза. Все-таки эта женщина была по-своему очаровательна. В ней чувствовалась подлинная свобода – от всех условностей и общественного мнения. Рядом с такими дышится легче.

– Понимаю, – кивнул Блумквист. – Мне действительно не хотелось вас беспокоить, но... может, приступим прямо сейчас?

Она кивнула. Микаэль достал диктофон и нажал кнопку.

– Вы, конечно, знаете об Институте расовой биологии? – начала она.

– Господи, а кто о нем не знает? Чудовищное учреждение.

– Все так, но подождите возмущаться, господин звездный репортер. Все далеко не так плачевно, как вам представляется. Сейчас в нашей стране едва ли отыщется пара расовых биологов старой закваски, а сам институт расформировали еще в пятьдесят восьмом году. Но, как выяснилось, дело его не умерло. К сожалению, я узнала об этом слишком поздно. Когда меня привлекли к работе над «Проектом 9», я думала, что буду заниматься одаренными детьми, но... – Хильда опрокинула в рот остатки вина в бокале. – Не знаю даже, с чего начать...

– Просто говорите, – успокоил ее Блумквист. – Таким образом вы так или иначе все мне расскажете.

Хильда налила себе второй бокал, закурила сигарету «Голуаз» и озорно взглянула на гостя.

– Вообще-то курить в номерах запрещено. Но эту историю нельзя рассказывать без сигареты. Некоторые ученые уже в пятидесятые годы утверждали, что курить вредно, представляете?

– Совершенно невероятно! – театрально воскликнул Блумквист.

– Именно. Неудивительно, что у них была масса оппонентов. «Конечно, – говорили они, – курильщики часто болеют раком легких. Но ведь это совсем не обязательно связано с табаком. Возможно, если б они ели много зелени, эффект был бы тот же. Тут вы все равно ничего не

докажете». «Врачи курят “Кэмел”» – была тогда такая реклама. А потом Хамфри Богарт и Лорен Бэколл^[43] убедили нас окончательно, что курить – это круто. Тем не менее здесь есть что возразить, и эти аргументы не мелочь. Министерство здравоохранения Великобритании в последние два десятилетия пятнадцать раз регистрировало удвоение количества смертей от рака легких. И вот в Каролинском институте в Стокгольме проблему решили исследовать при помощи близнецов. Близнецы – идеальный материал для изучения влияния на человеческий организм генетики и среды. За каких-нибудь два года составили список с одиннадцатью тысячами близнецов. Испытуемых проверяли на предмет склонности к табаку и алкоголю. В целом опыт убедил нас, что курение и пьянство – не такое уж веселое дело, как может показаться на первый взгляд.

Хильда коротко рассмеялась, сделала глубокую затяжку и еще раз глотнула розового вина.

– Но этим дело не кончилось, – продолжала она. – Список пополнялся новыми именами, в том числе и близнецов, которые не проживали вместе. В тридцатые годы многих близнецов в Швеции разлучали при рождении, по причине бедности. Некоторые из них встретились потом в зрелом возрасте. Это был уникальный генетический материал, и не только для изучения различных болезней и их причин. Теперь у исследователей появилась возможность на новом уровне задаться некоторыми вечными вопросами. А именно: «Что есть человек? Какова роль генетики и среды в формировании личности?»

– Я читал об этом, – отозвался Микаэль, – и знаю о Национальном генетическом реестре. Все это было совершенно официально, разве не так?

– Абсолютно. Это были действительно важные исследования, но я хочу рассказать их предысторию. Пока реестр близнецов пополнялся, Институт расовой биологии сменил вывеску и стал называться Институтом медицинской генетики. Кроме того, он стал частью Уппсальского университета. Ян Арвид Бёёк, его последний директор, из профессора расовой биологии стал профессором медицинской генетики. И это было не просто сменой вывески. Наконец-то ученые господа стали заниматься тем, что хотя бы отдаленно походило на науку, – а не измерять человеческие черепа, подгоняя результаты под германошведскую расовую теорию.

– Но старые списки цыган и прочих нацменьшинств все еще сохранились?

– Они все еще сохранились, но не это самое страшное.

– А что?

– Сохранился сам подход. Возможно, не существует расы,

превосходящей все остальные. Не исключено даже, что никаких человеческих рас не существует вообще. Тем не менее некоторые представители шведской нации почему-то трудолюбивее и способнее других. Почему? Неужели благодаря самому правильному на свете шведскому воспитанию? В любом случае в этом деле следует навести ясность. Заодно и определиться с тем, как нам следует воспитывать таких правильных шведов, которые не пьют розового вина и не курят «Голуаз».

– Звучит, во всяком случае, подозрительно.

– Нет, времена, конечно, изменились. И те, кто впадал в крайности в расовом направлении, теперь впадает в крайности в другом. И команда, прежде преданная расовым теориям, теперь уверовала в Маркса и Фрейда. Они называли себя Институтом медицинской генетики – и тем самым только подчеркнули свою преемственность. Но теперь в приоритете оказались социальные факторы. Собственно, в этом нет ничего плохого. Особенно сейчас, когда классовые барьеры становятся все более непроницаемыми. Профессор социологии Мартин Стейнберг выводил личность из внешних обстоятельств. Тип личности матери плюс социальные факторы – вот и все, что формирует нас... Каждому понятно, что это далеко не так. Человек намного сложнее. Тем не менее господа из Института продолжали экспериментировать с целью установить, какая среда благоприятствует разведению самых совершенных шведов. Реестр близнецов стал их опорой. А потом появился американский психоаналитик Роджер Стаффорд...

– Я читал о нем.

– Это я слышала от Лотты. Но ведь вы никогда с ним не встречались, верно? Это был невероятно харизматичный тип, украшение любого светского салона. На женщин группы он производил неотразимое впечатление. Особенно на одну, ее звали Ракель Грейтц. Она тоже была психиатр и психоаналитик, и Ракель... о ней я могу рассказывать долго. Ради Ричарда Стаффорда она могла сделать все, что угодно. Не говоря о том, чтобы двигать его работу. И вот однажды ей пришла в голову идея искусственно разделять близнецов и помещать их в семьи с диаметрально противоположным социальным статусом. Напомню, что целью эксперимента было получение идеальных во всех отношениях шведов. Поэтому исходный материал отбирали особенно тщательно. Подходящих детей отыскивали в самых темных углах с фонарями. В ход пошли старые списки цыган и других кочевников, а также саамов, среди которых в первую очередь обращали внимание на людей, которых даже расовые биологи не решились подвергнуть принудительной стерилизации^[44]. Искали мужчин и женщин с высокими показателями интеллекта или

какими-либо другими выдающимися способностями, у которых рождались близнецы. Группа хотела – как бы цинично это ни звучало – получить самый первосортный материал для исследований.

Тут Микаэль вспомнил талантливого гитариста, которого называла ему Лисбет.

– И среди разделенных пар были Лео Маннхеймер и Даниэль Бролин?

Хильда фон Кантерборг молча смотрела в окно.

– Да. И это из-за них вы пришли сюда, ведь так? – Она перевела взгляд на Микаэля. – Не слишком умно было рассказывать Лотте, что Лео больше не Лео. Хотя... по правде говоря, я в это не верю. Не могу поверить. Вы знаете, что Андрес и Даниэль Бролин, – так их когда-то звали – вышли из невероятно музыкальной цыганской семьи. Их мать Розанну природа одарила просто фантастическим голосом. Сохранились записи ее песен. Розанна поет «*Strange Fruit*» Билли Холидей так, что сердце просто рвалось из груди. Она скончалась спустя несколько дней после появления братьев на свет от родильной горячки. Розанна никогда не училась в гимназии, но нам удалось найти ее аттестат за курс средней школы. Она была первой во всем. Отца звали Кеннет. Он страдал маниакально-депрессивным психозом, но виртуозно играл на гитаре. Судя по всему, не отличался ни агрессивностью, не бесчувственностью. Обыкновенный пьяница, которому оказалась не по силам забота о близнецах. Поэтому братьев и поместили в детский дом в Йевле, где они попали на глаза Ракель Грейтц, которая их разлучила. Не знаю и не хочу знать, каким образом она и Мартин Стейнберг отыскивали эти несчастные пары. Но с Даниэлем и Андресом, которого потом окрестили Лео, все получилось особенно ужасно.

– То есть?

– В этом была какая-то чудовищная несправедливость. Даниэль еще несколько лет оставался в детском доме, прежде чем попал в лапы одного недалекого фермера где-то за Хюдиксваллем, которому в хозяйстве требовались рабочие руки. Нет, жена у фермера была, но она исчезла вскоре после появления в семье мальчика. И то, что происходило дальше, мы можем с уверенностью назвать эксплуатацией детского труда. Даниэль и его приемные братья работали с утра до вечера, не имея порой возможности даже посещать школу. Лео же при этом попал в богатую и влиятельную семью в Нокебю.

– То есть к Херману и Вивеке Маннхеймер?

– Совершенно верно. Херман был достаточно влиятелен, чтобы стереть Мартина Стейнберга в порошок. Одним из неопременных условий эксперимента было, чтобы приемные родители ничего не знали о

происхождении детей, в особенности о том, что у них есть братья или сестры. Но Херман Маннхеймер был слишком крупной фигурой. А может, имел своего человека в группе... Так или иначе Мартин прогнулся. Вернее сказать, сломался. Он взял с Хермана слово молчать и рассказал ему все. Вышло только хуже. Херман Маннхеймер с детства презирал цыган и прочих «бродяг», как он выражался. Поэтому стал мучиться сомнениями и в конце концов, втайне от Ракель и Мартина, спросил совета у своего компаньона Альфреда Эгрена.

– Теперь я понимаю, – сказал Микаэль. – И каким-то образом тайну Лео узнал Ивар Эгрен.

– Да, но это случилось позже. А тогда Ивар страшно завидовал талантам Лео, которого считали куда более перспективным специалистом. И – об этом не стоит забывать – уже в то время делал все возможное, чтобы сместить Лео и посадить на его место кого-нибудь другого. Вокруг семейства Маннхеймеров образовалось нечто вроде минного поля, и тогда на помощь призывали моего коллегу Карла Сегера.

– Но если Херман Маннхеймер был таким неисправимым идиотом, зачем он вообще взял мальчика?

– Херман был реакционером в худшем смысле этого слова, однако не бессердечным циником. Я уверена в этом, несмотря на все то, что случилось с Карлом. Но Альфред Эгрен... это порядочная свинья и расист. Разумеется, он стал отговаривать Хермана. И тот непременно послушался бы, не поспей вовремя документы о невероятной моторике и прочих выдающихся способностях мальчика. Кроме того, Вивека была без ума от этого ребенка.

– То есть Лео считался вундеркиндом уже тогда?

– Можно сказать и так. Видели бы вы этого семимесячного младенца с сияющими глазами – о каких сомнениях можно было говорить!

– Но в персональном акте Лео Херман Маннхеймер значится его биологическим отцом. Не понимаю, как они с Вивекой выкрутились, ведь ребенок был усыновлен достаточно поздно.

– Разумеется, ближайшие друзья и соседи Маннхеймеров знали правду. Но молчание стало для них делом чести. Всем было известно, как тяжело переживала Вивека невозможность иметь собственных детей.

– А сам Лео знал, что он усыновлен?

– Он узнал об этом в возрасте семи или восьми лет, когда сыновья Альфреда Эгрена стали его дразнить. Вивеке пришлось рассказать ему все. Но она просила Лео сохранить все в тайне – ради чести семьи.

– Понимаю.

– Такие семьи обычно заботятся о своей чести.

– Но Лео страдает гиперакузией...

– Он страдает от того, что мы сегодня называем гиперчувствительностью. Он невероятно чувствительный. Окружающий мир всегда был для него слишком груб, поэтому Лео так любил уединение и рос одиночкой. Иногда мне кажется, что Карл был его единственным другом. На том этапе работы ни я, ни Карл, ни другие молодые психологи и не подозревали о сути эксперимента. Мы полагали, что занимаемся группой одаренных детей. Не знали даже, что имеем дело с близнецами. Дело организовали так, что каждый из нас встречался только с одним из представителей пары. Но постепенно правда стала доходить и до нас, до кого раньше, до кого позже, я бы так сказала. Карл переживал ее особенно тяжело, потому что имел дело с Лео. Остальные близнецы как ни в чем не бывало жили порознь, но Лео оказался особенным. Как и остальные, он не знал о существовании брата-близнеца, однако остро ощущал его отсутствие. И Карл, быть может, страдал не меньше его. «Я этого не вынесу», – повторял он. И постоянно спрашивал меня о Даниэле. Я отвечала, что тот тоже мучается одиночеством и проявляет признаки депрессии. «Мы должны им все рассказать», – ответил на это Карл. Тогда я объяснила ему, что тем самым мы испортим все дело. Но Карл продолжал настаивать и в конце концов совершил самую большую ошибку в своей жизни. Он пошел к Ракель и...

Тут Хильда открыла вторую бутылку, хотя первая еще не была выпита.

– ...Ракель Грейтц, – продолжала она, – выглядит человеком, на которого можно положиться. Но Лео она лгала всю жизнь. Они общались все эти годы – рождественские обеды и все такое... Но на самом деле Ракель была холодна как лед. Именно из-за нее я торчу в этом отеле под чужим именем, дрожу от страха и пью вино. Она всегда держала меня под прицелом – то запугивала, то задабривала. Она гналась за мной по пятам, когда я бежала сюда. Я видела ее на улице...

– Итак, Карл пошел к ней, – напомнил Микаэль, чтобы направить разговор в нужное русло.

– Да, он выпятил грудь и объявил, что откроет близнецам правду, чего бы это ему ни стоило. Спустя несколько дней он был застрелен на охоте, как дикий зверь.

– То есть вы полагаете, что это было убийство?

– Не знаю. Я всегда отрицала это. Наверное, просто боялась признаться себе в том, что имела дело с убийцами.

– Но вы всегда это подозревали, разве не так?

Хильда не отвечала. Она пила свое розовое вино и смотрела в окно.

– Я читал материалы следствия, – продолжал Микаэль. – Для меня все выглядело подозрительным уже тогда, а теперь появился и мотив. Здесь не обошлось без вмешательства Маннхеймера, Эгрена, Грейтц – всей этой клики. Другого объяснения я найти просто не могу. Они рисковали. Они боялись, что их преступный замысел откроется, когда самые близкие друг другу люди разделялись, словно ножом по живому... Они были вынуждены пойти на этот шаг ради спасения своей репутации.

Хильда фон Кантерборг посмотрела на него испуганно и ответила далеко не сразу.

– Но цена... она оказалась слишком высока. Лео так и не стало лучше. Несмотря на все те деньги, которые потратили на его лечение. Они не сделали его счастливым. Его самооценка так и осталась низкой. Он с неохотой вошел в семейный бизнес, где позволял любому идиоту, вроде Ивара Эгрена, издеваться над собой.

– А его брат, Даниэль?

– Этот оказался сильнее. Возможно, именно потому, что ему пришлось тяжелей. Все, что доставалось Лео задаром – книги, музыка, образование, – Даниэль вырывал у судьбы зубами. Ему выпала нелегкая доля – ненавистная работа, побои братьев... Он всегда чувствовал себя изгоем, одиночкой.

– Что с ним случилось?

– Он бежал от отчима и вышел из эксперимента. Меня, как вы знаете, тоже попросили из группы. Так что могу только догадываться, что случилось с Даниэлем дальше. Накануне ухода я наводила о нем справки в Академии музыки в Бостоне. С тех пор я ничего о нем не слышала, пока...

– Пока что?

Микаэль понял, что беседа подошла к кульминационному моменту. Он почувствовал это по тому, как Хильда вертела в руках бокал, и по дикой искорке, вдруг загоревшейся в ее глазах.

– Что?

– Я сидела дома и пила. Это случилось в декабре, полтора года назад. Просто открыла утреннюю газету и решила пропустить бокал-другой. В этот момент зазвонил телефон. Руководство проекта запрещало нам представляться детям под своими настоящими именами, насчет этого указания были самые строгие. Но я... я пила уже тогда... и, наверное, поэтому, а может, просто по забывчивости несколько раз назвала Даниэлю свое настоящее имя. Поэтому ему и раньше удавалось выйти со мной на связь. И вот он позвонил опять, на этот раз совершенно неожиданно. И

сказал, что все понял.

– Что понял?

– Что у него есть Лео, брат-близнец.

– Зеркальный близнец, ведь так?

– Да, только тогда он этого не знал. Это вообще не имело никакого значения – на том этапе, по крайней мере. Даниэль был страшно взволнован и спрашивал меня, знала ли я. Что я могла ему на это сказать? Я долго не решалась, но потом ответила утвердительно, и он долго молчал. Наконец сказал, что никогда не сможет меня простить, и положил трубку. Мне хотелось кричать, упасть на пол и умереть. Его номер отобразился у меня на дисплее, поэтому я перезвонила. А потом приехала в тот отель в Берлине и спросила Даниэля Бролина. Я пыталась выйти на него всеми правдами и неправдами. Но у меня ничего не вышло.

– Думаете, они с Лео встретились?

– Не могу в это поверить, несмотря ни на что.

– Почему вы так говорите?

– Потому что иначе быть просто не могло. Многие из наших близнецов встретились уже взрослыми. Это почти неизбежно в эпоху «Фейсбука» и «Инстаграма». Сейчас информация распространяется быстро, да и журналисты любят такого рода истории. Но никто из наших близнецов так и не узнал о проекте. В каждом отдельном случае находилось объяснение – пусть ложное, но подготовленное с самого начала. Ну, а журналистов, как всегда, интересовал только сам момент встречи. Поэтому до сих пор никто из экспериментаторов не пострадал. Ничья репутация не была замарана, никто не понес ответственности. Честно говоря, не представляю себе, как вам удалось докопаться до сути. В случае с Лео и Даниэлем все, как никогда, строго придерживались подписки о неразглашении.

Микаэль глотнул розового вина, хотя и не любил его, и задумался, как бы поточней сформулировать ответ. Он прозвучал в сочувственном тоне:

– Полагаю, Хильда, вы выдаете желаемое за действительное. Лично я почти уверен, что они встретились. Но кое-что меня настораживает. Один из моих друзей хорошо знает Лео Маннхеймера, – предосторожности ради Микаэль заговорил о Малин в мужском роде. – И он утверждает, что из левши Лео вдруг стал правой. Я уже говорил об этом вашей сестре. Кроме того, за неправдоподобно короткий срок он превратился в настоящего виртуоза игры на гитаре.

– То есть сменил инструмент! – Хильда даже вздрогнула от неожиданности. – И теперь вы хотите сказать...

– Я всего лишь спрашиваю вас, какие выводы вы сделали бы сами,

если б не прятали голову в песок, как страус.

– Ну... я бы... если, конечно, вы говорите правду... предположила бы, что Лео и Даниэль поменялись местами.

– С какой стати?

– Ну... – Хильда морщила лоб, подыскивая слова. – Оба они в высшей степени одаренные личности. К тому же склонны к меланхолии. Сменить контекст – мне кажется, это было бы интересно для них обоих. Помню, Карл говорил о том, что Лео чувствует себя пленником той роли, которую вынужден играть в обществе и которая совершенно не соответствует его натуре.

– А Даниэль?

– Даже не знаю... Но полагаю, ему тем более было бы интересно окунуться в мир Лео.

– Он ведь был страшно зол на вас, когда разговаривал по телефону? Неудивительно. Бедняжка был батраком на ферме, в то время как Лео рос в богатом доме...

– Все это так, но... – Хильда посмотрела на бутылку, словно испугалась, что вина в ней осталось ненадолго. – Вы должны помнить, что оба мальчика – невероятно чувствительные натуры с сильно развитой эмпатией. Мы с Карлом часто говорили об этом. При этом они буквально созданы друг для друга. Так что их встреча, если она и в самом деле произошла, должна была вылиться в поистине фантастическое событие. Самое яркое из того, что когда-либо происходило с каждым из них.

– То есть вы совершенно не допускаете неприятных моментов их знакомства?

Хильда покачала головой. Слишком напряженно, как показалось Микаэлю, для уверенного отрицания.

– Вы рассказывали кому-нибудь о звонке Даниэля?

Хильда молчала, зажигая новую сигарету от окурка старой.

– Нет, – ответила она. – Я не имею больше дела с Национальным реестром. Кому же мне было рассказывать?

– Но вы сами только что говорили, что к вам нередко заходила Ракель Грейтц.

– Ей я тем более ничего не стала бы сообщать. Я и без того боялась ее достаточно.

Микаэль задумался, подыскивая лучшую формулировку для следующей просьбы. В результате она прозвучала резче, чем ему хотелось.

– Вы должны разъяснить мне еще одну вещь.

– Это касается Лисбет Саландер?

- Откуда вы знаете?
- Но... вы работаете вместе и, кажется, не делаете из этого тайны.
- Она тоже была замешена в ваш проект?
- Да. И причиняла Ракель Грейтц больше неприятностей, чем все остальные, вместе взятые.

Декабрь, полтора года назад

Итак, Лео Маннхеймер впустил в квартиру человека, как две капли воды похожего на него. На госте было потрепанное черное пальто с меховым воротником, серые костюмные брюки и выдавшие виды красно-коричневые ботинки. В прихожей он снял шапку и пальто и положил на пол гитару. Лео не носил таких пышных бакенбардов и не имел такого румянца, но эти различия лишь подчеркивали их пугающее сходство. Это было все равно что увидеть себя в новом обличье. У Лео Маннхеймера закружилась голова и по спине потекли струйки холодного пота. Глядя на руки и пальцы незнакомца, его так и тянуло подвести того к зеркалу. Чтобы сличить каждую морщинку, каждую складку на их лицах.

Но еще больше не терпелось ему наброситься на гостя с расспросами. Говорить и говорить, выплескивая на него все свои сомнения и страхи. Он вспомнил об их слаженном дуэте. Этому человеку всю жизнь недоставало Лео, боже мой! Как это походило на ощущения самого Лео, которому всегда казалось, что он присутствует в мире не полностью...

- Но... как такое возможно? – начал было он и запнулся.
- Я полагаю... – пробурчал незнакомец.
- Что ты полагаешь?
- Что мы жертвы некоего эксперимента.

Лео с трудом понимал, что он такое говорит. Ему припомнился тот солнечный осенний день и разговор Карла с отцом на лестнице. Он покачнулся, падая на красный диван под полотном Брура Юрта^[45]. Гость опустился в кресло рядом до того знакомым движением, что Лео снова вздрогнул.

- Я догадывался, что здесь что-то не так, – пробормотал он.
- Ты знал, что тебя усыновили?
- Мама рассказывала мне об этом, – кивнул Лео.
- Но при этом ты не подозревал о моем существовании?
- Абсолютно, правда...
- Что?
- Я что-то такое чувствовал... Иногда видел во сне. Я думал, искал разные объяснения... Где ты вырос?

– У одного фермера, неподалеку от Хюдиксвалля. Потом переехал в Бостон.

– В Бостон, – механически повторил Лео.

Он не знал, чье это сердце стучит так громко, его или мужчины в соседнем кресле.

– Хочешь чего-нибудь выпить? – предложил Лео.

– Не откажусь.

– Тогда, может, шампанского? Хорошо согревает кровь.

– Звучит заманчиво.

Лео поднялся и направился было на кухню, но остановился на полпути, сам не зная зачем. Он был слишком смущен, сбит с толку, чтобы понимать, что делает.

– Прости, – пробормотал он.

– За что?

– Я был в шоке. Я... я даже не спросил, как тебя зовут.

– Дэн, – ответил мужчина. – Дэн Броуди.

– Дэн, – одними губами повторил Лео. – Дэн...

Он вернулся с бутылкой «Дом Периньон» и двумя бокалами, но разговор еще долго не клеился. Снаружи падал снег. Там раздавались веселые голоса и музыка, сигналили автомобили. Братья улыбались, осушая бокал за бокалом, и постепенно открывались друг другу. Вскоре они заговорили на темы, которые ни с кем прежде не решались затрагивать. Их беседа становилась все непринужденнее, развиваясь в самых непостижимых направлениях. Они и сами не заметили, как стали перебивать друг друга, захлебываясь словами, которых все равно казалось мало. Их беседа затянулась за полночь и перекинулась на утро. Лишь изредка они прерывались, чтобы перекусить или поиграть дуэтом. Их музыкальные паузы длились порой часами, и эти часы были для Лео счастливейшими в жизни.

Он привык к одиночеству. Ежедневно музицировал подолгу, но всегда один. Дэну же приходилось играть и с любителями, и с виртуозами-профессионалами, с упрямыми и податливыми, чуткими и тугоухими, «узкими специалистами» и теми, кому удалось освоить все разновидности джаза. Иные из них могли сменить тональность посередине пассажа и улавливали малейшее изменение ритма. Но никогда еще у него не было столь понимающего партнера, который на ходу улавливал бы любую его идею. Они ведь не только плакались друг другу в жилетку, но обменивались опытом по части музыки. Несколько раз, не в силах совладать с возбуждением, Лео взбирался на стул и провозглашал самые

неслыханные тосты.

– Я счастлив! – кричал он. – Ты такой замечательный, ты чертовски замечательный!

У Лео словно выросли крылья. Никогда он еще не бывал так дерзок в своих импровизациях. Дэн, пожалуй, был профессиональнее его, но Лео добавлял его музыке огня. Иногда братья музицировали, не прерывая беседы.

Каждый из них, рассказывая другому о своей жизни, открывал в ней нечто такое, чего не видел раньше. Казалось, их истории сливаются, придавая одна другой новые оттенки. Причем далеко не всегда – как ни тяжело было Дэну сознаваться в этом – приятные. Иногда он завидовал брату. Вспоминал, как голодал в детстве, и свой побег из дома фермера... В голове крутилась одна-единственная фраза Хильды фон Кантерборг, сразу запавшая ему в голову: «Наше дело – изучать, а не вмешиваться». А когда Лео стал рассказывать ему, что вынужден был стать совладельцем – «вынужден был стать совладельцем!» – фонда Альфреда Эгрена, вместо того чтобы заниматься музыкой, Даниэля впервые захлестнула волна праведного гнева. Он справился. Поводов для радости и умиления было куда больше. Это Рождество стало самым счастливым в жизни обоих. Встретить брата-близнеца, который думает, чувствует, слышит так же, как и ты, – возможно ли большее чудо! А музыка! О ней они могли говорить до бесконечности, увлекаясь, захлебываясь, углубляясь в им одним понятные темы. Под конец уже и Дэн взбирался на стул и провозглашал тосты.

Они поклялись отныне никогда не разлучаться. Они дали друг другу еще немало высокопарных клятв, которые тем не менее помогли им понять, что же произошло на самом деле. Они во всех подробностях обсудили «докторов», которые навещали их в детстве, – их вопросы, тесты, фильмы. Дэн первым делом вспомнил о Хильде фон Кантерборг, а Лео рассказал о Карле Сегере и Ракель Грейтц, которая поддерживала с ним связь на протяжении всей жизни.

– Ракель Грейтц? – переспросил Дэн. – Как она выглядит?

И когда Лео рассказал ему о родимом пятне на шее, Дэн так и застыл с разинутым ртом. Он понял, что тоже видел Ракель Грейтц. Этот момент запомнился ему на всю жизнь. Было семнадцатое декабря, одиннадцать часов вечера. Улица лежала темная и тихая, даже снегопад к тому времени прекратился; где-то далеко тарахтели снегоуборочные машины...

– Тебе не кажется, что она немного ведьма? – спросил Дэн.

– Пожалуй, – вздохнул Лео. – Во всяком случае, в ней есть что-то жуткое. Мне всегда было не по себе рядом с ней.

- Тем не менее вы продолжаете встречаться.
- Мне трудно ей отказать, – виновато ответил Лео.
- Понимаю, – кивнул Дэн.
- И потом, Ракель была единственным связующим звеном между мной и Карлом. Она много мне о нем рассказывала. Она знала, что я хотел бы от нее услышать. На следующей неделе мы с ней встречаемся за рождественским обедом.
- И ты никогда не спрашивал ее о своем происхождении?
- Тысячи раз, но она всегда повторяла одно и то же.
- ...что тебя оставили в детском доме в Уппсале и твои биологические родители неизвестны.
- Я звонил в этот чертов детский дом, и там подтвердили эту информацию.
- А насчет цыган?
- Ракель говорила, что это пустые сплетни.
- Она лгала.
- Понятное дело. – Лицо Лео исказила злобная гримаса.
- В этой паутине Ракель – что-то вроде паука, тебе не кажется?
- Может быть.
- Мы с тобой должны это выяснить.

Так в доме на Флорагатан был заключен их тайный союз, целью которого была месть. И когда воскресный вечер перешел в ночь, неожиданно сменившуюся утром понедельника, братья поклялись никому не рассказывать об этой их встрече. После рождественского обеда Лео должен был пригласить Ракель к себе домой и усыпить ее бдительность, в то время как Дэн спрячется в соседней комнате. И дальше братья перейдут ко второму пункту своего коварного плана.

* * *

Хильда фон Кантерборг пила один бокал за другим, но, казалось, совсем не пьянела. Тем не менее она дрожала как осиновый лист. На лбу и груди блестели капли пота.

– Ракель Грейтц и Мартин Стейнберг, как и всегда, работали и с однопяцевыми близнецами, и с «двойняшками». Эти группы подлежали сравнению. Лисбет Саландер и ее сестра Камилла были включены в один из реестров Института медицинской генетики. Как объекты исследования, девочки казались идеальны. К матери Агнете также не возникло никаких

претензий, но что касается отца...

– Он был настоящим монстром, – подсказал Микаэль.

– Высокоодаренным монстром, добавила бы я. И это делало девочек особенно интересными. Ракель хотела разлучить их, она была просто одержима этой идеей.

– Несмотря на то что обе девочки жили в родительском доме с матерью...

– Несмотря на это. Прошу понять меня правильно, я нисколько не защищаю Ракель, но... аргументов определить Лисбет в приемную семью находилось более чем достаточно. Отец, Залаченко, был буйный алкоголик.

– Его история мне хорошо известна.

– Я знаю, что она хорошо вам известна. Это был самый настоящий ад, Микаэль. Дело не только в буйстве отца и непрестанном насилии. Камилла с самого начала оставалась любимой дочерью Залаченко, и это наложило роковой отпечаток на отношения между сестрами. Сделало их врагами едва ли не с самого рождения.

Микаэль вспомнил Камиллу и убийство своего молодого коллеги Андрея Зандера и глотнул вина.

– Таким образом, – продолжала Хильда фон Кантерборг, – имелись все основания поместить сестер в разные семьи.

– Но Лисбет любила маму, – заметил Блумквист.

– Поверьте мне, я достаточно знала эту семью, – возвысила голос Хильда. – Быть может, Залаченко и удалось сломить Агнету, и в его присутствии она вела себя тише воды ниже травы. Но в отношении своих детей эта женщина была борцом! Ей угрожали. Ей предлагали деньги. Она получала неприятные письма с печатями государственных организаций, но упорно отказывалась участвовать во всем этом. «Лисбет останется со мной, – таков был ее неизменный ответ. – Я не предам ее». Она упиралась руками и ногами, благодаря чему процесс затянулся дольше, чем следовало. А дальше – с какой стороны ни посмотри – разлучать девочек стало поздно. Но Ракель не хотела сдаваться и вызвала меня в качестве посредника.

– Что же произошло?

– Мне трудно об этом говорить, потому что к тому времени я успела хорошо сблизиться с Агнетой. Мы стали подругами. Я так же, как она, боролась за то, чтобы Лисбет осталась с ней. Но Ракель упорствовала, и однажды вечером появилась у меня в сопровождении своего великана, Беньямина Форса.

– Это еще кто такой?

– Бывший социальный работник и верный пес Ракель Грейтц. Не бог

весть какой интеллектуал, зато ростом под два метра, широк в плечах и не в меру лоялен по отношению к своей начальнице. В свое время она помогла ему, когда Форс потерял сына в автокатастрофе, и за это он готов ради нее на все. Беньямину что-то около пятидесяти пяти, но он по-прежнему в прекрасной форме. Вообще, он по-своему чувствителен и даже нежен, иногда до смешного... Но Ракель от него нужно совсем другое. И в тот вечер на Лундагатан... – Хильда запнулась и глотнула розового вина.

– Да?

– Стоял октябрь, и было довольно холодно. Собственно, все произошло спустя несколько дней после гибели Карла. В тот день я ушла на вечер его памяти, что, конечно, не было случайным совпадением. Ракель тщательно спланировала и подготовила всю операцию. Камилла ночевала у подружки; дома были только Агнета и Лисбет. Девочке на тот момент исполнилось шесть лет. У нее ведь день рождения в апреле, если не ошибаюсь? Так вот... Мать с дочерью пили на кухне чай с тостами, и снаружи, на Шиннарвиксбергет, сильно мело.

– Откуда вы все это знаете?

– У меня целых три источника. Наш официальный рапорт – наименее надежный из них. Кроме него – версия Агнеты. Мы много говорили с ней о том вечере.

– А третий источник?

– Сама Лисбет.

Микаэль взглянул на нее с удивлением. Он знал, как неохотно Лисбет рассказывает о своей жизни. Сам Блумквист до сих пор ничего не слышал об этом вечере. Даже от Хольгера Пальмгрена.

– Так что же все-таки там произошло?

– Должно быть, тому минуло вот уже десять лет, – продолжала Хильда фон Кантерборг. – Тогда Лисбет много спрашивала меня о своей матери, и я рассказывала ей все, что могла. Я представила Агнету как сильную и умную женщину, и Лисбет это явно понравилось. Мы долго беседовали с ней у меня дома, в Сканстулле, прежде чем Лисбет рассказала мне эту историю. Для меня это было как удар ниже пояса.

– А Лисбет знала, что вы имели отношение к Национальному реестру?

– Нет, – отвечала Хильда, открывая третью бутылку. – Она ничего не знала. Даже имени Ракель Грейтц никогда не слышала. Она полагала, что все это – злоупотребления органов опеки. Об опытах над близнецами ей также ничего не было известно. И я... – Хильда в задумчивости постучала по своему бокалу.

– Вы утаили от нее правду.

– Я была связана подпиской о неразглашении, Микаэль. Кроме того, я не хотела последовать за Карлом.

– Понимаю, – кивнул Блумквист.

Он отдавал ей должное. Он понимал, чего ей стоило решиться на эту встречу, и не осуждал ее.

– Так что же там все-таки произошло? – повторил журналист.

– На Лундагатан, вы имеете в виду?

– Да.

– Дул сильный ветер, как я уже сказала. Папаша побывал дома за день до того, поэтому у Агнеты были синяки на животе и ниже. Они с Лисбет пили чай на кухне. Когда позвонили в дверь, обе очень испугались, потому что подумали, что вернулся Залаченко.

– Но это была Ракель Грейтц, – догадался Микаэль.

– Ракель с Бенъямином, что было немногим лучше. Ракель объявила с порога, что забирает Лисбет. Якобы чтобы ее защитить, и сослалась на какие-то статьи в законе. А потом началось самое ужасное.

– То есть?

– Лисбет поняла, что ее обманывают, но что она могла сделать? Поначалу, когда Ракель Грейтц приносила ей разные тесты, Лисбет ей верила. Ракель... видите ли... о ней можно говорить разное, но она буквально излучала силу и власть – с этим невозможно поспорить. Высокая, прямая и с этим пылающим родимым пятном на шее, она выглядела как королева. Полагаю, Лисбет очень надеялась, что такая женщина сможет обуздать папу и помочь ей и Агнете. Это потом она поняла, что Ракель не лучше других.

– Которые молча наблюдали за тем, как Залаченко издевается над женой.

– Именно. А теперь Ракель вызвалась увезти Лисбет в безопасное место. Лисбет! Ракель даже достала шприц с «Диазепамом». Решила усыпить девочку, чтобы избежать ненужных проблем. И тут Лисбет словно сошла с ума. Она укусила Ракель за палец, забралась на стол в гостиной, который стоял возле стены, открыла окно и выпрыгнула наружу. По счастью, они жили всего лишь на втором этаже. Но Лисбет – маленькая, хлипкая девочка – пролетела два с половиной метра. На ней были джинсы, футболка – и никакой обуви, только чулки. А на улице, как я уже сказала, была буря. Лисбет приземлилась на ноги, на корточки, но ее занесло вперед, так что она ударилась головой. Правда, тут же поднялась и убежала. Так она бежала и бежала, спотыкаясь и петляя, – вниз, к Шлюзу и Гамла Стану, пока не оказалась на площади Мюнторгет, возле Замка,

совершенно продрогшая и насквозь промокшая. Думаю, тогда она переночевала в каком-нибудь подъезде. В общей сложности она провела на улице два дня, – Хильда вздохнула. – Послушайте...

– Что?

– У меня был такой тяжелый день... Не могли бы вы спуститься на ресепшен и принести еще пару бутылок пива? Так хочется чего-нибудь холодненького...

Микаэль набычился, однако кивнул и вышел в коридор. Он спустился в холл, где, к своему удивлению, не только прикупил шесть бутылок «Карлсберга», но и умудрился отправить зашифрованное сообщение следующего содержания: «Женщину с родимым пятном на шее, которая хотела тебя забрать, зовут Ракель Грейтц. Она психоаналитик и психиатр и некогда занималась Реестром». Убедившись, что всё в порядке, Микаэль вернулся в номер Хильды фон Кантерборг, чтобы дослушать ее историю.

Глава 17

21–22 июня

Лисбет отмечала свое освобождение в баре ресторана «Опера», но вечер не клеился. Слева от нее веселилась группа девушек в белых венках – вероятно, свита невесты. Их залиvistый смех – совсем как в Кунгстредсгордене в воскресный день – доводил ее до белого каления. В довершение всего появился мужчина с огромной черной собакой.

Лисбет пришла сюда за выпивкой. Возможно, помимо всего прочего, она рассчитывала развеяться в гуще народа, но это не сработало. Саландер настороженно косилась на группу за соседним столиком. Может, прихватить кого-нибудь из них с собой? Не важно, мужчину или женщину...

Она посмотрела на свой мобильник. Только что поступил мейл от Ханны Бальдер – матери Августа, ребенка с фотографической памятью, который стал свидетелем убийства собственного отца в доме на Ингерё. Мальчик вернулся домой после долгого пребывания за границей и чувствовал себя, по словам матери, «вполне сносно, с учетом всего того, что ему пришлось пережить». Звучало обнадеживающе, хотя у Лисбет не шли из головы стеклянные глаза Августа, видевшие больше, чем следовало. От этого можно прятаться сколько угодно. Но есть вещи – как ни горько это признать, – которые врезаются в память намертво. От них не отделаться. Хочешь не хочешь – с ними придется жить. Как с тем мальчиком, который бился головой о стол в штормовую ночь на острове Ингарё. Сейчас Лисбет хотелось сделать то же самое – с размаху стукнуться лбом о барный столик. Но она сдержалась и только еще крепче стиснула зубы.

В этот момент Саландер заметила, что обратила на себя внимание одного из гостей – молодого блондина в синем костюме.

– Ужасно выглядишь, – заметил он, подсаживаясь к ней.

Далее последовали комментарии насчет ее потрескавшихся губ и кругов под глазами, что в любом случае нельзя было назвать хорошей идеей. Тем не менее Лисбет не удостоила молодого человека ни единым уничтожающим взглядом, потому что в этот момент получила зашифрованное сообщение от Микаэля Блумквиста. Прочитав его, она несколько секунд сидела и смотрела в одну точку. А потом встала, оттолкнула навязчивого блондина и вышла на улицу.

Был чудесный летний вечер, где-то неподалеку играла музыка, но Лисбет ничего этого не замечала. Она набрала интересующее ее имя в «Гугле», но это ничего не дало: вероятно, Ракель хорошо позаботилась о сохранности персональных данных. Собственно, большой проблемы это не составляло. Все мы так или иначе оставляем следы. А в Интернете часто забываем об осторожности. Можно было попытаться, например, выйти на сайт какого-нибудь книжного магазина, где Ракель Грейтц когда-нибудь покупала книги. Но в тот момент, на мосту Стрёмбрун, на пути к Гамла Стану, Лисбет ничего не могла поделать. Поэтому все, что ей оставалось, – сосредоточиться на чем-нибудь другом. Например, на Драконе.

Лисбет вспомнила, как однажды бежала по городу в одних носках и вдруг оказалась перед огромной церковью, которая стояла окутанная светом посреди ночного Стокгольма. Это была церковь Святого Николая, но тогда она еще не знала об этом. Лисбет вошла в ворота, чтобы хоть немного отдохнуть и согреться. Она миновала огромную колонну, пересекла внутренний двор и вступила под своды высотой до самого неба. Первым ее желанием было спрятаться, забиться в какой-нибудь темный угол, где она могла бы отсидеться, не привлекая ничьего внимания.

В этот самый момент Саландер увидела деревянную скульптуру, изображающую всадника с поднятым мечом. Под копытами его коня лежал поверженный змей, рядом стояла женщина. Тогда Лисбет еще не знала, что эта известная на весь мир скульптура представляет святого Георгия. Собственно, тогда ей не было никакого дела ни до святых, ни до их статуй. Шедевр неизвестного резчика девочка поняла по-своему. Дракон – из всей группы наиболее отчетливо она запомнила именно его – лежал на спине, проткнутый копьем. А рыцарь с бесстрастным лицом заносил над ним меч. Зверь выглядел настолько беззащитным, что Лисбет невольно вспомнила о своей матери.

Агнета – именно ее Лисбет и увидела тогда в этом образе. И поняла, что должна помочь ей во что бы то ни стало. Даже если ради этого придется самой перевоплотиться в Дракона, чтобы, извергнув изо рта сноп пламени, уничтожить рыцаря вместе с его конем. Потому что рыцарь, конечно, был отец – Зала. Воплощенное зло, уничтожившее ее жизнь.

Но и это было не все. В группе оставалась еще одна фигура, которую легко было не заметить, поскольку она стояла несколько в стороне. Она представляла собой женщину с короной на голове и с книгой в руках. Лицо женщины ничего не выражало, и это поразило девочку больше всего. Как будто дама в короне взирала не на битву, а на безмятежный морской пейзаж. Но самым странным было, как выяснилось позже, что женщина

изображала спасенную рыцарем жертву Дракона. Этого Лисбет так и не смогла понять. В ее представлении дама в короне больше всего походила на «докторшу» с родимым пятном на шее, бесстрастно взирающую на чужое несчастье. Как и все остальные, впрочем.

И сейчас Лисбет думала, что уже тогда все понимала правильно. Мама страдала так же, как Дракон, и никому не было до этого никакого дела. В тот вечер маленькая Лисбет быстро покинула церковь, несмотря на дождь и ветер. Все это происходило как будто вчера.

И сейчас, много лет спустя, направляясь по мосту в сторону Гамла Стана, она повторяла про себя имя той женщины: «Ракель Грейтц».

Лисбет удалось обнаружить ее имя в документах проекта. Она пыталась сделать это с тех самых пор, как Хольгер навестил ее во Флудберге.

* * *

Хильда фон Кантерборг открыла бутылку «Пилзнера». Ее левое веко задергалось. Микаэлю показалось, что она потеряла нить повествования. Он заметил, что время от времени Хильда впадает в прострацию. Похоже, только алкоголь помогал ей собраться с мыслями.

– Понятия не имею, чем занималась Лисбет после того, как выскочила из церкви, – сказала она. – Знаю только, что спустя сутки она просила милостыню на Центральном вокзале и украла в универмаге «Оленс» пару больших ботинок и теплую куртку. Агнета извелась вся от переживаний. А я... я предупредила Ракель, что своими безумными идеями она ставит под угрозу срыва весь проект. Только после этого Ракель сдалась. Она позволила Лисбет остаться с матерью, но так и не простила ей этого. Думаю, и в клинику Святого Стефана девочку упекли не без ее участия.

– Почему вы так решили?

– Потому что там работал ее приятель Петер Телеборьян.

– Так они друзья?

– Он был одним из тех, кого Ракель принимала на смотровой кушетке у себя в кабинете. Оба верили в вытесненные воспоминания и всякую такую чушь. Но самое интересное, что Ракель не только ненавидела Лисбет. Она боялась ее. Думаю, она одной из первых поняла, на что способна эта девочка.

– Имеет ли Ракель Грейтц какое-либо отношение к смерти Хольгера Пальмгрена, как вы считаете?

Хильда фон Кантерборг опустила глаза и несколько минут разглядывала свои туфли.

Со стороны набережной доносились голоса.

– Ракель безжалостна; мне это известно, как никому другому. Кампания, которую она развернула против меня, когда я решила выйти из проекта, сломала мне жизнь. Но убийство... Я не знаю. Не верю, во всяком случае. Еще меньше я верю в то... – Хильда поморщилась.

– Что? – не выдержал Блумквист.

– В то, что нечто подобное мог сотворить Даниэль Бролин. Это был очень одаренный и ранимый мальчик. Он никому не мог причинить зла, тем более своему брату-близнецу. Они были созданы друг для друга...

Микаэль молчал. Примерно то же всегда говорили близкие друзья или родственники преступников, которые просто не могли принять случившегося. «Такое невозможно. Только не он, не она». Тем не менее они ошибались. Они не знали, до какой степени может ослепить человека гнев. Но Микаэль не стал говорить всего этого Хильде и решил не торопиться с выводами. Уже сейчас напрашивалось по крайней мере несколько равновероятных вариантов развития событий.

Они поговорили еще немного. Обсудили, каким образом будут поддерживать друг с другом связь в ближайшие дни. Микаэль призвал Хильду фон Кантерборг к осторожности, оставил ей номер своего телефона и посмотрел расписание поездов на Стокгольм. Ближайший отходил через пятнадцать минут, поэтому Блумквист упаковал свой диктофон, еще раз поблагодарил собеседницу и помчался на станцию. По дороге он, несмотря на спешку, попытался дозвониться до Лисбет Саландер.

Теперь было самое время встретиться с ней. В поезде Микаэль посмотрел видеофайл, который прислала ему сестра. Качество записи оставляло желать много лучшего, но главного автор фильма добился. А именно: показал, как разъяренный Башир Кази признается в убийстве Джамала Чаудхери.

* * *

Фильм имел успех, особенно в полицейском участке на Бергсгатан, где к нему присовокупили комплексный анализ движений, отправленный по электронной почте комиссару Яну Бублански. Эти видеофайлы и стали причиной того, что спортивного вида молодой человек с блуждающим

взглядом оказался в одной из комнат для допросов на седьмом этаже. И не один, а в компании имама Хасана Фердоуси.

Последний был давним знакомым комиссара Бублански. И не только как старый однокашник его супруги Фарах Шариф. Имам Фердоуси давно снискал уважение комиссара в качестве неустанного борца за мир между самыми непримиримыми религиозными конфессиями. Бублански далеко не во всем был согласен с имамом, но искренне восхищался его мужеством. Поэтому, не кривя душой, приветствовал его в коридоре почтительным поклоном.

Комиссар знал, что именно благодаря Фердоуси расследование убийства Джамала Чаудхери сдвинулось с мертвой точки. И за это он, конечно, был благодарен имаму, но радость его омрачали крайне неприятные чувства. Дело даже не в том, что коллеги-полицейские показали себя в этом деле беспомощными недотепами. Наконец объявилась Май-Бритт Торелль и призналась, что ей действительно наносили визит в связи с бумагами, переданными Хольгеру Пальмгрену. А именно доктор Мартин Стейнберг – глубоко уважаемый господин, член правительства и Национального совета по делам здравоохранения. Профессор говорил, что эти бумаги принесли несчастье уже многим людям, и заклинал Май-Бритт, именем господа бога и блаженной памяти профессора Кальдина никому не рассказывать о них. «Из соображений безопасности моих бывших пациентов» – так он объяснил это. После чего забрал у фру Торелль флешку с резервной копией, взял с нее слово сохранить его визит в тайне и скрылся.

Май-Бритт понятия не имела, что было на той флешке, кроме газетных статей о Лисбет. По-видимому, что-то все-таки было, поскольку Мартин Стейнберг с тех пор как сквозь землю провалился. Любые попытки Бублански выйти с ним на связь терпели неудачу. Так что комиссару не оставалось ничего другого, как стиснуть зубы и до поры до времени забыть о профессоре.

В частности, можно было заняться предстоящим допросом. Хотя им-то Бублански пришлось бы заняться в любом случае, независимо от того, было у него на это время или нет.

Часы показывали без четверти девять утра. Снаружи светило солнце, но комиссар ничего не видел, кроме растерянного лица молодого человека, который сидел рядом с имамом в ожидании своего адвоката. Молодого человека звали Халил Кази, и он явился в участок, чтобы признаться в убийстве Джамала Чаудхери. Которое совершил якобы из любви к родной сестре.

Из любви к сестре?

В это трудно было поверить, хотя попытаться стоило. Такова была миссия Бублански в этой жизни. Люди совершали самые непостижимые поступки, а он должен был докапываться, зачем да почему.

Комиссар перевел взгляд на имама, потом – снова на молодого человека и почему-то представил себе залитый солнцем берег моря.

* * *

Микаэль проснулся в двухспальной кровати Лисбет в квартире на Фискаргатан. Собственно, он сам был виноват в том, что произошло. Ночью он позвонил в дверь. Лисбет открыла и впустила его чуть заметным кивком. До сих пор их отношения ограничивались совместной работой и обменом информацией, но день выдался тяжелый для них обоих. Под конец Микаэль уже сам не знал, чего хочет. Он вытер запекшуюся кровь с ее губы и спросил о драконе из церкви. Времени было половина второго ночи, небо над Стокгольмом уже начало светлеть.

– Это поэтому ты изобразила дракона на своей спине? – спросил Микаэль, усаживаясь рядом с ней на красный диван из «ИКЕА».

– Нет, – ответила Лисбет.

Очевидно, она не особенно хотела об этом говорить, и Микаэль решил не настаивать. Он устал, поэтому поднялся, чтобы отправиться к себе домой, но Лисбет притянула его обратно на диван и положила руку ему на грудь.

– Эта татуировка очень помогла мне, – сказала она.

– В чем?

– Я думала о ней, когда лежала в психиатрической клинике, стянутая кожаными ремнями по рукам и ногам.

– И что же ты думала?

– Я представляла себе, как этот Дракон с копьем в спине однажды поднимется и дыхнет огнем на своих врагов. Это помогало мне держаться.

Ее глаза горели темным, беспокойным огнем. Микаэль и Лисбет были близки к тому, чтобы поцеловаться. Но внезапно Лисбет ушла в свои мысли, а потом направилась к окну и стала смотреть на ночной город и поезд, который мчался по направлению к Центральному вокзалу. Она сказала, что выследила Ракель Грейтц. Через сеть бутиков, торговавших дезинфицирующими средствами в Суллентуне. Микаэль ответил, что это прекрасно, хотя и очень разволновался. А потом попросил у Лисбет

разрешения прилечь на ее постели. Она не возражала. Блумквист лег и почти сразу уснул.

Когда он проснулся, она уже всюду орудовала на кухне. Микаэль поставил воду для кофе и смотрел, как Лисбет достала из микроволновки гавайскую пиццу. Он открыл холодильник, но там не удалось обнаружить ничего съедобного. Тогда он выругался, но тут вспомнил, что Лисбет первый день на свободе и ничего еще не успела купить. Оставалось довольствоваться кофе. Микаэль включил радио.

Экологическая волна обещала жару и сообщала о температурном рекорде. Микаэль пожелал Лисбет хорошего дня и услышал в ответ нечто ободряющее. На Лисбет были джинсы и черная футболка. На ненакрашенном лице проступали синяки. Губа опухла. Микаэль напутствовал ее быть осторожнее; она кивнула. Вышли они вместе, по ходу обсуждая планы на предстоящий день. Расстались около Шлюза.

Он направился в фонд Альфреда Эгрена.

Она – на поиски Ракель Грейтц.

* * *

Между тем в комнате допросов Халил Кази продолжал свой рассказ. Адвокат Харальд Нильссон в задумчивости стучал по столешнице авторучкой. Последнее оказалось непосильным испытанием для нервов Яна Бублански.

У Халила Кази было блестящее будущее.

Вместо этого он встал на путь гибели – и потянул за собой других.

* * *

Это случилось в октябре чуть больше двух лет назад.

После переезда из Сиклы Фария втайне поддерживала связь с Халилом. Как-то раз она поведала ему, что хочет порвать с семьей и им нужно проститься. Она предложила кафе на Нурра Банторгет.

Халил божился, что никому не рассказывал об их встрече. Но, должно быть, братья его выследили. Они затолкали сестру в машину, увезли в Сиклу и обращались с ней как с животным. Первые дни Фария провела связанной по рукам и ногам и с полоской скотча на губах. На грудь ей повесили кусок картона с надписью: «Шлюха». Башир и Ахмед били ее и

плевали ей в лицо. То же делали и другие мужчины, которые заходили к ним в гости.

Халил понимал, что больше они не считают Фарию человеком, тем более сестрой. Ее лишили всех прав, включая право на собственное тело. Похоже, она прекрасно представляла себе, что ее ждет. Ее увезут куда-нибудь за город, чтобы дать возможность искупить свой позор кровью. Правда, иногда братья говорили, что брак с Камаром – ее последняя возможность спастись. Но Халил не верил этому. На сестре пятно. Даже если Камар возьмет ее такой – каким образом они собираются насильно вывезти ее из Швеции?

Халил не сомневался, что ей нечего ждать, кроме смерти. Но братья и его держали как пленника, без мобильного телефона и какой-либо возможности связаться с внешним миром. Ему оставалось уповать разве на чудо, и оно произошло.

В один прекрасный день братья развязали сестре руки и ноги и сняли с груди кусок картона. Фария получила возможность есть на кухне и беспрепятственно передвигаться по квартире с открытым лицом. Наконец братья раздали им с сестрой подарки, словно хотели таким образом вознаградить за перенесенные страдания. Фария получила радиоприемник, а Халил – подержанную беговую дорожку, которую специально для этого случая забрали у одного знакомого из Худдинге. Это несколько взбодрило его. Халил соскучился по тренировкам. Недостаток движения действовал на него удручающе, и теперь он часами не сходил со своего тренажера, хотя по-прежнему ожидал самого худшего.

Однажды братья вошли в его комнату и сели на кровать. У Башира в руках был пистолет, но в целом братья выглядели вполне мирно. На обоих были свежевыглаженные рубашки одинакового голубого цвета. Оба улыбались.

– У нас хорошие новости, – сказал Башир.

Итак, они решили сохранить Фарие жизнь. Но кое-кому придется заплатить за это. Иначе гнев Аллаха падет на всю семью. Халилу предоставили возможность выбора: умереть вместе с сестрой или убить соблазнителя. Он не сразу понял, что они имеют в виду, потому что слушал их, не сходя с беговой дорожки. Башир повторил вопрос.

– Но почему я? – удивился Халил. – Я в жизни никого не убивал.

Башир объяснил, что Халил – единственный из них, кого не знает полиция. У него хорошая репутация, даже среди врагов семьи. И главное – своим поступком он сможет искупить предательство по отношению к отцу и братьям. Халил дал согласие, хотя далеко не сразу. Он был в отчаянии, но

что ему оставалось делать? Он слишком любил сестру.

Во всей этой истории был момент, не совсем понятный Бублански, а именно: почему Халил сразу не позвонил в полицию?

На это молодой человек отвечал, что именно это он и собирался сделать. Самым разумным для него было бы выдать всю клику и прибегнуть к защите закона. Но голос разума плохо доходил до его сознания. Он был напуган, сбит с толку. Кроме того, его ошеломила тщательность, с какой была подготовлена вся операция. В ней фигурировали и другие участники – в основном исламисты, которые не упускали Халила из виду и постоянно доказывали ему, что за ужасный человек этот Джамал Чаудхери. Так что Халил не был единственным преступником. Хотя именно он столкнул Джамала под колеса поезда.

– Это я убил его, – повторял он.

* * *

Допрос Фарии Кази в комнате свиданий в Н-корпусе женской колонии во Флудберге продолжался. Анника Джаннини уже продемонстрировала видеозапись, где Башир Кази признавался в убийстве Джамала Чаудхери. Она пояснила, каким образом интерпретируются алгоритмированные жестовые движения и объявила, что Халил Кази отказался от более детального анализа и признался в том, что столкнул Джамала Чаудхери на рельсы метро.

– Он сказал, что сделал это из любви к тебе, Фария. Для него это была единственная возможность спасти твою и свою собственную жизнь.

Обо всем этом Фарие было давно известно. И сейчас ей хотелось кричать: «Любит меня? Да я его ненавижу!» И это было правдой – она действительно ненавидела Халила. Но правдой было и то, что говорил Халил. Поэтому до сих пор она молчала на допросах. Фария хотела защитить его, ненавистного преступника. Хотя бы ради матери, которой когда-то пообещала заботиться о младшем брате. Но после признания Халила ее молчание потеряло всякий смысл.

– Что за женщина разговаривает там с моим братом? – спросила Фария, кивая на ролик. – Это Лисбет Саландер?

– Да, это Лисбет.

– С ней всё в порядке?

– Да. Но ради тебя она позволила Баширу избить себя. Фария сглотнула и начала рассказывать. В комнате нависла торжественная

атмосфера, какая бывает всякий раз, когда свидетель или подозреваемый наконец решают открыться. Соня Мудиг и Анника Джаннини слушали девушку затаив дыхание. И конечно, пропустили мимо ушей истошные звонки коммутационных телефонов в коридоре и взволнованные голоса охранников.

* * *

В комнате свиданий стояла невыносимая жара. Соня Мудиг утирала со лба пот, снова и снова прокручивая в голове то, что только что сказала Фария Кази. Девушка вот уже несколько раз повторила эту свою версию в разных вариациях. В целом все как будто состыковывалось – и все-таки не вполне.

– То есть ты говоришь, что потом братья смягчились и стало легче. Ты получила некоторую свободу, несмотря ни на что, так?

– Я и сама не знала, что думать, – ответила Фария. – Я перестала что-либо понимать. Башир и Ахмед даже извинились передо мной. Раньше они никогда этого не делали. Они сказали, что перегнули палку и им стыдно. Все, чего они хотели, – чтобы я оставалась честной девушкой. Они подарили мне радиоприемник и сказали, что я наказана достаточно.

– А тебе не пришло в голову, что это может быть ловушкой?

– Я только об этом и думала. Я ведь читала истории о других девушках, которые оказались слишком доверчивы и...

– ...и заплатились за это жизнью.

– Я прекрасно это понимала. Я следила за каждым движением Башира, изучала язык его тела. По ночам спать не могла от страха. Быть может, я тешила себя иллюзиями, но это было все, что мне оставалось. Я не могла иначе, вы должны это понять. Я должна была чувствовать, что где-то там Джамал борется за мое спасение. Я выжила благодаря этой вере. Халил тоже был не в себе – дни и ночи напролет упражнялся на своей машине. Вжик-вжиквжик... Эти звуки сводили меня с ума. Я не понимала, как он их выдерживает. Но Халил все бегал и бегал и только изредка заходил, чтобы обнять меня и попросить прощения. И я обещала, что сумею защитить его. Что Джамал и его друзья позаботятся о нас обоих. А потом... не знаю... так трудно говорить об этом спустя столько времени...

– А ты попробуй, – сказала Соня Мудиг. – Выражайся яснее. Это очень важно.

Аника Джаннини взглянула на часы и резким движением взъерошила

волосы.

– Ну все, довольно, – она возмущенно взглянула на Соню. – Если Фария выражается недостаточно ясно, то это только потому, что ситуация сама по себе слишком сложная. Тем не менее Фария превосходно держится, как мне кажется.

– Я просто хочу понять, – оправдывалась Соня. – Фария, ты ведь не могла ничего не заметить. Халил был не в себе, он тренировался как помешанный... Что-то должно было случиться, ты не могла этого не видеть.

– Да, ему было плохо. Но ведь Халила держали взаперти, так же как и меня. Тем не менее однажды мне показалось, что ему стало лучше.

– Почему тебе так показалось?

– Он выглядел совершенно потерянным, а потом... что-то изменилось... я не знаю...

– И ты не слышала, как вечером девятого октября братья покинули квартиру?

– Я спала. Пыталась уснуть. Ночью они о чем-то перешептывались на кухне. О чем именно, я не слышала. А на следующее как-то уж очень подозрительно на меня смотрели, и я восприняла это как хороший знак. Я подумала, что это как-то связано с Джамалом. Что он совсем близко. Я чувствовала его присутствие. Но время шло – и обстановка становилась все тревожнее. Когда стемнело, я увидела Ахмеда, как я уже говорила.

– Он стоял у окна, – подсказала Анника.

– Тем не менее в последний момент ты нашла в себе силы... – начала было Соня.

– Я уже говорила об этом, – перебила ее Фария.

– Она уже говорила, – подтвердила Анника.

– И все же я бы послушала еще раз...

– Внезапно появился Халил, – начала Фария. – Точнее, он всегда находился в комнате. И вдруг закричал, что это он убил Джамала. Я опешила. Но он вдруг пустился в объяснения, что не мог поступить иначе и сделал это только ради меня. Что ему пришлось выбирать между мной и Джамалом. Это в тот момент я ощутила приступ ярости. И бросилась на Ахмеда.

– Но почему не на Халила?

– Потому что я...

– Потому что ты...

– Думаю, я сразу все поняла, хотя ничего не соображала.

– Что поняла? Что они надали на Халила, используя его любовь к

тебе?

– Что они вынудили его сделать это. Что они разрушили его жизнь так же, как мою и Джамала. Я обезумела, это вы можете понять?

– Могу, – кивнула Соня. – Это вполне понятно. Но мне непонятно другое: почему ты молчала об этом на допросах? Ты ведь хотела отомстить Ахмеду, так? Это ведь поэтому ты вытолкнула его из окна на улицу? Но ты могла бы наказать его при помощи полиции. И не только его, но и Башира – главного преступника. Мы бы предъявили им обвинение в заговоре с целью убийства.

– Но как же вы не понимаете... – Голос Фарии сорвался.

– Чего мы не понимаем?

– Что моя жизнь кончилась со смертью Джамала. И что бы я выиграла, посадив в тюрьму еще и Халила? Он ведь был единственным в семье, кого я... – Фария испуганно оглянулась на дверь.

– Кого ты что?

– Кого я любила.

– Но он погубил твою любовь. Разве ты не должна была ненавидеть его за это?

– Я и ненавидела его. И... любила. Как вы этого не понимаете?

Анника Джаннини собиралась было прервать допрос, потому что Фарие явно нужно было отдохнуть. Но тут в дверь постучали. На пороге появился директор колонии Рикард Фагер и вопросительно уставился на Соню.

* * *

Всем стало ясно, что произошло нечто серьезное. На Фагере не было лица. Он сразу пустился в какие-то путаные объяснения, больше походившие на оправдания, но при этом никак не решался перейти к сути дела. Бормотал что-то насчет охраны, которая была на месте, о металлических детекторах и Бенито, у которой черепно-мозговая травма и сломана челюсть...

– Она сбежала из больницы, вы это хотите сказать? – перебила Фагера Соня.

Именно, кивнул тот. Никто не ожидал, что Бенито способна на такое. Всех, кто приходил к ней, тщательно обыскивали. К ней ведь не могли не пускать визитеров, так? Но потом в отделении что-то случилось с компьютерной системой. Погас свет, и все приборы разом вышли из строя.

Врачи и медсестры бегали как сумасшедшие. И тут появились трое мужчин в костюмах. Они сказали, что пришли навестить одного пациента, инженера из компании АВВ, который тоже лежал в отделении. Далее все пошло быстро. Откуда ни возьмись у мужчин в руках появились нунчаки. Тут идиот Фагер пустился в объяснения по поводу того, что такое нунчаки и для чего они применяются, но Соня жестом остановила его.

– Что было дальше?

– Мужчины избили охрану, выволокли из палаты Бенито и скрылись с ней в сером фургоне с фальшивым номером. Хотя одного из них удалось идентифицировать как Эсбьёрна Фалька из мотоклуба «Свавельшё МК».

– Я слышала об этом клубе, – кивнула Соня Мудиг. – И что успели предпринять в связи с побегом Бенито?

– Она объявлена в государственный розыск. Мы связались со СМИ. Альвар Ульсен в безопасности.

– А Лисбет Саландер?

– Что Лисбет Саландер?

«Идиот», – пробормотала Соня Мудиг и тут же объявила, что прерывает допрос в связи со сложившейся чрезвычайной ситуацией.

По дороге из колонии она позвонила Яну Бублански и рассказала ему о Бенито и допросе Фари. По поводу последнего комиссар не преминул процитировать подходящую случаю старую еврейскую мудрость:

– Иногда мы можем читать в глазах, но гораздо реже – в сердце.

Глава 18

22 июня

В тот день Дэн Броуди появился на работе довольно поздно. Он выглядел вялым и заметно нервничал, хотя одет был лучше обычного – в светло-голубой льняной костюм. Под пиджаком была футболка – и никакого галстука. На ногах, вместо теплых кожаных туфель – легкие кроссовки. В таком виде Дэн шел по залитой солнцем Биргер-Ярлсгатан и думал о Лео. Внезапно неподалеку затормозил автомобиль, и Броуди отскочил в сторону – совсем как тогда, в Музее фотографии. От неожиданности у него перехватило дыхание. Тем не менее вскоре Дэн снова углубился в воспоминания. Те декабрьские дни, после их первых совместных выходных, были счастливейшим временем в его жизни, несмотря на всю боль и зависть, которую он питал к брату. Они с Лео только и делали, что болтали или играли дуэтом. Тем не менее опасались выходить из квартиры вместе. Только поодиночке. К тому времени они определились, как вести себя по отношению к Ракель. Никто не мог помешать их планам.

Декабрь, полтора года назад

Лео впервые отменил рождественский обед с Ракель Грейтц. Вместо этого он пригласил ее к себе домой двадцать третьего декабря в час дня. Это было время большой игры. В городе оба брата выдавали себя за Лео, и это их ужасно забавляло. Дэн позаимствовал у брата костюм, рубашку и туфли. Он постриг волосы на манер Лео и то и дело корчил рожи перед зеркалом. Не было сомнений в том, что роль брата удастся ему как нельзя более убедительно.

– Похоже, ты вжился в образ, – хвалил брата Лео.

Сам он появлялся на работе лишь ненадолго. Как-то раз поужинал с коллегами в «Риче», но домой вернулся рано и тут же объявил Дэну, что был как никогда близок к провалу. Он показал на пальцах, насколько близок. Малин Фруде почти догадалась, в чем дело.

– Но она не догадалась? – спросил Дэн.

– Нет, в конце концов списала все на мою влюбленность.

– Ей было больно?

– Не преувеличивай.

Дэн знал, что Лео флиртует с Малин, которая разводится с мужем и дорабатывает в фонде последние дни. Но брат постоянно повторял, что Малин не испытывает по отношению к нему ничего серьезного. Она влюблена в Блумквиста, в журналиста. Их отношения – не более чем игра. Игра? Они с Лео основательно обсудили этот вопрос, обменялись мнениями, мыслями и сплетнями. Братья разработали план, и ничто, как казалось, не могло помешать его осуществлению. Дэн помнил, с какой тщательностью они подготовились к встрече с Ракель Грейтц. Дэн должен был спрятаться, а Лео – подвергнуть Ракель допросу. Вначале осторожному, затем все более агрессивному. За день до этого, двадцать второго декабря, Малин устраивала прощальную вечеринку у себя на Бондегатан. Но Лео, как и Дэн, не выносил шумных компаний и тесных помещений. У него была идея получше. Он показал брату свой кабинет в здании фонда Альфреда Эгрена; в тот вечер оно пустовало. Коллеги отправились кто на вечеринку к Малин, кто домой. Приближалось Рождество. Мысль Лео Дэну понравилась. Его давно интересовала работа брата.

В восемь вечера они вышли из дому с разницей в десять минут. Первым – Лео, с бутылками шампанского и бургундского в портфеле. За ним – Дэн, в светлом костюме Лео и темном пальто. Было холодно. Шел снег. Братьям предстоял хороший праздник. Наутро после встречи с Ракель Грейтц они хотели выйти на публику со своей историей. Кроме того, Лео, несмотря на протесты брата, пообещал ему щедрое финансовое пожертвование. Он решил раз и навсегда покончить с неравенством. Равно как и с финансовым миром, и с тоскливым прозябанием в офисе фонда Альфреда Эгрена.

Вечер получился чудесный. Они играли дуэтом, потом пили за здоровье друг друга. Оба были полны надежд и мыслей о будущем. В воздухе витали невысказанные обещания завтрашнего дня. Но что-то пошло не так. Дэн полагал, что причиной тому стал кабинет Лео в фонде Альфреда Эгрена.

С его потолка смотрели ренессансные ангелочки. На стенах красовались полотна художников рубежа XIX–XX веков. На полках были расставлены настоящие китайские вазы, а ручки ящиков бюро сделаны из чистого золота.

На какой-то момент вся эта роскошь неприятно поразила Дэна и спровоцировала его на грубость.

– О, я вижу, ты не бедствуешь, – сказал он и с вызовом посмотрел на брата.

– Понимаю... – смутился тот. – Самому стыдно. Но, видишь ли... это

все не мое, отцовское... Лично мне никогда не нравился этот кабинет.

– Тем не менее ты привел меня именно сюда, – продолжал наседать Дэн. – Не упустил возможности лишний раз ткнуть меня лицом в грязь.

– Нет-нет... прости... – оправдывался Лео. – Я просто хотел показать тебе свою жизнь. Все это чудовищно несправедливо, я понимаю...

– Несправедливо? – повторил Дэн.

Как будто этого слова было недостаточно, чтобы передать возмутительность ситуации. Это было не просто несправедливо. Это было неприлично. Это переходило все границы. Дэн нервно бродил из угла в угол. Обвинял, оскорблял, возмущался. Потом опомнился, извинился и... начал по новой. Что-то сломалось в их отношениях. Испарилось, разрушилось – раз и навсегда. Что-то, что присутствовало в них изначально, но до поры было вытеснено пьянящей радостью встречи. А теперь проснулось – и не столько изменило ситуацию, сколько позволило увидеть ее под другим углом, пролить свет на то, чего до сих пор они не замечали.

– И у тебя, при всем этом, – Дэн обвел взглядом потолок с ангелочками, – еще хватало наглости жаловаться и ныть... «Мама меня не понимает, а папе вообще наплевать на мои проблемы», – передразнил он. – Я не играю в эти игры, слышишь? Мне очень жаль, мое разнесчастное второе «я». Надеюсь, ты меня понимаешь. Я голодал, меня били. У меня ни черта не было, а ты... – Дэн затрясся всем телом, сам толком не понимая, что происходит. Быть может, виной всему стал алкоголь. Оба они были пьяны. Но Дэн обвинял Лео во лжи. Он выставил его глупым, кокетливым снобом. Еще немного – и Дэн грохнул бы о пол пару китайских ваз. Но он предпочел хлопнуть дверью. Исчезнуть. Скрыться в темноте промозглой улицы. Чтобы, промерзнув неизвестно где несколько часов, вернуться в свой убогий отель на Шерсхольмене и проспать до одиннадцати часов следующего дня.

В полдень он снова появился под дверью квартиры Лео на Флорагатан и снова обнимал брата и просил у него прощения. Оба они просили прощения друг у друга, а потом стали готовиться к визиту Ракель Грейтц. Но вчерашний день оставил неприятный осадок. В их отношениях появилось нечто новое, или же наоборот: что-то ушло из них безвозвратно. Так или иначе, это повлияло на дальнейшие события.

Обо всем этом Дэн вспоминал спустя полтора года, когда, гримасничая и бурча себе под нос, сворачивал на Смоландгатан. Он миновал бар «Кунстнербарен». Часы показывали всего десять утра, а Дэн уже взмок от жары и тяжело дышал. Хотя, возможно, он просто переволновался. Что и говорить, встреча с известным на всю Швецию репортером – ответственное мероприятие.

* * *

Что, помимо склонности к садизму, было общего у Ракель Грейтц и Бенито Андерссон? Тем не менее обе они жаждали встречи с Лисбет Саландер. Дамы не были знакомы и, встретившись где-нибудь случайно, вероятно, не почувствовали бы друг к другу ничего, кроме презрения. Но сейчас обе они были одинаково одержимы одной идеей – устранить Лисбет. Обе плели сети и расставляли ловушки, не уступая друг другу в изобретательности, несмотря на разницу в образовании. Бенито сблизилась с мото клубом «Свагельшё МК», располагавшим информацией о сестре Лисбет, Камилле, и ее хакерах. Ракель полагалась прежде всего на себя и, несмотря на свой рак, была полна сил и желания действовать. Сейчас она проживала в одном из отелей на Кунгсхольмене, куда переехала на время, чтобы замести следы. Ракель понимала, что ситуация сложилась угрожающая, и ожидала худшего. Она поняла это уже тогда, в декабре, полтора года назад. Она шла ва-банк, но другого выхода не видела.

Для начала надо было разобраться с Саландер и фон Кантерборг. Но следы обеих так безнадежно затерялись, что Ракель решила переключиться на Даниэля Бролина. Он был слаб. Он всегда оставался слабым звеном. Именно поэтому в этот жаркий день Ракель шла по Хамнгатан в тонком сером костюме и черном хлопковом пуловере. Она буквально излучала энергию, несмотря на боль в спине, но страшно мучилась от жары. В конце концов, что происходит со Швецией? В годы ее молодости не было такого солнца. Это же тропики! Безумие! Ракель взмокла, одежда липла к телу. Внезапно она ощутила едкий запах пота. Двое мужчин в синих комбинезонах возились в яме на обочине дороги. Оба показались Ракель отвратительными и жирными. Она ускорила шаг, продолжая двигаться в сторону площади Норрмальмсторг, но, не доходя до здания фонда Альфреда Эгрена, внезапно остановилась. Этого еще не хватало... Журналист! Тот самый Микаэль Блумквист, с которым Ракель столкнулась в подъезде дома Хильды фон Кантерборг. На этот раз он входил в ворота

фонда Альфреда Эгрена. Ракель отступила за угол и достала мобильник. Пришло время Бенъямину отрабатывать свою зарплату.

* * *

Дэн Броуди, или Лео Маннхеймер, как он сейчас себя называл, сидел в роскошном кабинете помещения фонда Альфреда Эгрена и ничего не воспринимал, кроме бешеного биения пульса в виски. Стены и пол под ногами ходили ходуном. В конце концов, что происходит? Его младший консультант – именно так отрекомендовал себя секретарь Лео – только что сообщил, что Микаэль Блумквист дожидается его на ресепшене. Дэн ответил, что будет через двадцать минут. Разумеется, это было невежливо с его стороны. Но ему требовалось время подумать, с чего начать эту долгую историю о Ракель Грейтц. А дальше – кто знает? – может, Блумквист сможет ему помочь... Дэну и раньше приходила в голову эта идея и уже стоила ему немалых нервов.

Декабрь, полтора года назад

За окном падал снег. Братья ждали Ракель Грейтц в квартире на Флорагатан и время от времени просили друг у друга прощения.

– Всё в порядке, – повторял Лео. – После того как ты ушел, ко мне в кабинет приходила Малин.

– Малин?

– Мы пили шампанское. Все прошло как нельзя хуже. Я был не в духе и написал одну вещь. Хочешь взглянуть?

Дэн кивнул, Лео поднялся из-за рояля и спустя минуту вернулся с листком бумаги в пластиковом файле. Он выглядел одновременно торжественно и виновато. Медленно достал из файла листок бумаги песочного цвета – слегка рифленный, с виньеткой в углу – и протянул брату.

– Думаю, ты тоже должен это завизировать.

На бумаге, исписанной витиеватым размашистым почерком, Лео передавал брату добрую половину всего своего состояния.

– Господи... – только и смог выдохнуть Дэн.

– На днях встречаюсь со своим адвокатом, поставлю ее в известность, – продолжал Лео. – С учетом сложившихся обстоятельств, все должно пройти гладко. Это не подарок; это то, что давно уже принадлежит тебе по праву.

Дэн молчал. Он понимал, что должен броситься брату на шею, сказать,

что не находит слов, что это неслыханная щедрость и великодушие... Но он молчал и сам не знал почему. Он чувствовал себя обидчивым и мелочным. Вскоре Дэн понял, что великодушный жест брата был по-своему агрессивен. «Положительная агрессия», так называют это психологи. Деньги являли собой оружие сокрушительного превосходства, которое должно было окончательно уничтожить Дэна, стереть его в порошок. Он рассыпался в благодарностях, но под конец добавил, глядя Лео в глаза:

– Я не могу это принять.

Лицо брата выразило крайнюю степень изумления.

– Но почему?

– Потому что... так не делается. Есть вещи, которые нельзя поправить деньгами.

– Но я не собираюсь ничего поправлять. Я всего лишь отдаю то, что принадлежит тебе по праву. И меня совсем не интересуют эти чертовы деньги.

– А что тебя интересует?

Дэн словно сошел с ума. На мгновение он осознал всю абсурдность ситуации. Ему дарят несколько десятков миллионов, которые в корне изменяют его жизнь, а он обижается. Возможно, все дело во вчерашней ссоре и в том, что Дэн слишком мало спал. И потом, он всегда чувствовал себя ущемленным, так или иначе. Он соображал, пытаясь докопаться до истины, и одновременно возмущался, кричал, размахивая перед лицом Лео руками:

– Ты... ты ничего не понимаешь! Так не обращаются с человеком, который всю жизнь прожил на обочине. Поздно, Лео, слишком поздно!

– Но почему? – недоумевал брат. – Что мешает нам начать все сначала?

– Поздно, – повторял Дэн.

– Ну, хватит, – теперь Лео тоже начинал злиться. – Ты несправедлив.

– Я чувствую, что меня покупают, понимаешь? Покупают!

Дэн и сам понимал, что перегибает палку. Особенно его смущало, что в голосе Лео не слышалось ответной злобы, только тихое отчаяние и грусть.

– Я знаю, – кивнул Лео.

– Что ты знаешь?

– Что они сломали тебе жизнь. И не одному тебе... Я... я ненавижу их за это. Тем не менее мы нашли друг друга, и это самое главное, разве не так?

– Так, Лео, и я... я благодарен тебе за все, пойми, но...

Дэн запнулся на полуслове. Ему было стыдно. Он был готов извиниться в очередной раз, сказать, что он идиот или что-нибудь в этом

роде. По крайней мере, именно так он вспоминал эти минуты впоследствии. Братья снова стояли на грани примирения, но так и не успели сказать друг другу самого главного, потому что на лестнице слышались шаги, которые вскоре смолкли. На часах не было и двенадцати. До прихода Ракель оставалось больше часа, и Лео еще не начинал накрывать на стол.

– Прячься, – шепнул он Дэну и убрал злосчастный документ с глаз подальше.

Тот прошел в спальню и запер дверь.

* * *

От Лео Маннхеймера всегда были одни неприятности. И не только из-за того, что им пришлось сделать с Карлом Сегером.

В последнее время он стал вести себя странно. Поначалу Ракель списывала это на переживания по поводу разрыва с Мадлен Бард. Эта утрата сделала Лео подозрительным. Поэтому Ракель удивилась, когда он пригласил ее к себе домой. Она знала о нем все. В том числе и то, что, подобно другим молодым холостякам, Лео не особенно охотно устраивает обеды у себя дома, в особенности с теми, с кем не слишком комфортно себя чувствует. Поэтому она решила объявиться раньше. Предложить ему помощь на кухне, а заодно выведать, в чем дело. Неужели он что-нибудь пронюхал?

Снаружи шел снег. Ракель поднималась к последнему лестничному пролету с потолком, выкрашенным под цвет летнего неба, когда услышала доносящиеся из-за двери возбужденные голоса. Два мужских голоса, так похожие друг на друга, что Ракель вздрогнула. Она поняла, что все оказалось хуже, чем она думала, и даже растерялась на мгновение. Ракель знала, что у Лео прекрасный слух, поэтому несколько не удивилась тому, что в следующую секунду голоса стихли. Она набрала номер Беньямина и стала писать сообщение:

«Я у Лео на Флорагатан. Мне нужна твоя помощь. – Потом подумала и добавила: – Прихвати с собой мою медицинскую сумку. Полный комплект».

Она выпрямила спину и постучалась в дверь, приготовившись изобразить на лице самую теплую рождественскую улыбку. Но это оказалось лишним. Лео тут же появился на пороге и – как это было заведено с самого начала – поцеловал ее в обе щеки и помог снять пальто.

Разумеется, не было и намека на то, что она заявила на час раньше положенного. Для этого он был слишком хорошо воспитан.

– Ты, как всегда, сама элегантность, Ракель. Как встретила Рождество?

– Прекрасно.

Лео играл превосходно. Ей потребовалось напрячься, чтобы заметить в его лице признаки беспокойства. Возможно, в другой раз ему и удалось бы обмануть ее, но только не сегодня. Сегодня Ракель глядела в оба, и он, как видно, это понял. Только что она слышала голоса, а теперь он был в квартире один. Кроме того, на диване лежала гитара... Гитара!

– Как Вивека? – спросила Ракель.

– Боюсь, ей осталось недолго, – вздохнул Лео.

– Бедняжка...

– Это ужасно.

«Давай, давай, – мысленно обратилась она к нему. – Кому, как не тебе, радоваться, что старая сорока наконец отбросит коньки».

– Когда уходят оба родителя, остаешься на свете один...

Ракель тронула его за руку, демонстрируя свою сострадательность, и это было ее ошибкой. Лео дернулся, его глаза засверкали злобой. Ракель испугалась и снова посмотрела на гитару. Все, что ей было нужно, – растянуть время. Дать Беньямину возможность упаковать медицинскую сумку и доехать до дома Лео. Непринужденную светскую беседу можно было растянуть от силы минут на десять, но Ракель не выдержала даже этого.

– Кто у тебя? – спросила она.

– А сама как думаешь?

Ракель ответила, что не имеет ни малейшего представления, – но это было неправдой. Она давно уже все знала – и видела, как напряглись плечи Лео, и как он смотрел, словно видел ее впервые. И Ракель поняла, что должна действовать – незамедлительно, нещадно, прежде чем Даниэль Бролин успеет появиться из соседней комнаты.

Глава 19

22 июня

Ракель Грейтц не оказалось дома на Карлсвеген, и Лисбет решила не торопиться. Она спустилась в метро, доехала до Шлюза и дальше отправилась пешком по Гётгатан. От Анники Джаннини Лисбет слышала, что Бенито Андерссон сбежала из больницы в Эребру, и была начеку. Лисбет все время была начеку, особенно после Флудберги. Хотя, возможно, она все-таки недооценивала грозившую ей опасность. Ее враги заключили вот уже несколько альянсов. Темные силы из прошлого объединялись против нее – и обменивались информацией.

День выдался невыносимо жаркий. В душном, вязком воздухе даже время, казалось, остановилось. Мимо Лисбет текла толпа, часть которой оседала за столиками уличных кафе, сверкали витрины магазинов. Лисбет направлялась домой, на Фискаргатан, когда в кармане завибрировал телефон.

«Лео – это Даниэль. Я уверен в этом», – гласило зашифрованное сообщение от Блумквиста.

«Он сам тебе об этом сказал?» – спросила Лисбет в ответном сообщении.

«Пока нет», – ответил Микаэль.

Лисбет подумала было отправиться на площадь Норрмальмсторг, на помощь Блумквисту, но передумала. Сейчас ей непременно надо было выследить Ракель Грейтц, очевидно, съехавшую из своей квартиры. Но куда?

Лисбет продолжала идти вверх по Фискаргатан. Насколько благоразумно было сейчас вернуться домой? Ни в каких официальных документах не значилось, что она проживает по этому адресу. Квартира была оформлена на Ирену Нессер – один из псевдонимов Лисбет. Но есть ведь и неофициальные источники информации. В конце концов, Лисбет время от времени появлялась в этом квартале. И потом, она была знаменитостью – пусть не такой, как Микаэль, но все-таки... Вот уже два человека – Чёртов Калле Блумквист и один агент АНБ – выследили ее в этой квартире. Лисбет давно следовало продать ее и подыскать себе что-нибудь поменьше. Возможно, этим стоило заняться прямо сейчас, пока не поздно...

Поздно. Лисбет поняла это, когда увидела впереди странный серый фургон. Собственно, ничего необычного в нем не было – обыкновенная устаревшая модель, припаркованная у кромки тротуара. Тем не менее машина показалась Лисбет подозрительной. Особенно после того, как сдвинулась с места и покатила на нее. Лисбет развернулась и побежала, но дорогу ей преградил вынырнувший откуда-то из подъезда бородатый мужчина. Он прижал к ее лицу мокрую тряпку, и у Лисбет закружилась голова. Она рванулась вперед, но улица и стены домов запрыгали вокруг в неистовом танце. Лисбет успела вытащить мобильник и прошептать в трубку: «Вильдвиттра»^[46], прежде чем провалилась в забытие и оказалась на заднем сиденье серой машины. В нос ударил сладкий парфюмерный запах – и это было последнее, что она почувствовала.

Декабрь, полтора года назад

По голосам, доносящимся из гостиной, Дэн понял, что все пошло не так, как было задумано. Похоже, Ракель Грейтц догадалась обо всем сразу, и теперь ему не оставалось ничего другого, как выйти из своего убежища и прижать ее к стенке. На эффект внезапности рассчитывать больше не приходилось, поэтому медлить не имело смысла.

Но Дэн просчитался. Возможно, он просто растерялся, потому что был вынужден импровизировать. Так или иначе, он не ожидал, что один только вид Ракель Грейтц произведет на него такое сильное впечатление. Дэн снова почувствовал себя беспомощным подростком, демонстрирующим свои способности солидным «докторам» в комнате на втором этаже фермерского дома. Он слишком хорошо помнил этот взгляд. Он знал, что сейчас Ракель внимательно изучает его, сравнивая с Лео, и это окончательно лишило его рассудка.

– Я вижу, вы меня узнали? – спросил Дэн.

Он шагнул вперед, но это было все, на что хватило его решительности. Ракель сидела перед ним, властная, прямая, и пристально глядела на него.

– Я узнала тебя. Как ты?

Дэн потупил глаза и выдавил сквозь зубы:

– Мы хотели бы услышать всю историю с самого начала.

Он видел, что она испугалась. Ракель поправила высокий воротник и взглянула на часы. Тогда она носила такой же черный пуловер. Волосы коротко острижены и выкрашены в русый цвет. Несмотря на нервозность – уголки ее губ дрожали, – взгляд Ракель излучал холодную уверенность. В ней было что-то от учительницы, и Дэн почувствовал, что сейчас не он, а она призовет его к ответу.

– Успокойся, – велела Ракель.

– Ни за что, – ответил Дэн, – пока не услышу то, что меня интересует.

– Я все расскажу. Всю правду. Но для начала я хотела бы знать, успели ли вы связаться с газетчиками. – Дэн не отвечал. – Вы сейчас возбуждены, понимаю. Но мне не хотелось бы, чтобы история просочилась за эти стены прежде, чем вы увидите картину в целом. Все совсем не так, как вы думаете.

– Мы никому ничего не рассказывали. Пока... – многозначительно ответил Дэн.

Мышцы ее лица расслабились, и Дэн понял, что совершил ошибку. Он оглянулся на Лео. Тот застыл – ноги на ширине плеч. Дэн ожидал от него указания, намека на то, что делать дальше. Но Лео, похоже, был не в том состоянии. И тогда Ракель взяла инициативу на себя.

– Я старая женщина, – сказала она. – Причем с больным желудком, уж простите за откровенность. Ничего, если я сяду на диван?

– Пожалуйста, – разрешил Лео. – Только начинайте поскорее. У нас к вам много вопросов.

Но Ракель не торопилась. Она надеялась, что Беньямин появится раньше, чем ей придется сказать что-нибудь значимое. Или прежде, чем она успеет запутаться во лжи. Лео и Даниэль устроились в креслах по обе стороны от дивана, и у Ракель перехватило дыхание. Ее поразило их сходство – несмотря на всю сложность ситуации. Дэн и Лео были неразличимы, – что редко встречается даже среди однояйцевых близнецов в их возрасте. В довершение всего они были одинаково одеты и носили одинаковые прически.

– Итак, – начала Ракель. – Тогда мы оказались в очень непростой ситуации. Мы получили слишком много известий из детских домов и больниц о детях, оставшихся без родительского попечения. Родители просто не могли взять на себя заботу о собственных детях.

– Кто наши родители? – оборвал ее Дэн.

Он почувствовал странное облегчение, когда Ракель сказала, что ей надо взять кое-что в кармане пальто, что поможет им лучше уяснить суть ситуации. Можно ли ей ненадолго отлучиться в прихожую? Ракель посмотрела на братьев. Она хотела понять, осталась ли в них хоть капля доверия по отношению к ней. Их утвердительный ответ придал ей силы. Братья ведь всегда были слабаками, разве не так? Ракель презрительно скривила губы. В прихожей она закашлялась, чтобы сбить их с толку, и ловким движением отперла входную дверь. Потом для вида порылась в кармане пальто.

– Ну, конечно!

Ракель вернулась в гостиную, качая головой и всплескивая руками, и говорила так много, что в запальчивости упомянула даже Карла Сегера. В тот же момент лицо Лео покраснело, глаза полыхнули яростью. Он назвал Ракель чудовищем и зверем и повелел немедленно рассказать о том, что случилось с Карлом.

Похоже, только теперь она испугалась по-настоящему. Однако, как показали дальнейшие события, ссора вспыхнула как нельзя более вовремя. Потому что появившийся в дверях Беньямин немедленно поспешил на помощь хозяйке и схватил разбушевавшегося Лео. Он завел его руки за спину, пока Ракель рылась в стоявшей на полу медицинской сумке. Близнецы уже подняли шум, и Дэн бросился на Беньямина. Ракель поняла, что настал критический момент. Она перебирала препараты: стезолид, опиаты, морфин и – тут у нее по спине пробежала холодная дрожь – панкурониумбромид, синтетический кураре; яд, которым южноамериканские индейцы смазывают свои стрелы. Конечно, это жестоко... но, с другой стороны, есть физостегмин, противоядие, снимающее эффект. Тут в голове Ракель созрел дерзкий план. Она вспомнила их разговор с Даниэлем по телефону. Что он там плел насчет несправедливости и обделенности? Ракель натянула резиновые перчатки и вскинула голову.

Беньямин был непоколебим, как каменная стена. Извивавшийся в его руках Лео кричал что-то насчет «ублюдков» и «чудовищ», а Дэн крутился рядом, пытаясь вызволить брата. Ракель приготовила шприц – это тоже заняло некоторое время. Потом отмерила дозу. Возможности нащупать вену не было. Хотя внутримышечная инъекция имела свои преимущества. В этом, по крайней мере, Ракель пыталась убедить себя, с размаха всаживая иглу в руку Лео. На мгновение его лицо отразило недоумение. Дэн оставил Беньямина и перекинулся на Ракель.

– Что ты делаешь? Что ты делаешь?

Она поморщилась. Шум мог привлечь внимание соседей. А их вмешательство было крайне нежелательно, поскольку могло стоить Лео жизни. Драма подошла к кульминационному моменту, и Ракель, в очередной раз переступившей грань дозволенного, следовало проявлять крайнюю осмотрительность. Она сдвинула брови, напуская на себя строгий вид лечащего врача.

– Замолчи! – Дэн тут же стих. – Я всего лишь впрыснула ему успокоительное. Дыши, Лео! Отлично... Скоро ему полегчает. Я не хочу разговаривать с сумасшедшими, понимаешь? Не с теми, кто кричит про

монстров, чудовищ и тому подобные глупости. Это... Йон, мой помощник, у него тоже медицинское образование. Мы поладим, я больше чем уверена. В конце концов, давно пора расставить точки над «i». Я рада, что вы наконец встретились.

– Ты лжешь, – выплюнул Дэн.

Ситуация становилась неуправляемой. Слишком много шума, который в любую секунду мог привлечь кого-нибудь из соседей. Последнего Ракель боялась больше всего. Она посматривала на часы, уже не отдавая себе отчета в том, чем заговаривает Лео зубы, и отсчитывала минуты, когда яд проникнет в кровь, соединится с никотиновыми рецепторами ацетилхолина и блокирует мышцы. На ее счастье, не было ни соседей, ни полиции. Лео Маннхеймер зашатался, что и должен был сделать, а потом повалился на персидский ковер и забился в судорогах. Он мог умереть в любую секунду, но Ракель решила идти до конца. Теперь главное – не терять присутствия духа. Она заставит Даниэля сыграть роль его жизни.

* * *

Уже когда Лео упал, Дэн понял, что что-то пошло не так. Внутри у него похолодело. В то, что Лео когда-нибудь встанет снова, верилось все меньше. Судорожным движением брат схватился за горло и замер. Дэн забыл обо всем. Он опустился рядом, кричал и тряс брата за плечо, между тем как Ракель Грейтц что-то говорила у него над ухом. Даниэль не слушал, но в один прекрасный момент ее слова каким-то чудом дошли до его сознания.

– Мы уладим это, Даниэль, – повторяла она. – У тебя будет фантастическая жизнь, о которой ты и не мог мечтать...

Пустой звук. Дэн не понимал, чего она хочет. Лицо Лео посинело, он задыхался. Жизнь утекала из него с каждой секундой. Дэн попытался сделать искусственное дыхание, как его описывают в книжках. Он уже имел удачный опыт – когда учился в Бостоне и одна из его сокурсниц переборщила с кокаином. Но Ракель оттолкнула его и дала пару советов, которые он не смог проигнорировать. Возможно, потому, что находился в положении утопающего, хватающегося за соломинку.

Удивительно, но теперь голос Ракель звучал иначе. Она говорила не как застигнутая на месте преступления злодейка, а как опытный, внимательный врач.

Она стиснула запястье Лео рукой в резиновой перчатке и

успокаивающе улыбнулась Дэну:

– С ним всё в порядке. Небольшие судороги... скоро он придет в себя. Это седативный препарат. Доза, конечно, немалая, но не смертельная. Вот, смотри!

Ракель протянула Дэну шприц, и тот взял его в руку, не соображая, что делает и в чем таким образом она хотела его убедить.

– Зачем мне это?

Она встала рядом с рослым мужчиной, который так и не снял голубую куртку и зимние ботинки, и улыбался так же натянуто и нервно, как и она. В этот момент голову Дэна пронзила ужасная догадка и он отбросил шприц в сторону:

– Ты хотела, чтобы на нем остались мои отпечатки...

– Успокойся, Даниэль, – повторила Ракель Грейтц. – Успокойся и выслушай меня.

– С какой стати я должен тебя слушать?

Дэн полез за телефоном, чтобы вызвать «Скорую», но высокий мужчина перехватил его руку. Горло Дэна сдавил панический страх: неужели эти двое хотят убить Лео? Как такое возможно? Между тем брат издал вздох, и в самом деле походивший на последний. Дэн закричал. Он завопил прямо в чувствительное ухо Лео:

– Очнись! Ты можешь!

Мышцы его лица и в самом деле содрогнулись. Дэну показалось, что к лицу брата прилила кровь, он наморщил лоб и еще сильнее сжал зубы. Но иллюзия продолжалась долю секунды, а потом лицо Лео снова залила смертельная бледность. Дэн повернулся к Ракель Грейтц:

– Спасите его, черт вас возьми! Вы же врач. Вы ведь не хотите убить его, ведь так...

– Конечно, конечно, что ты говоришь... Конечно, нет. Скоро Лео встанет на ноги, вот увидишь. Подвинься – и я помогу ему.

Дэну не оставалось ничего другого, как только довериться ей. Ракель взялась за свою сумку, а Дэн вцепился Лео в запястье. Теперь он весь был отчаяние и надежда.

* * *

Ракель делала все, чтобы внушать ему доверие. Она сняла спазмы, сдавливавшие Лео дыхательные пути. Физостигмин ввела прямо в вену, закатав рукав его рубахи. Вскоре стали наблюдаться признаки улучшения,

хотя Лео по-прежнему не приходил в сознание. Но главное – Ракель поняла, что Дэн снова поверил ей и с ним опять можно говорить.

– Ну что, так лучше?

Дэн кивнул.

Ракель импровизировала. На всякий случай у нее была заготовлена еще одна стратегия против Лео Маннхеймера. Правда, она предполагала участие Ивара Эгрена. Тот выведал регистрационную информацию Лео на серверах фонда и провел от его имени – точнее, через подставных лиц – несколько незаконных трансакций на фондовых и опционных рынках. Материалы об этом хранились в папке, которой было более чем достаточно, чтобы упечь Лео за решетку, уничтожить его честное имя и профессиональную репутацию. И эти материалы уже были использованы против него в истории с Мадлен Бард, несмотря на протесты Ракель. Ивар Эгрен повел себя как последний болван – таково было частное мнение Ракель, которое, впрочем, не мешало ей при случае воспользоваться его компроматом, чтобы оказать на Лео давление.

– Послушай меня, Даниэль, – сказала она. – То, что я собираюсь сказать тебе, очень важно. Возможно, за всю свою жизнь ты не слышал ничего важнее.

Дэн поднял глаза, исполненные такого отчаяния, что даже сердце Ракель на мгновение болезненно сжалось. Она старалась говорить ласково, но строго, как врач, который дает больному ценные рекомендации.

– Лео – конченный человек, Даниэль, как ни горько мне тебе об этом говорить. Он принимал участие в инсайдерской торговле и незаконных сделках. Он на пороге тюрьмы.

– Что? – Дэн не верил своим ушам. – Что ты такое говоришь?

Впрочем, если он сейчас и слушал ее, то вполуха, она это видела. Дэн гладил брата по волосам, с удовлетворением замечая, что тому становится все лучше. Сейчас для него ничего не существовало, кроме Лео. Это несколько разозлило Ракель, и она заговорила резче:

– Послушай, Даниэль: Лео не тот, за кого себя выдает. Он мошенник, и я могу это доказать. Его будущее – тюрьма.

Дэн поднял на нее растерянные глаза.

– Но... чего ради? Его же совершенно не интересуют деньги.

– Вот здесь ты ошибаешься, Даниэль.

– Неужели? Лео хотел подарить мне половину своего состояния – просто так.

Он махнул руками перед ее носом. Ракель эта новость совсем не понравилась.

– А почему ты должен довольствоваться половиной, Даниэль?

– Мне вообще ничего не надо. Я только хотел...

Он замолчал, как будто все понял. Точнее, почувствовал. Его глаза снова наполнились страхом, а ее – холодом. Ракель многозначительно посмотрела на Беньямина. Тот был готов ко всему, но ничего не происходило. Даниэль не сводил глаз с брата.

– Что ты ему вколола? Это ведь не успокоительное, нет?

Ракель молчала, обдумывая дальнейшую стратегию игры. Она понимала, что сейчас каждое ее слово, жест, малейшее изменение тона могут иметь решающее значение.

– Кураре, – сказала она наконец.

– Что это?

– Растительный яд.

– Зачем ты ему это вколола?

– Потому что так было нужно, – ответила она.

Даниэль посмотрел сначала на нее, потом на Беньямина. У него были глаза зверя, пойманного в ловушку.

– Но потом...

– Что?

– ...потом ты вколола ему что-то другое, ведь так?

– Физостигмин. Противоядие.

– Отлично. Значит, теперь мы должны отвести Лео в больницу, или как?

Она не отвечала, и Дэн снова потянулся за телефоном. Ракель думала, нужно ли приказывать Беньямину отобрать его у Дэна, и в конце концов решила оставить. Дэн что-то искал в «Гугле». Пока он не собирался никому звонить, опасности не было. Дэн читал какую-то статью в «Википедии» – возможно, о кураре. Но когда его лицо снова исказил ужас, Ракель вырвала мобильник у него из рук. Глаза Дэна снова стали безумными. Он завопил, колотя руками в воздухе, да так, что даже Беньямину стоило труда привести его в чувство.

– Успокойся, Даниэль! – закричала Ракель. – Успокойся немедленно! Ты меня слышишь?

– Чего ты от меня хочешь? – почти завыл он.

И тогда она объяснила, что физостигмин лишь временно устраняет эффект кураре.

– То есть ты не сможешь спасти его, это ты хочешь сказать?

– Не могу. Мне жаль, Даниэль.

Ракель была вынуждена прибегнуть к помощи Беньямина, чтобы

успокоить его, – другого выхода не было. Бенъямин заклеил рот Даниэля скотчем. Ракель извинилась и продолжила объяснения:

– Скоро дыхательные мышцы снова заблокируются, и Лео Маннхеймер задохнется. – Она заглянула Дэну в глаза. – Ситуация критическая, Даниэль. Лео при смерти, на шприце твои отпечатки. И потом, у тебя был мотив, не так ли? Ты ведь страшно завидовал ему. Но есть и положительный момент...

Дэн отчаянно извивался в руках Бенъямина.

– ...и он заключается в том, – продолжала Ракель, – что Лео может продолжить жить, но только... в твоём теле. – Она обвела взглядом комнату. – Ты унаследуешь все, чем он владел... все его деньги... Ты будешь жить как в сказке. Ты получишь все. И обещаю тебе, все те ужасные вещи, что творил Лео, вся его неумная алчность, никогда не выйдут на свет. Об этом мы позаботимся. Мы будем поддерживать тебя, как только сможем. Вы – зеркальные близнецы, и это, конечно, создает определенные трудности. Но вы невероятно похожи. Ваш случай исключительный, и все будет хорошо. Я просто уверена в этом.

В этот момент Ракель услышала странный звук: это Даниэль разгрыз свой собственный зуб.

Глава 20

22 июня

Наконец Лео Маннхеймер вышел из своего кабинета. Микаэль поднялся и протянул ему руку. Настал долгожданный момент. Блумквист долго изучал Лео Маннхеймера на расстоянии, прежде чем получил возможность встретиться с ним с глазу на глаз. Еще до знакомства у этих двоих было богатое общее прошлое. Еще до того, как они успели поздороваться, между ними уже стояла тень невысказанного. Лео нервно потирал руки с длинными, ухоженными ногтями. На нем были голубой льняной костюм, черная футболка и спортивные туфли. пышная шевелюра взъерошена. Он так и застыл у ресепшена, вместо того чтобы пригласить Микаэля в кабинет, и как будто к чему-то прислушивался.

– Слушал вас в Музее фотографии с Карин Лестандер, – начал Блумквист. – Это было превосходно.

– Спасибо, – ответил Лео. – Это было... – Он наморщил лоб.

– Превосходно! – повторил Микаэль и улыбнулся. – Это не пустой комплимент. Мы живем в эпоху лжи. В наше время, когда погоду делают так называемые «альтернативные факты»...

– *Post-truth society*^[47], – уточнил Лео и как будто засмутился.

– Всё так. Мы играем даже с нашей идентичностью, ведь так? В «Фейсбуке» и прочих социальных сетях изображаем из себя не тех, кем являемся на самом деле.

– У меня нет «Фейсбука», – оборвал его Лео.

– У меня тоже. Никогда не понимал этой забавы. Но я тоже играю, – продолжал Микаэль. – Это, если угодно, часть моей работы. А у вас с этим как?

Лео взглянул на наручные часы и бросил взгляд через окно в сторону площади.

– Прошу меня извинить, – ответил он, – но сегодня я в безнадежном цейтноте. Вы хотели о чем-то со мной поговорить?

– И вы не догадываетесь о чем? – парировал Микаэль.

– Ни малейшего понятия.

– То есть вы не совершали никаких глупостей. Ничего такого, что могло бы заинтересовать газетчиков... «Миллениум», например.

Лео сглотнул и опустил глаза.

– Возможно, раньше я занимался вещами, которые могли бы вас заинтересовать. Но сейчас...

– Сейчас меня интересует не бизнес, а более, так сказать, интимные вещи, – перебил его Блумквист. – Некоторые превращения, например. Небольшие, но от того не менее загадочные.

– Превращения? – не понял Лео.

– Именно.

– О чем вы?

– О загадочном превращении левши в правшу.

Лео опять отвлекся. Он как будто к чему-то прислушивался. Потом быстро провел рукой по волосам.

– Но это не было превращением. Я всегда одинаково хорошо управлялся и левой, и правой рукой. Амбидекстия.

– То есть вы одинаково хорошо пишете обеими руками?

– Ну... более-менее...

– Можете продемонстрировать? – Микаэль достал авторучку и блокнот.

– Только не сейчас. – Над верхней губой Лео выступили капли пота; взгляд его рассеянно блуждал по холлу.

– Неважно себя чувствуете?

– Можно сказать и так.

– Что и говорить, сегодня жарко.

– Возможно, именно поэтому.

– Я тоже не в лучшей форме, – продолжал Микаэль. – Вчера засиделся у Хильды фон Кантерборг... Вы, конечно, ее знаете?

По тому ужасу, который отразили глаза Лео Маннхеймера, Блумквист понял, что тот сел на крючок. Вся фигура Лео, его мятущиеся движения выражали страх и безнадежность.

Но было и нечто другое, что Блумквист затруднялся определить. Некая решимость, которая временами отступала, сменяясь растерянностью и смущением. Как будто Лео Маннхеймер готовился сделать некий важный шаг.

– Хильда рассказала мне одну совершенно неправдоподобную историю, – продолжал Микаэль.

– Вот как?

– Это история двух близнецов, которых разделили сразу после рождения. Одного из них звали Даниэль Бролин. Он коротал дни у одного фермера за Худиком, в то время как его брат...

– Не так громко, – перебил его Лео.

– Не так громко? – Микаэль изобразил на лице удивление. – В таком случае не лучше ли нам будет пойти прогуляться?

– Прогуляться? – переспросил Лео. – Не знаю...

Он окончательно растерялся и не знал, что говорить. Потом пробормотал что-то насчет туалета и исчез из поля зрения Микаэля. Блумквист тут же достал мобильный и отправил Лисбет Саландер зашифрованное сообщение о том, что его гипотеза подтверждается. Человека, который выдает себя за Лео Маннхеймера, на самом деле зовут Даниэль Бролин.

Но Лео, он же Даниэль, ускользнул, и это не могло не беспокоить Блумквиста. Возможно, парень просто сбежал от него через черный ход. Микаэль оглянулся – все шло своим чередом. Люди как ни в чем не бывало ходили по холлу – одни присаживались на диваны, другие исчезали в глубине здания. Брюнетка на ресепшене улыбалась и желала всем доброго дня. Это было шикарное здание, с высоченными потолками и красными обоями, на которых красовались живописные портреты солидных пожилых мужчин – очевидно, знаменитых совладельцев и членов правления.

Зазвонил мобильник Микаэля. Это была Анника, которой вздумалось поговорить именно в тот момент, когда Лео Маннхеймер – или кем бы он там ни был – наконец появился в глубине коридора. Похоже, он справился с ситуацией и выглядел как человек, принявший решение. Но было ли оно так на самом деле, сказать было трудно. Лео смотрел в пол. Его шея была напряжена и покрыта красными пятнами. Он как будто не заметил Микаэля и объявил девушке на ресепшене, что в ближайшие пару часов будет занят.

Они спустились в лифте и вышли на площадь Норрмальмсторг. Стокгольм изнывал от жары. Люди обмахивались руками и газетами. Мужчины шли, перебросив пиджаки через плечо. Они свернули на Хамнгатан. Лео беспокойно огляделся по сторонам, как будто высматривал такси или автобус. Но вместо этого они пересекли улицу и направились к Кунгстредгордену. Двигались молча, словно оба ждали, что что-то вот-вот должно проясниться или произойти. Микаэлю это не нравилось, он сам не знал почему. Его спутник взмок больше, чем следовало, и все время беспокойно оглядывался. Когда они пересекали площадь по направлению к зданию Королевской оперы, Микаэль почувствовал опасность. Очевидно, он допустил промах, но где? Журналист лихорадочно соображал. Что, если в здании Оперы засада? Но он никого не видел, как ни вглядывался. В городе царила атмосфера летнего отпуска. Повсюду на скамьях и за столиками уличных кафе сидели люди, подставив лица солнцу. Быть может, Микаэлю просто передалась нервозность его спутника?

– Послушайте, эй! – обратился к нему Блумквист. – Как мне теперь вас называть, Лео или Даниэлем?

Мужчина прикусил губу, взгляд его вспыхнул. В следующий момент он набросился на Микаэля, и тот упал на землю.

* * *

Ракель Грейтц наблюдала за ними с одной из скамеек на площади Норрмальмсторг. Она понимала, что, коль скоро дело дошло до применения физической силы, история близка к тому, чтобы попасть на страницы газет. Но не испытывала по этому поводу никаких потрясений. Ставки были высоки изначально, Ракель знала это. И теперь ей кружило голову то ощущение свободы, какое бывает только на последней стадии отчаяния. Того, кому терять нечего, ничем не сдержать. Разумеется, при ней находился Беньямин Форс. Он был привязан к ней не только чувством глубочайшей признательности. Обнародование их общих тайн грозило ему не меньшими неприятностями, поэтому он был готов без лишних вопросов вывести Блумквиста из игры, а Даниэля Бролина увезти в надежное место, как и было обговорено. Несмотря на жару, Беньямин был одет в черную кожаную куртку с капюшоном и прятал глаза под темными солнечными очками. В кармане он держал наготове шприц с кетаминот – анестетиком, которым предполагалось вывести журналиста из игры. Ракель мучилась с утра болями в желудке и не без труда добралась сюда по аллее, тянувшейся вдоль Кунгстредгордена.

Сейчас она до предела напрягла зрение и слух. Мир вокруг перестал существовать, – кроме двоих мужчин, пересекавших площадь. Вот они замедлили шаг. Похоже, журналист задал какой-то вопрос. «Это хорошо», – подумала Ракель. Вопрос отвлечет их внимание и облегчит им с Беньямином выполнение задуманного. Чуть ниже на улице появилась повозка с лошадей. В небе висел голубой воздушный шар, и повсюду гуляли ни о чем не подозревающие люди. Сердце Ракель сжалось от радостного предчувствия.

Но в этот момент что-то произошло. Заметив приближающегося Беньямина, Даниэль оттолкнул журналиста в сторону, так, что тот упал на землю. От неожиданности Беньямин так и застыл на месте со своим шприцом. Но тут Блумквист поднялся – почти взлетел. Беньямин снова подступился к нему, однако следующий выпад Блумквиста обратил его в бегство. Жалкий трус! Ракель следила, как Даниэль с журналистом убегают

по площади в сторону Королевской оперы, прыгают в такси и исчезают. Прогретый солнцем воздух окутывал ее, как теплое, влажное одеяло. Ракель чувствовала себя как никогда больной и немощной. Тем не менее она собралась с последними силами и поднялась со скамейки.

* * *

Лисбет Саландер лежала, прижатая к полу серого фургона. Со всех сторон – в живот и по голове – сыпались удары. А потом на лицо снова легла вонючая тряпка. Лисбет чувствовала, что силы покидают ее, и уже несколько раз проваливалась в забытие. Тем не менее она узнала Бенито и Башира – что ж, отличная компания. «Гангстерша» была бледна, с повязками вокруг головы. Похоже, она передвигалась не без труда, поэтому вела себя тихо. Лисбет занимались в основном мужчины: Башир – бородатый и потный, в той же одежде, что и вчера, и крепкий парень лет тридцати пяти с обритой головой, в серой футболке и черном жилете. Третьим был водитель.

Фургон катился вниз мимо Шлюза, насколько понимала Лисбет. Она озиралась, стараясь запомнить обстановку вплоть до малейшей детали. Моток бечевки, рулон скотча, две отвертки. Новый удар, на этот раз в затылок, опрокинул ее на пол. Лисбет схватили за руки, связали, потом обыскали и отняли мобильник. Последнее ее обеспокоило, но ненадолго – телефон взял лысый парень, который засунул его в карман жилетки. Лисбет обратила внимание на его судорожные движения и на то, как он постоянно косился в сторону Бенито. Очевидно, это он, а не Башир был ее верной собачкой. Все трое сидели на скамейке слева, в то время как Лисбет лежала на полу, задыхаясь от запаха больничного спирта с примесью сладкой парфюмерии и пота. Похоже, машина двигалась в северном направлении, но Саландер не могла утверждать этого наверняка. В голове мутилось. Компания сидела молча. Лисбет ничего не слышала, кроме их тяжелого дыхания, гула мотора да – время от времени – скрипа подвески. Старая колымага, верные тридцать лет.

Вскоре они выехали на проселочную дорогу, и компания развязала языки. Это было именно то, что нужно Лисбет. У Башира на шее красовался огромный синяк – очевидно, после того удара битой. Он выглядел невыспавшимся и жалким.

– Ну что, шлюха, теперь тебе придется помучиться, – сказал он.

Лисбет молчала.

– А потом я буду медленно убивать тебя моим керисом, – добавила Бенито.

Лисбет по-прежнему не отвечала. Это было лишнее. Она знала, что каждое сказанное в фургоне слово фиксируется множеством датчиков. Их активировало кодовое слово «Вильдвиттра», которое Лисбет, падая, прошептала в модифицированный «Айфон». Код через персонального помощника «Сири»^[48] активировал кнопку тревоги. Включился микрофон, который инициировал звукозапись и ее рассылку, вместе с GPS-координатами мобильного, всем членам так называемой «Республики хакеров».

* * *

Члены этой группы, принадлежавшие к элите хакерского мира, поклялись всем, что было свято для каждого из них, не использовать кнопку тревоги иначе как в случае крайней необходимости. Поэтому сейчас за драмой в фургоне следило множество молодых людей во всем мире. Большинство из них не понимали по-шведски, это так. Но и шведов было более чем достаточно. Один толстяк из Сьондбюберга чего стоил! Его называли Чумой, он был огромный, как дом, и при этом совершенно бесформенный. Чума выглядел как бродяга, отброс общества, что не мешало ему быть компьютерным гением. Сейчас он не сводил глаз с монитора, следуя координатам GPS в северном направлении от Уппсалы. Автомобиль – судя по всему, большой и далеко не новый – свернул на трассу 77 и покатил на восток, в сторону Книвсты. Не самое удачное направление – в сельской местности показания GPS-координат куда более расплывчаты. В динамике снова послышался женский голос – хриплый и вялый, как будто его обладательница была не совсем здорова:

– Понимаешь ли ты, как долго будешь умирать, сука?

Чума в отчаянии оглядел свой стол. Кипы бумаг, щедро усыпанные крошками и остатками еды, громоздились вперемежку с банками из-под пепси-колы. Сам он был небрит, нестрижен и одет в замусоленный синий халат, топорщившийся в разные стороны засаленной бахромой. Его мучили боли в спине и диабет – в последнее время он прибавил в весе. Кроме того, Чума вот уже с неделю не видел солнечного света. Что он должен был делать? Будь в его распоряжении хотя бы один электронный адрес, он хакнул бы электрическую сеть или систему водопровода, добрался бы до жителей окрестных поселков. Но сейчас... его трясло от осознания

собственного бессилия. Сердце бешено колотилось. Чума понятия не имел, куда направляется эта машина. Сообщения следовали одно за одним. Лисбет была их старым другом, их звездой. Но ни у одного из них – Чума это видел – не было ни малейшего понятия о том, что делать дальше. Неужели придется звонить в полицию?

До сих пор Чума ни разу не обращался в полицию, и у него имелись на это веские причины. Пожалуй, не было ни одного киберпреступления, которого бы он не совершил. Чума вечно находился в розыске. Но и не самые законопослушные граждане время от времени прибегают к защите закона. Лисбет – или Оса, как они ее называли – часто упоминала копа по фамилии Бублански. «С ним всё в порядке», – говорила она. В устах Осы это была серьезная рекомендация...

Еще несколько минут Чума сидел перед картой Уппланда на мониторе. Потом надел наушники, прибавил звук и открыл звуковой файл. Он хотел разобрать малейший нюанс каждого голоса и шума. В наушниках что-то заскрежетало и завизжало. Но потом сквозь помехи прорвались слова, которые Чума меньше всего хотел бы слышать:

– У тебя ее телефон? – Это спросила та самая больная женщина, бывшая, похоже, главной в команде. Она и парень, который время от времени разговаривал с шофером на непонятном Чуме языке; поисковая программа определила его как бенгали.

– У меня в кармане, – ответил мужской голос.

– Можно?

Снова что-то зашелестело, зашумело. Похоже, ей передали мобильник. Кто-то – насколько мог расслышать Чума – дышал в трубку.

– Что-нибудь подозрительное?

– Не знаю, – ответила женщина. – Не похоже, но копы могут выследить нас при помощи этой штуки.

– Тогда от нее нужно избавиться.

Потом разговор снова перешел на бенгали. Машина притормозила, заскрежетала дверца. Ее открыли, похоже, на ходу. В наушниках засвистел ветер, потом дверца хлопнулась. Невыносимо громко. Чума вздрогнул и изо всей силы ударил кулаком по столу. Черт бы вас подрал! В микрофон посыпались проклятия. Связь с Осой была прервана! Чума лихорадочно пытался собраться с мыслями. «Камеры слежения на дорогах!» – вспомнил он. Как же! Как он мог забыть о них? Они должны хакнуть сайт транспортной администрации или любым другим способом получить доступ к дорожным камерам слежения. Проблема в том, что это займет время, которого нет.

«Кто знает, как добраться до серверов транспортной администрации поскорее?» – написал Чума и пустил сообщение по зашифрованному звуковому каналу.

«Материалы камер слежения частично в открытом доступе на сайте», – ответили ему.

«Этого недостаточно, – отозвался Чума. – Слишком туманно и невнятно. Нам нужна марка машины и ее номер».

«Я знаю обходной путь», – сказал молодой женский голос.

Чума идентифицировал его почти сразу. Это была Нелли, новый член их команды.

«Правда?! – воскликнул он. – Отлично! Помогите ей, ребята! Давайте, давайте! Я дам время и координаты».

Чума зашел на сайт trafiken.nu, где отображались материалы камер слежения вдоль трассы Е4 в сторону Уппсалы, одновременно отматывая назад запись с карты памяти мобильного Осы. Сигнал тревоги поступил в 12.52. Первая камера на трассе была, вероятно, эта... возле Хага Сёдры... погодите-ка... Фургон появился там спустя тринадцать минут, в 13.05. Дальше камеры стояли теснее, и это было хорошо. Местные населенные пункты назывались Линневарторпет, Линневарторпет Сёдра и Линневарторпет Нурра. А также Хага-Нурра-Гриндер, Хага-Нурра, Стура Фрёсунда, Йевла-Круг, Мелланьерва, Ульриксдальс-Гольфбана.

На первом перегоне камер оказалось очень много, поэтому, несмотря на оживленное движение, вычислить нужный автомобиль было несложно. Тем более такую громоздкую развалюху – фургон или небольшой грузовик.

– Как дела? – кричал Чума.

– Спокойно, спокойно, – отвечали ему, – мы работаем... подожди... Черт! Что за четкость! Любительщина... Что за идиоты понаставили здесь таких камер?..

Они кричали и сыпали проклятиями, исходили по том и адреналином – все было как всегда. Но на этот раз речь шла о жизни о смерти. И теперь они знали наверняка – речь шла о старом сером «Мерседесе» с кузовом универсал. Но что это давало? Ничего, кроме невыносимого чувства собственного бессилия. Машина, словно неуловимый бледный призрак, следовала от одной камеры к другой, пока не скрылась из виду в лесах к востоку от Книвсты, где никаких камер не было и в помине. Цифровой мрак – вот как это называлось.

Черт, черт!.. Никогда еще «Республика хакеров» не слышала таких громких проклятий. Теперь Чума не видел другого выхода, кроме как позвонить комиссару Бублански.

Глава 21

22 июня

Бублански беседовал с имамом Хасаном Фердоуси. Картина убийства Джамала Чаудхери окончательно прояснилась. В нем оказалась замешана вся семья Кази, исключая отца, плюс кое-кто из исламистов, переселенцев из Бангладеш. Бублански восхищался тщательностью, с какой была продумана операция, но еще больше – собой, сумевшим раскрыть ее на первой стадии расследования и фактически без посторонней помощи. Полицейские облажались, что и говорить; были времена, когда они куда более успешно предотвращали подобные преступления. По этому поводу Бублански уже звонил Хелене Крафт из СЭПО и имел беседу с имамом. Но сейчас комиссар был несколько рассеян. Он собирался вернуться к расследованию смерти Хольгера Пальмгрена и в этой связи собирался обратить свое внимание на профессора Мартина Стейнберга.

– Простите, что? – Последнюю фразу имама Бублански не расслышал.

Но ему все равно не дали возможности вернуться к беседе. В этот момент зазвонил телефон. И не только телефон – неизвестный адресат под ником «Свистатьвсех-наверх-Саландер» жаждал связаться с комиссаром по скайпу. Что за ерунда? Бублански принял вызов по мобильнику. В трубке молодой мужской голос так и сыпал проклятиями по-шведски.

– Я не стану вас слушать, пока вы не представитесь, – перебил его Бублански.

– Меня зовут Чума, – сказал парень. – Включи свой компьютер и пройди по ссылке, которую я тебе кинул. Там все узнаешь.

Комиссар вошел в свою почту и кликнул ссылку. Молодой человек и там ругался больше, чем следовало, пересыпая крепкие выражения непонятной компьютерной терминологией; тем не менее комиссар быстро вошел в курс дела. Оправившись от легкого шока, он приказал отправить вертолет и несколько машин из Уппсалы и Стокгольма в направлении озера Вадабушён. А потом, прихватив с собой Аманду Флуд, вывел из гаража свою «Вольво».

Посадив Аманду за руль, он велел ехать по уппсальской трассе в северном направлении. С включенной синей мигалкой.

Очевидно, человек, который сейчас стоял перед ним, спас его от серьезного нападения. Микаэль пока не знал, что все это значит, хотя, безусловно, это был хороший знак. Что-то подсказывало Блумквисту, что теперь разговор между ними пойдет не тот, что в фойе фонда Альфреда Эгрена. После того, что случилось на площади, Блумквист был кое-чем обязан своему спутнику.

Город по-прежнему изнывал от зноя. Но они сидели в небольшой мансардной квартирке на Тавастгатан, чьи наклонные окна выходили на залив Риддарфьёрден. Здесь же стоял мольберт с недописанным полотном, изображавшим белого кита в морской пучине. В нем чувствовалась некая высшая гармония, несмотря на беспокойные краски. Тем не менее Микаэль отвернул его к окну. Ничто не должно было отвлекать их от главного.

Эта квартира принадлежала престарелой художнице Ирене Вестервик. Микаэль никогда не был особенно близок с ней, тем не менее уважал ее как человека умного и надежного. В отличие от большинства его знакомых, Ирене жила не только сиюминутными проблемами. Рядом с ней Микаэль вырастал в собственных глазах. В такси ему удалось связаться с ней по телефону и выпросить ключи от ателье на пару часов, – возможно, на весь оставшийся день. Ирене встретила их у ворот в сером хлопковом костюме, с улыбкой протянула связку и пожелала приятного времяпрепровождения.

Так Микаэль остался один на один с человеком, бывшим, предположительно, Даниэлем Бролином, рядом с отвернутым к окну мольбертом. Мобильники они отключили и оставили на небольшой кухоньке слева. Оба истекали по том. Микаэль безуспешно пытался открыть окно.

– Так что было в руке того человека, неужели шприц? – спросил он.

– Похоже на то, – ответил мужчина, бывший, предположительно, Даниэлем Бролином.

– И что в нем могло быть, как вы думаете?

– Все, что угодно, вплоть до синтетического кураре, – ответил его собеседник.

– Яд?

– Да. В относительно небольших дозах парализует все мышцы, включая дыхательные. Вы бы задохнулись.

– О, похоже, вы понимаете в нем толк...

Мужчина поглядел на него озабоченно, и Микаэль перевел взгляд за окно.

– Могу я называть вас Даниэлем?

Некоторое время мужчина молчал, как будто сомневался.

– Дэном, – ответил он наконец.

– Это уменьшительно-ласкательное от «Даниэль»?

– Нет. В свое время я получил «зеленую карту» и американское гражданство. Я приложил все усилия, чтобы забыть прежнюю жизнь. Теперь мое имя Дэн Броуди.

– Или Лео Маннхеймер?

– Или Лео Маннхеймер, – подтвердил мужчина.

– Странно, вы не находите?

– Да, странно.

– Тогда, может, расскажете мне свою историю, Дэн?

– Попытаюсь.

– У нас есть время. В ближайшие несколько часов нас никто не побеспокоит.

– Нет ли здесь чего-нибудь выпить... не слишком крепкого? – спросил Дэн.

– Сейчас посмотрю.

На кухне Микаэль обнаружил несколько бутылок белого вина «Сансерра». «Журналистская стратегия», – улыбнулся он про себя, вспоминая Хильду фон Кантерборг. Похоже, с некоторых пор эта стратегия стала для него нормой. Не выпив, не раздобудешь информации. Блумквист взял бутылку с откручивающейся пробкой и два бокала.

– Даже не знаю, с чего начать, – сказал Дэн. – Но вы ведь встречались с Хильдой. Не упоминала ли она некую Ракель Грейтц?

– Она много говорила о ней.

Эти слова Микаэля Дэн оставил без комментариев. Просто поднял свой бокал и молча выпил. А потом, не торопясь, приступил к рассказу. Он начал с того случая в берлинском джаз-клубе, когда, исполняя соло на гитаре, привлек к себе внимание одной очаровательной шведки...

* * *

Они заехали в лес и остановились. В машине стояла невыносимая духота. Снаружи не доносилось никаких звуков, кроме птичьего пения и жужжания насекомых. Мотор гудел на холостом ходу. Лисбет мучила жажда. Она все еще лежала на полу фургона, избитая и одурманенная чем-то вроде хлороформа. Но когда попыталась встать на колени, никто не возразил. После того как мотор стих, они еще некоторое время наблюдали за ней, сидя на скамье, а потом кивнули друг другу. Бенито выпила воды и

приняла какие-то таблетки. Ее лицо имело пепельно-серый цвет. Она осталась сидеть, в то время как Башир и лысый парень встали. Предплечья лысого украшала татуировка. Только теперь Лисбет разглядела, что было изображено на его кожаном жилете, – эмблема мотоклуба «Свапельшё МК». Час от часу не легче... Одно время эти байкеры поддерживали связь с ее отцом и сестрой. Неужели это Камилла и ее хакеры навели их на ее квартиру?

Лисбет взглянула на дверцу машины и вспомнила момент, когда лысый выбросил наружу ее мобильник. И тут же с математической точностью оценила силу удара – точнее, полное отсутствие силы. Руки Лисбет оставались связанными, но она одним пинком могла открыть дверцу. Это было хорошо, в особенности с учетом того, что Бенито едва держалась на ногах, а мужчины нервничали. Это она поняла по их учащенному дыханию и мутным глазам. Башир гримасничал, как и тогда, в Валльхольме. Он пнул Саландер правой ногой. Удар пришелся в подреберье и оказался довольно чувствительным. Но Лисбет изобразила просто невыносимую боль. Следующий пришелся по лицу. Она сделала вид, что потеряла сознание, продолжая наблюдать за Бенито. Саландер с самого начала подозревала, что вся затея принадлежала именно ей. За ней же, по-видимому, оставалось последнее слово. В этот момент Бенито нагнулась и полезла в свою серую тряпичную сумку.

Мужчины схватили Лисбет за плечи и встряхнули. Очевидно, ничего хорошего для нее это не означало, потому что Бенито достала из сумки кусок красного бархата и кинжал – свой знаменитый керис.

Он был прямой и блестящий, с изящно изогнутой золоченой ручкой, которую украшало изображение демона с раскосыми глазами. Такой штучке самое место на музейной витрине под стеклом, а не в руках бледной как смерть психопатки с бинтами на голове. Некоторое время Бенито разглядывала кинжал, и ее глаза светились безграничной нежностью.

Потом она хриплым голосом объяснила, как именно используют керис. Лисбет слушала ее не особенно внимательно, но кое-что все-таки дошло до ее сознания. Керис, говорила Бенито, следует вонзать сквозь красную ткань, под ключицу и прямо в сердце. Кровь нужно вытирать сразу же, той же красной тканью. Это требует немалой сноровки.

Лисбет была начеку. Она ловила в глазах своих палачей малейший знак сомнения или невнимательности. Наконец перевела взгляд на Башира. Он держал ее за левое плечо и, похоже, был настроен решительно. Лисбет Саландер должна умереть – разубедить его в этом не имело смысла. Но выглядел Башир не слишком довольным, и даже идиоту было понятно

почему. Сейчас он выполнял роль подручника отвратительной бабы с кинжалом в руке. Он, державший всех женщин за шлюх!

– Ты знаешь Коран? – обратилась к нему Лисбет.

Ее вопрос встревожил его – она поняла это по тому, как дрогнули его пальцы. Тогда Лисбет добавила, что Пророк проклял все керисы и назвал их орудиями демонов и сатаны. Так записано в Коране (тут Лисбет процитировала выдуманную суру). Она назвала ее номер и посоветовала Баширу немедленно навести справки в Интернете.

– «Погугли» – сам увидишь, – сказала она.

Но «гангстерша» вскочила с места и одной фразой свела усилия Лисбет на нет.

– Она лжет, – прошипела Бенито. – Во времена Мухаммеда керисов не было. Это орудие всех святых воинов. Всех!

Похоже, Башир поверил ей. Во всяком случае, захотел поверить.

– Хорошо, хорошо, – успокоил он Бенито. – Только поторопись...

И добавил что-то на бенгали, относящееся, повидимому, к шоферу.

И Бенито вдруг ожила, несмотря на недомогание. Но это не слова Башира прибавили ей бордости, а непонятный шум сверху, похожий на жужжание вертолета. Ничто не указывало на то, разумеется, что этот звук имел к ним какое-либо отношение. Но Лисбет знала, что ее друзья-хакеры не сидят сложа руки. Этот звук одновременно обнадеживал и пугал ее. Обнадеживал – потому что мог означать спасение. И пугал – потому что команда в «Мерседесе» вдруг пришла в движение. Башир и его лысый напарник вцепились в Лисбет мертвой хваткой. А Бенито со своей красной тряпкой и сверкающим ножиком подходила все ближе. Лисбет вспомнила Хольгера, потом маму и Дракона – и уперлась ногами в пол. Она должна была подняться, чего бы ей это ни стоило.

* * *

Микаэль и Дэн молчали. История подошла к своему кульминационному моменту. Глаза Дэна блуждали по комнате, руки дрожали.

– Лео лежал на ковре. Ему как будто полегчало. Он получил дозу какого-то другого препарата и ожил. Я действительно поверил в то, что самое страшное позади, но тут...

– Это она рассказала вам о кураре?

– Даже дала возможность порыться на эту тему в Сети. Возможно, для

того, чтобы я собственными глазами прочитал, что физостигмин снимает эффект лишь временно. Но я увидел кое-что еще...

– Что?

– До этого я еще дойду. Ракель выхватила у меня телефон и пригрозила обвинить меня в убийстве брата, если я не пойду на ее условия. Я был в шоке и почти не осознавал, что происходит. Они надели на меня шляпу и солнечные очки. Ракель сказала, что выйдет не очень убедительно, если люди увидят на лестнице одновременно двоих Лео. А потом добавила, что его надо вынести из квартиры, пока он хоть чуть-чуть держится на ногах. И я увидел в этом последнюю возможность. Я решил, что за дверью можно будет позвать на помощь...

– Однако не позвали.

– Ни на лестничной площадке, ни в лифте мы не встретили ни одной живой души. Был канун Рождества. Не думаю, что высокого мужчину действительно звали Йон, как представила его Ракель. Она сама несколько раз назвала его Бенямином. Именно он и напал на вас сегодня на площади. Но тогда...

– Да?

– Тогда они с Ракель выволокли Лео из подъезда – он еще худо-бедно держался на ногах – и затащили в припаркованный на улице черный «Рено». Начинало темнеть – по крайней мере, было похоже на то...

Тут Даниэль Бролин снова надолго замолчал, как будто о чем-то задумался.

Декабрь, полтора года назад

Улица перед ним лежала пустая. Вероятно, Дэн должен был побежать за подмогой, но совершенно невозможно было оставить Лео одного. К вечеру стало теплее, снег на улицах превратился в грязную жижу. Ракель и ее помощник втащили Лео в машину.

– Мы возе́м его в больницу, ве́дь так? – спросил Дэн.

– Разумеется, – ответила Ракель.

Неужели он действительно ей поверил? Ей, которая только что объясняла ему, что это бессмысленно, которая угрожала ему? Дэн ничего этого не помнил, когда садился в машину. В голове крутилась одна-единственная мысль – о том, что, если некоторое время поддерживать в пострадавшем от яда кураре дыхание, он может вернуться к жизни. Он опустил на заднее сиденье рядом с Лео. По другую сторону сел тот, кого Ракель называла Бенямином.

Это был крупный мужчина – не меньше сотни килограммов – с

неправдоподобно огромными руками и невинным, детским лицом. Впрочем, Дэн не особенно его разглядывал. Он целиком сосредоточился на Лео, который должен был дышать. Дэн еще раз спросил Ракель, действительно ли они едут в больницу. «В Каролинскую», – на этот раз уточнила она и даже назвала номер отделения.

– Верь мне.

Ракель добавила, что уже связалась со специалистами. Они ждут Лео и обязательно что-нибудь сделают. Почему Дэн ей поверил? Возможно, он был в шоке и плохо воспринимал происходящее. Трудно сказать, но в этот момент он всеми правдами и неправдами поддерживал в Лео искру жизни. И никто не препятствовал ему в этом. Ракель как ни в чем не бывало вела машину. Движение было не особенно оживленное, и скоро они выехали на мост Сольнабрун. Завидев впереди красные стены больницы, Дэн на некоторое время поверил, что все и вправду будет хорошо. Но он поддался иллюзии. Вместо того чтобы остановиться, автомобиль прибавил газу и пролетел мимо Каролинской больницы в сторону Сольны.

Дэн кричал и размахивал кулаками, пока не почувствовал жжение в бедре. Мышцы его сразу обмякли. Ярость не прошла, но стала бессильной. Дэн в отчаянии тряс головой, стараясь удержать сознание в ясности, но с каждой минутой это становилось все труднее. Он потерял счет времени. Будто сквозь сон видел, как Ракель и ее помощник о чем-то перешептывались. Потом женщина возвысила голос и заговорила, обращаясь к Дэну. Похоже, она пыталась в чем-то его убедить, но в чем? Дэн слышал что-то о мечтах, которые наконец воплотятся в жизнь, о богатстве, которое ему не снилось. Наконец, о счастье.

– Ты будешь счастлив, Даниэль, мы это устроим.

Но рядом хрипел Лео, по другую сторону которого сидел этот Бенъямин, и это... это было убедительнее всяких слов.

* * *

Микаэль Блумквист вряд ли сможет это понять, но Дэн должен сделать то, что должен.

– И вы соблазнились? – спросил журналист.

Дэн подавил в себе желание разбить винную бутылку о его голову.

– Вы должны понять, – повторил он, – что в эту минуту для меня не существовало ничего и никого, кроме Лео.

Он снова замолчал.

– И о чем же вы думали в тот момент? – спросил Микаэль.

– О том, как нам с Лео выбраться из этой ситуации.

– У вас был конкретный план?

– План? Нет. Но я решил подыграть им, пока не обнаружится что-нибудь, за что можно будет зацепиться. Мы выехали за город. Ко мне понемногу возвращались силы, но Лео становилось все хуже. Он лежал без движения и задыхался. Я не спускал с него глаз. Мне трудно говорить об этом...

Дэн выпил вина.

– Я понятия не имел, куда мы едем. Дорога сужалась. В темноте проступали очертания хвойного леса. Теперь вместо снега шел дождь. Я увидел указатель «Вильдокра». Мы повернули налево на лесную дорогу и через десять минут остановились. Ракель Грейтц и Беньямин вышли из машины и что-то вытащили из багажника... Какую-то железную штуку. Мне было не до них, я занимался Лео. Я положил его на сиденье и стал делать искусственное дыхание. Как умел. Чувства мои притупились. Когда Лео вырвало, я даже не заметил этого. В машине плохо пахло. Я склонился над Лео и... вы можете себе это представить? Это было все равно как склониться над самим собой. Самое интересное, что они позволили мне делать это. Хотя я все равно не осознавал происходящего. Я сосредоточился на Лео и на Ракель. Я не выпускал ее из виду. Ее ласковый голос все время внушал мне, что Лео должен умереть. Скоро эффект физостигмина закончится. Это ужасно, говорила Ракель, но здесь ничего не поделаешь. Правда, есть и утешительный момент – никто не станет искать его. Никто даже не спросит, куда девался Лео, потому что я займу его место. Его мать при смерти. Я должен буду уйти из фонда Альфреда Эгрена и продать Ивару свою долю акций. Этого опять-таки никто не заметит. Всем давно известно, что Лео Маннхеймер только и мечтает о том, чтобы сменить работу. Это не более чем справедливо, я давно заслуживаю этого. Я не видел другого выхода, кроме как во всем с ней соглашаться. Я бубнил что-то вроде того, что все понимаю. Они отобрали у меня телефон, как я уже, кажется, говорил. Мы были в лесу, и я не видел поблизости и намека на человеческое жилище. Что же мне оставалось делать?

Вскоре Беньямин вернулся. Мокрый снег стекал по его лицу вперемешку с потом. Штаны были покрыты грязью. Шапка сидела косо. Он выглядел как черт из преисподней. В группе царило молчаливое взаимопонимание. Беньямин выволок Лео из машины. Он был неуклюж, как медведь. Голова Лео билась о землю. Помню, как я снял с Беньямина шапку и надел ее на брата. Потом застегнул на нем пуговицы. Мы даже не

одеди его как следует. На Лео не было ни галстука, ни шейного платка. Шнурки на домашних туфлях болтались, развязанные, – кошмарная сцена. Меня все тянуло убежать в лес или выскочить на дорогу в надежде встретить кого-нибудь. Но оставалось ли у меня время на это? Не думаю. Я ведь даже не знал, жив ли брат. Поэтому я молча пошел за ними в лес. Беньямин тащил Лео. С большим трудом, как казалось со стороны, хотя брат был легкий и худой. Я предложил ему помощь, но Беньямин отказался. Он вообще старался держаться от меня подальше.

– Уйди, – огрызнулся он. – Это не твоя работа.

Потом Беньямин еще окликнул Ракель, но она не расслышала: дул сильный ветер. Помню, как скрипели и гнулись деревья. Мы подошли к старой, больной ели, под которой уже была насыпана куча земли, но сначала мне и в голову не пришло, что все это имеет к нам какое-либо отношение.

– Это была могила, – догадался Микаэль.

– Что-то вроде того. Не особенно глубокая. Беньямин выглядел обессиленным – похоже, совершенно замучился долбить мерзлую землю. Он положил Лео под елью, а мне велел убираться прочь. В ответ я назвал Беньямина бесчувственной свиньей и сказал, что хочу всего лишь проститься с братом. Тогда он снова принялся угрожать мне и напомнил, что у Ракель есть все, чтобы упечь меня за решетку за убийство.

Я знаю, я все понимаю, сказал я. Я всего лишь прошу его исчезнуть на некоторое время, проявить хоть какое-то уважение к покойнику. Лео – мой брат, и я хочу похоронить его сам. «Посмотри, – сказал я. – Он мертв и никуда не денется. Я тоже. Оставь нас в покое, дай мне выплакаться». И Беньямин меня послушался. Не думаю, что он ушел далеко, но главное – оставил меня наедине с братом. И я присел под елью на корточки и снова склонился над Лео.

* * *

Анника Джаннини пообедала в столовой для персонала во Флудберге и снова вернулась в корпус Н, в комнату свиданий, продолжать допрос Фарии Кази. После обеда Соня Мудиг сосредоточилась и стала вести себя спокойней. Но главное – теперь она была согласна с Анникой в том, что нападение на Ахмеда не было умышленным убийством. Фария вытолкнула брата из окна, будучи в состоянии шока, и доказать этот момент куда важнее, нежели изучать долгую историю ее унижений в отцовском доме.

Анника вздохнула с облегчением. Но в этот момент у Сони зазвонил мобильник, она вышла в коридор и спустя минуту вернулась сама не своя.

– Хватит играть в прятки, – разозлилась Анника. – Выкладывайте, что у вас там стряслось.

– Прошу прощения, – ответила Соня. – Понимаю, что не имею права поддаваться эмоциям, но только что мне сообщили, что Бенито и Башир похитили Лисбет Саландер.

– Рассказывайте, – велела Анника.

Выслушав Соню, она вздрогнула. Фария сидела в кресле, обхватив руками колени. Но потом что-то произошло, Анника заметила это сразу. Глаза Фарии вспыхнули. Теперь ее лицо выражало предельную степень сосредоточенности.

– Вадабушён, вы сказали?

– Да, – ответила Соня. – Дорожная камера слежения зафиксировала автомобиль прежде, чем он свернул на лесную дорогу в сторону озера.

– Мы... – пробормотала Фария, и все взгляды с надеждой устремились на нее. – Мы отдыхали на этом озере до того, как у нас появились средства ездить на Майорку. Мы часто там бывали, это ведь совсем недалеко. И вот однажды... мама была еще жива... вы ведь знаете, что озеро окружено лесом. Там такой густой лес и много тропинок и разных укромных уголков, и вот...

Фария замолчала, подтянув колени к груди, а потом обратилась к Соне:

– У вас мобильник здесь берет? Можете показать мне карту? Тогда я попытаюсь вспомнить...

Соня долго ругалась и тыкала пальцами кнопки, прежде чем открыла ссылку, которую ей прислали из полиции Уппсалы.

– Вот, смотри... здесь они въехали в лес, – она повернула карту к Фарие.

– Погодите-ка... Там должен быть залив... что-то вроде Сёдервикена... или Сёдравикена... а может, Сёдерстранден?.. – Фария наморщила лоб.

– Сейчас посмотрю... может, Сёдра Страндвикен? – Соня ткнула пальцем в карту.

– Точно! – оживилась Фария. – Вот видите... дорога ухабистая, но достаточно широкая. Машина проедет точно. Может здесь?.. – Она задумалась. – Хотя не знаю. Там еще на входе висел желтый щит: «Тут кончается дорога общего пользования», а через несколько километров от него – что-то вроде грота. То есть, конечно, не грот в полном смысле этого слова... скорее поляна... это больше походило на комнату под пологом

лиственного леса, справа от вершины холма... А вокруг была такая густая чаща... Но в чаще помню овраг и в нем – ручей. Башир както завел меня туда, якобы чтобы показать что-то интересное. На самом деле он хотел меня напугать. В то время у меня уже немного выросла грудь, и парни свистели мне вслед на улице. Башир стал рассказывать мне о каких-то женщинах, которые вели себя как шлюхи и были за это наказаны. Я перепугалась до смерти, потому, наверное, и запомнила это место. И вот я думаю... – Фария замолчала, словно не знала, как лучше выразить свою мысль. – Что, если Башир отвез Лисбет Саландер туда?

Соня Мудиг кивнула, сказала «спасибо», забрала у Фарии мобильник и позвонила.

* * *

Ян Бублански прижал телефон к уху.

Пилот вертолета Сами Хамид кружил над лесами в окрестностях озера Вадабушён, но не видел ничего, хотя бы отдаленно напоминающего серый универсал. Эта местность казалась необитаемой и безлюдной – ни домов, ни туристов, ни полицейских машин. Правда, берега озера поросли непроходимым лесом, и было не так-то просто разобраться в хитросплетениях дорог и тропинок.

Эти места словно специально созданы для того, чтобы в них прятаться. Черт! Давно Бублански так не ругался.

Аманда Флуд гнала на предельной скорости. До озера оставалось совсем немного, когда они свернули на государственную трассу 77.

Комиссар уже знал, кого они преследуют, – голосовой идентификатор с ходу опознал Бенито и Башира Кази, – но легче от этого ему не стало. Он уже звонил в пункт связи полиции Уппсалы и всем, кто мог предоставить хоть какую-нибудь информацию. Вот уже несколько раз набирал Блумквиста, но тот не отзывался. И Бублански снова сыпал проклятиями. Он ругался и молился попеременно. Как бы там ни складывались их отношения с Саландер, он питал к ней почти отцовские чувства. Особенно после того, как она помогла ему раскрыть серьезное преступление.

Комиссар велел Аманде прибавить газу. До озера оставалось совсем немного. В этот момент зазвонил мобильник – это была Соня Мудиг. Едва поздоровавшись, она велела ему набрать в GPS Сёдра Страндвикен и передала трубку Фарие Кази. Бублански ничего не понимал. Голос Кази звучал непривычно властно. Выслушав ее, Бублански попытался собраться

с мыслями. Оставалось надеяться, что они не опоздают.

Глава 22

22 июня

Лисбет Саландер понятия не имела, где находится. Но было душно, снаружи жужжали насекомые и скрипели под ветром деревья. Где-то поодаль журчала вода. Она попробовала сосредоточиться на своих ногах. Они были тощими, но хорошо натренированными. Во всяком случае, сейчас на них была вся ее надежда.

Лисбет стояла на коленях на полу фургона со связанными руками. Перед глазами мелькало бледное лицо Бенито в обрамлении грязных бинтов. Кинжал и красная тряпка дрожали в ее руках. Лисбет покосилась на дверцу фургона. Башир закричал на нее и еще крепче прижал к полу. Лисбет подняла глаза. На его лбу блестели капли пота. Он смотрел так, словно собирался на нее наброситься и не мог. Лисбет подумала было продолжить свою лекцию о сурах Корана, но поняла, что времени на это нет. Бенито уже стояла над ней со своим кинжалом. И сама атмосфера в фургоне изменилась. Нависла почти благоговейная тишина, как будто присутствующие собирались совершить какое-то важное действие. Один из мужчин разорвал футболку Лисбет, обнажив ее ключицу.

Бенито побледнела еще больше. Красная помада смотрелась странно на бескровно-пепельном лице. Хотя теперь «гангстерша» как будто увереннее держалась на ногах и не дрожала как осиновый лист.

– Ну-ка, прижми ее крепче, – обратилась она к Баширу неожиданно низким голосом. – Вот так, хорошо... Просто великолепно... Теперь настал ее смертный час... Помнишь, как я направила на тебя свой керис? Теперь ты будешь страдать... Теперь ты умрешь...

Бенито повернула к Лисбет улыбающееся лицо. Это была нечеловеческая улыбка. Некоторое время Саландер ничего не видела, кроме сверкающего лезвия и бархатной красной тряпки. Но потом вдруг заметила три иголки, блестевшие в бинтах Бенито, и то, что ее правый зрачок был больше левого. На правой двери фургона красовался рекламный плакат ветеринарной клиники «Багармуссенс». На полу валялись три скрепки и собачий поводок. Лисбет увидела еще, что стенка фургона возле потолка слегка испачкана чернилами, и снова перевела глаза на красную бархатную тряпку. Она казалась чем-то лишним в руках Бенито. Кинжал – да, с ним «гангстерша» управлялась умело. Но бархат был частью никому не

нужного ритуала. После недолгих колебаний Бенито, как и предполагала Лисбет, отбросила его прочь.

Саландер уперлась в пол большими пальцами ног. Башир кричал ей, чтобы стояла спокойно, но по голосу Лисбет чувствовала, что его нервы на пределе. Бенито заморгала и занесла кинжал, высматривая место для удара пониже ключицы. Лисбет напряглась для решающего броска. Руки ее были связаны, и мужчины крепко давили сверху на плечи, но нужно было попытаться. Лисбет прикрыла глаза, делая вид, что смирилась со своей участью, и наострила слух. Атмосфера была заряжена до предела. В ней чувствовалась не только жажда крови, но и – прежде всего – ужас. Выходит, даже этой компании не так-то просто было решиться на убийство. В этот момент Лисбет услышала еще один звук. Трудно было определить, что он значил. Как будто где-то неподалеку проезжал автомобиль. И, похоже, не один... Лисбет рванулась из последних сил и вскочила на ноги. Но от кинжала увернуться не успела...

* * *

Аманда Флуд и Ян Бублански тряслись на узкой гравийной дороге на пути к озеру Вадабушён. Они уже видели желтый щит с надписью, о котором говорила Фария. Аманда затормозила так резко, что машину занесло, и зло покосилась на комиссара. Тот все еще ничего не понимал и продолжал кричать в трубку:

– Да, щит! Я его вижу!

Не исключено также, что при этом он ругался и сыпал проклятиями, потому что машину так и бросало из стороны в сторону. Наконец Аманде удалось справиться с управлением, и она свернула на лесную дорогу, почти тропинку. В застывшей глинистой жиже отпечатались следы автомобильных шин. До наступления жары дождь лил почти непрерывно, испещрив дороги рытвинами и ухабами.

– Сбавляй скорость, черт тебя возьми! – рычал Бублански. – Мы не должны их упустить.

Они не должны их упустить. Место, которое описала Фария, лежало, судя по всему, на склоне холма, но Бублански не видел, как ни всматривался, ничего даже отдаленно похожего на возвышенность. Ландшафт, куда ни глянь, был равнинный. При этом места, чтобы спрятать машину, было сколько угодно, если она, конечно, вообще была здесь. И, наконец, самое главное: откуда Фария могла знать в таких подробностях

месторасположение этой поляны? Как ей удалось воскресить детские воспоминания с точностью до малейших деталей?

Бублански не видел в этом лесу ничего такого, на что можно было бы обратить внимание. Со всех сторон его плотной стеной окружали деревья. Где-то неподалеку послышался гул автомобильных моторов. Коллеги подоспели вовремя, что не могло не радовать комиссара. Оставалось надеяться, что они взяли верный след. Бублански огляделся. Он не представлял себе, что можно искать в этой непроходимой чаще. Но потом, всмотревшись в пространство между деревьями, заметил наконец нечто похожее на холм. Или нет, назвать это холмом было бы преувеличением. Но земля за стволами вздымалась, образуя гряды. Аманда подъехала ближе, увязая колесами в мокрой глине. Бублански еще крепче прижал трубку к уху, продолжая описывать то, что видит. Он обратил внимание на большой круглый камень на обочине дороги, но Фария ничего такого не помнила. Потом послышался подозрительный металлический звук и крики. Бублански и Аманда обменялись взглядами. Она развернулась и поставила машину поперек колеи, и комиссар с оружием наготове ринулся в лес. Он плутал между деревьями и кустарниками, скользя по корням и листве, пока не узнал описанное Фарией место.

Декабрь, полтора года назад

Дэн Броуди блуждал совсем в другом лесу и в другое время года. За день до Рождества, неподалеку от Видокры, он опустился на колени под старой елью и смотрел на брата, который лежал на мокром снегу. В лице Лео не было ни кровинки, в серых глазах, казалось, погасла последняя искра жизни. Медлить было нельзя. Губы Лео были холодными, как снег под коленями его брата. Но главное – Дэн не ощущал никакой ответной реакции. В любую минуту за деревьями могла появиться фигура Беньямина, и тогда Дэну пришлось бы возвращаться в машину, навсегда распрощавшись со своей половиной. «Просыпайся, Лео, просыпайся», – он повторял это как молитву, как мантру. Хотя давно уже не верил в успех своего плана, даже если б и удалось вдохнуть в Лео жизнь.

Беньямин, похоже, блуждал где-то неподалеку – Дэн все время чувствовал на себе его взгляд. Проще всего было закопать Лео и уйти восвояси, но он продолжал свою безнадежную работу. Держа Лео за нос, с такой силой вдыхал ему в рот воздух, что у самого кружилась голова. Где-то в отдалении послышался и смолк шум автомобильного мотора. Захрустели ветки, словно сквозь чащу пробежал вспугнутый зверь. Захлопали крыльями и улетели птицы. Нависла мертвая, зловещая тишина,

как будто сама жизнь избегала Дэна. Он остановился, тяжело дыша. Похоже, запас кислорода в его легких был израсходован, и теперь ему требовался перерыв. Дэн закашлялся, и в этот момент произошло нечто странное. Как будто его кашель уходил под землю и продолжался там. Дэн понял не сразу: это был Лео. Это он пыхтел и откашливался. Несколько секунд Дэн в недоумении смотрел на брата. Он не почувствовал ни безмерной радости, ни охватившего сердце счастья. Только одно: надо торопиться.

– Лео, – прошептал Даниэль на ухо брату. – Они хотят убить тебя. Тебе надо уходить в лес. Давай, поднимайся.

Лео как будто не понял. Он все еще пыхтел и дышал, как будто не мог надышаться. Дэн помог ему встать на ноги и изо всей силы толкнул в заросли. Лео упал. Похоже, он сильно ударился, но поднялся снова и поковылял, как пьяный, между деревьями. Дэн проводил его взглядом и принялся зарывать яму. Он энергичными движениями бросал в нее землю, пока не услышал звуков, которых ожидал все это время, – шагов Беньямина.

Дэн посмотрел на кучу земли перед собой. Он думал, что сейчас Беньямин обо всем догадается, и еще ожесточеннее продолжил работать руками. Он рылся, бросал и ругался, между тем как чавкающие шаги приближались. Дэн ожидал, что Беньямин набросится на него или побежит догонять Лео. Но великан стоял молча. В нависшей тишине было слышно лишь гудение автомобильного мотора на холостом ходу. Где-то вспорхнули птицы.

– Я не смог смотреть на него просто так и решил похоронить его, – сказал Дэн.

Он сам почувствовал, как жалко прозвучало его объяснение. Но ответа не последовало. Дэн ждал, но ничего не происходило. Беньямин неуклюже приблизился, в нос ударил запах табака.

– Я помогу тебе.

Вместе они сделали небольшую насыпь над могилой, в которой не было тела, а потом еще долго обкладывали ее камнями, прежде чем вернуться к машине и к Ракель Грейтц. Оба шли медленно, опустив глаза долу. На обратном пути в Стокгольм Дэн молча слушал верещание Ракель о его блестящем будущем.

Лисбет подскочила, как распрямившаяся пружина, но Бенито успела полоснуть ее по боку. Лисбет не поняла, насколько серьезной была рана, она не имела времени думать об этом, потому что «гангстерша» тоже неуклюже сдвинулась с места, продолжая размахивать в воздухе своим кинжалом.

Лисбет ударила головой в дверь и вывалилась из фургона на траву связанными руками. Кровь стучала в виски. Саландер перевалилась на ноги, упала головой вперед и скатилась по склону оврага в ручей. Она успела увидеть, как вода под ней окрасилась в красный цвет, прежде чем рванулась в лес. Позади раздавались голоса, подъезжали автомобили. Тем не менее у Лисбет не возникло желания остановиться. Ее тянуло дальше, в чащу.

* * *

Ян Бублански озираясь в поисках Саландер, но увидел только двоих мужчин, бежавших по направлению к оврагу, да развернутый к дороге серый фургон. Комиссар растерялся, тем не менее направил на мужчин табельное оружие:

– Стоять, полиция!

В лесу царила невыносимая жара. Бублански тяжело дышал, а двое мужчин перед ним были значительно моложе его и, конечно, сильнее. Но ситуация была под контролем: Аманда Флуд замерла рядом в той же позиции, что и он, а на поляне уже собирались полицейские автомобили. Мужчины же, похоже, не были вооружены и вообще казались какими-то заспанными.

– Только без глупостей, – услышал Бублански собственный голос. – Вы окружены. Где Саландер?

Они долго не отвечали, а потом дружно кивнули в сторону фургона, дверца которого стояла открытой. Там тяжело переваливалась и дышала какая-то грузная фигура. Прошло довольно много времени, прежде чем она смогла принять вертикальное положение и встала перед комиссаром, бледная как смерть, с кинжалом в руке.

– Кто ты? – спросила Бенито Андерссон.

– Комиссар Бублански. Где Лисбет Саландер?

– Эта маленькая еврейка? – шепотом переспросила Бенито. – Мертва, как я думаю...

Комиссар увидел направленный на него кинжал и закричал, призывая

«гангстершу» к порядку. Но та и сама успела осознать бесполезность сопротивления – и теперь только пыхтела да молола какой-то вздор. Бублански понимал, что Бенито не заслуживает пули, которая лишь вызовет ее из мук ада, в котором она жила. Поэтому он предоставил Аманде возможность разрядить в «гангстершу» пистолет. Бенито упала, раненная в левую ногу, но тут подоспели коллеги, и ситуация разрешилась. Если не считать того, что следов Саландер так и не удалось обнаружить. Только на полу фургона остались капли ее крови, а саму Лисбет, похоже, поглотил лес.

* * *

– И что случилось с Лео? – спросил Микаэль.

Он налил себе белого вина и оглядел ателье, остановив взгляд на отвернутой к окну картине.

– Он долго блуждал по лесу...

– Он жив?

– Он долго блуждал по лесу, – повторил Даниэль. – Ходил кругами. Он выбился из сил и растапливал в ладонях снег, которым питался и утолял жажду. И лишь когда совсем стемнело, решился наконец подать голос: «Эй, кто-нибудь!»

Но вокруг никого не было. Спустя несколько часов Лео споткнулся и упал в овраг. А потом очутился на лужайке, которая показалась ему знакомой. Поодаль, на границе леса, стоял дом с просторной верандой, и в нем горел свет. Лео направился туда и постучал в дверь. В доме проживала молодая супружеская пара, Стина и Хенрик Нуребринги, вы можете навести о них справки. Семья готовилась к Рождеству и как раз собирала подарки двум своим мальчикам. Они, конечно, перепугались. Но потом Лео объяснил, что въехал в дерево, потерял свой мобильник и заблудился в лесу. Вероятно, у него сотрясение мозга, добавил он. Помоему, это прозвучало вполне правдоподобно.

Нуребринги приготовили ему горячую ванну, дали сухое белье и усадили за стол с рождественской ветчиной, «искушением Янссона»^[49], глэггом и водкой. Лео отдохнул и окреп, но все еще не представлял себе, что ему делать дальше. Понятно, что прежде всего следовало выйти на связь со мной. Но он знал, что Ракель забрала мой телефон, и боялся, что она держит под контролем и мою электронную почту. Но Лео ведь всегда был сообразительный и видел гораздо дальше, чем мы, простые смертные.

Он решил послать мне зашифрованное сообщение, совершенно невинного содержания, какие все нормальные люди получают накануне Рождества.

– И что он сделал?

– Попросил у парня телефон и написал мне следующее: «Сердечные поздравления Даниэлю! Эвита Кон ждет тебя в феврале в Соединенных Штатах. Пожалуйста, пришли подтверждение. Твой Джанго. Будет «*Minor swing*». Счастливого Рождества!»

– Идея понятна, – кивнул Микаэль. – Но кто такой этот Джанго? Он же неспроста выбрал это имя?

– Гитарист. Он давно умер, тем самым Лео изначально направлял своих преследователей в тупик. С другой стороны, в этом имени был явный намек на авторство сообщения.

– Джанго?

– Да, на всякий случай он упомянул и один из шлягеров Джанго, «*Minor swing*». – Даниэль ненадолго замолчал, потом продолжил: – «*Minor swing*» – настоящий гимн жизни и радости. Или нет, «радость» – не совсем верное слово. В этой музыке есть некая глубинная меланхолия. Джанго написал ее в соавторстве со Стефаном Грапелли. Мы с Лео исполняли эту вещь не меньше четырех раз. Она очень нравилась нам обоим. Но вот только...

– Что?

– После отправки сообщения Лео опять стало плохо. Супруги уложили его на диван. У него посинели губы, снова начались проблемы с дыханием. Но я ведь ничего об этом не знал. Я сидел в квартире Лео, было уже поздно. Со мной были Бенъямин и Ракель Грейтц. Я пил вино, в то время как Ракель продолжала строить вслух свои мерзкие планы. И я подыгрывал ей, конечно. Я обещал ей, что отныне я Лео и буду вести себя так, как она скажет. А она говорила что-то насчет новой кредитной карты и новых кодов и того, что я должен навестить Вивеку в больнице в Стокгольме. А потом рассчитаться с работой и уехать путешествовать. Кроме того, мне следует читать литературу о финансовых рынках и избавляться от американского и норрландского акцента.

Мы проработали с ней все вплоть до малейших деталей. Ракель отыскивала документы Лео и велела мне научиться подделывать его подпись. Наставления следовали одно за другим. Это было невыносимо, потому что в конце концов все держалось на угрозе. Ракель уже не считала нужным напоминать, что в любой момент может упечь меня за решетку за убийство брата или перевалить на меня преступления Лео, о которых она говорила. Я сидел как парализованный и лишь смотрел на нее. Точнее, пытался это

делать, но взгляд постоянно ускользал в сторону, и я снова и снова представлял себе Лео, пробиравшегося в темноте по заснеженному лесу. Снова и снова я спрашивал себя, как он там. Я представлял себе его замерзшего насмерть. Но не думаю, что и Ракель в этот момент верила в осуществимость своих планов. Она ведь не могла не видеть, что со мной происходит. Малейшая оплошность могла погубить меня.

Поэтому время от времени Ракель переглядывалась с Бенямином и отдавала ему какие-то приказания, а потом встала и приступила к уборке. Она разложила по ящикам авторучки, протерла столы и стулья и долго еще шныряла по квартире – раскладывала, расставляла, подтирала. В какой-то момент достала мобильник и увидела сообщение от Лео. Она долго вчитывалась в текст, а потом спросила меня что-то насчет моих друзей-музыкантов. Не помню, что я ответил. Я почти не мог говорить, тем не менее... Видите ли, в целях экономии я купил шведскую сим-карту, но этот номер знали немногие. Поэтому я сразу насторожился.

– Что еще за сообщение? – спросил я как мог безразлично.

Ракель протянула мне мобильник, я прочитал и... у меня нет слов, чтобы передать мое состояние. Это сообщение снова вдохнуло в меня жизнь. Но я не забывал об осторожности – и, думаю, Ракель ничего не заподозрила.

– Это насчет работы? – спросила она.

Я кивнул и сказал, что буду вынужден ответить отказом, и все такое. Я продолжал этот спектакль и даже спросил однажды, сколько денег получу. Ракель назвала неправдоподобную сумму, несколько миллионов или что-то вроде того. Думаю, она преувеличила. Но было поздно, что-то около половины двенадцатого. Я смертельно устал, к тому же был пьян в стельку.

– Я хочу спать, – сказал я Ракель.

Она как будто засомневалась, стоит ли оставлять меня одного, но потом все-таки поняла, что должна мне доверять. Я так и не решился попросить ее вернуть мне мобильник. Только стоял и кивал в ответ на ее наставления: «Да, да... нет, нет...»

– И они ушли?

– Они ушли, а я сосредоточился на цифрах, которые видел на дисплее. Я помнил последние пять, но насчет остальных не был так уверен. Порывшись в ящиках и карманах пальто, я обнаружил мобильник Лео и вошел в систему – как и следовало ожидать, без всякого кода. Я пробовал всевозможные варианты, попадал на самых разных людей и на несуществующие номера – все было напрасно. Я ругался и готов был удариться в слезы, потому что боялся, что Ракель будет получать новые

сообщения от Лео и в конце концов все полетит к черту. В этот момент я вспомнил дорожный щит, который мы проезжали, прежде чем Ракель остановила машину. «Видокра» – стояло на нем. «Значит, – подумал я, – Лео блуждал в окрестностях этого населенного пункта и там же кто-то оказал ему помощь...»

– И вы принялись искать в Видокре обладателя телефона с нужным номером?

– Именно так. И вскоре вышел на Хенрика Нуребринга. Странная вещь эта Всемирная сеть, не так ли? Вскоре я знал, как выглядит его дом, сколько ему лет и во сколько оценивается жилье в этом районе. Помню, я долго не мог решиться, руки мои дрожали...

– Но потом вы все-таки позвонили или как?

– Позвонил. Ничего, если мы прервемся ненадолго?

Микаэль мрачно кивнул и положил руку на плечо Даниэля. Потом вышел на кухню, включил мобильный и загремел посудой в мойке. В тот же момент телефон запищал, и минуту спустя Микаэль узнал, что произошло за время, пока он был с Дэном. Блумквист вернулся на веранду и заговорил, тщательно взвешивая каждое слово:

– Полагаю, то, что вы мне только что рассказали, нужно будет опубликовать как можно скорее – это в ваших интересах. А сейчас для вас безопаснее всего оставаться в этом ателье. Моя коллега Эрика Бергер составит вам компанию. Она – надежный и приятный человек. Уверен, что вы поладите. Согласны? Ну, а я вынужден срочно вас покинуть.

Дэн Броуди растерянно кивнул. В этот момент он выглядел таким беззащитным, что Микаэль неловко обнял его за плечи. Потом поблагодарил и передал ему ключи.

– Вы – мужественный человек, – сказал Блумквист. – Понимаю, чего вам стоило рассказать мне обо всем этом.

После чего вышел из квартиры и уже на лестнице связался с Эрикой Бергер по зашифрованной линии. Как и ожидал Микаэль, она обещала немедленно подъехать. Потом несколько раз, проклиная все на свете, Блумквист набирал номер Лисбет, а затем позвонил комиссару Бублански.

Глава 23

22 июня

Ян Бублански должен был быть доволен. К нему в руки одновременно попали Башир и Разан Кази, Бенито Андерссон и один скандально известный член мотоклуба «Свавельшё МК». Но комиссар чувствовал себя кем угодно – только не победителем. Вот уже битый час полицейские из Уппсалы и Стокгольма безуспешно прочесывали леса в окрестностях озера Вадабушён на предмет следов Лисбет Саландер. Кровавые пятна на полу серого фургона – вот и все, что до сих пор удалось обнаружить.

Правда, чуть выше по склону холма, в заброшенном летнем домике, нашли кровавые отпечатки спортивных туфель маленького размера. «Скорую» уже вызвали. Очевидно, Лисбет нуждалась в медицинской помощи. Тем не менее она бежала дальше, в леса, прочь от больших дорог и цивилизации. Вероятно, просто не успела понять, что помощь уже подоспела, и, как могла, спасалась от преследователей. Трудно было утверждать это наверняка. Но если кинжал Бенито задел какой-нибудь жизненно важный орган, ситуация требовала немедленного вмешательства. Ну почему у этой Саландер вечно все не так, как у людей!

Не успел Бублански войти в свой кабинет в участке на Бергсгатан, как раздался телефонный звонок. Это был долгожданный Микаэль Блумквист. Комиссар в общих чертах обрисовал ситуацию. Похоже, его рассказ возымел действие. Журналист засыпал Бублански вопросами, после чего сообщил, что понял наконец, за что убили Хольгера Пальмгрена. Он обещал все объяснить, но позже, потому что сейчас у него другие дела. Бублански ничего не оставалось, как вздохнуть и смириться.

Декабрь, полтора года назад

На часах было десять минут одиннадцатого. Наступала рождественская ночь. На карнизах за окнами лежал мокрый снег. Над притихшим городом зияло беспросветно-черное небо. Только где-то в стороне Карлавеген сигналили одиночные автомобили. Дэн сидел на диване с мобильником Лео в руке и дрожал всем телом, набирая номер Хенрика Нуребринга из Видокры. Сигналы эхом отдавались у него в ушах, но ответа не было. Потом включился автоответчик и бодрым мужским голосом пожелал ему всего наилучшего.

Дэн в отчаянии оглядел квартиру. Теперь трудно было представить себе, какая драма разыгралась здесь совсем недавно. Царившая вокруг больничная чистота навевала ужас. Особенно невыносимым был запах дезинфицирующих средств. Дэн перебрался в гостиную, где ночевал всю предыдущую неделю, и продолжал звонить уже оттуда. Но и новые попытки оставались такими же безуспешными. И Дэн ругался, блуждая взглядом по комнате.

Ракель все еще была здесь, он ощущал ее присутствие. Как ей это удавалось? Она тщательно сортировала вещи и вытирала пыль. Она навела здесь такой идеальный порядок, что Дэну вдруг захотелось снова устроить хаос: разорвать простыню и кидаться книгами в стену. Только так и можно было окончательно стереть ее следы. Но он не смог. Все, на что хватало его сил, – сидеть и смотреть в окно, вслушиваясь в доносившуюся откуда-то с нижних этажей музыку. Так прошла минута или две, а потом Дэн снова схватился за телефон. Он хотел в очередной раз набрать номер Нуребринга, но его опередил раздавшийся звонок. В трубке послышался знакомый по автоответчику голос – на этот раз, правда, не такой бодрый.

– Лео у вас? – спросил Дэн и осекся.

Ответом ему были тишина и чье-то тяжелое дыхание в трубку, показавшееся Дэну предвестием катастрофы. Он вспомнил холодные губы Лео, его неживые глаза, твердую, неподвижную грудь.

– Он жив?

Мужчина велел ему подождать и снова пропал. Некоторое время в трубке что-то трещало, на заднем плане звенела посуда и слышался детский плач. Время тянулось.

– Дэн?

Мир, на несколько минут провалившийся в небытие, снова обрел формы и краски. Это был его голос.

– Лео... – выдохнул Даниэль. – Ты жив.

Далее Лео объяснил, что с ним все в порядке. Еще совсем недавно ему снова поплохело, но Стина – медсестра – быстро вернула его к жизни. И вот теперь он лежит на диване под двумя одеялами. Голос Лео звучал приглушенно, но вполне осмысленно. Похоже, его смущало присутствие рядом четы Нуребрингов. Тем не менее он еще раз упомянул Джанго и «*Minor swing*».

– Ты спас мне жизнь, – сказал Лео.

– Надеюсь, – ответил Дэн.

– Это было...

– Как свинг, – подсказал Дэн.

- Больше, чем свинг, брат.
- На некоторое время в трубке нависла торжественная тишина.
- *Contra mundum*^[50], – вдруг произнес Лео.
- Что? – не понял Дэн.
- Теперь мы с тобой против всего мира, брат.

* * *

Они договорились встретиться в отеле «Амарантен», что на Кунгсхольмсгатан, неподалеку от ратуши. Лео полагал, что это самое безопасное место, поскольку никто из его знакомых туда не заходит. Утро накануне Рождества братья провели в комнате на четвертом этаже за тщательно задернутыми гардинами, где в течение нескольких часов обсуждали сложившуюся ситуацию и строили планы. На пике рождественской суматохи Дэн купил два мобильного с предоплаченными картами, при помощи которых братья могли общаться без риска навлечь на себя подозрения.

После этого он вернулся в квартиру на Флорагатан и, когда позвонила Ракель Грейтц на стационарный телефон, подтвердил свое намерение во всем следовать ее указаниям. Потом связался с медсестрой из больницы в Стокгольме, которая сообщила ему, что мама только что приняла снотворное и отдыхает. «Судя по всему, мучиться ей осталось недолго», – добавила она. Дэн пожелал медсестре и ее коллегам счастливого Рождества, попросил за него поцеловать Вивеку в лоб и пообещал объявиться в скором времени.

После обеда он снова был в «Амарантене», в номере у брата, где, как мог, рассказал об угрозах Ракель Грейтц придать огласке финансовые махинации, которые Ивар Эгрен проворачивал от имени Лео. Дэн видел, какой злобой загорелись глаза брата, и это перепугало его до глубины души. Лео заговорил о мести – Ивару Эгрену, Ракели и прочим аферистам. В ответ Дэн положил руку на плечо брата и сказал, что полностью разделяет его чувства. Однако в данный момент не может думать ни о чем другом, кроме как об автомобильном путешествии сквозь темную декабрьскую ночь и о могиле возле старой, больной ели. Ракель не упускала случая напомнить, какие силы стоят за ней и Бенямином. Дэн просто не чувствовал в себе решимости нанести ответный удар. Возможно, здесь сказывалось воспитание. В отличие от брата, он не мог просто так ринуться на противника, тем более такого могущественного и коварного.

– Безусловно, мы должны отомстить, – сказал он. – Мы должны сокрушить их, но к этому нужно подготовиться, ведь так? Нам нужно как следует все обдумать, собрать доказательства...

Дэн и сам не знал, что хотел сказать. Он всего лишь подал идею, которая, постепенно развиваясь в ходе разговора, обрела зримые формы. Братьям стало ясно, что действовать нужно немедленно, пока Ракель ни о чем не подозревает. На следующий день Лео перевел на счет Дэна крупную сумму денег и пообещал в ближайшее время добавить еще. После чего забронировал билеты до Бостона от имени брата. Но поехал Лео, а не Дэн. Последний остался в квартире брата, принимать Ракель Грейтц на следующий день после Рождества. Он превосходно справлялся со своей ролью, а если когда отчаяние и прорывалось наружу, Ракель объясняла это тем, что ее подопечный не успел освоиться в новом образе.

– Каждый видит в других отражение собственного зла, – заметил на это Лео.

Двадцать восьмого декабря Даниэль сидел в стокгольмской больнице, у постели приемной матери Лео. Никто ни о чем не подозревал, и это вселяло в него мужество. Дэн тщательно выбрал одежду и старался не говорить много. Он решил, что должен выглядеть потрясенным, и это далось ему без особого труда, хотя женщину, которая лежала перед ним в постели, Дэн видел впервые. Вивека Маннхеймер выглядела отощавшей и бледной. Накануне встречи с сыном медсестры тщательно причесали ее и даже слегка подкрасили лицо косметикой. Под голову Вивеки подложили две подушки. Она спала с полуоткрытым ртом. В ее исхудавшем лице было что-то птичье. Дэн осторожно погладил женщину по руке, и она открыла глаза. Полный неприязни взгляд метнулся, остановившись на его лице.

– Кто ты? – спросила Вивека.

Она все еще была под действием морфина и в любую секунду могла провалиться в сон.

– Это я, мама, – ласково произнес Дэн. – Я, Лео.

Она прикрыла глаза, как будто должна была обдумать его слова. Потом сглотнула и ответила:

– Мы так надеялись на тебя, Лео. Но ты разочаровал и меня, и папу.

Тут Дэн тоже прикрыл глаза, пытаясь вспомнить, что Лео рассказывал ему о матери. Ответ дался ему на удивление легко – возможно, именно потому, что женщина была для него чужой:

– Я тоже ждал от тебя большего. Но ты никогда не понимала меня. Ты обманывала меня.

Она удивленно вскинула брови.

– Ты обманывала Лео, – продолжал Дэн. – Лео и меня. Впрочем, как и все остальные.

Потом быстро поднялся и покинул палату. А на следующий день, двадцать девятого декабря, Вивека Маннхеймер умерла. Дэн сообщил в больницу по мейлу, что не сможет участвовать в похоронах.

Вскоре он объявил Ивару Эгрелю о своем уходе из фонда. В ответ тот кричал что-то о безответственности, но Дэн не слушал. Четвертого января, с благословения Ракель Грейтц, он покинул Швецию.

Дэн улетел в Нью-Йорк, но с братом встретился в Вашингтоне. Они пообщались с неделей, после чего снова расстались. Лео стал известен в джазовых кругах Бостона как пианист, но все еще не решался на публичные выступления. Он был обеспокоен своим шведским акцентом и тосковал по дому, пока не уехал в Торонто, где познакомился с Мари Денвер. Она была молодым дизайнером по интерьерам, но мечтала стать художницей, пока однажды, в компании со своей сестрой, не решила открыть собственное ателье. Девушкам был нужен стартовый капитал, и тут на помощь подоспел Лео – или Дэн, как он себя тогда называл. Некоторое время спустя молодая пара купила дом в Хоггс-Холлоу, в Торонто. На концертных вечерах, которые часто устраивали супруги, Лео играл на рояле вместе с не менее искусными музыкантами-любителями, в основном врачами.

Дэн тоже много путешествовал по Европе и Азии, играл на гитаре и с интересом читал экономическую литературу. Он надеялся – или скорее мечтал, – что, будучи человеком со стороны, сможет разглядеть в развитии финансовых рынков новые метаперспективы. Это привело к тому, что в конце концов Дэн занял место Лео в фонде Эгрена. Помимо всего прочего, он хотел раскрыть аферу, которую замыслили против его брата Ивар Эгрелю и Ракель Грейтц. С этой целью Дэн нанял Бенгта Валлина – лучшего стокгольмского адвоката. Но тот, поняв, какую кампанию развернули недруги против Лео при участии «Моссак Фонсека»^[51], настоятельно советовал оставить это дело.

* * *

Время шло, и жизнь, как это обычно бывает, нормализовывалась. Братья поддерживали друг с другом связь и выжидали удобный момент для нападения. Ведь это Лео звонил Дэну в день первой встречи с Микаэлем Блумквистом, в фойе фонда. Лео долго думал, прежде чем прийти к выводу,

что пришло время предать их историю огласке и лучшей кандидатуры, чем Блумквист, для этой цели не сыщешь. И Дэн развязал язык, умалчивая, правда, о новой жизни брата. После ухода Микаэля он подлил себе вина и позвонил в Торонто. Долгий разговор братьев был прерван осторожным стуком в дверь. Это явилась Эрика Бергер.

* * *

Усталая и совершенно разбитая, Ракель Грейтц поймала такси и поехала домой, на Карлсбергсвеген, где намеревалась тут же лечь в постель. Уже в машине она ругала себя за малодушие: не в ее правилах было отступать перед трудностями, тем более болезнью. Она решила идти до конца любой ценой и задействовала для этого все свои связи, чтобы выследить Даниэля Бролина и Микаэля Блумквиста, – все, кроме Мартина Стейнберга, окончательно спасовавшего после нескольких допросов в полиции. Ракель послала Бенъямина в редакцию «Миллениума» на Гётгатан и к дому Блумквиста на Бельмансгатан, но тот, наткнувшись на запертые двери, вернулся несолоно хлебавши. Только тогда Ракель сдалась и велела Бенъямину из офиса в Альвике возить ее домой, в квартиру на Карлавеген. Где она, помимо всего прочего, собиралась уничтожить кое-какие документы, касающиеся «Проекта 9», которые хранились у нее в спальне, в сейфе за платяным шкафом.

Часы показывали половину пятого вечера. Стояла невыносимая жара, и Ракель попросила Бенъямина помочь ей выйти из машины. Теперь она нуждалась в нем не только как в личной охране.

Женщина передвигалась с трудом. Суматоха последних дней измотала и ослабила ее. Черный пуловер насквозь пропитался потом. Перед глазами Ракель все расплывалось: тем не менее она выпрямила спину и посмотрела в небо. На какое-то мгновение лицо ее просияло. Да, она разоблачена, и ее имя будет втоптанно в грязь. Но дело, за которое она боролась, больше ее незначительной натуры, и никто не разубедит ее в этом. Она пожертвовала собой ради науки и будущего человечества и теперь с достоинством встретит свою судьбу. Ракель поклялась себе оставаться гордой и сильной, несмотря на болезнь.

Возле ворот она попросила Бенъямина купить ей апельсинового сока, который выпила прямо из бутылки. Это придало ей силы. Поднявшись на шестой этаж, Ракель велела Бенъямину отключить в квартире сигнализацию. Она уже переступила через порог, когда что-то заставило ее

оглянуться. И тут она застыла на месте. По лестнице ей навстречу, шатаясь, поднималась молодая женщина, бледная как смерть.

* * *

Тем не менее Лисбет Саландер приложила некоторые усилия, чтобы привести себя в порядок. Да, она была обескровлена, с воспаленными глазами и царапинами на щеках, и с трудом переставляла ноги. Но всего лишь час назад она купила футболку и джинсы в секонд-хенде на Уппландсгатан, а старые, перепачканные кровью вещи выбросила в мусорный бак. В бутике «Теленор» Лисбет обзавелась новым мобильником, а потом зашла в аптеку за бинтами и медицинским спиртом. Прямо на улице она сорвала с бедра коричневую упаковочную ленту, при помощи которой пыталась остановить кровь в летнем домике в лесу, и заменила ее лучшим перевязочным материалом.

Там, в окрестностях озера Вадабушён, она пролежала без сознания несколько часов. А когда очнулась, первым делом перетерла веревки на запястьях об острый камень. На государственной трассе 77 ее подобрал раздолбанный «Ровер», за рулем которого сидела молодая девушка. Так Лисбет добралась до Васастана, где привлекла к себе слишком много нежелательного внимания. Она выглядела чудовищно – именно так и выразился свидетель Чьелль Уве Стрёмгрен, когда повстречал Лисбет в воротах дома на Карлсбергсвеген. В лифте Саландер избегала смотреть в зеркало. Она чувствовала себя паршиво. Кинжал Бенито не задел никаких жизненно важных органов, но Лисбет потеряла много крови.

В квартире Грейтц – или Нурдин, как было написано на табличке для отвода глаз – никого не оказалось. Лисбет уселась на лестницу и послала эсэмэску Блумквисту. Стоило включить телефон, как предостережения хлынули потоком. Она всего лишь хотела знать, что происходит. Лисбет читала сообщения Блумквиста и кивала, а потом прикрыла глаза. Она не чувствовала ничего, кроме боли. Больше всего на свете ей сейчас хотелось просто лечь на пол и забыться. В голове мутилось, но тут Саландер вспомнила о Хольгере. Она представила его в инвалидном кресле в комнате свиданий Флудберги – и будто только теперь поняла, что он значил для нее все эти годы. Потом вспомнила, что Микаэль говорил о его смерти. Вне всякого сомнения, той женщиной могла быть только Ракель. Лисбет отомстит не только за себя, но и за Хольгера. Эта мысль придала ей силы. Она выпрямилась и тряхнула головой.

Спустя десять или пятнадцать минут лязгнул раздолбанный лифт, остановившись на шестом этаже. На лестничную площадку вышел высокий мужчина пятидесяти с лишним лет и женщина в черном пуловере. Самым странным было, что Лисбет узнала ее уже со спины. Одной этой прямой спины оказалось достаточно, чтобы пробудить детские воспоминания. Но времени на ностальгию не оставалось. Лисбет быстро отправила смс-сообщение Бублански и Мудиг и вскочила на ноги. Вероятно, она сделала это слишком громко, потому что Ракель услышала ее. Она оглянулась, и их взгляды встретились. В глазах Ракель удивление быстро сменилось ненавистью и страхом. Тем не менее ничего не происходило. Лисбет стояла на лестнице и держалась за бок.

– Вот и свиделись, – сказала она.

– Ты не слишком-то торопилась, – отозвалась Ракель.

– Правда? – переспросила Саландер. – А по-моему, мы как будто вчера расстались.

Ракель не ответила. Она повернулась к своему подручному.

– Тащи ее сюда, Беньямин.

Мужчина кивнул. Он не думал, что эта задача окажется такой сложной, потому что был на полметра выше Лисбет и как минимум вдвое тяжелее. Поэтому и ринулся вперед очертя голову. Но Лисбет отступила в сторону и схватила его за левую руку. Секунду спустя Беньямин лежал на бетонном полу лицом вниз и, похоже, уже не отдавал себе отчета в том, что происходит. Саландер тут же о нем забыла. Одним прыжком преодолев оставшиеся ступеньки, она толкнула Ракель в квартиру и щелкнула замком. Вскоре на лестничной площадке послышался шум.

Ракель попятилась и схватилась за свою коричневую сумку. На несколько секунд она получила преимущество, но это никак не было связано с сумкой и ее содержимым. Лисбет снова стало плохо. Противоборство с Беньямином потребовало нового напряжения сил. Саландер прикрыла глаза. Даже в таком состоянии от ее внимания не ускользнуло, что с этой квартирой что-то не так. Во-первых, отсутствовали краски. Все, кроме черной и белой, – цветов, в которых был выдержан весь интерьер. Во-вторых, Лисбет поразила царившая в квартире клиническая чистота. Как будто здесь проживал не человек, а робот, уборочная машина. Лисбет качнулась и оперлась на черный письменный стол. Ей показалось, что она снова теряет сознание, когда к ней шагнула Ракель с чем-то острым в руке. Приглядевшись, Лисбет поняла, что это шприц, и замерла, собираясь с силами.

– Я слышала, что шприц – твое главное оружие, – сказала она и в

следующий момент набросилась на Ракель.

Та отпрянула от неожиданности. Шприц полетел на белый сверкающий пол и откатился в сторону. Лисбет покачнулась, но удержалась на ногах и тут же сосредоточилась на противнике. Ракель удивлялась ее спокойствию.

– Ну, убей меня, – прошептала Грейтц. – Я умру с достоинством.

– Правда? – Лисбет иронически вскинула брови.

– Да.

– Сожалею, но из этой затеи ничего не выйдет.

* * *

Голос Лисбет звучал приглушенно и вяло, но Ракель Грейтц поняла, что это конец. Она скосила глаза в сторону окна и на некоторое время задумалась, будто взвешивала все «за» и «против», а потом ринулась к балконной двери. Лисбет схватила ее в тот момент, когда она переваливалась через перила, и втащила обратно в стерильную квартиру.

– Ты умрешь, Ракель, – повторила она. – Не беспокойся насчет этого.

– Я знаю, – ответила Грейтц. – У меня рак.

– Рак – не самое страшное, Ракель.

Эти слова Лисбет произнесла с такой решительностью и холодом, что Ракель невольно содрогнулась.

– Что ты имеешь в виду? – спросила она.

Саландер молчала, опустив глаза в пол.

– Хольгер значил для меня очень много, – наконец сказала она и с такой силой сжала запястье Ракель, что у той похолодела рука. – Рак – это не все, вот что я имею в виду, Ракель. Ты умрешь от позора. Это будет страшнее, я тебе обещаю. Ты будешь погребена в собственном дерьме. Никто не вспомнит о тебе иначе как в связи со злом, которое ты сотворила.

Лисбет говорила с такой уверенностью и невозмутимостью, что Ракель ей тут же поверила. Особенно когда Саландер, которая уже как будто оправилась и твердо держалась на ногах, отворила входную дверь. На пороге стояла группа полицейских и Бенъямин в наручниках.

– Добрый вечер, фру Грейтц, – сказал один из них, маленький смуглый мужчина, представившийся как комиссар Бублански. – Только что мы взяли вашего коллегу Мартина Стейнберга, так что нам с вами предстоит долгий разговор.

Его коллегам не потребовалось и двадцати минут, чтобы добраться до

сейфа за платяным шкафом. Саландер увезли на «Скорой». Уходя, она ни разу не оглянулась на Ракель, как будто та перестала для нее существовать.

Глава 24

30 июня

Микаэль Блумквист сидел на кухне в помещении редакции «Миллениума» на Гётгатан. Он только закончил репортаж о Реестре и «Проекте 9». Стоял нестерпимо жаркий летний день. За последние две недели не выпало ни капли осадков. Микаэль распрямил спину, глотнул воды. В соседней комнате на светло-голубом диване вытянула ноги в туфлях на высоких каблуках Эрика Бергер. Сейчас она была занята тем, что читала его статью, но Блумквист, похоже, не особенно нервничал по этому поводу. Со своей стороны, он был абсолютно уверен, что это захватывающее чтение. Бомба, которая сейчас так нужна их журналу. Но Эрика не спешила восторгаться. И дело было не только в том, что материал вызывал массу вопросов этического плана. Вне сомнения, тут сыграла роль их недавняя ссора. Не так давно Блумквист отказался отмечать в шхерах вместе с коллегами праздник летнего солнцестояния. Вместо этого он предпочел заняться документами, которые получил от Бублански. Кроме того, ему предстояло взять несколько интервью – у Хильды фон Кантерборг, Дэна Броуди и Лео Маннхеймера, который вместе с невестой недавно прибыл в Стокгольм из Торонто.

Никто не мог упрекнуть Блумквиста в том, что он не вкалывает на пределе возможностей. Можно сказать, он работал круглые сутки. И не только с Реестром, но и с делом Фарии Кази.

Собственно, репортаж о ней писал не Блумквист, а Софи Мелкер. Тем не менее Микаэль часами дискутировал с Анникой Джаннини, прилагавшей все усилия для освобождения Кази. Поддерживал он связь и с Соней Мудиг, взявшей на себя недавно инициированное расследование убийства Джамала Чаудхери, в котором главными подозреваемыми выступали Башир, Разан и Халил Кази, а также еще два человека, заключенные под стражу в ожидании суда. Бенито перевели в тюрьму в Хаммерсфорсе, где ей в скором времени должны были предъявить новые обвинения.

Микаэль подолгу обсуждал все это с Бублански. Никогда еще не посвящал он столько времени разговорам. И в конце концов сломался. Организм потребовал разрядки и передышки. Но в офисе было невыносимо душно, а дома, на Бельмансгатан, тоскливо и одиноко. Поэтому Микаэль

позвонил Малин Фруде и спросил, не будет ли она столь любезна заглянуть к нему на минутку.

Она оказалась достаточно любезна и обещала подсуесться и даже обеспечить присмотр за ребенком, при условии что Микаэль угостит ее клубникой и шампанским и не будет вести себя как чертов растеряха Калле Блумквист. Микаэль счел эти условия приемлемыми. Так они оказались в постели, где были пьяны и счастливы, пока в дверях не появилась Эрика Бергер с бутылкой красного вина в руке.

Собственно, она никогда не держала Микаэля за образец добродетели, да и сама, будучи замужем, не отличалась особой щепетильностью в интимных делах. Но на этот раз что-то пошло не так. Будь у Блумквиста время и силы, он непременно разобрался бы, в чем именно допустил ошибку. Отчасти дело было, конечно, в бешеном темпераменте Малин и в ранимости Эрики. Так или иначе результатом стало всеобщее смущение. А потом женщины начали пререкаться, и Эрика ушла, хлопнув дверью.

После этого они с Микаэлем стали общаться исключительно на профессиональные темы. И вот теперь Эрика лежала и читала, а он думал о Лисбет. После выписки из больницы Саландер уехала в Гибралтар – по делам, как она объяснила. Но всегда оставалась на связи и обсуждала с Блумквистом судьбу Фари и Кази и, конечно, расследование против инициаторов «Проекта 9».

До сих пор общественность не была посвящена в подробности этого дела. Имена главных подозреваемых также не были опубликованы в ведущих СМИ. Эрика полагала, что, пока не поздно, надо брать быка за рога, и настаивала на экстренном выпуске журнала. Может, именно поэтому она и взбесилась, когда увидела, что Микаэль, вместо того чтобы заниматься делом, попивает в постели шампанское. Он и в самом деле мог не осознавать всей серьезности положения.

Эрика сняла очки и поднялась с дивана. На ней были джинсы и голубая блуза с открытым воротом. Она вошла на кухню и опустилась на скамейку рядом с Микаэлем. Подобная решительность могла предвещать что угодно – от бурных аплодисментов до не менее бурной критики.

– Ничего не понимаю, – сказала она.

– Звучит тревожно, – отозвался Блумквист. – Я всего лишь хотел внести в эту историю некоторую ясность.

– Не понимаю, почему они так долго это замалчивали?

– Лео и Дэн?

Эрика кивнула.

– Но я же объяснил. Есть доказательства, что Лео проворачивал

незаконные сделки через подставных лиц. И теперь, хотя и стало известно, что за этим стояли Ивар Эгрэн и Ракель Грейтц, Лео не может найти способа до них добраться. Кроме того – во всяком случае, я на это надеюсь, – братья свыклись со своими новыми ролями. В конце концов, они не нуждаются в деньгах, все это время на счет Дэна поступали огромные средства. Полагаю, оба они просто наслаждаются свободой, свободой актеров... Возможностью попробовать нечто новое... как я их понимаю...

– И они влюблены.

– Да, в Юлию и Мари.

– Снимки замечательные.

– Ну... должно же быть в этой истории хоть что-то замечательное.

– Хорошо, что у нас есть такие фотографии, – повторила она. – Но ты забываешь, что Ивар Эгрэн может засудить нас за это все так, что мало не покажется.

– Думаю, в этом пункте мы хорошо подготовлены, Эрика.

– И потом, я боюсь обвинений в клевете на умерших. Я имею в виду тот выстрел на лосиной охоте.

– По-моему, и здесь я повел себя достаточно осторожно. Все описано в меру туманно и в то же время с опорой на факты.

– Не знаю, достаточно ли этого. Все уж слишком компрометирующе...

– Хорошо, я перечитаю еще раз. Это все, что тебя волнует, или есть еще что-нибудь?

– Что ты дерьмо и подонок.

– Возможно, особенно по вечерам.

– Ты решил посвятить жизнь одной-единственной женщине или все-таки собираешься время от времени переключаться на других?

– Ну... могу как-нибудь выпить шампанского и с тобой.

– Придется.

– Это угроза?

– Дойдет и до угроз, если потребуется... Да, и что касается текста, а именно той его части, где мы можем не опасаться никаких обвинений. Здесь все... – Эрика сделала паузу и задумалась.

– Просто великолепно, – подсказал Блумквист.

– Ну, можно сказать и так. – Внезапно Эрика улыбнулась и заключила его в объятия. – Поздравляю.

Совсем скоро у них появились другие темы для размышлений. Позже трудно было сказать, с чего именно все началось. Вероятно, первой была Софи Мелкер. Она сидела за компьютером в редакции и вдруг издала странный возглас – не то ужаса, не то удивления. Эрика и Микаэль тут же схватились за свои телефоны, и уже беглый просмотр новостей в Сети вызвал всеобщую панику.

Речь шла не о теракте и не о Третьей мировой – всего лишь о бирже. Но редакция оказалась затянутой в не менее стремительный водоворот событий.

Переключение было мгновенным. Спустя несколько минут они пялились каждый в свой компьютер и, перекрикивая друг друга, обменивались новостями. Возбуждение нарастало. Опора, на которой стоял финансовый рынок, вдруг рухнула. Стокгольмский индекс упал от минуса шести до минуса восьми, с девяти до четырнадцати процентов, и продолжал падение, словно в бездонную черную дыру. Это был абсолютный крах. Паника уже развязалась – прежде чем кто-либо успел понять, что же все-таки случилось.

Не было ничего конкретного, никаких действующих факторов. Только невнятный ропот со всех сторон: «Непостижимо... что происходит, в конце концов, это безумие...» Позже, когда к делу были привлечены эксперты, они называли обычные в таких случаях причины: перегретый рынок, низкие процентные ставки и высокий уровень политической угрозы – от активизации леворадикальных течений в Европе и США до нестабильности в средиземноморском бассейне. Этот ведьмин котел все больше напоминал обстановку тридцатых. Но все это были старые дразги. Так или иначе, не произошло ничего нового, что могло бы вызвать катастрофу такого уровня.

Паника нарастала, уже не нуждаясь в толчках извне. И не один Микаэль вспоминал в те дни апрельскую хакерскую атаку на «Файненс секьюрити». Социальные СМИ наводнили кошмарные слухи, некоторые из которых просачивались и на страницы более серьезных изданий. Блумквиста это не удивляло.

– Это ведь не только биржа трещит сейчас по швам, – заметил он как-то Эрике. – Уничтожается само понятие о правде.

Именно так.

Общественность блуждала словно в тумане, не умея отличить правду от самого невероятного вымысла. На мир опустилась непроницаемая завеса сплетен и самых фантастических конспирологических теорий – иногда изобретательных и по-своему талантливых, иногда безнадежно вторичных.

Поговаривали, например, что финансист Кристер Талльгрэн застрелился в своей парижской квартире, потому что многие миллионы или даже миллиарды на его счетах обратились в дым. И дело даже не в том, что Талльгрэн лично опроверг эту информацию в «Твиттере». Было в этой истории нечто архетипическое. Уж очень напоминала она самоубийство Ивара Крюгера в 1932 году^[52].

В общем, это была мешанина из легенд и мифов разных эпох. Говорили о роботовой торговле и хакерских атаках на финансовые центры и медиагруппы. Амок – вот самое подходящее название для охватившего финансистов безумия. Но даже если кое-кто из них и выражал готовность сигануть с крыши какого-нибудь особняка на Эстермальме, это воспринималось прежде всего как отголосок биржевого краха 1929 года. Тогда на Уолл-стрит строительные рабочие на крышах были приняты за разорившихся инвесторов и уже одним своим присутствием спровоцировали падение биржи. Поговаривали также, что «Ханельсбанкен» приостановил платежи, а «Дойче банк» и «Голдман сакс» стоят на грани банкротства. Информация хлынула со всех сторон всесокрушающими потоками, так что даже такому зубру, как Микаэль Блумквист, не всегда под силу было отличить правду от вымысла, а реальную угрозу – от очередного порождения какой-нибудь восточной фабрики троллей.

Очевидно было одно: Стокгольм пострадал больше всего. Во Франкфурте и Париже положение казалось не столь катастрофичным, хотя паника просочилась и туда. До открытия американских фондовых рынков оставалось еще много часов, а терминалы уже регистрировали рекордное падение индексов Доу-Джонса и NASDAQ. Казалось, ничто не в силах остановить эту лавину. Даже увещевания директора Государственного банка, министров и видных экономистов «не раскачивать лодку» не возымели действия. Любое новое событие или информация толковались исключительно в негативном ключе. Толпа пришла в движение и неслась, сметая все на своем пути и уже не задаваясь вопросом, что же могло ее так напугать. Было принято решение о закрытии Стокгольмской биржи. Вероятно, поспешное, потому что сразу после этого курс снова пошел вверх. Тем не менее требовалось время одуматься и как следует проанализировать ситуацию, прежде чем торги будут восстановлены.

– К черту твои репортажи, к черту близнецов. Все потонуло в этом чертовом супе.

Микаэль оторвал глаза от монитора и посмотрел на стоявшую рядом Эрику.

– Приятно, что ты думаешь о моих журналистских потугах, когда весь мир слетел с катушек, – сказал он.

– Я думаю о «Миллениуме».

– Понимаю. Но с публикацией придется подождать. Мы не можем обойти все это стороной.

– Я соглашусь с тобой в том, что касается бумажной версии. Но мы должны выложить это в Сеть, понимаешь? Иначе есть риск, что кто-то перехватит у нас «близнецов».

– Хорошо, – вздохнул Микаэль. – Делай как знаешь.

– Хватит ли у тебя сил?

– Хватит.

Они кивнули друг другу. Блумквист решил прогуляться, прежде чем возьмется за новую историю. Он отправился вниз по Гётгатан в сторону Шлюза, не переставая думать о Хольгере Пальмгрене и его кулаке, поднятом над постелью в Лильехольмене.

Эпилог

Мало того что церемония проходила в церкви Святого Николая – народу собралось на удивление много. Как будто хоронили известного государственного деятеля или политика, а не адвоката на пенсии, который всю жизнь только тем и занимался, что выгораживал трудных подростков. Разумеется, здесь сыграла роль публикация в «Миллениуме» под названием «Скандал вокруг близнецов». А также тот факт, что покойный стал жертвой в высшей степени загадочного убийства.

До двух часов дня все шло своим чередом. Отступлением от правил были разве что надгробные речи, в которых почти не упоминалось о Спасителе. Особенно сильное впечатление на публику произвело выступление сводной сестры покойного Бритт-Мари Нурен. Присутствующая в зале рослая африканка – ее звали Лулу Марого – даже разрыдалась.

Все прочие – родственники, друзья, соседи, бывшие коллеги и клиенты усопшего – сидели на скамьях, понутив головы. В глазах многих блеснули слезы. Были среди присутствующих и Микаэль Блумквист с сестрой Анникой Джаннини и коллегой Эрикой Бергер, и комиссар Ян Бублански с Фарах Шариф, и инспекторы криминальной полиции Соня Мудиг и Йеркер Хольмберг.

Были и совершенно посторонние люди, любопытные взгляды которых порядком раздражали пастора – высокую, худощавую женщину шестидесяти с лишним лет, с белыми как мел волосами и заостренными чертами лица.

Тем не менее она – спокойная и исполненная достоинства – в очередной раз выступила вперед и кивнула мужчине в черном льняном пиджаке во втором ряду слева. Мужчина – а это был Драган Арманский, владелец охранного бюро «Милтон секьюрити» – отрицательно покачал головой. Он передумал говорить – легко понять почему. Пасторша великодушно приняла его извинения и уже собиралась дать знак музыкантам, когда вдруг произошло нечто непредвиденное.

В одном из задних рядов поднялась мальчишеская фигура в классическом черном костюме. Публика не сразу узнала в ней Лисбет Саландер. Ее волосы топорщились в разные стороны – неудивительно, что в тот день она забыла позаботиться о прическе.

Лисбет пошла вперед. В каждом ее движении чувствовалась

непоколебимая решимость, даже агрессия, странным образом сочетавшаяся со скрытым смущением. У алтаря она опустилась на пол, будто думая о чем-то своем, и уставилась в дальний конец зала.

– Вы хотели что-то сказать? – спросила пасторша. Лисбет кивнула. – Прошу. Вы, кажется, были близки Хольгеру.

– Я была близка Хольгеру, – механически повторила Саландер.

После чего повисла пауза, настолько продолжительная, что люди в зале начали громко перешептываться. Лисбет неподвижно сидела на полу – не то обозленная до крайности, не то убитая горем. Трудно было истолковать ее позу.

Когда же она наконец заговорила, ее слова почти не доходили до публики. Саландер не трудилась напрягать голос, как будто разговаривала сама с собой.

– Громче! – крикнул кто-то.

Она непонимающе оглядела зал.

– Хольгер был... нытик, – начала Лисбет, – и ужасный зануда. Ему было плевать, что у людей своя жизнь и что чужие проблемы им до лампочки. Он не сдавался, пер напролом. И, конечно, нарывался на неприятности. Он верил в людей, старый дурак, и это главное, в чем мы с ним расходились. При этом он страшно много думал о себе, поэтому предпочитал работать в одиночку. Неудивительно, что в конце концов они до него добрались... – Лисбет прикрыла глаза. – Они убили прикованного к постели старика, вот что не укладывается у меня в голове. И потом, я и Хольгер...

Она замолчала, так и не закончив фразы, и отвернулась куда-то в сторону. А потом выпрямилась и снова повернулась к залу:

– В последний раз мы с ним говорили об этой скульптуре, – она махнула рукой в сторону святого Георгия. – Хольгер спросил, что меня в ней так восхищает. И я ответила, что никогда не смотрела на нее как на памятник какому-то воинскому подвигу. Я видела только Дракона, на которого напали. Тогда Хольгер сказал, что понимает меня, и спросил насчет пламени, которое изрыгает Дракон. И я ответила, что это тот самый огонь, который горит в груди всех несправедливо обиженных. Он может превратить каждого из нас в кучку пепла, но может и придать силы для ответного удара. Здесь я имела в виду в первую очередь тех, кому повезло, как мне, кому посчастливилось общаться с Хольгером, беседовать с ним и играть в шахматы... Хольгер верил, что еще можно подняться, даже с копьем в спине. Именно поэтому он и был таким нытиком и занудой.

Лисбет замолчала. Потом повернулась к гробу, отвесила неловкий

поклон и пробормотала что-то вроде «прости» и «спасибо». Блумквист улыбнулся, поймав ее взгляд. Улыбнулась ли она в ответ, сказать трудно, потому что в этот момент публика в церкви разволновалась. Пасторше стоило труда навести порядок перед выносом гроба.

В суматохе никто не заметил, как Лисбет Саландер, пройдя между рядами кресел, исчезла в дверях и направилась к воротам, выходившим на площадь и дальше, – к переулкам Гамла Стана.

Авторская благодарность

От всего сердца благодарю своего агента Магдалену Хедлунд и издателей Эве Йедин и Сусанну Романус. Огромное спасибо и моему редактору Ингемару Карлссону, а также Эрланду и Иоакиму Ларссонам – отцу и брату Стига Ларссона.

Выражаю признательность моим друзьям Юхану и Йессике Нурбергам, а также Дэвиду Джейкоби – специалисту по безопасности из «Лаборатории Касперского».

Также благодарю своих английских издателей Кристофера Маклехоуса и Джесику Баб Бонд из «Хедлунд эдженси», Нэнси Педерсон, профессора генетической эпидемиологии Шведского реестра близнецов, и Ульрику Блумгрэн – инспектора криминальной полиции в колонии «Халлан».

Моя признательность Светлане Байялике Лагеркрантц, ведущему врачу и доценту Каролинской университетской больницы; а также Хедвиг Чьелльстрём, профессору информатики Высшей королевской технической школы; заместителю директора Стокгольмского городского архива Агнете Гешвинд; вице-президенту компании «Свенск Фёршекринг» Матсу Гальвениусу; а также моему соседу Иоахиму Холльману; Данике Крагич Йенсфельт – профессору информатики Высшей королевской технической школы; Линде Альтров Берг и Катарине Мёрк из «Норстедтс Эдженси».

И, разумеется, моей дорогой Анне.

notes

Примечания

Имеется в виду деревянная скульптура, предположительно вырезанная мастером Б. Нотке по заказу регента Стена Стуре-старшего (1440–1503) в честь победы над датчанами в битве при Брункеберге (1471).

Сокращенное обозначение системы исправительных учреждений в Швеции (от шв. Kriminalvård).

Имеется в виду Бенито Муссолини (1883–1945) – лидер Национальной фашистской партии и премьер-министр Италии в 1922–1943 гг.

Крис, или керис, – национальный яванский кинжал с характерной асимметричной формой клинка.

Сикла – район в Стокгольме.

6

Соединение с базой данных... поиск... ответ (*англ.*).

Обход системы безопасности (*англ.*).

СЭПО (шв. SÄPO, аббревиатура от Säkerhetspolisen) – Служба государственной безопасности Швеции, самостоятельное подразделение Главного полицейского управления Швеции (Rikspolisstyrelsen), в задачи которого входит раскрытие и предотвращение преступлений против государственной безопасности.

АНБ – Агентство национальной безопасности США.

Питер Мэй (р. 1951) – шотландский писатель, автор популярных детективов и триллеров.

Единый центр регистрации ценных бумаг (Värdepapperscentralen).

Район в западной части Стокгольма.

Мусульманский женский головной убор, закрывающий лицо.

Нильс Дардель (1888–1943) – шведский художник.

В 1943 г. в Швеции была проведена так называемая «инвентаризация цыган» («zigenarainventeringen»), позже признанная незаконной.

Гуннар Экелёф (1907–1968) – шведский поэт, эссеист, переводчик.

«Баллада для Аделины» – пьеса французских композиторов Поля де Сенневиля и Оливье Гуссена.

Район Стокгольма.

Джон Мейнард Кейнс (1883–1946) – английский экономист, один из основателей макроэкономики как самостоятельной науки.

«Вот идет покойница» (англ.).

Салафия – направление в суннитском исламе, призывающее в вопросах веры и образа жизни ориентироваться на ранние мусульманские общины.

Студия звукозаписи в Стокгольме.

Кит Джарретт (р. 1945) – выдающийся американский джазовый пианист и композитор.

Милтон Меzz-Меzzроу (1899–1972) – американский кларнетист и саксофонист, представитель чикагской школы традиционного джаза.

Охлаждающая шапка – головной убор, защищающий волосы при химиотерапии.

«Мукто-Мона» («Свободный разум») – сайт, основанный жившим в США блогером из Бангладеш Авиджитом Роем, авторы которого выступают с критикой фундаментализма. Авиджит Рой был убит в феврале 2015 г.

ПЕН-клуб (*англ.* PEN International) – международная правозащитная неправительственная организация, объединяющая профессиональных писателей, поэтов и журналистов, работающих в различных литературных жанрах.

Фатва (фетва) – решение по какому-либо общественному или политическому вопросу, выносимое на основании толкования шариата.

Элитизм – идеология, возникшая во многих странах Европы в начале XX в., развивающая идеи Н. Макиавелли об управлении государством. По ней, общество состоит из элиты, управляющей его деятельностью, и народа-«биомассы».

Джеймс Скотт «Джимми» Коннорс (р. 1952) – выдающийся американский теннисист, бывшая первая ракетка мира.

Намек на французского невролога Жоржа Жиля де ля Туретта (1859–1904), именем которого названо генетическое заболевание синдром Туретта.

Дэвид Нивен (1910–1983) – британский киноактер, много лет проработавший в Голливуде и специализировавшийся на ролях аристократов.

Марка гитар, названная по имени известного гитарного мастера Х. Рамиреса (1858–1923).

«Воспоминания об Альгамбре» – произведение испанского гитариста Франсиско Тарреги (1852–1909).

Джанго Рейнхардт (Жан Ренарт) (1910–1953) – французский гитарист, основоположник течения «цыганский джаз».

Йозеф Менгеле (1911–1978) – немецкий врач, проводивший эксперименты над узниками лагеря в Освенциме (Аушвице) во время Второй мировой войны. Его жертвами стали десятки тысяч человек.

Популярная композиция американского музыканта В. Янга (1900–1956).

Не состоялось (*англ.*).

Известная песня американского композитора Дж. Керна (1885–1945).

Международный аэропорт близ Стокгольма.

Американский инвестиционный банк, основанный выходцами из Германии братьями Леманами в 1850 г. Обанкротился в 2008 г.

Фильм американского режиссера Э. Мингелла (1999).

Хамфри Богарт (1899–1957) и Лорен Бэколл (1924–2014) – американские актеры, муж и жена.

Принудительная (по большей части тайная) стерилизация цыган и представителей других кочевых народов проводилась в Швеции с конца 30-х до середины 50-х гг. XX в., якобы с целью избавления общества от наследственных и психических заболеваний. Об этом в 1977 г. в газете «Дагенс нюхетер» была опубликована статья М. Зарембы. По разным данным, жертвами этой «кампании» стали от 21 до 50 тыс. человек.

Брур Юрт (1894–1968) – шведский художник и скульптор.

Вильдвиттры – полуженщины-полуптицы, похожие на гарпий; известны по сказке А. Линдгрен «Рони – дочь разбойника».

Общество «после правды» (*англ.*).

«Сири» – персональный помощник и вопросно-ответная система, использующие обработку естественной речи, чтобы отвечать на вопросы и давать рекомендации. Программный клиент входит в мобильные операционные системы компании «Эппл».

«Искушение Янссона» – национальное шведское блюдо, картофельная запеканка.

Против всего мира (*лат.*).

«Моссак Фонсека» (Mossack Fonseca & Co.) – юридическая фирма со штаб-квартирой в Панаме и более чем 40 офисами по всему миру. По имеющимся сведениям, компания оказывает помощь иностранным гражданам в уклонении от уплаты налогов в их собственных странах и отмывании денег.

Ивар Крюгер (1880–1932) – шведский предприниматель, «спичечный король», контролировавший 75 % мирового производства спичек. Разорившись, покончил с собой во время Великой депрессии в номере парижской гостиницы.